РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

И.А. СОРОКИНА

ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ в 1946–2006 гг.

(по архивным материалам и публикациям)

Тула
2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ББК 63.4
С 65

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии Российской академии наук

Редактор: Н.П. Ефремова

Рецензенты:
д.и.н. Н.Я. Мерперт
к.и.н. С.В. Кузьминых

Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям)— Тула: Гриф и К, 2008 г.— 244 с., ил.

Монография посвящена анализу некоторых процессов и тенденций в российской полевой археологии в 1946–2006 гг. Дан краткий обзор нормативной и методической литературы, а также ряда архивных документов с середины XIX века. Впервые введен в научный оборот новый архивный источник — документация отдела полевых исследований Института археологии РАН.

Для археологов, историков, краеведов, специалистов
в области охраны культурного наследия.

Оформление карт: А.А. Сорокин.

Формат 60x90/8. Печ. л. 30,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 269. Тираж 300 экз.

ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

ISBN 978-5-8125-1123-4

© Институт археологии РАН, 2008
© Сорокина И.А., 2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

I. Введение 5

II. Обзор архивных материалов и литературы 11

III. Хронология полевых исследований послевоенного периода 22

ГЛАВА 1. Формирование требований к получению и представлению информации о памятнике археологии 27

1. Возникновение, структура и полномочия центральных государственных археологических учреждений 29
2. Регламентация полевых исследований и становление методических норм до 1917 года 31
3. Регламентация полевых исследований и становление методических норм в 1917– 1945 годах 45

ГЛАВА 2. Задачи, организация, нормативная и методическая базы полевых исследований в России в 1946–2006 годах 56

1. Проблемы полевой археологии на современном этапе 56
2. Методические и нормативные документы послевоенного периода 62

ГЛАВА 3. Информационные системы по памятникам археологии и полевым исследованиям . . 69

1. Первые этапы учета данных и создания информационных систем по памятникам археологии 69
2. Информационные системы в отделе полевых исследований ИА РАН 72
3. Принципы заполнения информационной системы «@Археология» 78

ГЛАВА 4. Полевые исследования в 1946–2006 гг. по данным статистического анализа 82

1. Открытые листы и отчеты 83
2. Организации и специалисты 86
3. Формы открытых листов 88
4. Виды полевых работ 90
5. Распределение открытых листов по категориям организаций 93
6. Географические показатели 97
7. Охранная полевая археология 112

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 5. Структура и динамика развития полевой археологии по хронологическим периодам 120

1. Полевая археология в 1946–1953 годах 123
2. Полевая археология в 1954–1964 годах 132
3. Полевая археология в 1965–1984 годах 141
4. Полевая археология в 1985–1991 годах 153
5. Полевая археология в 1992–2006 годах 162

Заключение 174

Архивные материалы 177

Литература 179

Список сокращений 190

Иллюстрации 192

Карты 230

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

I

Введение

Полевая археология всегда являлась основанием археологии как науки, так как раскопки и разведки – единственные способы обеспечения ее источниковедческой базой. Как бы ни были интересны и значимы кабинетные исследования, они не могут реализоваться без накопления фактического материала: информации об археологических памятниках с присущей им спецификой и археологических коллекций, происходящих с этих памятников. В настоящее время полевая археология приобретает все большее значение. С одной стороны, общество испытывает возрастающий интерес к истокам, познанию изначальной картины бытия предков. С другой стороны, в условиях роста экономической активности, капитализации и коммерциализации жизни именно эти истоки, негласные свидетельства прошлого, уничтожаются с катастрофической скоростью в угоду другим потребностям – максимальной эксплуатации земных ресурсов для извлечения прибыли или переустройства жизни по современным стандартам.

Полевая археология в современных условиях – это не только средство пополнения источниковедческой базы, но и механизм спасения этой самой базы от уничтожения. Она непосредственно связана с нормами землепользования и постоянно расширяющейся хозяйственной деятельностью: прокладкой трубопроводов и коммуникаций, транспортных магистралей, реконструкцией городов, частной застройкой и т. д. Это определяет масштабы и сроки исследований, ставит новые задачи в отношении качества и информативности, способствует развитию методологии. Так, если традиционно полевой сезон начинался в мае-июне и заканчивался к октябрю, то теперь, особенно в южных регионах, он длится в течение всего года: заявки на проведение исследований поступают все время, работы иногда вынужденно проводятся и под снегом. Ранее преобладали маршрутные разведки, целью которых чаще всего был поиск памятников определенных эпох или типов. Работа же по землеотводам под строительство требует тщательных сплошных разведок, точных привязок, инструментальной (а не глазомерной) съемки памятников. Внедряются новые технологии, например, географические привязки с использованием спутниковой навигации (GPS). Традицией стало привлечение специалистов разных научных областей (почвоведов, палеоботаников, антропологов, остеологов и т. д.), что очень существенно повышает информативность результатов археологических раскопок и разведок.

Изменились и источники финансирования: бюджетное финансирование археологических работ, прежде весьма значимое, почти прекратилось. В качестве такового остались средства, выделяемые на практику студентов в вузах, на целевые программы (из федерального и региональных бюджетов), на финансирование проектов, поддержанных фондами (РГНФ и РФФИ), и некоторые другие. Основным источником финансирования полевых работ являются хоздоговора с субъектами экономической деятельности и частное инвестирование. Где возможно, привлекаются также иностранные инвесторы, заинтересованные в российских археологических материалах.

К сожалению, существует реальная угроза потери археологических памятников, составляющих немалую часть общенационального достояния народов России. Памятники разрушаются в результате как природного, так и антропогенного воздействия. Первое также отчасти связано с человеческой деятельностью (например, вмешательство в водные системы, нарушение состава почв и т. д.), второе приобретает все больший размах в связи с изменением земельных отношений в России и переходом к рыночной экономике. Введение частной собственности на землю без соответствующего законодательного обеспече-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ния в области охраны, использования и исследования культурного наследия (включая разработку механизма реализации этого законодательства и системы контроля за его исполнением) может привести к катастрофе. В связи с этим в наши дни перед государством и научным сообществом стоит задача – сохранить имеющиеся памятники археологии и не допустить их разрушения в дальнейшем, то есть создать действенную систему их учета, охраны и исследования. И здесь огромную роль играет полевая археология, совокупность методов, позволяющих получить наиболее полную и качественную информацию о памятниках, а в конечном итоге – об историческом прошлом народов Российской Федерации.

Структура и динамика полевых археологических исследований напрямую зависит от общей экономической ситуации в стране. Представляется, что в настоящий момент имеются определенные перспективы для их развития, наблюдается увеличение спроса на археологические работы в связи с оживлением строительной активности после кризисных 1990-х гг. Правда, это оживление имеет и обратную сторону: темпы роста археологических исследований не в состоянии сравняться с темпами строительства и, соответственно, уничтожения памятников. Все же этот рост, количественный и качественный, происходит. Об этом свидетельствует ежегодное увеличение количества заявок на открытые листы и количества отчетов о проведенных работах, поступающих в отдел полевых исследований. Результатом этих работ постоянно становятся не только чисто научные исследования, но и мероприятия, направленные на охрану археологических памятников (мониторинг их состояния, определение охранных зон, выявление ущерба и прочие).

Охранные работы, обозначившиеся как направление российской полевой археологии еще в 1930-х гг. в связи с развертыванием крупных строек (Краснов, 1980, с. 59–60; Мунчаев, 2004, с. 4–6; Смирнов А.С., 2004, с. 10–14), к настоящему времени являются не только основным средством пополнения источниковедческой базы археологии в целом. Это и действенная система мер, направленная как на сохранение самих памятников, так и на получение качественной и всеобъемлющей информации о прошлом народов Российской Федерации. Вполне оправданно говорить о развитии «теории охранной деятельности» (Смирнов А.С., Энговатова, 2004, с. 27).

Важнейшим событием, существенно повлиявшим на развитие полевой археологии, стало принятие в 2002 г. Федерального Закона № 73 «Об охране объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Памятники археологии полностью перешли в разряд федеральных. С одной стороны, это как бы повысило их статус, с другой – создало трудности при определении ответственности за них в системе государственной охраны памятников. Эти трудности осложнились административными реформами центрального и регионального управления в области культуры. В 2003 г. была создана Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, имеющая региональные отделения. Это событие несколько компенсирует наметившийся в 1990-х гг. разброд в структуре органов охраны и бесконтрольность со стороны государства. В СССР региональные органы охраны входили в структуру местной власти, осуществлялось методическое руководство и контроль со стороны Министерства культуры РСФСР. Необходим, однако, и следующий шаг: принятие на государственном уровне подзаконных актов, обеспечивающих выполнение Закона. Эти акты в части регламентации работ на археологических памятниках непосредственно влияют на полевую археологию: на ее правовое обеспечение (открытые листы), состав работ (например, по историко-культурной экспертизе и т. д.).

Безусловно, положительным моментом явилось прописывание в ст. 40 и 45 Закона приоритета сохранения археологического памятника и признание раскопок формой охранных мероприятий, допустимой только в крайнем случае (ст. 40, п. 2). Это согласуется с международными тенденциями, провозглашенными в Хартии по охране и использованию археологического наследия, принятой в октябре 1990 г. IX Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Лозанне (Хартия, 1991, с. 293–296), и Европейской конвенции об охране археологического наследия, принятой 16.01.1992 г. на Мальте (Сборник, 2001,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 90–101). Конвенция, к сожалению, Россией до сих пор не ратифицирована.

За последние 60 лет существенно изменилась и структура организаций археологического профиля, ведущих полевые исследования. По действующему законодательству, ответственность за охрану памятников возложена на специализированные органы — на Федеральную службу (в настоящее время это Россвязьохранкультура) и на организации в системе региональных административных структур. Именно им предоставлено исключительное право согласования земельных отводов под строительство. Еще с конца 1980-х гг. во многих субъектах РФ появились мощные охранные службы, ведущие учет памятников археологии (подготовка к ведению предусмотренного Законом единого государственного реестра), своевременно отслеживающие возможные разрушения, активно использующие федеральное и региональное законодательство. В качестве примера можно привести Краснодарский край; Ханты-Мансийский АО; Тверскую, Иркутскую, Воронежскую, Псковскую, Нижегородскую области и т. д. Отрадно признать, что к этим процессам подключаются и организации археологического профиля других категорий: музеи, вузы (соответствующие кафедры и лаборатории), региональные научно-исследовательские учреждения. Появились также компетентные самостоятельные государственные (ГУП «Наследие», Ставропольский край; «Наследие Кубани», Краснодарский край и др.) и негосударственные предприятия (например, ТНИИР-Центр, НПО «Наследие Дона»), ведущие широкомасштабные полевые работы, обеспечивающие должный уровень исследования памятников и представления результатов.

Ставится и реализуется задача всестороннего подхода к определению ущерба, наносимого археологическим памятникам в результате строительных и иных работ, проведенных без соблюдения охранного законодательства. Результатом этого явилась выполненная в 2000 г. в отделе охранных раскопок ИА РАН по договору с РНИИКиПН и профинансированная Министерством культуры РФ работа по определению методики оценки ущерба археологическим памятникам (Афанасьев, Веденин, Гусев, Загорулько, Смирнов А.С., Сорокина, Шульгин, 2001, с. 58–60). Дела об ущербе теперь передаются в арбитражный суд, есть прецеденты выигранных исков (Смирнов А.С., Энговатова, 2004, с. 45, 46). Вместе с тем, даже при хорошо налаженных охранных мероприятиях натиск негативных факторов сдерживается с огромным трудом, а в тех регионах, где служба охраны памятников имеет слабые позиции, он не сдерживается вовсе. Об этом свидетельствуют многочисленные факты разрушения археологических памятников как в результате хозяйственной деятельности, так и при грабительских раскопках.

Охранные археологические мероприятия, помимо административных действий (постановка на государственную охрану, фиксация охранных зон, наложение обременений на землепользователей и т. д.) включают полевые исследования (раскопки, разведки, археологический надзор). Интересно проследить, как развивалось данное направление в послевоенные десятилетия. Необходимо это также и потому, что в связи с малочисленностью археологов в ряде регионов, их недостаточной активностью, плохо организованной информацией как об их деятельности, так и о применении административных мер и пресечении варварского разрушения памятников археологии, у органов власти и общественности создается представление о безнаказанности и безнадежности ситуации.

Все сказанное и определяет направление данной работы: изучение структуры, динамики развития и основных характеристик полевой археологии в России за последние 60 лет. Интерес к теме вызван и тем, что с 1993 г. автор является членом научного экспертного совета по полевым исследованиям при отделе полевых исследований ИА РАН и непосредственно участвует в процессе регламентации полевых археологических исследований, наблюдая многие как позитивные, так и негативные явления. Кроме того, будучи также членом секции «Археология» Федерального научно-методического Совета при Министерстве культуры РФ (ФНМС), автор в качестве эксперта неоднократно выезжал в регионы на места полевых работ в составе специализированных комиссий.

Актуальность темы заключается также и в том, что полевую археологию традиционно оце-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нивали в основном с точки зрения достижений: кто, что, когда и где открыл. Все эти открытия зависят от примененной методики, организации работ и самого статуса полевой археологии, но эта сторона часто упускается историками нашей науки. Достаточно сказать, что в великолепном труде Г.С. Лебедева «История отечественной археологии» (Лебедев, 1992) не упоминаются работы крупнейших археологов XIX – начала XX вв. Д.Я. Самоквасова, Н.И. Веселовского, А.А. Спицына и В.А. Городцова в области регламентации полевых исследований и создания их научной методики, хотя приводится подробный разбор их публикаций по другим направлениям археологии. Принципы регламентации и методических требований к производству полевых работ и представлению информации о них не обсуждаются и в иных обобщающих трудах по истории археологии (Генинг, 1982б; Клейн, 1993; Матющенко, 2001; Прягин, 1986; Формозов, 2004). Мы ни в коем случае не упрекаем уважаемых исследователей – просто у них была другая задача. Мы же поставили своей целью рассмотреть именно процессы, связанные с организацией полевой археологии как области научной деятельности, и в связи с этим – некоторые актуальные проблемы, многое объясняющие в ее нынешнем состоянии.

На основе статистического анализа данных по учету полевых работ, ведущемуся в отделе полевых исследований (далее ОПИ) ИА с 1946 г., делается попытка обозначить ряд выводов по структуре и динамике полевых изысканий и выявить тенденции, имеющиеся в развитии полевой археологии на современном этапе. В оборот вводятся принципиально новые источники, практически никогда не использовавшиеся, за исключением кратких отчетов о деятельности ОПИ. Это рукописные материалы: картотеки исследователей, когда-либо получавших открытые листы (в дальнейшем ОЛ – написание с большой или с маленькой буквы варьировалось с течением времени), и организаций, проводивших полевые археологические работы, книги учета выдачи ОЛ и представленных по ним научных отчетов, протоколы заседаний ОПИ и другая документация, фиксирующая состояние полевой археологии с 1946 г. по настоящее время. Огромная роль в обеспечении полноты содержащейся в этих источниках информации принадлежит Нине Константиновне Лисицыной (1921–2002), которая, будучи ученым секретарем сначала Комитета, потом отдела полевых исследований ИА, почти на протяжении полувека (с 1949 г.) вела книги учета и картотеки и заложила принципы ведения документации ОПИ.

Такой огромный массив информации обработать по-настоящему полно и по многим признакам можно только с помощью мощной информационно-поисковой системы (ИПС). Она же необходима и для практического обеспечения документооборота ОПИ, поскольку объем его ежегодно возрастает. Отвечающая необходимым требованиям система «@Археология» и была создана в процессе сотрудничества автора с коллективом программистов ООО «Инфор Текнолоджи». Разработка и налаживание суперсовременной информационной системы такого класса одному специалисту даже при хорошей программной поддержке не под силу. Для создания программного обеспечения и ввода основного массива информации (свыше 72000 записей) «Инфор Текнолоджи» привлекло спонсорские средства. В настоящий момент система работает в тестовом режиме в ОПИ.

Личный вклад автора в достижение представленного ниже результата состоит в следующем: участие в разработке идеологии и структуры информационных систем, с помощью которых ведет практическую работу ОПИ (последовательно АИС «BASE-INFO» и «@Археология»); сплошная проверка записей; дополнение данных по всем блокам информации за все годы; сверка данных по разным источникам (учетные книги, картотеки, биографические и иные справочники, научные отчеты, публикации и т. д.); полная статистическая обработка данных (статистический анализ) и интерпретация результатов. Описанию системы ниже будет посвящен специальный раздел.

Часть работы по научному обеспечению и идеологии явилась итогом выполнения плановых тем и руководства проектами по грантам РГНФ (последние – с 1999 по 2004 г.). Участниками проектов неизменно были сотрудницы ОПИ С.В. Меснянкина и С.В. Лазарева, вносящие неоценимый вклад в тестирование и заполнение информационной системы, творчески подходя-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щие к ее использованию, способствующие ее совершенствованию и развитию. Мы глубоко признательны им за кропотливый труд, так как эти усилия в немалой степени способствовали и данной работе, и обеспечению регламентации полевых исследований в целом.

Огромная роль в достижении имеющего сейчас место полного перевода работы ОПИ на современные компьютерные методы принадлежит светлой памяти заведующему отделом (с 1988 по 2004 г.), академику РАН Валентину Васильевичу Седову (1924–2004). Будучи в своей научной деятельности далек от информатизации, он, прекрасно понимая ее необходимость для практической работы отдела, полностью поддержал идею и практику создания информационной системы, внес творческий вклад в разработку ее идеологии. В.В. Седов не только постоянно следил за содержанием и развитием возможностей системы, вносил дополнения и высказывал пожелания, но и сам составил включенные в систему словари по некоторым разделам. Создание условий для автоматизации работы ОПИ и личное участие в этом процессе – бесспорная заслуга В.В. Седова как администратора. Это мало кому известная, но немаловажная часть его многогранной научной деятельности.

Необходимо также с благодарностью отметить участие в информатизации ОПИ заведующего редакцией ежегодника «Археологические открытия» (АО) Н.В. Лопатина. Значительная часть имеющейся в ОПИ информации используется в процессе издания ежегодника. Н.В. Лопатин и А.Н. Хмелевский разработали первую информационную систему «Полисс», на основе которой был начат ввод данных из архива ОПИ (Лопатин, Хмелевский, 1998). Далее в плодотворном сотрудничестве происходил переход к следующим ступеням информатизации ОПИ. В настоящее время в системе «@Археология» работает блок «Археологические открытия», установленный в редакции ежегодника.

Таким образом, достижение результата в немалой степени явилось возможным благодаря коллективным трудам и советам программистов и коллег-археологов. Некоторых из них, к сожалению, уже нет с нами. Всем им мы глубоко признательны за сотрудничество, консультации, советы, внимание и поддержку. Помимо перечисленных это академик РАН Т.И. Алексеева (1928–2007), Х.А. Амирханов, М.В. Андреева, И.А. Аржанцева, Г.Е. Афанасьев, Н.О. Бадер, Д.В. Борзяев, Ст.А. Васильев, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Э.Д. Зиливинская, Л.М. Казакова, И.С. Каменецкий, А.В. Кашкин, В.Б. Ковалевская, Д.С. Коробов, А.Н. Коровин, С.В. Кузьминых, Н.А. Лазаревская, А.А. Масленников, Н.Я. Мерперт, Т.Н. Мишина, О.Б. Наумова, А.С. Смирнов, И.В. Тункина, А.Н. Хмелевский, Б.Е. Янишевский, а также Г.В. Длужневская, Н.А. Белова и Т.П. Иванова (архив ИИМК РАН).

Прежде чем приступить к аналитической части, отметим, что рассматриваемые здесь аспекты проблем нами сознательно ограничены, поскольку некоторые из них могут составлять темы отдельных больших исследований и рассмотрение их для данной работы неизбежно было бы поверхностным. Многие проблемы требуют своего информационного блока и проработки, а на данном этапе информация введена в систему «@Археология» еще не по всем показателям и, тем более, обработана на должном уровне.

Мы минимально касаемся технологии полевых работ (практические методы раскопок и разведок), анализа их качества и продуктивности. Речь пойдет только об общих этапах их внедрения, определяющих возможности извлечения информации из археологического источника на стадии полевых исследований. Особая тема и развитие охранной археологии. В данном случае рассматриваются только вопросы ее регламентации в рамках общих установленных норм и правил и основные тенденции ее развития. Государственные мероприятия по охране археологического наследия (прежде всего, законодательные акты) привлекаются только в связи с их влиянием на полевую археологию. То же касается и международных документов.

Не ставилась и задача оценки качества работы конкретных научных школ или отдельных исследователей как прошлых времен, так и современных. Такой анализ мог бы быть полезен для выявления лучших из них, обмена положительным опытом, устранения пробелов в подготовке специалистов, отказа от не оправдавших себя полевых методик. По соображениям этики подобная работа требует особенно тщательного и доказа-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тельного разбора результатов полевых работ. Нас же на данном этапе интересует сам процесс становления региональных школ, направления их полевой деятельности в разное время, их основной вклад в изучение археологических памятников на разных территориях. При этом, разумеется, мы считаем необходимым отметить и личный вклад многих российских археологов в дело становления современной организации полевой археологии, хотя даже и упомянуть всех их невозможно.

Необходимо также оговорить еще одно обстоятельство: поскольку данное исследование посвящено общим явлениям в полевой археологии – процессу становления системы регламентации и тенденциям в развитии этой части науки, речь не может идти об отдельных ее направлениях по географии или тематике. Мы не рассматриваем отдельно, например, классическую или славянскую полевую археологию или, скажем, полевые работы в степях или лесной зоне, на Дальнем Востоке или в центральной части России. Конечно, все эти исследования специфичны, так как связаны с памятниками разных типов. Это и определяет разнообразие полевых методик. Но главное то, что правила и нормы организации полевых работ (те же ОЛ и принципы научной отчетности), подход к сохранению или самого памятника, или информации о нем едины для любых полевых исследований. Это прописано и в современном законодательстве, и в различных инструкциях и постановлениях, начиная с XIX в. Также едина и ответственность исследователя за судьбу памятника как части культурного наследия.

Чтобы понять, откуда взялись современные нормы регламентации, необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть процесс их становления и формирования менталитета профессионала-археолога. Это достаточно четко прослеживается по архивным документам и публикациям с 1840-х гг. Разумеется, множество описаний памятников, упоминаний о сборах археологического материала, о раскопках и даже о составлении методических инструкций было известно и ранее, но система **государственного подхода к археологии** в России начала выстраиваться именно с этого времени.

Итак, признавая сложность и многогранность задач, не претендуя в связи с этим на исчерпывающее решение многих из них, попробуем обозначить некоторые аспекты современного состояния полевой археологии. В то же время выполняется задача первого общего представления информационной системы «@Археология» как инструмента исследования и некоторых, опять же наиболее общих, результатов самого исследования.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

II

Обзор архивных материалов и литературы

Основные источники, использованные в работе — учетные и иные документы, хранящиеся в ОПИ. Это как архивная, так и текущая документация. Она содержит данные о полевых работах, проводимых на всей территории России с 1946 г. Информация о довоенном периоде и еще более ранних этапах полевых изысканий находится в Рукописном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. Еще раз отметим, что в данном исследовании эта документация впервые вводится в научный оборот как исторический источник. Впервые сделан разносторонний анализ такого большого массива содержащейся в ней информации.

Источники ОПИ можно разделить на несколько групп. К первой относятся рукописные книги регистрации выдачи ОЛ и представленных по ним научных отчетов. Вторая группа — опять же рукописные картотеки исследователей-археологов, проводивших полевые работы на территории России, и учреждений, подававших заявки на ОЛ. Третья группа — сами заявки на проведение работ и иная переписка по их организации. Четвертая — заключения по научным отчетам и протоколы заседаний ОПИ, содержащие оценки полевой деятельности и принимаемые по ним решения. Все эти блоки позволяют создать комплексную картину полевой археологии послевоенного периода. Хотя данные в информационной системе есть по всем группам, в работе использованы первые две — книги и картотеки, поскольку они введены полностью, и анализ по ним можно считать статистически достоверным. Анализ остальных групп источников еще предстоит.

Документация ОПИ создавалась долгое время, к ней предъявлялись разные требования, информативность ее различна. Поэтому первым этапом явился общий просмотр источников и анализ их состояния. Подобная работа с этой документацией проведена впервые. Были уточнены многие данные, определились списки признаков для последующего использования в информационной системе. Положительный эффект такого анализа состоял в определении новых требований к ведению документации ОПИ к 2000 г., когда началось ведение документооборота с помощью компьютера, для получения более полной и, главное, четко структурированной и упорядоченной информации.

Объем информационного массива огромен. Достаточно сказать, что только в 1996 — 1999 гг. ОПИ ежегодно рассматривал не менее 900 заявок ежегодно, выдавал в среднем около 800 ОЛ и рецензировал примерно по 600 отчетов в год. После 2000 г. этот объем значительно возрос. Если в 1946 г. было выдано на всю Россию всего 79 ОЛ, то в 2006 г.— 1404 ОЛ, поступило 1076 научных отчетов — рекордное количество за все время существования полевой археологии в России. С 1949 по 1994 г. ученым секретарем ОПИ была Н.К. Лисицына. Ее роль трудно переоценить: в течение 45 лет дела ОПИ велись исключительно тщательно. К счастью, в дальнейшем эта традиция сохранилась. Все записи в книгах регистрации ОЛ и отчетов единообразны (с учетом, конечно, общих тенденций к изменению стандартов).

Уже с 1946 г. в книгах регистрации были заданы определенные характеристики: № ОЛ; фамилия, имя, отчество исследователя; вид работ (раскопки, разведки); название организации, запросившей ОЛ; содержание работ (собственно, текст ОЛ); дата отправления ОЛ по почте или дата получения ОЛ в ОПИ (расписка получателя). При этом делались пояснения. Например, фиксировались разведки без права вскрытия культурного слоя, то есть уже тогда различались будущие формы ОЛ 2 и 3. В дальнейшем постоянно вводились уточнения. Так, с 1949 г. в книгах дополнительно к записям о видах работ появляются записи ОЛ с указанием привычных теперь форм 1–3, хотя в «Инструкции», принятой в 1949 г., ОЛ по-прежнему подразделяются лишь

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

по видам работ (Инструкция, 1949, § 3), с комментариями при необходимости. В 1958 г. во вновь принятой «Инструкции» (Инструкция, 1958, п. 3) в связи с расширением работ на новостройках добавляется новый вид работ – «обследование археологических памятников, обнаруживаемых при земляных работах». В книгах это отражается как запись формы 4. Там же появляется понятие – «форма ОЛ», дополнительно к виду работ, хотя в книгах именно формы ОЛ записываются уже давно.

Еще одно значительное уточнение связано с географией. С 1946 г. из-за нехватки специалистов ОЛ часто выдавались на значительные территории без указания конкретного места проведения работ, хотя множество записей и содержит указание на конкретный памятник. С 1958 г. стали обязательно вписывать названия памятников и указывать определенные административные единицы, в которых проводятся исследования. Это также было связано с требованиями новой «Инструкции». В 1970-е гг. работы на новостройках – доминанта всех полевых работ в стране. В книгах регистрации ОЛ начинается, хотя и с пробелами, фиксация вида новостроек (ГЭС, дороги и т. д.). Их можно привязать к конкретным объектам, определить их специфику. В настоящем исследовании эти данные использованы с дополнением из публикаций (гл. 4, разд. 7). С 1984 г. ведется запись о получении ОЛ в первый раз – отмечается это не в книге (так стали делать с 1995 г.), а в отдельном списке. В 1980-х гг. появляются списки (на отдельных листах) регионов, получивших ОЛ в данном году. Подсчет ОЛ на каждый регион (с указанием № ОЛ) ведется с 1994 г. До 1995 г. ОЛ по форме 4 обозначаются как «охранное обследование и раскопки», с 1995 по 1999 г.– как «раскопки». С 2000 г. все записи ведутся с помощью компьютера, так же формируются и распечатываются книги регистрации. Пишется опять «охранное обследование и раскопки», хотя это не совсем точно, поскольку уже произошло разделение: ОЛ по форме 4 выдается только на раскопки, а форма 2 – на обследование, в том числе и на надзор.

Несмотря на кажущуюся однообразность и краткость записей, книги регистрации и картотеки дают массу информации как прямой (хотя бы содержание ОЛ), так и косвенной. Например, можно сделать выводы о характере и географии исследований, определить охранный статус работ и их вид (строительство разных объектов), выявить состав организаций, запрашивающих ОЛ, приоритеты в проведении определенного вида работ, становление современного стандарта регламентации, научные интересы, послужной список исследователей и многое другое.

Не все интересующие нас поля в информационной системе оказалось возможным заполнить только на основании документации ОПИ. Данных не хватает. Так, до середины 1980-х гг. далеко не всегда отмечался охранный характер работ. С одной стороны, это обозначалось самим фактом выдачи ОЛ по форме 4 (охранной). С другой стороны, как будет показано ниже, исследователи с именем и стажем по-прежнему получали ОЛ формы 1 – как на чисто научные исследования. Форма ОЛ была вопросом престижа. При этом и в том и в другом случае часто не указывалось, зачем проводятся работы (строящийся объект). Между тем, это важно, так как характеризует государственные программы экономического развития в разные годы (строительство ГЭС, оросительных систем, нефтепроводов и иных объектов).

Для ликвидации информационного пробела пришлось использовать дополнительные источники – публикации. Конечно, основная информация содержится в отчетах, находящихся в научно-отраслевом архиве ИА РАН, но их около 25000, пересмотреть все в обозримое время практически нереально. В дальнейшем, мы надеемся, такая работа произойдет, возможно, параллельно с созданием предусмотренного законодательством единого государственного реестра. Но на это понадобятся силы многих исследователей. Пока же в качестве источников по охранному характеру полевых работ были использованы публикации, которые обычно относятся не к источникам, а к литературе. Особенно это актуально для времени до 1980-х гг., после в книгах регистрации ОЛ записи становятся более конкретными.

Некоторые данные об экспедициях как сотрудников ИА и ИИМК, так и региональных археологов содержатся в обзорах ОПИ (Лисицына, 1951, 1952, 1953, 1955, 1956а,б, 1957, 1958а,б, 1959а,б, 1960, 1961, 1962а,б, 1965, 1970, 1972;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Шелов, 1947, 1949, 1950, 1951, 1953б). Значительную пользу принесло внимательное изучение всех выпусков «Археологических открытий» (АО 1965–1986 гг.; 1993–2005 гг.). Значение этого издания огромно. С началом его выхода археологи впервые смогли сами оценить масштабность своих работ и получить текущую информацию об открытиях и достижениях. К сожалению, заметки очень различаются по информативности. Далеко не все авторы представляют материалы, что, конечно, обедняет издание. После ВОВ возобновились пленумы по итогам полевых исследований прошедшего сезона. Материалы публиковались тезисно в специальных сборниках, но, несмотря на краткость, в некоторых содержатся важные для нашей темы сведения.

Многое удалось почерпнуть из обзоров работ экспедиций в разных изданиях (Александрова, 1989, 1993; Алексеева, 1986, 2004; Афанасьев, Александрова, 1986; Бадер, 1953, 1956, 1960,а,б, 1961, 1972а,б; Бадер, Оборин, 1960; Бестужев, Избицер, Трифонов, 1985; Воронин К.В., 2004; Галкин, 2004; Гей, Каменецкий, 1986; Гей, 2004; Грач, 1969; Грязнов, 1965, 1966; Дэвлет, 1969; Казакова, Кияшко, 1985; Капошина, 1961, 1963; Кольцов, Жилин, 1989; Кореневский, Петренко, Романовская, 1986; Кореневский, 2004; Краснов, 1980; Крупнов, 1954; Куликова, 1985; Леонтьев, Сидоров, Исланова, 1986; Лебедев, 1995; Лисицын, 1989; Мерперт, Смирнов К.Ф., 1961; Мунчаев, Пятых, 2004; Нигматуллин, Смирнов А.С., 2004; Паромов, 2004; Рабинович, 1951; Савинов, 1985; Самойлович, 2004; Седов, Белецкий, 1986; Синицын, 1953, 1954; Смирнов А.П., 1952–1954; Смирнов А.С., 1986, 2004; Смирнов А.С, Сорокин, 1989; Смирнова, 2004; Федоров-Давыдов, 1977; Цуцкин, 1985; Энговатова, Сидоров, 2004 и др.). Здесь перечислены только основные работы, давшие значительные блоки информации — в основном итоговые обзоры исследований крупных экспедиций. Принцип отбора — не публикация добытого археологического материала, а освещение организационных моментов, позволяющих соотнести охранные работы с определенными исследователями и с ОЛ.

Еще многое собиралось по крупицам из разных источников, в том числе из воспоминаний сотрудников ИА, участников экспедиций тех лет. Возможности изучения литературы этого рода далеко не исчерпаны, но и уже сделанное дает возможность дополнить сведения в информационной системе и представить основные линии развития охранной археологии в послевоенный период. В качестве источника информации мы использовали и свой личный опыт, так как, работая с 1978 г. в отделе охранных раскопок ИА, нам приходилось постоянно сталкиваться именно с охранными работами разных экспедиций — как центральных, так и региональных учреждений, особенно юга России. Кроме того, приходилось рецензировать много научных отчетов, будучи членом научного экспертного совета по полевым исследованиям ИА РАН.

Очень полезные данные об экспедициях ГАИМК и ИА (включая ИИМК) с 1919 по 1956 г. содержатся в справочном издании «Археологические экспедиции ГАИМК-ИИМК», подготовленным сотрудниками ИИМК и ИА (АЭ, 1962). К сожалению, это единственное обобщающее издание, хотя потребность в справочниках подобного рода очень велика. В наше время информации так много, что вылавливать ее в разных изданиях уже невозможно, необходимы сводки. Продолжает эту традицию небольшая публикация Л.М. Казаковой (Казакова, 1995) и книга Н.К. Стефановой и В.А. Борзунова «Археология таежного Обь-Иртышья» (Стефанова, Борзунов, 2002). Подобное обобщение по экспедициям отдела охранных раскопок ИА проделали в свое время и мы (Сорокина, 2004б).

Для заполнения информационной системы и обеспечения достоверности последующего анализа потребовалась проверка многих данных, прежде всего — географических и биографических. Административно-территориальное деление СССР и РСФСР до 1957 г. неоднократно подвергалось изменениям. Позже менялись многие географические названия (возвращались исторические взамен переименований советской эпохи). В исходных документах же указывались те, которые были на момент их заполнения. Источниками информации послужили атласы советского и постсоветского времени (Атлас, 1954, 1999; Учебный атлас, 1980), справочник по АТЕ России (СССР, 1977), Советский энциклопедический словарь (1983), отдельные

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

статьи БСЭ. В данном случае важны именно советские издания, позволяющие найти названия до переименования или упразднения. Очень важную информацию о персоналиях дали биографические справочники: «Институт археологии: история и современность» (Институт, 2000а), «Институт археологии сегодня» (Институт, 2000б), «Археологи Волго-Уральского региона» (Археологи, 2002).

Данные по структуре учреждений РАН корректировались по справочнику (Российская..., 2007). Использован также справочник по структуре и названиям органов охраны памятников в России (Государственная..., 2002), изданный Министерством культуры РФ. Он также содержит материалы об учтенных объектах культурного наследия субъектов Федерации, в частности, их количество, а также сведения об основных учреждениях регионов.

Завершая тему работы с информационной системой, необходимо отметить использование литературы, посвященной как информационным системам общего характера, так и частного, то есть предназначенным для учета, хранения и анализа информации по памятникам археологии и полевым исследованиям. К настоящему времени существует огромное количество литературы по этому направлению, и касаться всех аспектов данной проблематики мы не будем — это отдельная область археологической науки. Все же некоторые работы весьма актуальны и для данной темы, так как ими заложен фундамент применения информационных систем к археологическому материалу. К таковым относятся в области теории «Анализ археологических источников» И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака, Я.А. Шера (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975), «Статистические методы в археологии» Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1987). В практической области следует назвать «Код для описания погребального обряда» И.С. Каменецкого (Каменецкий, 1983; 1986) и коллективную работу киевских археологов «ИПС — информационно-поисковая система по погребальным памятникам» (Бунатян, Генинг, Пустовалов, Рычков, 1989). В значительной степени на них базируется и коллективная разработка основы банка данных по материалам раскопок степных курганов ARL-TREE/TUMULUS, выполненная в ИА в 1980–1990-х гг. под руководством М.В. Андреевой и при нашем непосредственном участии (Andreeva, Dzhanikyan, Sorokina, 1996; Андреева, Сорокина, Джаникян, 1996; Сорокина, 1992). Это был этап, позволивший нам освоить принципы создания модели информационной системы и в дальнейшем работать в этом направлении.

Освоение археологами персональных компьютеров в 1980-е гг. открыло новую страницу в информатизации археологии. Разработки баз данных по археологическому материалу и публикацию их уже можно считать массовым явлением. Примером являются сборники отдела охранных раскопок ИА «Базы данных в археологии» (Базы, 1995) и «Компьютеры в археологии» (Компьютеры, 1996). В последнем сборнике, содержащем доклады на одноименной конференции в Москве (1993 г.), интересна статья Б.Е. Янишевского и Д.И. Киселева, представляющая первый опыт создания специализированной учетной базы по памятникам археологии (Янишевский, Киселев, 1996).

Следующим шагом в этом направлении явилась получившая хорошие отклики в археологической среде и практическое использование в регионах ИПС SITE, разработанная в середине 1990-х гг. в рамках федеральной программы «Сохранение культурного наследия народов России» творческим коллективом ИА и ГМИНВ (Афанасьев, Джаникян, Сорокина, Эрлих, 1998, 2001). Несколько позже возникла АИС BASE-INFO, предназначенная специально для работы ОПИ (Сорокина, Седов, Хмелевский, Джаникян, Меснянкина, 2001). Прототипом ее послужила система ПОЛИСС, разработанная ранее Н.В. Лопатиным и А.Н. Хмелевским (Лопатин, Хмелевский, 1998). В настоящее время имеется достаточно много разработок по описанию археологических памятников. Некоторые представляют для нашей темы непосредственный интерес (Васильев, 2005; Гусев, 2002; Перечень, 2001).

Огромное значение для нашей темы имеют архивные документы, отражающие процессы становления системы учета полевых работ в России и контроля за их производством с середины XIX в. Значительная их часть хранится в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Рукописном архиве ИИМК РАН (РА ИИМК). Это материалы о деятельности Министерства внутренних дел и Министерства Императорского двора по надзору за археологическими изысканиями в России; работа Комиссии для исследования древностей Л.А. Перовского, Строгановской комиссии, переписка ИАК и сменивших ее после февраля 1917 г. учреждений с различными ведомствами; записки членов ИАК по разным вопросам; постановления и иные документы о различных учреждениях археологического профиля; «Положения», «Инструкции» по проведению полевых работ и выдаче ОЛ и их проекты, а также множество других документов (Пескарева, Владимирова, 1980, с. 87, 88).

Некоторые документы особенно ярко характеризуют перипетии становления системы регламентации полевых исследований. Они составляют своего рода хронику этого процесса и отчасти становления охранной археологии в России – РСФСР. Ряд документов использован по приложениям к публикациям (Миллер, 1934, с. 211–214; Тункина, 2002, с. 634, 635, 637, 638). Крупные вехи обозначены в литературе по полевой археологии и историографии, включая учебники и издания по курсам лекций, и известны специалистам достаточно широко. Правда, ссылки на архивный первоисточник чаще всего отсутствуют, особенно в изданиях советского времени. Поэтому первоначальный текст документов подавляющему большинству археологов фактически неизвестен, а он очень интересен и выразителен. Некоторые интересующие нас материалы прекрасно проанализированы в тематических публикациях (Васильева, 2000; Пескарева, 1980; Пескарева, Рябинин, 1984; Платонова, 1989; Тункина, 2002). Некоторая их часть просто опубликована (Охрана, 1978). Однако работа непосредственно с архивными материалами позволила увидеть новые грани интересующих нас проблем, тем более что большая их часть еще не введена в научный оборот.

В работе использованы историографические монографии и статьи, отражающие те или иные аспекты становления полевой археологии и археологических учреждений в России, деятельность крупных археологов и их вклад в организацию науки. Прежде всего, это монографии Н.И. Веселовского (1900), В.Ф. Генинга (1982б), Л.Ю. Китовой (2007), Л.С. Клейна (1993), Г.С. Лебедева (1992), В.И. Матющенко (2001), О.М. Мельниковой (2003а,б), А.Л. Монгайта (1955), Г.Т. Обыденновой (2002), А.Д. Пряхина (1986, 1988, 2005), И.Л. Тихонова (2003), И.В. Тункиной (2002); А.А. Формозова (2004), М.Г. Худякова (1933). Эти же вопросы освещены и в ряде статей и тех же авторов и других (Бойко, 2000; Бунатян, 1994; Васильева, Длужневская 1989; Генинг, 1982а; Лебедев, 1995; Мерперт, 1992, 1995; Мунчаев, 2004; Платонова, 1991; Мусин, 2004; Смирнов А.С., 2004, 2005; Тихонов И.Л., 2004; Фармаковский Б.В., 1921; Шелов, 1991б; Щавелев, 1991 и др.), а также в историографических разделах сборников памяти В.Ф. Генинга (Археология Урала, 2005) и И.Б. Васильева (Агапов, Васильева, Кузьминых, 2006). Перечисленные работы затрагивают развитие археологической науки как в ранние периоды, так и в советское время. Тональность их разная в зависимости от концепции автора: от беспристрастного изложения фактов до резкой положительной или отрицательной оценки тех или иных явлений. Разумеется, историографических работ множество. Мы опирались лишь на те, которые позволяли осветить важные для данного исследования моменты.

В книге использована как информация о конкретных работах (перечисленные выше публикации и обзоры экспедиционных работ), так и сведения общего плана, характеризующие общее состояние полевой археологии в разные периоды, работы отдельных организаций. Это материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания 1945 г. (Итоги, 1945); ряд статей, посвященных юбилейным датам ИА (Алекшин, 1980; Борисковский, 1980; Волков, 1980; Краснов, 1980; Лисицына, 1980, Мерперт, 1999; Мунчаев, 1999, 2000; Шелов, 1991а). Использованы и источники, касающиеся работы учреждений и их подразделений (Археология, 2005; Институт, 2006; Черных, 2001; Шавкунов, 2001 и др.).

Следующие блоки привлеченной литературы относятся к ознакомлению будущих специалистов с общей картиной археологического наследия России и обучению методике полевых исследований и работе с археологическим материалом. Это учебники, отражающие, как прави-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ло, курсы лекций, а также практические пособия. Важность этих трудов для развития именно полевой археологии несомненна, даже если тематика их шире, поскольку с их помощью формируются не только способы и уровень извлечения информации о памятниках, но и менталитет, и уровень специального образования исследователей.

Учебники охватывают многие разделы археологической теории и практики, пособия ограничены более узкой тематикой. К первым относятся труды Д.А. Авдусина (1959, 1967, 1972, 1977, 1980, 1989), А.В. Арциховского (1947, 1954, 1955), В.Д. Блаватского (1967), С.А. Жебелева (1923), А.И. Мартынова (1973, 1982, 1996, 2000), А.И. Мартынова и Я.А. Шера (1989, 2002), Г.А. Федорова-Давыдова (1987); Ю.Л. Щаповой (1988); учебник «Археология», изданный в МГУ (2006). Каждая из этих работ, хотя направленность и полнота их разная, составила этап в освоении методики, подготовке специалистов, формировании у них не только практических, но и теоретических представлений. К тому же эти учебники публиковались центральными издательствами тиражами до 10000 экз. и были рекомендованы Министерствами образования СССР и РФ как основа обучения по специальности «археология» в вузах.

Пособия предназначены как для профессионалов, так и для неспециалистов и направлены на решение более узкой задачи – обучение приемам работы в определенной области. Это полевая методика проведения археологических раскопок и разведок, навыки работы с коллекциями, специальные приемы (например, подводные работы) и т. д. Следует отметить тенденцию, особенно проявляющуюся в последние 10–15 лет. На всем пространстве России разными учреждениями и авторами постоянно публикуются работы по применению полевых и естественнонаучных методов (в том числе и новейшие разработки). При этом огромное количество методических статей по полевой археологии на самом деле таковыми не являются, так как они посвящены не столько обучению методикам, сколько обсуждению полученных с их помощью результатов, личного опыта автора, хотя некоторые правила и условия их применения иногда излагаются. Вместе с тем, если археолог приступает к самостоятельной работе по старым или новым методикам, его нужно обучить, то есть последовательно объяснить, что и как следует делать. А вот таких-то работ, собственно пособий, определяющих приемы, нормы и правила, позволяющие, например, результативно провести разведки или взять образцы для анализов, в последние десятилетия как раз и не хватает. Инструкции к ОЛ проблему отсутствия методической подготовки решить не могут – это не учебник, а сумма правил, которые следует соблюдать для обеспечения информативности полевых исследований и отчетов по ним.

Пособия, выпущенные 5–10 лет назад, а тем более – раньше, стали библиографической редкостью, и за давностью лет большая часть этой литературы в настоящее время малодоступна или устарела. Поэтому при отсутствии настоящих обучающих материалов упомянутые выше практические работы по опыту применения разных методик начинают восприниматься как пособия. Но это другой тип литературы, пусть даже и очень интересный и добротный. Частный опыт, разумеется, тоже бывает весьма полезен, но, во-первых, он должен основываться на отработанных методических основах, общих принципах и навыках, признанных археологическим сообществом, а не изобретенных автором раскопок и разведок применительно к конкретному случаю. Во-вторых, он является лишь частью общего процесса выработки новых методик. «Разработка и формулировка основных методических требований полевой археологии никогда не были и не могли быть результатом деятельности одного лица... Они явились итогом коллективного опыта нескольких поколений русских и советских археологов, обобщением наиболее удачных приемов и методов, применявшихся и совершенствовавшихся многими исследователями на всем протяжении развития археологической науки» (Шелов, 1991б, с. 185).

Для нашей темы из огромного количества работ, посвященных методике, мы попытались выделить именно пособия, поскольку они (как и учебники) формируют определенный уровень навыков и принятых норм, то есть воздействуют на уровень полевых исследований в каждый конкретный период. Поэтому иногда тоненькие

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

брошюры оказываются более ценными, чем толстые сборники методических публикаций. Большая часть перечисленных ниже пособий советского времени действительно имеет очень небольшой объем – в пределах 100 и даже 10–20 страниц. Однако тиражи некоторых достигали 1000 и более экземпляров, а изданных в системе органов народного просвещения – до 15000 экз. В свое время эта литература была достаточно известна. Многие пособия, в том числе досоветского времени, содержат положения, актуальные и поныне.

Традиция разработки пособий по проведению разведок и раскопок была заложена еще в конце XIX – начале XX в. когда полевые работы развернулись широко. Это труды Д.Я. Самоквасова (Самоквасов, 1878, 1908), А.А. Спицына (Спицын, 1895, 1908, 1910, 1927), В.А. Городцова (Городцов, 1911, 1914). Последняя из указанных работа А.А. Спицына была написана специально для краеведов, роль которых в сохранении археологического наследия в послереволюционные годы была весьма велика. В основе ее – изданные им ранее пособия по археологическим раскопкам и разведкам. Для краеведов же предназначены и брошюры О.Н. Бадера (Бадер, 1938, 1950). Помимо методических указаний по разведкам памятников (без вскрытия культурного слоя) в них содержатся важнейшие статьи о значении памятников как исторических источников и мерах по их охране. Пособие 1950 г. ориентировано на школьников и студентов. Юным туристам, желающим ознакомиться с археологическими памятниками в походе (но не копать их!), предназначены изданные в 1947 г. пособие Л.А. Голубевой (Голубева, 1947) и «Спутник юного туриста в археологической разведке» (Коровкин, 1947). Таких изданий потом будет достаточно, но эти знаменуют начало привлечения молодежи к краеведению, к тому же они написаны профессионально, чего не скажешь о многих последующих.

Продолжался и выпуск пособий для специалистов: в 1934 г. вышла последняя перед Великой Отечественной войной крупная работа такого плана – «Археологические разведки» А.А. Миллера (Миллер, 1934). Роль фотографии в полевой работе была отмечена давно, здесь же укажем на специальное пособие по полевой фотографии Н.П. Тихонова (Тихонов Н.П., 1932). После войны появляются перечисленные выше учебники (кроме книги С.А. Жебелева). В 1992 г., когда эти учебники уже почти стали библиографической редкостью, в Чебоксарах было издано пособие Б.В. Каховского, отчасти восполняющее лакуну в методической литературе, но далеко не полное и во многом основанное только на личном опыте автора (Каховский, 1992). Все перечисленные пособия охватывают широкий спектр археологических памятников.

Еще один блок образуют краткие пособия, даже «памятки», ориентированные на полевое изучение определенного типа памятников. Они составлены известными археологами Москвы и Ленинграда, именно составлены, поскольку авторы опирались не только на свой личный опыт, но и на лучшие достижения того времени. Издания инициированы ОПИ. Часть их входит в два сборника с одинаковым названием «Методика полевых археологических исследований». В сборник 1983 г. входят инструкции по работам на мезолитических и неолитических стоянках (Кольцов, 1983), на античных сельских поселениях (Щеглов, 1983), на памятниках железного века лесной полосы (Розенфельд, 1983), на бескурганных кочевнических могильниках (Плетнева, 1983), на славянских курганах и жальниках (Седов, 1983), на архитектурных сооружениях (Раппопорт, 1983). В сборнике 1989 г. помещена инструкция по раскопкам античного города (Алексеева, 1989) и грунтовых могильников (Краснов, 1989), а также ряд инструкций по естественнонаучным методам (о них см. ниже). Выпускались и отдельные брошюры. В числе их работы А.Я. Брюсова (1963), М.П. Грязнова (1961), П.А. Раппопорта (1961). Объединение «Росреставрация» издало методические рекомендации по архитектурной археологии, разработанные Л.А. Беляевым (Беляев, 1986). К этому же типу литературы относится и краткое пособие по датировке кирпичных кладок XVI – XIX вв., необходимое при археологических исследованиях в городах (Датировка, 1986).

Этим перечнем тема, естественно, не исчерпывается, поскольку указанным проблемам посвящена масса отдельных статей в различных изданиях, характеризующих новые методы,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

выработанные в определенные периоды (Воронин Н.Н, 1951; Дэвлет, 1990; Евтюхова, 1953; Жилин, 1997; Мерперт, 1952; Столяр, 1953; Телегін, Братченко, 1974 и др.).

Особое место занимает другой тип документов – инструкции к ОЛ, как бы они не назывались («Инструкции», «Положения», «Правила»). Эти документы включают разные блоки сведений: практические указания по полевым работам, сдаче отчетов, статусу ОЛ и действиям на его основании и т. д. Как правило, в них смешаны практические указания и правоустанавливающие положения. После ВОВ тираж некоторых инструкций достигал 3000 экземпляров. Они весьма кратки, не более 35 страниц. Составление такого рода документов началось задолго до интересующего нас периода и даже до введения самих ОЛ, с петровских времен. Однако только с середины XIX в. они начинают сопровождать процесс становления государственной системы регламентации полевой археологии.

До введения ОЛ к этому типу документов относятся «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей», дополненные «Наставлением, как надлежит поступать при открытии древностей». Оба документа разработаны Одесским обществом истории и древностей (Тункина, 2002, с. 634, 635, 637, 638). Далее, это «Записка для обозрения русских древностей» (Записка, 1851), «Проект дополнительных правил для производства археологических разрытий в г. Керчи», составленный Л.А. Перовским в 1851 г. (РА ИИМК, 1851, д. 179, л. 16–19), «Правила производства археологических изысканий в Керчи», явившиеся результатом деятельности Строгановской комиссии (РА ИИМК, 1857–1859, д. 6, л. 20), «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», принятая III археологическим съездом в 1874 г. (Труды III АС, т. I, с. LXIX–LXXIII). В советское время инструктивные документы к ОЛ появлялись довольно регулярно (1927, 1932, 1935, 1939, 1949, 1958, 1963, 1978, 1984, 1991, 2001 годы). Они содержали методические разделы, но заменить пособий ни в коем случае не могли. В этих документах определялся порядок выдачи ОЛ и проведения полевых работ, форма научной отчетности по ним и, таким образом, они прекрасно отражали определенные этапы развития полевой археологии.

Мы также обращались к методической литературе по применению естественнонаучных и иных специальных методов в полевой археологии, знаменующих новые возможности. Сюда входят появившиеся в разное время пособия, инструкции и методические рекомендации по отбору проб и образцов для специальных анализов, по обращению с антропологическим и остеологическим материалом, по консервации находок в поле (Инструкция, 1951; Кирьянова, 1989; Мамонова, Романова, Харитонов, 1989; Полевая консервация, 1987; Руководство, 2000; Сборник, 1960; Тихонов Н.П., 1931; Фармаковский М.В., 1947). В 1963 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследования естественных и технических наук, где в числе прочих проблем обсуждались приемы и возможности применения их в поле (Методы, 1963). В 1997 и 2000 г. по инициативе и под руководством заведующего ОПИ В.В. Седова вышли сборники серии «Естественнонаучные методы в полевой археологии». Они содержат методические материалы по археологической геофизике, по анализу почв для определения мест древних поселений и по полевой консервации, реставрации и исследованию текстиля (Елкина, Станюкович, 2000; Детюк, Тараненко, 1997).

Есть, конечно, и другая методическая литература по внедрению методов естественных наук. Но приходится констатировать, что и здесь те же проблемы: труднодоступность для широкого круга археологов из-за давности издания и малого тиража, а также редкость собственно методических работ, поскольку подавляющее большинство публикаций посвящено опыту применения методов, а не обучению этому процессу.

Специальными методами можно считать подводные раскопки и разведки, распространившиеся с 1960-х гг. Методика их тщательно разработана признанными специалистами в этой области (Блаватский, 1965, 1967; Петерс, 1965; Окороков, Таскаев, 1988, 1989: Таскаев, 1994). Для проведения таких работ и отчетности по ним действуют общие инструктивные документы к ОЛ. Кроме того, требуется свидетельство о подготовке исследо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вателя для подводных работ. Отдельным направлением полевой археологии является и исследование наскальных изображений, требующее специальных навыков. Настоящим пособием в этой области можно считать статью М.А. Дэвлет «О методике полевого изучения наскальных изображений» (Дэвлет, 1990). Это тот редкий случай, когда статья отражает не личный опыт автора применительно к конкретным регионам, периодам и памятникам, а дает общие установки для этого вида исследований. Методический раздел по работе с наскальными изображениями включен также в пособие Я.А. Шера по изучению первобытного искусства (Шер, 2006, с. 128–164), по охвату материала скорее относящегося к учебникам.

Наиболее сложный блок литературы – представление концепций. В отношении полевой археологии России они непосредственно связаны с экономической и политической деятельностью государства. Историографические работы тоже, естественно, содержат концепции развития полевой археологии в целом и по периодам. Сюда мы включаем также обсуждение назревших проблем, решений, оценку явлений. Вопросы регламентации полевых исследований в России и методики их проведения обсуждались уже на археологических съездах в конце XIX – начале XX в. Особенно важные для нашей темы материалы содержатся в Трудах III съезда, прошедшего в Киеве в 1874 г. (Труды III АС, т. I); XIV съезда в Чернигове в 1908 г. (Труды XIV АС, т. III) и XV съезда в Новгороде в 1911 г. (Труды XV АС, т. I). На съездах создавались комиссии по выработке методических положений, происходили дискуссии по этой теме. Обсуждались также вопросы охраны археологического наследия, состояния коллекций и многое другое. Можно сказать, что благодаря съездам к началу XX в. у российского археологического сообщества сложилась определенная сумма взглядов на полевую археологию как неотъемлемую часть науки и практики.

В 1930-е гг. в связи с попытками использовать в истории марксистскую методологию была подвергнута сомнению сама необходимость существования отдельной науки археологии. В 1932 г. резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания содержала вывод о том, что «археология... может быть налицо в марксистско-ленинской классификации наук только в качестве вспомогательной дисциплины» (Всероссийское..., 1932, с. 3). Она была названа буржуазной, а все ее дореволюционное наследие – отсталым и незначительным (Быковский, 1931; Равдоникас, 1930; Худяков, 1933).

В то же время в связи с крупнейшими археологическими работами на стройках первых пятилеток объем полевых исследований увеличивался. О попытках сохранения хотя бы наиболее значимых памятников и тогда, и долгое время после войны не было речи из-за приоритета экономических программ государства над научными. Раскопки были объявлены единственно верной мерой спасения памятников (Быковский, 1934, с. 5–8). Концепция тотальных раскопок бытовала до начала 1980-х гг., когда против нее выступил Д.Б. Шелов, внесший огромный вклад в разработку теоретических основ полевой археологии (Шелов, 1981, 1984, 1986, 1987). Ее действие было ограничено инструкцией к ОЛ 1984 г. (Инструкция, 1984, с. 1). Тогда же разрабатывалась прямо противоположная концепция сохранения памятников при охранных работах (Краснов, 1989а; Афанасьев, 1989б; Афанасьев, Андреева, Смирнов А.С., 1993; Булатов, 1989; Кузьмин, 1989). Окончательно новая концепция охранных работ с опытом практического применения сложилась в начале XXI в. (Смирнов А.С., Энговатова, 2004).

После ВОВ перед полевой археологией возникли новые задачи: инвентаризация сохранившихся памятников и обеспечение их полноценного исследования, особенно в зонах новостроек. Эти вопросы были рассмотрены уже в 1945 г. на Всесоюзном археологическом совещании. (Итоги, 1945). Позднее они уточнялись и углублялись (Резолюция, 1952; Шелов, 1953а). Некоторое время полевая археология развивалась намеченным путем, особенно ее бюджетная часть, сложились определенные традиции.

В 1980-е гг. новые веяния были связаны с работами на новостройках. Возник вопрос об их значении не только как охранных действий для памятников, но и для науки в целом. Вопросы развития полевой археологии в зонах новостроек обсуждались на конференции «Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

перспективы их интенсификации» в Ленинграде в 1985 г. (АИЗМ, 1985) и на семинаре по методике археологических работ на новостройках РСФСР в Суздале в 1989 г. (Новое..., 1989). К этому времени уже можно было говорить о концепции деятельности новостроечных подразделений в системе научного учреждения. Материалы конференции и семинара опубликованы и содержат ряд новых идей, хотя бы и тезисно изложенных. Вопрос о значимости охранной археологии в развитии этой науки в целом нашел отражение в специальной литературе и позже (Смирнов А.С., 2005).

В сложные периоды «перестройки» и кризисных 1990-х гг. вновь встал вопрос о судьбах археологии как науки. Этому (с разными оценками) посвящены разделы в ряде книг и статьи (Клейн, 1993; Лебедев, 1992; Формозов, 1994; Гуляев, Беляев, 1995; Шер, 1999). Новые реалии после образования суверенной России в 1992 г. определили и новые концепции. В 2002 г. журнал «Российская археология» провел «круглый стол» по проблемам археологии нового века. Обсуждались и вопросы, связанные с полевой археологией (Сорокина, 2002б). Новым фактором, актуальным, к сожалению, и поныне, стало повсеместное распространение грабительских раскопок (Макаров, 2004).

Интереснейшее направление – формирование научных школ в археологии. В практической области это явление археологам хорошо известно. Мировоззренческие особенности, основные научные интересы и традиции региональных общностей специалистов хорошо заметны. ОПИ тем более постоянно сталкивается с этими процессами, разбирая практические навыки и методы, отражающиеся в полевых археологических исследованиях. Но только недавно феномен научных школ в археологии получил теоретическое обоснование. Исследованию его на примере региональных школ Волго-Уралья (под руководством О.Н. Бадера и В.Ф. Генинга) посвящены монографии О.М. Мельниковой (Мельникова, 2003а,б). Пример очень показательный, так как он сыграл огромную роль в формировании целого ряда научных школ.

Отдельная тема – обработка, хранение и экспонирование археологических коллекций. Они – часть источниковедческой базы. Их накопление с размахом новостроечных работ увеличивалось очень быстро. Возник вопрос о грамотной обработке и введении их в научный оборот. Эта проблема волновала археологов еще в конце XIX в. (Самоквасов, 1908; Спицын, 1898; Труды XV АС, т. I, с. 517). Те же проблемы обозначены и в современных работах (Братченко, 1985; Голенцов, 1989; Кореняко, 2004; Сорокина, 2001б, 2002а, 2004а, 2007а).

Государственные правовые и нормативные документы, так или иначе связанные с объектами археологического наследия, также привлекались, начиная с «Проекта закона об охране памятников в России» (Проект, 1911). Они опубликованы как отдельными брошюрами, так и в сборниках и серийных изданиях. Нами использованы следующие издания: «Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв.» (Охрана, 1978); «Охрана памятников истории и культуры» (Охрана, 1973); Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15. 12. 1978 г. в ред. от 18. 01. 1985 г.; Федеральный Закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 24. 06. 1996 г.; «Охрана культурного наследия России. XVII–XX вв.» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000); «Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия» (Сборник, 2001); «Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия» (Законодательство, 2002); Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации от 24. 05. 2002 г.

Приведенный обзор охватывает многие аспекты развития норм, правил, идей, методики полевой археологии, но понятно, что тема эта бесконечна. Мы остановились на основных для нашей темы работах, появившихся с середины XIX в., как инструктивного, методического характера, так и описательных и концептуальных. Некоторые из них хорошо известны специалистам, другие практически недоступны из-за давности издания и малого тиража. Особенно это касается небольших статей и брошюр. Не стоит удивляться большому количеству ссылок на те-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зисы пленумов, совещаний и конференций. В советское время возможности полноценной публикации были весьма ограничены, поэтому передовые мысли очень часто публиковалась тезисно и только так доходили до археологической общественности. Совещания и иные форумы, посвященные общим достижениям археологии, как общероссийские (или всесоюзные), так и более узкие тематические играли огромную роль в передаче информации и опыта, формировании идей и концепций. Помимо основных источников – документации ОПИ – привлечены архивные источники разного рода, в том числе и те, которые еще никогда не вводились в научный оборот.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

III

Хронология полевых исследований послевоенного периода

Начальная дата определена по образованию в Москве в составе ИИМК, переведенного из Ленинграда в Москву в 1943 г., Комитета, потом — отдела полевых исследований и по началу накопления документов по полевым работам в Москве. До 1946 г. регламентация полевых исследований происходила в Ленинграде, в ИИМК, где и хранится архив документов того времени. Конечная дата — 2006 г., рекордный по количеству проведенных полевых работ. Кроме этих формальных признаков имеются и концептуальные соображения.

Период 1946–2006 гг. является самостоятельным этапом в общем процессе развития российской полевой археологии. От предшествующих лет его отделяет Великая Отечественная война. Она не только на время прервала полевые исследования, хотя некоторое их количество все же имело место благодаря самоотверженной работе российских археологов во время эвакуации (Краснов, 1980, с. 61; Платонова, 1991, с. 65–68). В послевоенный период изменились возможности, характер, география и порядок организации полевых работ.

Так, в период восстановления после ВОВ (до 1948 г.) и начала нового масштабного хозяйственного строительства с 1949 г. неуклонно возрастало количество и значение исследований в зонах новостроек. Необходимо отметить, что на государственном уровне основания для этого рода работ были заложены еще в 1930-е гг. Постановлением ВЦИК и СНК от 10 февраля 1934 г. «Об охране археологических памятников» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 448). С 1932 по 1935 г. работал созданный в ГАИМК, в то время основном археологическом учреждении СССР, особый Комитет по работам Академии на новостройках. Однако объем довоенных новостроечных экспедиций ГАИМК ничтожно мал даже по меркам 1950–1960-х гг., не говоря о современных. Несмотря на массовое уничтожение археологических памятников при грандиозных стройках первых пятилеток, в 1934 г. проведено 16 новостроечных экспедиций, в 1936 г.— всего 7. В 1937 г., после реорганизации ГАИМК и образования ИИМК АН СССР, имеются сведения только о трех таких экспедициях (Смирнов А.С., 2004, с. 11, 14). Для сравнения: во второй половине 1980-х гг. только отдел охранных раскопок ИА ежегодно проводил до 16 экспедиций, в составе многих работало не менее 5–6 отрядов (Сорокина, 2004б, с. 150–162). Из зафиксированных в то время примерно 150 учреждений, подававших заявки на ОЛ, полевые работы на новостройках вели не менее половины.

Меняется после войны и организация полевых исследований. В довоенный период их регламентация осуществлялась не по линии Академии наук, а в системе Наркомпроса (ведомственная принадлежность РАИМК-ГАИМК), и только в 1937 г. эти функции были переданы в ИИМК — институт в системе АН СССР. Хотя наблюдается несомненная преемственность, и новое учреждение сразу развертывает активную деятельность по укреплению статуса ОЛ (о чем свидетельствует разработка в 1939 г. новой инструкции к ОЛ), многие инициативы из-за начала войны реализовать не удалось. В 1943 г. Полевой комитет (в то время центр регламентации полевых работ) был переведен из Ленинграда в Москву, в ИИМК — ИА (Лисицына, 1980, с. 55). Здесь с 1946 г. возобновляется выдача ОЛ, рассмотрение научных отчетов, разработка инструкций и положений по проведению работ и отчетности. И в Москве, и в Ленинграде, а позже и в других академических центрах, идет работа над совершенствованием полевых и камеральных методик, над применением естественнонаучных методов. Таким образом, именно в послевоенный период полностью реализуется потенциал Академии наук применительно к полевой археологии.

В довоенный период основные археологические кадры были сосредоточены в Ленинграде и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Москве, хотя работали и некоторые региональные учреждения (музеи, вузы и т. д.). После войны не просто возникают новые организации археологического профиля, но начинается образование центров региональной археологии (гл. 5, карты 6–10), обеспеченных кадрами и, несомненно, вносящих очень существенный вклад и в теорию, и в практику археологической науки.

География полевых исследований в послевоенный период расширяется до самых отдаленных и труднодоступных территорий России (карты 1–5). Причем это не единичные исследования, как было до войны, а планомерное изучение. Огромную роль играют программы мониторинга памятников и составления археологических карт. Хотя мы и далеки от иллюзий по поводу реальной возможности охраны археологического наследия в России, отметим, что с 1945 г. принят ряд государственных актов, дающих полномочия в этом направлении, образована система органов охраны памятников, достаточно эффективно работающих во многих регионах. Оформилось понятие «охранная археология». В менталитете археологов все-таки укрепляется идея приоритета сохранения памятника перед раскопками, хотя бы и очень качественными, но фактически его уничтожающими. Благодаря принятию некоторых государственных актов в области сохранения культурного наследия удается воздействовать на властные структуры. Напомним, что в 1930-е гг. о сохранении даже наиболее значимых с научной точки зрения памятников речь не шла.

Конечная дата изучаемого периода — 2006 г.— также выбрана не случайно. Развитие полевой археологии, накопление научного потенциала, географическое расширение зон раскопок и разведок происходило плавно с 1946 г. по начало 1990-х гг. (рис. 4, 6, 7). Этому способствовала определенная стабильность в сфере экономики и политики государства. После распада СССР, в начале существования суверенной России, происходит общегосударственный кризис, отразившийся на полевой археологии (об этой связи — ниже).

Возможности проведения полевых исследований более-менее увеличиваются во второй половине 1990-х гг. (с учетом, естественно, влияния дефолта 1998 г.). Только в начале XXI в. вновь оживляется экономическая деятельность, а с ней и полевая археология, особенно после принятия Закона «Об охране объектов культурного наследия» в 2002 г. Видна тенденция роста количества работ (рис. 4), а во многих случаях (по опыту ОПИ) — и их качества. Более того, современный подъем значительно превысил пик полевой активности советского времени перед распадом СССР. В 2001–2002 гг. было еще не ясно, случайное ли это явление, за которым может опять последовать спад, или тенденция к развитию. К 2006 г. это уже устойчивая закономерность. Сейчас уже можно сказать, что и данные ОПИ за 2007 г. это подтверждают. Таким образом, представляется, что можно не только рассматривать достижения прошлых десятилетий или печальные кризисные явления, но и завершить исследование на более оптимистичной ноте: полевая археология в начале XXI в. не только выжила, но и динамично развивается.

Поскольку памятник археологии находится в земле, возможности его сохранения и исследования как объекта культурного наследия зависят от земельных отношений, а в целом и от общей ситуации в стране: от действующих юридических норм, финансовых возможностей, потребностей общества, задач и перспектив его развития. Поэтому очень важно проследить динамику полевой археологии на общем историческом фоне развития государства. Полевая археология более чем какой-либо другой этап археологического исследования, связана с перечисленными выше реалиями, так как проведение экспедиций требует существенных материальных затрат. Ушли в прошлое времена, когда археолог мог выполнять свои задачи, довольствуясь не только более чем скромными условиями полевого бытия, но и обходясь без дорогостоящего оборудования и материалов, а иногда и без транспорта, обеспечивающего и возможность перемещения в весьма отдаленные и иногда труднодоступные регионы, и широкий охват территорий, подлежащих обследованию. Изменились и стоящие перед археологом задачи. Доминантой стала не реализация научного интереса, пусть и связанного с государственными задачами выяснения исторических корней и путей развития городов и весей Отечества, а задача максимально полного и быстрого изучения са-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мой уязвимой в плане грозящего уничтожения части культурного наследия – археологических памятников – и тем самым сохранения для потомков информации о них.

Период 1946–2006 гг. в общеисторическом плане охватывает несколько этапов развития России, выделяемых по критериям политического, экономического и социального характера. Приведенное ниже деление в настоящий момент является общепринятым и отражено в программах средней и высшей школы, учебниках и специальной литературе (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003). В наши задачи ни в коем случае не входит рассмотрение и оценка концептуальных аспектов, научной проблематики и мировоззрения археологов в эти периоды, хотя их связь с нашей темой, определенно, присутствует. Это другое историографическое направление. Имеются периодизации развития археологии в России и СССР, основанные на обозначенных параметрах, а также на конкретных достижениях в полевом изучении памятников различных эпох и культур (Лебедев, 1992; Генинг, 1982б; Пряхин, 1986, 2005; Формозов, 1994). Задача настоящей работы – анализ явлений, связанных с общими тенденциями и регламентацией исключительно полевой археологии, а ее развитие, как мы уже отмечали, в значительной степени определяется экономическими реалиями в разные периоды существования государства. Поэтому привязка именно к принятым общеисторическим периодам представляется оправданной.

1946–1953 гг. Восстановительный период после Великий Отечественной войны. С конца 1940-х гг. начинается новое строительство (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 490, 491). Для спасения археологического наследия возникает необходимость в крупных экспедициях (Краснов, 1980, с. 61, 62). Полевая деятельность, несмотря на кадровые потери военных лет, оживляется и набирает обороты. Основные научные и организационные центры – Москва и Ленинград, но привлекаются и региональные учреждения там, где они есть.

1954–1964 гг. Так называемая «оттепель». Время административных и хозяйственных реформ. Объем полевых работ неуклонно растет вместе с ростом строительной активности (Волжский каскад, Красноярская, Братская ГЭС и т. д.). Растут расходы государства на науку, увеличивается количество вузов (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 504, 505). Соответственно, в области археологии становится больше профильных кафедр и лабораторий, начинается преподавание этой дисциплины в педвузах. Растет количество специалистов-археологов, хотя нехватка кадров по-прежнему острая. В регионах начинают возникать свои школы.

1965–1984 гг. Так называемое время «застоя», относительно стабильное, продолжило тенденции развития СССР в течение предыдущих почти 20 лет. Идут экономические реформы, задуманные еще в предыдущий период, в том числе – обращение к хозрасчету (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 517). Имеет место как бюджетное, так и хоздоговорное финансирование археологических экспедиций. Стабильные и относительно невысокие цены позволяют на выделенные средства осуществлять весьма значительный объем работ. Как и прежде, существует сверхцентрализованная экономика. Собственность на землю – государственная, правовая база определяется общесоюзным законодательством. Это также создает фактор стабильности во взаимоотношениях с органами региональной власти и с хозяйствующими субъектами. Реализуются очень крупные капиталоемкие хозяйственные проекты: строительство оросительных систем, гидроузлов, поворот северных рек и т. д., что ведет к расширению полевых работ. Происходит колоссальный скачок в накоплении археологического материала, это порождает ряд проблем, связанных с его обработкой, хранением и введением в научный оборот. Во многих регионах складываются сильные и активно работающие коллективы археологов.

1985–1991 гг. «Перестройка», перевернувшая основы СССР, повлияла и на полевую археологию. В связи с началом рыночных отношений возникают новые источники финансирования, возрастает активность региональных организаций археологического профиля, увеличивается количество исследований. Вместе с тем к концу периода наступает общий спад экономики, начинается инфляция, возникает всеобщий дефицит предметов потребления (Моряков, Федоров,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Щетинов, 2003, с. 531–533). Из-за отсутствия средств фактически прекращается бюджетное финансирование науки, возникает вопрос о возможности перевода ее на хозрасчет. С этого времени совершается почти полный переход к негосударственному финансированию полевой археологии. Объемы полевых работ начинают резко сокращаться вместе с сокращением хозяйственной активности государства. Тем не менее, законодательство пока стабильно и действует на всем пространстве РСФСР. Начинается острая конкуренция между археологическими организациями в связи с нехваткой средств, борьба за их привлечение.

1992–2006 гг.– распад СССР (декабрь 1991 г.) и самостоятельное развитие Российской Федерации. Рыночные отношения в форме «дикого капитализма» доминируют, происходит приватизация государственной собственности и ресурсов (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 544–549). Имеет место коммерческое использование земли, переход значительной ее части в негосударственную собственность. Начинается «парад суверенитетов», появляется самостоятельное региональное законодательство (в том числе и в области финансово-экономических отношений), иногда идущее в разрез с государственным. Все это знаменует новый этап в развитии полевой археологии. Происходит ее вынужденное и временами мучительное приспособление к новым реалиям. С одной стороны, обостряется конкуренция за привлечение хоздоговорного и иного финансирования, с другой – образуется множество государственных и негосударственных организаций, проводящих полевые исследования. Увеличивается длительность полевого сезона, растут темпы работ. Появляются новые прогрессивные методики и качественные работы многих центров, и вместе с тем нередко в связи с недостаточной подготовленностью исследователей и вынужденной спешкой отмечаются методические нарушения, не способствующие сохранности археологического наследия. Общегосударственные экономические потрясения (кризис середины 1990-х гг., дефолт 1998 г.) отразились на полевой деятельности.

Сами археологи, оказавшиеся в сложных условиях, давая анализ процессу развития археологии как науки, отмечают те же периоды и противопоставляют стабильность переменам, часто происходящим отнюдь не в лучшую сторону (Клейн, 1993, с. 22–29; Гуляев, Беляев, 1995; Шер, 1999). Разнятся, однако, оценки. Так, Л.С. Клейн, отмечая инерцию и неподготовленность археологии и археологов к эпохе перемен, все-таки допускает некоторый оптимизм, связанный с приходом политической демократии и возможностью самореализации тех, кто в период «застоя» был «трудновоспитуемым и свободомыслящим» (Клейн, 1993, с. 29).

Статья В.И. Гуляева и Л.А. Беляева написана в наиболее тяжелые за послевоенный период годы для страны в целом и науки в частности – в середине 1990-х гг. Авторы не просто сетуют на резкое сужение финансовых возможностей, падение уровня научных исследований и разрыв традиционных полезных связей, но анализируют место археологии в новых реалиях. В результате они констатируют кризис, «из которого археология не сможет выйти только своими силами» (Гуляев, Беляев, 1995, с. 104) и имеет перспективу оказаться «наукой богатых людей». Авторов можно понять. Проведенный нами анализ состояния полевой археологии показывает в этот период катастрофический спад и самих исследований, и притока специалистов (рис. 5, 6, 7). Оснований для пессимизма было более чем достаточно.

Статья Я.А. Шера появилась на 4 года позже, когда ситуация уже несколько изменилась к лучшему, в частности, после провала середины 1990-х гг. начался интенсивный рост количества полевых исследований, появилось финансирование по грантам и целевым программам, в том числе и Министерства культуры РФ. Сравнивая период стабильности (1950 – середина 1980-х гг.) и эпоху перемен (1985–1991 гг.– «перестройка», с 1992 г.– «постперестройка»), Я.А. Шер стремится показать, что кризиса собственно науки археологии нет, так как и до потрясений были те же тенденции и явления с положительными и отрицательными чертами. Есть кризис всей российской науки, он в значительной степени связан с экономикой, поскольку главная потеря – бюджетное финансирование и централизованное снабжение оборудованием. Опять же, во всей науке проявились отрицательные черты, заложенные гораздо раньше, в том

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

числе и падение общего уровня образования и исследований.

Анализ современного положения археологии как науки (кроме полевой ее части) не входит в наши задачи, но некоторые соображения возникают. Сейчас, по прошествии еще 8 лет, можно сказать, что устоялась некая система взаимоотношений археологии с властью и обществом. В некотором смысле археология оказалась даже в лучшем положении, чем другие, особенно естественные науки, требующие огромных вложений в материальную базу и лишившиеся большого количества кадров. Из-за отсутствия того и другого уровень исследований в ряде некогда передовых отраслях науки существенно снизился. Гуманитариям оказалось легче.

Закон 2002 г., конечно, не направлен на специфику археологического наследия, но многие вопросы все-таки может регулировать (особенно, если, наконец, будут приняты подзаконные акты, на что отпущен срок до 2010 г.). Сохранилась возможность работы новостроечных (хоздоговорных) экспедиций, дающих очень значительное финансирование, позволяющее проводить комплексные исследования памятника, что не под силу было многим бюджетным экспедициям. Более того, количество хоздоговорных работ резко увеличилось. Теперь это уже не «прорабская археология» (Шер, 1999, с. 218), а научно обоснованное направление со своими технологиями (Смирнов А.С., Энговатова, 2004), методиками, кадрами.

Реализуются также крупные, в том числе межрегиональные исследовательские программы, благотворное влияние которых на развитие полевых исследований хорошо видно по материалам, поступающим в ОПИ. В качестве примера можно привести программы Президиума РАН («Этнокультурные взаимодействия в Евразии» в 2003–2005 гг.; «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» в 2006–2007 гг.) и Министерства культуры РФ («Культура России, 2006–2010 гг.»). На бюджетные средства проводится мониторинг археологических памятников в регионах. Увеличились издательские возможности как в традиционных центрах, так и в регионах, расширились зарубежные связи. Усилился и общественный интерес к прошлому и традициям, освещению которых в значительной степени способствует археология. Улучшилось материально-техническое обеспечение – например, нормой стала компьютеризация. Огромную тревогу вызывает, конечно, судьба науки в целом, но, нам кажется, можно сказать, что у археологии есть определенный запас прочности.

Итак, в течение 60 лет в России менялся статус и экономическое положение науки вообще и археологии в частности. Как видно, перемены существенные. Представляется, что рассматривать развитие полевой археологии по обозначенным историческим периодам вполне оправданно, поскольку со сменой их возникала необходимость приспосабливаться к новой реальности, подчас весьма грубой, менять и тактику, и привычные условия проведения полевых работ. Попробуем проследить, что, когда и как изменялось в области полевой археологии.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 1

Формирование требований к получению и представлению информации о памятнике археологии

В этой главе мы попытаемся наметить основные вехи становления современной системы регламентации и методических установок в полевой археологии, базируясь, прежде всего, на документах, определяющих порядок выдачи открытых листов на право производства полевых работ, методику их проведения и форму подачи их результатов в отчете. В архивах хранится огромное количество документов, так или иначе характеризующих эти процессы. Интерес к ним в настоящее время чрезвычайно высок. Изучение их позволило теперь уже многочисленным историографам археологии пересмотреть ранее существовавшие взгляды и установки, освещенные как в историографических разделах специальной литературы, так и в учебниках по археологии. Основной итог в интересующей нас области — кардинальный пересмотр отношения к полевым исследованиям до 1917 г. Признано, что основы современных принципов исследования памятников археологии в России закладывались уже с середины XIX в., а не только в советское время, как было принято думать раньше.

Краткий анализ эволюции представлений о памятниках археологии, допустимых методиках полевых работ и формах отчетности о них, сложившихся с середины XIX в. до 1946 г., необходим, поскольку сообразно этим представлениям извлекалась и обрабатывалась информация для дальнейших теоретических разработок. В рамках одной главы, естественно, невозможно охватить не только все многообразие фактического материала, но и многие направления мысли и деятельности российского археологического сообщества, способствовавшие становлению системы регламентации полевых исследований. Этому посвящена масса специальных работ. И все же обращение хотя бы к некоторым архивным материалам и публикациям — и всем знакомым, и малоизвестным — высвечивает новые грани.

В основе любого археологического исследования лежит информация о памятнике. Вопрос о составе и качестве информации, гибнущей вместе с памятником или извлекаемой из него в результате полевых изысканий, представляется вроде бы ясным для археолога-профессионала, но, тем не менее, можно утверждать, что уровень фиксации и, стало быть, последующего использования этой информации, весьма различен. И здесь огромную роль играют как навыки исследователей-практиков в области полевой археологии, так и требования к представляемым научным отчетам. Все это с течением времени, изменением менталитета исследователей и обретением новых методических возможностей, естественно, менялось.

Огромное значение имеет и информативность научного отчета. Как бы хорошо не был раскопан памятник, он потерян для науки, если отчет не содержит необходимой информации. Иногда это следствие неумения подать материал или небрежность автора, иногда — желание скрыть информацию от исследователей-конкурентов для единоличного распоряжения ею (к сожалению, и такое встречается). Так или иначе, наверное, нет археолога, который не испытывал бы хоть раз сложностей, извлекая информацию из отчетов для научных исследований. Между тем, именно качество информации в отчете и все последующие научные построения связаны напрямую. К примеру, тот массив материала, который был доступен археологам в 80–90-х гг. XX в., формировался в результате полевых работ в предыдущие периоды по принятым тогда методикам и нормам подачи материала. Точно также и работы 1980–1990-х годов — базис для следующего, современного этапа.

С конца XIX в. образовалось море методической литературы, посвященной частным проблемам полевой археологии. Но есть общая линия — **стандарт**, определяющий принятый в данное время подход к получению в результате

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

полевых работ информации о памятнике и ее представлению в научном отчете и публикации. Он складывается из нескольких компонентов. Во-первых, это методика разных видов полевых работ (указания, как организовать и оснастить экспедицию, производить раскопки, разведки и иные действия в поле). Эти сведения излагаются в руководствах, учебниках и инструкциях, которых не так уж много. Во-вторых, есть нормативная база, определяющая права и обязанности исследователя в процессе полевых работ, обработки материала и составления отчета. Она обозначена во всякого рода «Положениях», «Правилах» и тех же инструкциях к ОЛ. Все вместе это являет собой своего рода **регламент** действий археолога, тесно связанный с действующими государственными правовыми актами. Он создается с помощью документов, разрешающих полевые работы, отражающих квалификацию исследователя и его профессионализм, определяющих действия с полученным материалом и коллекциями и прочее.

Имеются учреждения, на которые государство возлагает контроль за соблюдением установленных норм и за допуском к полевым работам, то есть **регламентацию** их. В России этот порядок возникает со второй половины XIX в. и действует до сих пор, благодаря чему удается сохранить значительную часть археологического наследия и обеспечить поступление информации о памятниках археологии и полевых исследованиях в единый центр (хотя местоположение и ведомственная принадлежность его со временем менялись). Таким образом, Россия стала первой в мире страной, наладившей учет археологических исследований в государственном масштабе уже с конца XIX в. Это важнейшее направление российской археологии и поныне.

С самого начала выдачи ОЛ, с 1889 г., следует выделить два типа документов, к ним относящихся, хотя называться они могли по-разному. Первый тип — «инструкции». Это практические документы, разъясняющие методы полевых археологических работ и требования к полевой документации, приемы обращения с находками и т. д. Второй тип — «положения», главная цель которых — установление правил допуска к полевым работам, определение прав и обязанностей проводящих их лиц. Они тоже часто назывались «инструкциями», но до определенного времени методики не касались, а выполняли только правоустанавливающую функцию. Чаще же всего происходило смешение этих двух аспектов в одном документе.

«Инструкции» появились гораздо раньше «положений» — и даже до введения ОЛ — с целью хоть как-то перевести неграмотные массовые раскопки древностей в научное русло. Расширенный вариант «инструкции» уже представляет собой «пособие» или методическое «руководство». К наиболее ранним «инструкциям» относятся: «Записка для обозрения русских древностей» (Записка, 1851), «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», принятая в 1874 г. (Труды III АС, т. I, с. LXIX-LXXIII) и ряд других. Документы, определяющие порядок организации полевых работ после введения ОЛ (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69; 1893, ф. 1, д. 200), выполняют функцию «положений», что обусловлено необходимостью укрепления системы государственного контроля за полевыми работами. Хорошо известные и часто упоминаемые методические руководства Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и В.А. Городцова (Самоквасов, 1878, 1908; Спицын, 1895, 1898, 1908, 1910; Городцов, 1911, 1914) по содержанию и характеру подачи материала относятся к «инструкциям», хотя и не утвержденным официально, но принятым археологическим сообществом того времени. По охвату материала их можно считать и «пособиями».

Документы, появившиеся с 1919 по 1926 г., как бы они не назывались («Положение», «Правила», «Регламент»), связаны с решением основного вопроса — с установлением или подтверждением порядка выдачи ОЛ и контролем за полевыми работами, то есть относятся к типу «положений». В 1927 г. появляется «Инструкция к «Открытому листу» на право проведения археологических (палеоэтнологических) раскопок», разработанная Сектором науки Наркомпроса (Инструкция, 1927), хоть как-то все-таки касающаяся методических вопросов и правил представления отчетов. Принятое в 1932 г. «Положение о производстве археологических обследований и раскопок» (Миллер,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1934, с. 210–214) – документ смешанного характера, так как сочетает нормативный аспект с методическим.

С 1935 г. выдача ОЛ передается в ГАИМК. Появляется новая «Инструкция к ОЛ на право производства археологических обследований» (РА ИИМК, 1935, ф. 2, д. 1, л. 3–5), поскольку распоряжением Наркомпроса все прежние подобного рода документы утрачивают силу. Она также содержит элементы «положения», так как закрепляет передачу регламентации полевых работ в ГАИМК и декларирует правила выдачи ОЛ и права и обязанности исследователей. С этого времени «инструкции» и «положения» фактически сливаются в единый документ независимо от его названия и издаются достаточно регулярно, в среднем раз в 6–7 лет. Многие пункты в них долгое время повторяются как не утратившие значения, часть устаревает, но делаются и существенные дополнения.

1. Возникновение, структура и полномочия центральных государственных археологических учреждений

В настоящее время выдача разрешений на производство археологических раскопок и разведок производится на основе: а) научной экспертизы отчетов о полевых работах, то есть установления квалификации исследователя, качества примененной методики, полноты полученной информации; б) анализа заявок на полевые работы для определения их необходимости в каждом конкретном случае с учетом планов и сроков, степени подготовленности к ним. Деятельность по регламентации с 1937 г. была возложена на Академию наук СССР. Практически ее осуществлял Институт истории материальной культуры (Ленинград), в составе которого действовал Комитет полевых исследований и охраны памятников. В 1943 г. Институт был переведен в Москву (в Ленинграде осталось его отделение ЛОИИМК) и в 1957 г. переименован в Институт археологии (ИА) (в Ленинграде – ЛОИА). С 1946 г. в Москве регламентация полевых исследований была возложена на Комитет полевых исследований при секторе полевых исследований и камеральной обработки в составе 7 человек (Лисицына 1980, с. 55–57; Мунчаев, 2000, с. 4). В 1951 г. Комитет был преобразован в сектор полевых исследований, в 1952 г.– в отдел полевых исследований. С 1968 по 1976 г. отдел был объединен с архивом ИА.

Сейчас регламентацию осуществляет научный экспертный совет при отделе полевых исследований, состоящий из специалистов-археологов, представляющих различные организации археологического профиля: ИА, МГУ, ГИМ, музей-заповедник «Московский Кремль», ИИМК, Институт истории АН Татарстана. Председателями совета (или по укоренившейся традиции Полевого комитета) были: А.В. Арциховский (1946–1956 гг.), А.Я. Брюсов (1956–1965 гг.), Л.А. Евтюхова (1966–1974 гг.), Д.Б. Шелов (1974–1987 гг.), В.В. Седов (1988–2004 гг.), А.А. Масленников (с 2005 г.). С 1959 г. в Ленинграде работает группа отдела. Ее первый руководитель – М.П. Грязнов.

Выдаваемый ОПИ открытый лист дает право на проведение различных полевых работ сообразно квалификации археолога, определяемой по научным отчетам о результатах предыдущих исследований и состоянию памятника. Такая система выдачи ОЛ была введена еще Императорской археологической комиссией (ИАК) в 1889 г. Традиция научной экспертизы исследований не была утрачена и в советское время. Данные обо всех работах накапливались в архиве ИАК и в сменивших ее при советской власти учреждениях. Они продолжают накапливаться и сейчас в ОПИ и научно-отраслевом архиве ИА РАН. Централизованная регламентация позволяет получать данные о качестве и объеме полевых исследований, а также косвенным образом контролировать состояние памятников. Не случайно в ОПИ стекается информация о разрушениях памятников археологии и противоправных действиях по отношению к ним.

Возникновение ИАК было вызвано рядом обстоятельств. С 1830-х гг. на юге России под влиянием эффектных находок в окрестностях г. Керчи развернулись масштабные раскопки курганов. Иногда они более походили на разграбление (хотя и производились назначенными правительством чиновниками), поскольку отсутствовали и общие инструкции, упорядочивающие проведение раскопок, и общегосударственные органы,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

уполномоченные осуществлять за ними контроль (Бойко, 2000, с. 73, 74; Тункина, 2002, с. 273, 335). Еще более широко распространилось собственно разграбление курганов населением – «золотая лихорадка». Стала очевидной необходимость мер по охране археологических памятников и упорядочиванию организации полевых работ, а также и необходимость разработки полевых методик.

В 1850 г. министром внутренних дел (с 1841 по 1852 г.), позже министром уделов (Министерство Императорского двора) и управляющим кабинетом и Академией художеств (с 1852 по 1856 г.) графом Л.А. Перовским была создана Комиссия для исследования древностей (Веселовский, 1900, с. 71; Пескарева, Рябинин, 1984, с. 229; Тункина, 2002, с. 252–254). Начались разработки документов по регламентации и методике раскопок курганов юга России, но они тогда не имели общегосударственного характера и применялись далеко не всегда (как, впрочем, и более поздние разработки). После смерти Л.А. Перовского в 1856 г. археологические работы остались в ведении Министерства двора. «Заведывание археологическими розысканиями» указом императора Александра II было возложено на графа С.Г. Строганова (РА ИИМК, ф. 14, д. 1, л. 2, 3). Строгановская комиссия продолжила дело упорядочивания археологических раскопок на юге (Тункина, 2002, с. 255, 306, 307), начала работу над уставом археологической комиссии, проект которого был представлен министру двора в начале 1858 г. (РА ИИМК, ф. 14, д. 1, л. 42–44). Было разработано и «Положение об археологической комиссии Министерства Императорского двора» (РА ИИМК, ф. 14, д. 1, л. 92–99; Охрана, 1978, с. 63–68), дающее ей полномочия на «изыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространствах, занимаемых ныне Россиею».

Императорская археологическая комиссия была учреждена в 1859 г. в ведомстве Министерства двора как часть государственной системы управления, ответственная за сохранение археологического (в то время и архитектурного) наследия (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1, л. 1, 2, 12; Лебедев, 1992, с. 88–94; Пескарева, Рябинин, 1984, с. 299, 300). Председателем ее был назначен С.Г. Строганов. Это назначение оказалось судьбоносным для отечественной полевой археологии, поскольку его стараниями статус нового учреждения перерос рамки узковедомственного (Васильева, 2000, с. 177). Ситуация с раскопками древностей изменилась к лучшему, хотя впоследствии выработке единого подхода к полевым исследованиям мешало соперничество ИАК с Московским археологическим обществом.

На содержание ИАК и полевую деятельность выделялись средства из госбюджета, ей были приданы достаточно широкие полномочия. Задачи ИАК определялись следующим образом: контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности»; организация квалифицированных археологических раскопок (особенно на разрушаемых памятниках); учет производимых исследований, контроль за их качеством и качеством представляемой отчетной документации; хранение этой документации как основы сведений об археологическом наследии; представление наиболее выдающихся находок на высочайшее рассмотрение для определения их в музеи (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1, л. 50).

Для осуществления своих функций ИАК плодотворно сотрудничала с другими государственными ведомствами, в том числе и церковным, хотя до конца XIX в. развитие церковной археологии шло своим путем, несколько отставая в организационном плане от общих темпов развития археологии в России (Мусин, 2004, с. 83, 84). Некоторая централизация в области церковной археологии обозначилась лишь к 1918 г., когда само существование такого направления уже было проблематичным. Руководили работой ИАК последовательно три председателя: граф С.Г. Строганов (1859–1882 гг.); князь А.А. Васильчиков (1882–1886 гг.); граф А.А. Бобринский (1886–1918 гг.). Именно при последнем председателе деятельность комиссии приобрела поистине государственный размах.

В 1876 г. при Министерстве народного просвещения под председательством князя А.Б. Лобанова-Ростовского работала Особая комиссия для обсуждения предложений о мерах к охранению памятников старины. Комиссия подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников». Она пришла к выводу о необходимости надзора, возложенного на правительст-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

венный центр, каковым могла стать ИАК, для чего следовало изменить ее устав и дать ей соответствующие права (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 16–26; Охрана, 1978, с. 100–109). Проект в то время из-за недостатка средств реализован не был.

С конца 1880-х гг. разворачивается активная деятельность ИАК по созданию структуры российских археологических учреждений для развития дела охраны древностей. Этот вопрос назрел, так как участились случаи неквалифицированных раскопок, производимых любителями только ради добывания находок, которые оседали в частных коллекциях или вывозились за рубеж для продажи. Признается необходимым упорядочить деятельность частных обществ и любителей древности. В документах ИАК подчеркивается, что только государственный контроль может прекратить хищнические раскопки, растаскивание находок по частным коллекциям и обеспечить полноценное научное исследование материала. Отмечается, что к этому пришли уже многие страны. Ставятся также вопросы о представлении отчетов о раскопках и передаче коллекций в государственные и общественные (но не частные!) музеи. В записке членов ИАК от 21 января 1887 г. «О личном покровительстве делу охраны и принятии соответствующих решений» на имя Президента Академии художеств для представления императору Александру III говорится о необходимости контролируемой выдачи разрешений на археологические раскопки (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 8; Охрана, с. 118–122). Право на это, по мнению авторов записки, было бы логично предоставить ИАК как центральному государственному археологическому учреждению.

С 1889 г., по императорскому Указу, ИАК – единственное учреждение, правомочное регламентировать археологические исследования на всех землях, кроме помещичьих, то есть на казенных, ведомственных и общественных (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1, л. 12; Охрана, с. 133, 134). Вводится специальный документ – открытый лист, выдаваемый конкретному лицу, квалификация которого известна ИАК, на конкретные археологические работы. Тогда же разрабатываются и согласовываются с многочисленными региональными археологическими обществами и учреждениями правила выдачи ОЛ и представления отчетности по ним.

С 1917 по 1919 г. со сменой власти в государстве изменялись названия и функции археологического ведомства (РАК, РГАК), но сохранялось основное направление – централизованный контроль, что подчеркнуто даже названием – Российская **государственная** археологическая комиссия. С 1919 г. при преобразовании РГАК в РАИМК функции раздваиваются: за РАИМК закрепляются научные, а за Отделом музеев Наркомпроса – административные. В 1926 г. РАИМК реорганизована в ГАИМК (опять же в системе Наркомпроса). До 1934 г. приоритет в организации контроля за археологическими исследованиями сохранялся ОЛ за Главнаукой (отдел Наркомпроса). С 1934 г. существует сектор полевых исследований ГАИМК, с 1935 г. ему передаются все полномочия по выдаче ОЛ. С 1937 г. функции контроля за археологическими исследованиями с выдачей ОЛ переданы, как уже говорилось, в ИИМК им. Н.Я. Марра, то есть в систему Академии наук СССР.

2. Регламентация полевых исследований и становление методических норм до 1917 года

Изучение древностей весьма волновало наиболее образованную часть российского общества в XIX в. На землях помещичьих, государственных и ведомственных находилось огромное количество археологических памятников, хорошо заметных и без раскопок (городища и курганы), не говоря уже о памятниках архитектуры. Интерес к археологии проявился в образовании археологических обществ (или обществ любителей древностей). В 1839 г. образовалось Одесское общество истории и древностей (ООИД. С 1859 г.– Одесское археологическое общество), в 1846 г.– Русское археологическое общество (РАО), в 1864 г.– Московское археологическое общество (МАО). Подобные общественные институции возникли и в других регионах (Лебедев, 1992, с. 208–220).

Нельзя не согласиться с тем, что общий интерес к российским древностям развился под влиянием классического направления, связанного с ценными во всех отношениях находками в античных и скифских памятниках Северного При-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

черноморья (Бойко, 2000, с. 71; Жебелев, 1923, с. 32; Лебедев, 1992, с. 61, 62). Именно в этой области российской полевой археологии были сделаны первые шаги по регламентации раскопок и разработке методики их проведения.

В 1843 г. ООИД предприняло труд по составлению «Правил, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей». Их дополняет «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей», утвержденное ООИД в 1851 г. (Тункина, 2002, с. 634, 635, 678, 638). Наибольший вклад в это дело внес секретарь ООИД Н.Н. Мурзакевич. Оба документа, несмотря на краткость, содержат важные указания по практическому обеспечению раскопок (инструмент, необходимые материалы, устройство раскопа), ведению полевой документации, обращению с находками, взятию антропологического материала. Часть позиций актуальна и теперь, особенно — предложение копать курганы «на снос» (правда, только небольшие). Однако о написании отчетов о работах речь пока не идет, их и позже составляли далеко не все исследователи. Дело не дошло и до всеобщего применения этих полезных инструкций.

Важнейшим явилось то обстоятельство, что полевая археологическая деятельность в Новороссии находилась под контролем властей. Еще в 1-й половине XIX в. археологическими памятниками ведало Министерство внутренних дел, поскольку учет их велся (наряду с разного рода иной статистикой) в этом ведомстве (Формозов, 1995, с. 28). С 1834 г. этим занимался Статистический комитет, в 1858 г. были созданы губернские статистические комитеты, также в рамках этого ведомства. Им вменялось в обязанность подробное описание губерний, в том числе и в «историческом» отношении» (РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27, л. 3). ООИД приняло вышеуказанные инструкции по поручению генерал-губернатора края графа М.С. Воронцова, с 1852 г. оно было обязано согласовывать действия с Комиссией графа Л.А. Перовского (Тункина, 2002, с. 268).

В 1851 г. Русским археологическим обществом (Санкт-Петербург) была издана «Записка для обозрения русских древностей», составленная членом Общества И.П. Сахаровым (Записка, 1851). Это очень краткое методическое пособие по разведке памятников, позволяющее в государственных масштабах использовать любительский интерес для сбора сведений о них. Общество обращалось к сельским священникам, настоятелям монастырей, помещикам, преподавателям гимназий и училищ с целью издания атласа российских древностей до 1700 г. (остальные памятники признавались современными), включающего архитектуру, достопримечательные места, церковные памятники, сельские и городские древности. «Записка» содержала указания по воспроизведению надписей, рисунков и орнаментов, измерению предметов, а также список вопросов, касающихся географического положения памятника, сведений о нем всякого рода. Из археологических памятников включены городища, курганы, земляные валы, развалины и т. д. Для удобства измерения приложены единицы мер, веса и величин. Однако эта записка имела лишь рекомендательный, а не обязательный характер.

В рамках деятельности Комиссии для исследования русских древностей в 1851 г. Л.А. Перовским были выработаны более конкретные «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», безусловно, пригодные для более широкого применения (РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179, л. 16–19; Тункина, 2002, с. 252–254, 335–337). Необходимо отметить, что Л.А. Перовский не просто исполнял возложенные на него обязанности контроля за «розысканиями», но руководствовался благородной целью спасения памятников от разрушения неграмотными раскопками. В докладе на высочайшее имя от 27 октября 1851 г. по поводу крайне неупорядоченных раскопок в окрестностях Керчи Л.А. Перовский отмечал, что «если сим работам дать надлежащее направление и развитие, то жатва открытий на сей богатой почве могла бы сделаться и обильнее, и полезнее для науки» (РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179, л. 1, 2). Составленные им «Дополнительные правила» содержали вполне современные методические требования: ведение дневника (причем подробно обозначено его содержание), снятие планов, графическая фиксация, составление отчетов и т. д. Главная же мысль содержалась уже в пункте 1: «При производстве археологических разрытий от правительства должно иметь в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

виду, чтобы работы сии, даже и в таковом случае, когда они не сопровождаются примечательными находками, по крайней мере, не пропадали даром для науки» (РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179, л. 16). Для реализации этой идеи и была нужна предлагаемая методика. Это, собственно, и есть основа научной составляющей регламентации, сложившейся впоследствии.

«Дополнительные правила» были согласованы с наместником Кавказа, генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии М.С. Воронцовым, который, полностью признав их необходимость и содержательность, отметил, что «главный успех в деле этом зависит от выбора лица, которому будут поручены систематические розыскания» (РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179, л. 13). Таким образом, закладывается основа персональной квалификационной оценки, что и будет впоследствии закреплено системой выдачи ОЛ.

Действенность «Дополнительных правил» усиливалась благодаря утверждению их императором Николаем I в январе 1852 г., а также тем, что сотрудникам Керченского музея и Керчь-Еникальскому градоначальнику они направлялись фактически в форме приказа, учитывая занимаемую Л.А. Перовским государственную должность. Исследования древностей поручаются чиновникам с соответствующими предписаниями, которые можно рассматривать как прообраз административной составляющей будущей системы регламентации полевых работ в России. Финансирование работ производилось из казны и после принятия правил было вдвое увеличено. Представляется, что именно восприятие полевых работ как дела не только научного, но и государственного значения сыграло основную роль в становлении централизованной системы их регламентации в России.

Возникшая после смерти Л.А. Перовского Строгановская комиссия разработала «Правила производства археологических изысканий в Керчи» и «Руководство для составления описей находок» (РА ИИМК, 1857–1859, ф. 14, д. 6). Эти «Правила», однако, были направлены не на развитие методики, а на принятие мер по спасению находок от разграбления в процессе раскопок. Дальнейшие шаги по оформлению системы регламентации связаны с деятельностью ИАК.

Некоторую роль в формировании менталитета российского общества в отношении древностей сыграли обращения Строгановской комиссии и позже ИАК «как к местным начальствам, так и к частным лицам» с объявлением о необходимости сбора информации о находках, извещении о них комиссии и сдаче за вознаграждение. В 1857 г. такое обращение было напечатано в № 36 «Северной почты» (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1., л. 26, 27). В дальнейшем работа с прессой продолжалась. В 1880 – 1890-е гг. обращения печатались в «Сельском вестнике», в «Русской ниве», в «Новом времени», в губернских ведомостях и т. д. (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1., л. 28, 29, 34, 37, 45–49).

В 1862 г. ИАК направила письмо в Главное Управление Путей Сообщения и Публичных Зданий (впоследствии Министерство путей сообщения) и Инженерный Департамент с просьбой предоставлять сведения «о предстоящем производстве дорог и других строительных работах, могущих повлечь разрушение археологических памятников, с целью своевременной организации археологических работ» (РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 26, л. 1–5). Мера вполне оправданная, так как во второй половине XIX в. Россия переживала железнодорожный бум. Дороги прокладывались в южных и центральных регионах, богатых археологическими памятниками. В 1891 г. последовал приказ по Министерству путей сообщения об обязательности археологического надзора, осуществляемого ИАК, и производстве раскопок в случае обнаружения находок, а также включении в договоры на строительство пунктов об охране археологических древностей (РАИИМК, ф. 1, д. 26, л.94). Более того, Министерство предоставляет ИАК карты с проектами железных дорог. Появляется понятие «полоса отчуждения» под объект строительства.

До 1914 г. ведется активная переписка с местными учреждениями, причем ИАК требует от чиновников железнодорожного ведомства перед уничтожением памятника описать его и нанести на карту, а также принимать меры к сохранению находок. Осуществляется археологический надзор при строительстве. Так, в 1891 г. Д.Я. Самоквасову поручается «наблюдение за могущими быть случайными открытиями древностей на строительстве Джанкой-Феодосийской железной дороги» с правом произвести в случае необ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ходимости раскопки (РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 26, л. 102, 103).

Также в 1862 г. в письме ИАК в Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел отмечается, что «при крайнем равнодушии общества к археологическим исследованиям и памятникам нашей древности собирание обстоятельных и правильных сведений о таковых становится чрезвычайно затруднительным и почти невозможным без содействия других правительственных учреждений» (РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27, л. 1, 2). ИАК полагает необходимым привлечь губернские и областные статистические комитеты к собиранию материалов для «археологической статистики России» и к картографированию памятников разных типов. При этом «для установления единства и системы в составлении таких сборников и карт Комиссия снабдила бы Комитеты необходимыми указаниями и руководствами». По сути, речь идет о всероссийской программе учета объектов археологического наследия. Задача ставится та же, что и в действующем ныне Законе «Об объектах культурного наследия» — создание единого государственного реестра (ст. 15–17). ИАК разработала «Программу археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических Комитетов». В основе ее — «Записка для обозрения русских древностей» (Записка, 1851). Суть программы — проведение разведок (в современной терминологии) и сообщение в ИАК о предполагаемых разрушениях памятников для своевременной организации археологических исследований.

Вопрос решился за пять месяцев. В апреле 1863 г. Центральный статистический комитет издал соответствующий циркуляр для начальников губерний с приложением вышеуказанной «Программы» (РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27, л. 13, 14; Охрана, 1978, с. 68–70). В дальнейшем начинается взаимодействие губернских статистических комитетов и ИАК. При этом особенно важно, что формируется менталитет общества по отношению к древностям, поскольку предполагается широкое привлечение приходского духовенства, сотрудников образовательной системы, помещиков и т. д.

В 1864 г. было создано Московское археологическое общество — крупнейший центр российской археологии, взявший на себя организацию всероссийских археологических съездов (всего с 1869 по 1911 г. их прошло 15). Значение этих съездов трудно переоценить. В литературе подробно анализируется круг вопросов, связанных с ними (Лебедев, 1992). Для интересующей нас темы важно, что, во-первых, полевые работы стали приобретать планомерный характер, поскольку при подготовке к очередному съезду велись целенаправленные раскопки в тех регионах, где планировался съезд. Во-вторых, на съездах обсуждалась методика полевых исследований и принципы их организации, ставились задачи по созданию инструкций, обязательных для всех. Таким образом, формировалось новое сознание, в основе которого должно было быть представление о ценности археологического памятника не как места извлечения красивых и интересных вещей, но как исторического источника.

В 1874 г. комиссией, избранной в процессе подготовки III археологического съезда, в составе Д.Я. Самоквасова, В.Б. Антоновича, и Л.К. Ивановского была разработана «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов» (Труды III АС, т. I, с. LXIX-LXXIII). Для консультаций привлекались и другие исследователи, в том числе: Н.Х. Бранденбург, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, В.Г. Тизенгаузен, А.С. Уваров. Для принятия инструкции именно в это время имелись весьма важные причины. После реформы 1861 г. часть земли поступила в распоряжение крестьян. Памятники, особенно курганы, интенсивно разрушались и уничтожались распашкой и грабежом. Раскопки стали массовым явлением, однако часто производились неподготовленными лицами, и материал оказывался для науки потерянным (Самоквасов, 1908, с. 4). На III съезде было признано, что могильные древности — первоисточник для изучения прошлого, но существовавшая на тот момент практика раскопок и хранения в музеях не давала возможности использовать их в полной мере.

«Инструкция» 1874 г.— довольно краткий документ, касающийся описания разных типов памятников с подробным указанием географического положения, размеров, формы и количества (для курганов), сохранности, описания сооружений (для городищ). Даны указания по приложе-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нию к этому описанию планов и описи находок. Важно требование отмечать взаимосвязь памятников, то есть расположение рядом курганов и городищ. Подробная методика была изложена только для раскопок могил. Как видно, в «Инструкции» представлены требования к разведкам, вполне соответствующие современному уровню. Д.Я. Самоквасов доложил проект на общем собрании съезда, его приняли единогласно. По мере развития науки и полевых исследований «Инструкция» 1874 г. в первоначальном виде перестала отвечать запросам времени, но она все же действовала до 1911 г. и была основным методическим документом по полевым работам. В дальнейшем на ее основе Д.Я. Самоквасовым (Самоквасов, 1878, 1908), А.А. Спицыным (Спицын, 1895, 1908, 1910) и В.А. Городцовым (Городцов, 1911, 1914) были созданы настоящие методические пособия.

В 1878 г. в Варшаве была издана небольшая по объему работа Д.Я. Самоквасова «Условия научного исследования курганов и городищ», гораздо более полное пособие, но только по раскопкам (Самоквасов, 1878). О городищах в нем сказано совсем мало, что и понятно, поскольку раскопки курганов были гораздо более распространены. Подробно описано, какие наблюдения необходимо описывать в дневнике раскопок. Фактически это тоже инструкция, расширяющая документ 1874 г. Комитет по устройству антропологической выставки в Москве рассмотрел ее еще раз и полностью подтвердил, причем А.П. Богдановым сделаны дополнения к ней, касающиеся работы с антропологическим материалом (Инструкция, 1878).

Принятие съездом «Инструкции» в 1874 г. отнюдь не прекратило уничтожение и хищнические раскопки памятников. В 1908 г. Д.Я. Самоквасов отмечал, что большинство лиц, ведущих археологические раскопки, не признавало ее обязательной для себя. Поэтому в правительственные и общественные музеи продолжали поступать перемешанные и недокументированные коллекции, бесполезные для научного исследования. Памятник по-прежнему не воспринимался как целостная структура, отражающая исторические явления. Научные дневники часто заменялись общей информацией о раскопках в прессе. Методические ошибки неграмотных «раскопщиков» приводили и к неверным выводам (Самоквасов, 1908, с. 13–16). Все это делало очень актуальной работу не столько по усовершенствованию методики, сколько по регламентации полевых исследований в целом. Последнее, однако, потребовало долгой и тщательной подготовки.

В 1882 г. ИАК направила в Синод письмо о прекращении кладоискательства на церковных землях (РА ИИМК, 1882, ф. 1, д. 52, л. 21–23). В июле 1884 г. обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев дал циркулярное распоряжение духовным властям о производстве раскопок на церковных землях только с разрешения ИАК, вновь подтвержденное в 1886 г. (РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50, л. 10). Вместе с тем, ИАК была по-прежнему обеспокоена тем, что разрушение древностей крестьянами во время сельскохозяйственных работ продолжалось. Выход усматривался в поддержке ИАК сельскими священниками для разъяснения крестьянам научной ценности находок и убеждения в необходимости сдачи их в ИАК за вознаграждение. С этой целью в 1886 г. епархиальным архиереям и синодальным чинам по всей России было разослано специальное обращение (РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50, л. 20–24), на которое последовали многочисленные положительные ответы о соответствующих распоряжениях на местах.

ИАК ведет переписку с Министерством государственных имуществ с целью добиться согласования действий и предоставления информации о древностях в ИАК (РА ИИМК, 1885, ф. 1, д. 11). В 1883 г. соответствующее распоряжение Министерства последовало. Министерство выработало «Правила о сохранении древностей, находимых на землях бывших государственных крестьян».

В 1886 г. ИАК обращается к Министерству внутренних дел по поводу «недопущения к производству раскопок лиц, не имеющих на то разрешения от комиссии» (РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50, л. 1–3; Охрана, 1978, с. 116–118). В циркуляре Министерства от 27 ноября 1886 г., губернаторам предписывалось оказывать содействие ИАК и пресекать незаконные раскопки (РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50, л. 8). До этого подобные распоряжения отдавались в 1866, 1882 и в 1884 г. (Охрана, 1978, с. 114, 115). Таким образом, к охране памятников широко привлекается, как мы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

бы сейчас сказали, региональная администрация. При этом отмечалось, что «только при единстве действий и сосредоточении указания мер, клонящихся к сохранению памятников отечественной старины в одних руках, можно достигнуть действительно полезного результата». В качестве «таких рук» называется ИАК. Перед нами одно из первых свидетельств государственного подхода к сохранению археологического наследия.

Итак, в 1860–1880 гг. ИАК активно предпринимает шаги, ориентированные на привлечение внимания к проблемам сохранения археологического наследия различных государственных ведомств. Эти действия объективно направлены на создание единой системы государственного контроля и учета в области полевой археологии. На следующем этапе (вторая половина 1880-х гг.) происходит становление этой системы. Существенной вехой в формировании представлений о развитии археологии как о деле государственной значимости становится дискуссия об Уставе Исторического музея в Москве, открытого в 1883 г. (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69).

Музей должен был стать крупнейшим хранилищем археологических древностей, поэтому в проекте Устава предполагалось возложить на него функции учета, охраны и исследования (т. е. ведения полевых работ) памятников археологии. Для этого следовало создать на местах специальные комиссии, подотчетные музею. Правительственные, общественные и епархиальные учреждения для ведения строительных и иных работ на памятниках археологии должны были бы получать разрешения в музее. Но ситуация складывалась неопределенная, поскольку именно для осуществления этих функций в 1859 г. была создана ИАК. Кроме того, имелись и археологические общества в наиболее крупных центрах, также претендующие на самостоятельное ведение работ в своих регионах, без всякого разрешения.

В мае 1886 г. Государственный Совет по представлению Министерства народного просвещения издает постановление № 232 «Об утверждении Устава и штата Исторического музея» (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 3, 4). Государственный Совет признает приоритет ИАК как правительственного учреждения с довольно значительными правами и средствами и отмечает, что «при сравнительной неразвитости массы населения и том слабом еще сочувствии к археологии, которое замечается у нас даже среди более образованных классов, наши археологические учреждения не встречают достаточной поддержки со стороны общества». Поэтому необходима была именно правительственная поддержка – ИАК ее получала. Всякое дублирование вызвало бы сложности у местных органов власти и усугубило бы и без того неблагоприятную ситуацию. В том же постановлении Госсовет признавал и научный приоритет ИАК, поскольку, находясь в столице и пользуясь поддержкой Императорской Академии наук, она располагала гораздо большим, нежели музей (и тем более иные общества), потенциалом для исследования археологических древностей. Можно сказать, что этим был сделан первый шаг к признанию необходимости научной составляющей (то есть подхода к полевой работе как средству обеспечения научной источниковедческой базы) в процессе регламентации полевых исследований.

Вопросами охраны древностей, в том числе археологических, была весьма обеспокоена Академия художеств, еще в 1874 г. признавшая, что надзор за реставрацией монументальных памятников также должен осуществляться ИАК в целях пресечения самодеятельности и обеспечения качества реставрационных работ (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 8).

Из переписки ИАК с Министерством народного просвещения и местными археологическими Обществами видно, что возникло большое сопротивление централизации. Региональные Общества, в том числе РАО и МАО, восприняли это как ущемление своих прав. Тем не менее, необходимость и здравый смысл возобладали. Указом 11 марта 1889 г. император Александр III решил вопрос об установлении единого контроля за археологическими раскопками на казенных, ведомственных и общественных землях и реставрацией монументальных памятников, возложенного на ИАК. Об этом были незамедлительно извещены не только Общества и археологический Институт в Санкт-Петербурге, но и губернаторы (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 105, 107, 184, 185). Об этом также были поставлены в известность Министерство юстиции, Сенат и дру-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гие государственные ведомства. Распоряжение было опубликовано в «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при правительствующем Сенате в мае 1889 г.» за № 552 (РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1, л. 12).

В апреле 1889 г. ИАК организовала совещание с представителями российских археологических Обществ и иных учреждений (Академии художеств, Общества любителей естествознания, Московского и Русского археологических Обществ и т. д.), на котором были выработаны соглашения ИАК с Учеными Обществами. Был установлен порядок проведения полевых работ, зафиксированный в «Протоколах» совещания (РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, л. 126–145). Утверждается специальный государственный документ, дающий право на производство археологических исследований – существующий и ныне открытый лист. По новым правилам, Общества запрашивают ОЛ у ИАК с указанием цели и места раскопок и имени исследователя, то есть создается аналог современной заявки. ОЛ выдает ИАК. Местные власти ставятся в известность Обществом, производящим работы. Исключительным правом научной собственности на публикацию находок и результатов археологических исследований Общества и частные лица пользуются не более пяти лет, потом оно переходит к ИАК. Это вполне логично, так как материал нужно вводить в научный оборот, с чем и сейчас возникают большие трудности из-за нежелания иных исследователей. На совещании принята также форма ОЛ, действительного один год и возвращаемого в ИАК. Установлена ответственность Общества за деятельность лица, на которое Общество запросило ОЛ. Исследователям вменено в обязанность представлять в ИАК отчет о работах и опись находок для постоянного архивного хранения. Общества ведут ведомость выдачи ОЛ и представляют ее в ИАК. Определены положения о пользовании архивом ИАК. Пользоваться им можно всем заинтересованным Обществам и учреждениям. Простые справки ИАК дает безвозмездно, в случае сложных работ отряжается представитель на средства Общества.

В вопросе о коллекциях археологического материала возникли наиболее сильные противоречия. Общества хотят представлять только опись, а ИАК, согласно Указу 11 марта, требует и находки на выставку ИАК для рассмотрения их императором с последующим решением, где хранить: особо ценные направлять в Эрмитаж или Исторический музей, остальные – в провинциальные музеи. Так делается попытка предотвратить утечку значимого материала в частные коллекции.

В «Протоколах» предложено разграничение сферы деятельности Обществ по региональному принципу. Там, где Обществ нет, работы контролирует напрямую ИАК. ОЛ выдаются только по заявке тех Обществ, которые приняли на себя ответственность за определенные регионы. При этом исследования могут проводиться Обществами в любых регионах независимо от их дислокации, а охрана памятников осуществляется в своем регионе. Это прообраз системы современных региональных органов охраны. С 1889 г. стали приниматься постановления об охране памятников в регионах, например, циркулярные распоряжения начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о сохранении памятников старины (РА ИИМК, 1987, ф. 1, д. 69, л. 628, 629).

Как видно, процесс централизации протекал сложно, и только осознание такой необходимости высшей властью позволило создать систему регламентации. Но, учитывая сопротивление и возможный саботаж, на первых порах было принято промежуточное решение. Система регламентации некоторое время была двухступенчатой: общества сами решали, кому из их членов выдать ОЛ, и подавали коллективную заявку в ИАК. Вместе с тем значительная часть ОЛ выдавалась ИАК напрямую как ее членам, так и иным лицам по всей России.

Примечательно, что «Протоколы» не отражают методических вопросов, хотя с момента принятия «Инструкции» 1874 г. прошло 15 лет, и новый документ, несомненно, требовался. Они выполняют функцию «положения», то есть правоустанавливающую в отношении нового документа – открытого листа. Основой «Протоколов» явились разработки членов ИАК. Первые проекты такого документа появились сразу же после Указа 11 марта (РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200). В них изложены принципы научности и разрешения на полевые работы на основе квали-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фикации исследователя, но пока нет никаких указаний по поводу собственно методики полевых работ. Речь идет о записках, представленных в ИАК ведущими специалистами того времени.

Письмо Н.И. Веселовского (с 1886 г. член-корреспондент ИАК, с 1891 г.— действительный член) в ИАК представляет собой проект системы регламентации полевых работ, очень четко изложенный (РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200, л. 1, 2). Он был взят за основу программы ИАК, вынесенной на обсуждение совещания в апреле 1889 г. Здесь не только указан порядок выдачи ОЛ, но и определена необходимость для лица, не известного ИАК, предоставить сведения о своей научной подготовке в виде печатных работ или рекомендаций от ученых Обществ или известных археологов. Это положило начало системе квалификационных оценок, необходимых для отсеивания плохо подготовленных исследователей. В заявке Н.И. Веселовский предлагал мотивировать задачи исследования и точно обозначить место работ (уезды, волости), а также источники финансирования, место сдачи коллекций — вполне современные требования. Те же соображения содержатся и в письмах В.Г. Дружинина, члена ИАК, потом ее ученого секретаря, и А.А. Спицына, члена ИАК с 1891 г. (РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200, л. 3–7). Предложено выдавать новый ОЛ только по исполнении всех требований к предыдущему.

А.А. Спицыным составлены «Правила, на основании которых ИАК разрешает производство раскопок на землях казенных, общественных и подведомственных различным учреждениям». Это, можно сказать, первый правоустанавливающий документ к ОЛ (РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200, л. 8–11). Основное содержание «Правил» — сохранение древностей от порчи кладоискателями и неквалифицированными исследователями; сосредоточение информации в едином централизованном доступном архиве. А.А. Спицын также предложил предпринимающим раскопки правительственным учреждениям представить в комиссию план работ и соображения о размещении коллекций. Оговорено право ИАК при выдаче ОЛ ограничивать район работ. Для оказания содействия исследователям ИАК извещает местные власти и учреждения, в ведении которых находятся земли, и просит, если нужно, их разрешения на раскопки. В том же году, до начала следующего сезона, лица, ведущие работы как на средства ИАК, так и на свои средства, представляют в ИАК ОЛ, отчет, дневники, находки с этикетками, желательно — планы местности. Таким образом, обязательным методическим требованием признается ведение полевой документации. Обязательно требуется хранение вещей в музеях, правительственных и общественных (напомним, что речь не идет о частных землях, где владельцу никто не мог запретить копаться в земле в свое удовольствие и составлять коллекции из того, что попадется).

По трем письмам видно, что система предлагается очень жесткая (в восприятии привыкшей к действиям по собственному усмотрению российской археологической общественности того времени). В «Протоколах» совещания 1889 г. это в целом выдержано, хотя некоторые послабления сделаны в пользу Обществ, дабы на первых порах не обострять отношения.

В обретении нового статуса ИАК исключительно важна роль третьего председателя комиссии А.А. Бобринского, правильно осознавшего задачу и сумевшего ее выполнить. И дело не только и не столько в том, что этот новый статус позволил собрать в архиве ИАК уникальный материал, до сих пор востребованный современными археологами (Тихонов И.Л., 2004, с. 104). Суть в том, что была заложена система государственного контроля за археологическими исследованиями в масштабах огромной страны, благодаря которой удалось до 1917 г. в значительной степени приостановить варварское разграбление археологических памятников под видом научных раскопок. Ограниченность системы состояла в невозможности контроля над частными землями (хотя этот вопрос и ставился впоследствии).

Уже в 1889 г. новые правила регламентации реализуются, начинается нормальная работа — регулярная выдача ОЛ. Одно из первых типичных (впоследствии — многочисленных) — дело «О выдаче Археологическому институту ОЛ на право производства раскопок» (РА ИИМК, 1889, ф. 1, д. 40, л. 1–9). Археологический институт под покровительством великого князя Сергея Александровича был создан в 1878 г. в Санкт-Петербурге. Преподавание в нем археологии нача-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лось только в 1891 г. (Тихонов И.Л., 2003, с. 131–138), но было поставлено на практическую основу. Заявки от Археологического института поступили уже в мае 1889 г., вскоре после основополагающего совещания с Учеными Обществами. С целью ознакомить слушателей института с приемами полевых работ намечались раскопки в Новгородской, Минской и Псковской губерниях. Это, по сути, начало профессиональной археологической практики, принятой сейчас во многих вузах. Поэтому нельзя полностью согласиться с тем, что организация археологических институтов в Санкт-Петербурге и Москве (в 1907 г.) не решила задачи профессионального образования (Щавелев, 1991, с. 41). В широких масштабах — не решила, это были только первые шаги, но важные для формирования последующей образовательной программы.

Условие сдачи отчета или дневников и находок прописано прямо в тексте ОЛ, как и действие его в течение года с возвращением в ИАК. В деле находятся образцы первых ОЛ, отпечатанных в типографии. В заявке подробно указывается, для какого исследователя испрашивается ОЛ. В тексте же ОЛ вписывается просто — «выдан Археологическому институту», который при этом возвращает неиспользованный ОЛ, остальные распределяет согласно заявке. Таким образом, несмотря на то, что ОЛ выдается учреждению, а не лицу, как это будет позже, учет лиц и конкретных работ все равно идет через заявки. Это — первый этап централизации.

Судя по Описи № 1 дел ИАК за 1889–1904 гг. (РА ИИМК, оп. 1, 1889–1904), ведется большая работа по рассмотрению уставов всевозможных местных Обществ и других учреждений, в том числе — музеев. Это делается для достижения соответствия с новыми реалиями. В этом проявилась мудрая централизация и государственные функции ИАК. Рассматриваются вопросы о съездах разных региональных обществ и профессиональных объединений. Таким образом, все-таки начинает вырабатываться единый подход к полевой археологии в России.

На рубеже 1880–1890-х гг. объем полевых работ в связи с промышленным подъемом в России резко увеличивается. Речь идет, прежде всего, о регистрируемых ИАК работах, всех прочих хватало и раньше. Встает вопрос о создании специальных инструкций в дополнение к «Инструкции» 1874 г. В 1894 г. эта тема получает дальнейшее развитие. А.А. Спицын обратился в ИАК по поводу того, что возникла необходимость в руководстве «по части собирания археологических сведений, производства раскопок, приведения коллекций в порядок, составления отчетов о раскопках и, наконец, в руководстве для ученой обработки собранного археологического материала». Речь идет о разработке не регламентирующего, а методического документа. Руководство, по мнению А.А. Спицына, должно быть обязательным для всех, потому должно исходить от центрального учреждения — ИАК (РА ИИМК, 1894, ф. 1, д. 161, л. 1).

Результатом явилось издание пособия «Производство археологических раскопок» (Спицын, 1895). К консультациям привлекались А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, В.Г. Тизенгаузен, а также Д.Я. Самоквасов, Д.А. Анучин, С.К. Кузнецов. На тот момент это было исчерпывающее методическое пособие, сопровождающееся прекрасными рисунками. Перечисляется инструмент для археологических работ — от лопат разных видов и кирки до ножей, сит и решет для просеивания земли, включая крепеж стенок раскопа, то есть предлагается методика, учитывающая не только обеспечение сохранности археологического материала (по меркам того времени), но и технику безопасности. Есть указания на способы обнаружения памятника, например, бороньба на пашне (распаханные курганы отличаются по цвету почвы). Указаны способы уборки земли из раскопа на разных типах памятников и даже описан подогрев грунта для раскопок в вечной мерзлоте. Приводится подробная типология памятников (виды курганов, виды городищ и т. д.), разъясняются приемы их обнаружения с учетом топографии памятника. Даются объяснения, как производить измерения расстояний и высоты насыпи курганов.

Но, конечно, предлагаемая методика раскопок никак не применима в системе современных представлений. Хотя и отмечено, что могут остаться недокопанные впускные погребения в насыпи, курганы предлагается копать траншеей или колодцем, кроме случаев, когда в насыпи все

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

находки расположены слоями, хотя идея раскапывать, по крайней мере, небольшие курганы «на снос» обозначена уже в документах ООИД (1843 и 1851 г.) и в «Условиях» Д.Я. Самоквасова (1878). Траншеями же предлагается копать и городища. Им уделено очень мало внимания. Тем не менее, на тот момент это методическое пособие имело огромное значение, так как позволяло осмысленно вести работы на разных памятниках, наблюдать историческую ситуацию, сохранять находки в контексте слоя.

В 1898 г. вышла работа А.А. Спицына «Разбор, обработка и издание археологического материала» (Спицын, 1898). В ней определены принципы консервации и хранения археологических коллекций: с документацией – этикетками, соответствующими записям в дневниках. Подчеркивается необходимость приложения чертежей объектов раскопок с сечениями, плана памятника и ситуационного плана его расположения.

Российскому археологическому сообществу были известны и зарубежные издания по полевой археологии. В частности, в 1898 г. было издано «Руководство к производству археологических раскопок и хранение добываемых при раскопках предметов древности», переведенное с немецкого издания 1888 г. (Руководство, 1898).

В 1907 г. был открыт Московский археологический институт с филиалами в Смоленске, Нижнем Новгороде, Калуге, Воронеже, Оренбурге (Лебедев, 1992, с. 369). Это событие отражало возрастающую потребность общества в изучении прошлого народов России, способствовало развитию специального образования, замещению археологов-дилетантов профессионалами.

В 1908 г. увидело свет методическое пособие Д.Я. Самоквасова «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей» (Самоквасов, 1908) с комментариями и дополнениями к «Инструкции» 1874 г. (соавтором которой он был). Д.Я. Самоквасов возвращается к правилам проведения археологических работ, принятым еще на III съезде в 1874 г.: «Могила, при раскопках которой дневник не был составлен по правилам инструкции, признается потерянной для науки; все находки в данной могиле должны быть означены ее номером и хранимы отдельно, по могилам; дневник раскопок должен храниться в том музее, куда поступят находки на хранение» (Самоквасов, 1908, с. 4). Интересно, что Д.Я. Самоквасов подчеркивает нравственное значение методической грамотности для лиц, производящих раскопки. Такой же подход характерен не только для него. Н.И. Веселовский в записке к XIV археологическому съезду отмечал: «Раскопщик должен отличаться добросовестностью» (Труды XIV АС, т. III, с. 100). В 1914 г. В.А. Городцов в заключении к своему методическому руководству писал: «Решение вопросов «что делать», «как лучше поступить» в том или другом непредвиденном случае предоставляется самому исследователю. Но, чтобы решения были правильны... исследователь должен знать и любить свое дело, относиться к нему добросовестно и быть упорным в достижении цели» (Городцов, 1914, с. 61).

В 1908 г. на XIV археологическом съезде вопросы о нормативных документах широко обсуждались на заседании «Комиссии для составления инструкции для лиц, предпринимающих раскопки». Инициатором выступило МАО, еще до съезда разослав шее крупным археологам письмо с предложением высказаться по поводу необходимой методики раскопок. Состоялись выступления участников съезда с проектом основных методических положений (А.В. Селиванов, Д.Я. Самоквасов, Э.Р. фон Штерн), были также зачитаны записки В.В. Хвойко и Н.И. Веселовского (Труды XIV АС, т. III, с. 79, 93–111). Все авторы приводили доводы в пользу необходимости дополнения действующих норм – «Инструкции» 1874 г. и методического руководства А.А. Спицына (Спицын, 1895). Отмечалось также, что многочисленные методические промахи большинства исследователей происходят не от злого умысла, а от незнания и непонимания. Наиболее подробное описание процесса раскопок разных типов памятников дано в записке съезду В.В. Хвойко. Он рекомендует горизонтальные послойные зачистки для выявления особенностей насыпи курганов. В сумме обсужденные на съезде методические требования сводятся к следующему:

- Поручение археологических раскопок только хорошо подготовленным лицам, имеющим практический опыт полевой работы под руководством опытного наставника.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

- Составление плана работ для доведения их до конца. Признаются многолетние поэтапные раскопки крупных памятников, но исключается оставление недокопанных объектов. Доведение раскопов до материка.
- Соблюдение техники безопасности при раскопках (обвалы земли и т. д.).
- Правильное составление графика работ с учетом погодных условий.
- Постоянное наблюдение за всей площадью раскопа и ориентация рабочих на внимательное отношение не только к находкам, но и к их расположению.
- Раскопки курганов «на снос».
- Засыпка объектов по окончании раскопок, если не представляется возможным их музеефицировать, чтобы избежать грабителей и иного разрушения.
- Обязательность полевой фотофиксации объектов на раскопе (технический прогресс немедленно взят на вооружение! — *И.С.*).
- Точные измерения размеров, расстояний и глубин и фиксация их в дневнике; вычерчивание планов и разрезов.
- Фиксация в дневнике всех находок (а не только наиболее эффектных), в том числе — костей животных.
- Описание и сохранение находок по комплексам с этикетками к каждой находке, фиксация номеров находок при описании в полевом дневнике, ведение которого обязательно. Причем требуется описание не типа, к которому можно отнести предмет, а точной его формы.
- «Карточный метод» при изучении погребений (нашивание мелких находок из погребений на картон, чтобы избежать утери и разобщения комплекса).
- Обязательная фотофиксация находок и хранение коллекции по возможности в одном месте. Этот пункт появился вследствие осознания того, что требование ИАК представлять коллекции для распределения их на хранение приводит к утрате целостности и очень затрудняет дальнейшее исследование. Справедливость таких рассуждений нельзя не признать.
- Закапывание многочисленного массового материала, который невозможно отобрать в коллекцию, на месте раскопок с указанием места в дневниках и на планах.
- Создание «фондохранилищ» при музеях.

Последний пункт очень важен, поскольку ввиду все большего размаха работ, поместить все находки в экспозицию музеи уже не могли, а сохранить их признавалось необходимым. Образовывались фонды. Настало время разрабатывать принципы их организации.

Очень интересен пункт в постановлении съезда об оставлении эталонной части памятника в нетронутом виде: раскапывать не более половины площади поселения или числа курганов. Таким образом, появляется основание для современной концепции сохранения памятника, отраженной в Законе 2002 г. и в Европейской конвенции 1992 г. (Сборник, 2001, с. 90–101). Если проанализировать методические установки, о которых шла речь на съезде, можно сказать, что ими в значительной степени была заложена основа современной полевой методики, в дальнейшем с уточнениями и изменениями применительно к современному уровню изложенной в инструкциях вплоть до ныне действующих.

На XIV съезде также был поднят вопрос о централизации и выведении на общегосударственный уровень дела охраны памятников старины в России (Труды XIV АС, т. III, с. 75–77). Предложенные меры, на наш взгляд, настолько интересны, что стоит их привести:

- Разделение государства на археологические округа, подведомственные археологическим Обществам (Окружным Обществам), привлекающим для практической работы местные общественные и ведомственные организации (архивные комиссии, церковные историко-археологические общества и т. д.). Задача Обществ — регистрация памятников и «попечение об их сохранении». Включение в состав Обществ представителей государственных организаций, ответственных за памятники (Министерство внутренних дел, Синод и пр.);
- Государственное финансирование охранных мероприятий при поддержке городов и земств;
- Разделение всех недвижимых (термин из протокола съезда.— *И.С.*) памятников на три ка-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тегории: а) памятники государственного значения, б) памятники местного значения, в) памятники, не имеющие особой археологической ценности). Поддержание первых возложить на государство, остальных – на местное управление.

- Создание для общегосударственного контроля вневедомственного правительственного учреждения, объединяющего как ведомства, по закону ответственные за охрану памятников (в том числе ИАК), так и Окружные Общества.
- Придание этому центральному учреждению и Окружным Обществам широких полномочий: распоряжение финансами, реставрация памятников, определение их категории (см. выше), землеотводы и решения о сносе памятников.
- Внесение соответствующих изменений в законодательство, в частности, запрещение вывоза находок за рубеж, право правительства отчуждать частные земли с особо ценными памятниками, наложение обременений (по современному термину.– *И.С.*) на использование памятников, уголовная ответственность за нанесение ущерба.

Таким образом, можно говорить о предвосхищении многих аспектов современного законодательства, что отражает рост общественного сознания в отношении к культурному наследию. В 1910 г. возникло Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Перечисленные выше положения нашли отражение в опубликованном в 1911 г. МАО «Проекте закона об охранении древних памятников в России» (Проект, 1911). Однако законодательство по охране памятников в досоветской России так и не было принято. Одной из причин являлось наличие частной собственности на землю (вместе с находящимися в ней памятниками). Вспомним, что и действие ОЛ на частные земли не распространялось. В целом, конечно, вопрос об охране культурного наследия в Российской империи на законодательном уровне решен не был (Фармаковский Б.В., 1921, с. 3–5).

На XIV съезде была создана Комиссия по выработке инструктивного документа «для раскопок и хранения древних памятников, добытых раскопками» в составе Д.Я. Самоквасова и В.А. Городцова (Труды XIV АС, т. III, с. 136). В новой инструкции должны были учитываться предложения, прозвучавшие на съезде, а также положения пособия Д.Я. Самоквасова (Самоквасов, 1908), «Инструкция» 1874 г. и описания методики раскопок курганов, предложенные Н.И. Веселовским и В.В. Хвойко. В готовящийся документ было признано необходимым включить пункты о подготовке молодых ученых для производства раскопок путем прикомандирования к опытным исследователям и недопустимости передоверия ведения раскопок держателем ОЛ другому лицу (известно, что в то время не все исследователи имели обыкновение лично присутствовать на раскопе, как, впрочем, и после).

Также обсуждался вопрос о новом законоположении по охране памятников в России, которым занималось Министерство внутренних дел. Было решено просить привлечь к обсуждению представителей Ученых Обществ, что было Министерством проигнорировано. Как констатировали впоследствии в 1911 г. на XV съезде, работа ведется Министерством «втайне и без всякого желания сотрудничать». (Труды XV АС, т. I, с. 65).

Законодательные вопросы весьма волновали российскую археологическую общественность, что отражало возросший уровень понимания проблем сохранения археологического наследия. Интересны радикальные предложения Ставропольской Архивной комиссии о внесении дополнений в охранное законодательство (Труды XV АС, т. I, с. 111). Предлагалось запретить раскопки без ОЛ на частных землях; ввести предварительное извещение архивных комиссий о начале земляных работ в «местностях, имеющих археологический интерес»; все находки признать государственным достоянием, в том числе и происходящие с частных земель; ввести ответственность за уничтожение и продажу находок без разрешения Археологических Обществ.

Продолжая разработку полевой методики, А.А. Спицын публикует две работы: «Археологические разведки» и «Археологические раскопки» (Спицын, 1908, 1910). В их основе его же работа 1895 г. (Спицын, 1895). Обе книги сопровождаются большим количеством прекрасных рисунков. Понятие об археологической разведке конкретизируется впервые, хотя в «Инструкции» 1874 г. речь, фактически, шла об этом же. В пре-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дыдущем издании сведения о топографии и внешних признаках памятников тоже есть, но здесь они детализированы и количество типов памятников больше. Для разведки требуется документация: описание памятника, его обмеры, план памятника, сбор подъемного материала. Автор говорит о значении письменных источников, архивных данных и опроса населения. Подчеркивается важность разведок для определения плана раскопок с целью изучить «белые пятна», локализовать культуры, а не действовать наобум.

Изменилась и концепция проведения раскопок. Речь идет о раскопках поселений большими площадями и раскопках курганов «на снос». Обсуждается вопрос о рекультивации раскопов. Одни исследователи оставляют их незасыпанными, чтобы все понимали, что это уже раскопано, другие засыпают, чтобы сохранить их как элемент ландшафта. Второе, по мнению автора, предпочтительнее. С современной точки зрения, конечно, можно упрекнуть автора в некоторой методической ограниченности, но у него много и ценного. Прежде всего, это системный подход к археологическим исследованиям. В пособиях А.А. Спицына содержится немало практических указаний: об упаковке и транспортировке находок; о ведении полевого журнала; о составлении чертежей, в которых «нельзя допускать фантазии»; о необходимости полевых фотографий; об инструменте для раскопок; о разных приемах выкидывания земли из раскопа и т. д. Все эти аспекты полевых работ рассматриваются на примере разных типов памятников.

Заключительный раздел пособия «Археологические раскопки» стоит привести целиком, сохраняя язык и форму оригинала. Это своего рода заповедь археологам всех поколений: «Чертеж, разрез, план, рисунок! Чертеж, разрез, план, рисунок! Чертеж мелкого масштаба не может быть точен. Разрезы брать длинные и широкие. Поездка должна быть тщательно подготовлена с научной и практической точки зрения. Не выезжать с широкими, несбыточными, а, главное, неопределенными надеждами. Нельзя ехать на раскопки, не имея практического знакомства с земляными работами. На раскопе не спешить и не волноваться. Требуется выдержка и полное хладнокровие. Унынию, в случае неудачи, столь легко передающемуся рабочим, на раскопках не может быть места. Всякую минуту должно быть готовым и к неудаче, и к удаче. Если прием раскопки правилен и хорошо применен — это уже само по себе есть успех. На работах следует устранять все, отвлекающее внимание от дела. Непременно помнить, что раскопка уничтожает навсегда памятник древности» (Спицын, 1910, с. 124, 125).

Работа Д.Я. Самоквасова и В.А. Городцова по выработке инструкции была представлена на XV археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. (Труды XV АС, т. I, с. 65). Д.Я. Самоквасов скончался в том же году. В.А. Городцов, опираясь на накопленный к тому времени опыт (что отражено в приложенном к написанному им «Руководству» списке литературы, из которого явствует, что проблемы методики поднимались неоднократно, помимо событий и документов, приведенных в нашей работе), заканчивает этот труд один.

В 1911 г. на правах рукописи появляется «Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала», составленное С.И. Фляхом по лекциям, читанным В.А. Городцовым в Московском археологическом институте (Городцов, 1911). В 1914 г. это уже полноценное издание, систематизированное и дополненное, изданное самим В.А. Городцовым со ссылкой на поручение специальной комиссии XIV съезда (Городцов, 1914). Оба издания сопровождаются прекрасным иллюстративным материалом. Особая их ценность — в более детальной разработке методики раскопок поселений, которая раньше существенно отставала от раскопок погребальных памятников. «Руководство» содержит много методических положений, применяемых и в наши дни и вошедших в последующие инструкции к ОЛ. Отметим также, что в издании 1911 г. есть главы, посвященные доставке находок в музеи, их очистке и консервации и методам научной работы с археологическим материалом (Городцов, 1911, с. 45–50), отсутствующие в издании 1914 г.

В.А. Городцов суммирует с трудом выработанные и принятые российским археологическим сообществом нормы. Речь идет о допуске к раскопкам лишь специально подготовленных лиц; о недопустимости неквалифицированных раскопок; о планировании полевых работ; о до-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ведении раскопов до материка; о сохранении эталонных частей памятников для будущих поколений (кроме случаев, когда им угрожает уничтожение); о ведении и вечном хранении полевой документации; об объективном и тщательном отражении деталей; о сохранении находок по комплексам с точной документацией (этот же принцип должен быть положен в основу экспозиций музеев); о музеефикации или рекультивации раскопов; о нравственной ответственности исследователя перед наукой (Городцов, 1914, с. 5, 6).

Подводя итоги, следует отметить, что после 1874 г. общий, обязательный для всех лиц, занимающихся раскопками и разведками инструктивный документ, одобренный археологической общественностью и обязательный к применению, так и не появился. Издавались не инструкции, а обучающие пособия, фактически их заменяющие. Прийти к единым правилам и утвердить их в качестве официального документа, очевидно, помешала Первая мировая война. Немалую роль сыграло и соперничество двух основных археологических учреждений – ИАК и МАО.

В начале 1917 г. заканчивается большой этап в развитии полевой археологии в России. Итогом явилось становление системы регламентации полевых археологических работ в государственном масштабе, определение не утративших значения и ныне методических установок. Была выполнена огромная задача: обеспечены основы контроля за состоянием и исследованием археологических памятников. Однако, поскольку археологией занимались имущие слои общества (представители «эксплуататорских классов» по советской идеологии), наследие дореволюционного времени было объявлено несостоятельным. Вся деятельность ИАК определялась как «монополия производства раскопок на всякого рода казенных землях» (Худяков, 1933, с. 70), а не как начальная фаза регламентации полевой археологии в России.

В советское время стало принятым считать полевые работы археологов дореволюционного периода неграмотными и неквалифицированными. С позиций современного понимания и возможностей это не так. Среди тех археологов было немало охотников за древностями, ни в какой степени не интересующихся научными аспектами, но лучшие из них заложили основу современного отношения к памятникам и к исследованиям. Многие их ошибки (с точки зрения современного подхода) были обусловлены общей неразработанностью методик, в том числе и за рубежом. Значительная часть исследователей следовала принятым тогда наиболее передовым методикам Запада (Лебедев, 1992, с. 400–405). Но в то же время в теории и практике имелись взгляды и методы, сложившиеся задолго до 1917 г. и с успехом использовавшиеся в советской археологии. Совершенно правильно утверждение о том, что сравнивать работы того же Д.Я. Самоквасова следует не с последующими, а с предыдущими этапами развития методики (Щавелев, 1991, с. 32). Тогда становится очевидным движение к прогрессу.

Недостаток российской дореволюционной археологии в том, что она еще не осознала себя частью исторической науки (Монгайт, 1963, с. 75, 76). Основное же ее достоинство – в заложении «теоретических и организационных основ» (Формозов, 2004, с. 31). Российские археологи ощущали главное: необходимость подготовки исследователя, ответственность за судьбу памятника. Еще одна важная черта – осознание несовершенства, отсутствие догм, так распространенных впоследствии. В 1878 г. Д.Я. Самоквасов писал: «Предлагая эту программу исследования древнейших вещественных памятников нашей истории, мы не уверены, что она обнимает собою все вопросы, интересные для науки и связанные с научным исследованием этих памятников. Очень может быть, что в будущем будет обращено внимание на такие условия, о которых мы теперь еще и не думаем» (Самоквасов, 1978, с. 7).

Следует иметь в виду, что в наше время, при огромном размахе работ и целом море методической литературы, а также массе возможностей пройти археологическую практику в крупных центрах, далеко не все практикующие археологи стремятся к совершенствованию полевых работ. Наоборот, как свидетельствует опыт ОПИ, не так уж редко наблюдается прямо-таки сопротивление попыткам пресечь неграмотные работы. Под предлогом срочности скрывают небрежность. Так что, несмотря на развитие новейших технологий и размах работ, сравнение не всегда в пользу современных археологов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

3. Регламентация полевых исследований и становление методических норм в 1917– 1945 годах

К 1917 г. основными учреждениями в России по вкладу в развитие полевой археологии были ИАК, МАО и РАО. Все последующие учреждения восприняли их традиции, отстаивая и сохраняя систему государственной регламентации полевых исследований. Это позволило не только продолжать работу экспедиций, контролировать (в рамках возможностей того времени) состояние памятников, но и сохранить археологию как науку. В начале 1930-х гг. в связи с внедрением во все области знания марксистско-ленинской идеологии и методологии в оправданности существования археологии как самостоятельной науки возникали сомнения (Борисковский, 1980, с. 8; Генинг, 1982б, с. 128–136; Клейн, 1993, с. 20, 21; Монгайт, 1963, с. 84). Этот вопрос обсуждался в 1932 г. на Всероссийском археолого-этнографическом совещании, где прямо говорилось о том, что археология — не самостоятельная наука, а вспомогательная дисциплина. (Всероссийское..., 1932, с. 1–6). Археология в ГАИМК была отодвинута на второй план, но выжила, полевые работы продолжались. Выживание произошло благодаря деятельности ряда московских, ленинградских и некоторых региональных учреждений (музеев, университетов). Безусловно, отрицательным моментом было закрытие МАО, РАО и архивных комиссий в 1923–1924 гг.

В советское время происходит переход к раскопкам большими площадями, развивается поселенческая археология, появляются комплексные экспедиции с привлечением специалистов естественных наук (Генинг, 1982б, с. 46, 199; Мерперт, 1992, с. 194; Монгайт, 1963, с. 77). ГАИМК вела полевые работы в двух направлениях: мониторинг памятников археологии с рекогносцировочными небольшими раскопками (особенно интенсивно в 1919–1921 гг.); с 1919 г.— археологические экспедиции (АЭ, с. 7; Васильева, Длужневская, 1989, с. 67). Особое место занимал вопрос о кадрах, так как квалифицированное проведение полевых работ целиком и полностью зависит от их наличия и степени подготовки.

В деле сохранения археологического наследия в трудные послереволюционные годы большую роль сыграло краеведческое движение. В 1918 г. одной из задач РАК (РГАК) являлось сотрудничество с краеведами. В 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения. В 1927 г. в России насчитывался 291 краеведческий музей (Монгайт, 1963, с. 78.). Но в конце 1920 — начале 1930-х гг. краеведческое движение было фактически разгромлено (Клейн, 1993, с. 20; Формозов, 2004, с. 49–51). Судьба значительного числа краеведов трагична, в результате репрессий многие погибли или оказались в разных местах страны, что в дальнейшем будет видно по выдаче ОЛ. Это же участь постигла и сотрудников многих археологических учреждений. Однако традиции краеведения сохранились и влияли на развитие полевой археологии в послевоенные годы.

Помимо привлечения краеведов в 1920-е гг. продолжалась подготовка профессиональных археологических кадров не только в Москве и Петрограде, но и в региональных университетах: в Саратове, Самаре, Иркутске, Перми, Казани (Мерперт, 1999, с. 20; Формозов, 2004, с. 36). Связано с археологией и палеоэтнологическое направление, развивавшееся на физико-математических факультетах Санкт-Петербургского (с 1887 г.) и Московского (с 1917 г.) университетов. До 1917 г. самостоятельные кафедры археологии в университетах отсутствовали, хотя на разных отделениях курсы читались и специалисты готовились. Этим занимались также археологические институты в Петербурге и в Москве. В 1922 г. они были закрыты, точнее — слиты с университетами. В ходе перестройки высшей школы в связи с новыми идеологическими установками с 1921 г. место историко-филологических факультетов в университетах заняли факультеты общественных наук (ФОН), в свою очередь ликвидированные в 1931 г.

В 1922 г. было принято решение об открытии в Московском и Петроградском университетах в составе ФОН археологических отделений (Тихонов И.Л., 2003, с. 147; Формозов, 2004, с. 44). В 1923 г. была организована Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в которую вошел Институт археологии и искусствознания (Москва). При ГАИМК проходили подготовку, в том числе и полевую, практиканты — до 50 чело-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

век в год (Генинг, 1982б, с. 27). С середины 1920-х гг. было введено обучение в аспирантуре. Но уже в 1929 г. РАНИОН прекратила свое существование, в 1930 г. был закрыт ряд университетов. Преподавание истории в школах было запрещено, как и преподавание археологии в университетах (кроме МГУ и ЛГУ, но и там в 1931 г. специализированные отделения закрылись).

Только в 1934 г. история вновь заняла место в учебных курсах согласно Постановлению СНК и ЦК ВКПб «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (Постановление, 1934, с. 3). В 1934 г. вновь открыты исторические факультеты в МГУ и ЛГУ, с 1936 г. возрождается преподавание археологии как отдельной дисциплины, в 1938 г. были открыты специализированные кафедры (Тихонов И.Л., 2003, с. 166; Формозов, 2004, с. 71). Однако подготовке кадров был нанесен катастрофический урон. Это скажется позже – тотальной нехваткой специалистов при огромном размахе новостроечных работ во второй половине 1940–1950-х гг., усугубившейся кадровыми потерями военных лет.

Довоенные документы отражают тернистый путь развития археологии в Советской России, прежде всего, борьбу за сохранение централизованной системы регламентации полевых исследований.

В мае 1917 г., то есть при Временном правительстве после Февральской революции, пленарными собраниями ИАК было принято «Положение о Российской археологической комиссии 1859 г. с изменениями и дополнительными распоряжениями по 1917 г.» (РА ИИМК, 1917, ф. 1, д. 71, л. 1–3). Необходимость такого документа вызвана изменением власти и, соответственно, статуса ИАК. Примечательно, что, несмотря на кризисное состояние государства и шаткость власти, никто не подвергает сомнению незыблемость сложившийся системы регламентации полевых работ и необходимость ее сохранения. Сложившийся порядок поддерживается государством.

В новое «Положение» внесены существенные изменения функций ИАК, произошедшие в 1889 г. Что важно: сохраняется государственный статус и полномочия комиссии. ИАК преобразована в РАК – Российскую археологическую комиссию. Это связано не только со сменой власти, но и с осознаваемой необходимостью расширения полномочий и сферы деятельности (Платонова, 1989, с. 6–9). Определены следующие цели РАК: изыскание предметов древности; собирание сведений о памятниках; ученая оценка древностей; материальная оценка и приобретение для последующего государственного хранения; производство и разрешение раскопок на казенных, ведомственных, общественных землях и на отрубных участках; реставрация памятников. Полномочия РАК определялись таким образом: контроль за отдельными находками и земляными работами, надзор в процессе земляных работ и раскопки разрушающихся памятников, выдача разрешений на раскопки (лицам и учреждениям), архитектурные согласования совместно с Академией художеств. Подтверждаются основные правила 1889 г. по представлению отчетности и сдаче находок в правительственные или общественные музеи, хранение отчетов в архиве РАК, пятилетнее авторское право на публикацию.

В 1918 г. РАК переименована в Российскую государственную археологическую комиссию (РГАК) и реорганизована (РА ИИМК, 1918, ф. 1, д. 20; Пескарева, 1980, с. 26, 27). Количество членов ее увеличивается (и это несмотря на политическую обстановку, когда, казалось бы, уж совсем не до археологии!). Утвержден устав, руководителем РГАК назначен Н.Я. Марр. В конце 1918 г. определено место РГАК в структуре госорганов: СНК – Наркомпрос – Отдел имуществ республики (исполнительный орган, включающий подотделы: административный, музейный, археологический и т. д.). При Наркомпросе же создана Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, определяющая политику в этой области (своего рода «законодатели»). РГАК подчинена и Отделу имуществ (по сметам и вопросам обеспечения), и коллегии (по сути работы, по Уставу и штатам). В декабре 1918 г. структура органов меняется: такая бюрократическая активность характерна для всех направлений госструктур после установления советской власти. В системе Наркомпроса появляется Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, при котором действуют Археологический и Музейный отделы. В РГАК сообщается о создании Археологическо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

го отдела, который «развивает свою деятельность под непосредственным ее покровительством» (РА ИИМК, 1918, ф. 1, д. 20, л. 124). Как видно, сохраняются государственные функции РГАК и централизация.

Декретом СНК от 18 апреля 1919 г. ликвидирована РГАК и вместо нее создается РАИМК — Российская академия истории материальной культуры (РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 47; Пескарева, 1980; Платонова, 1989; Фармаковский Б.В., 1921), размещенная в Мраморном дворце (Петроград). Определен порядок выдачи ОЛ: это делает Отдел по делам музеев Наркомпроса на основании заключений Академии, то есть сохраняется установленная еще в ИАК научно-квалификационная основа ОЛ, определение которой закреплено за РАИМК (РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 1, л. 126–129). РАИМК поручено общее наблюдение за всеми полевыми археологическими работами в России.

Установлена новая система подчинения: РАИМК подчиняется Научному отделу Наркомпроса (потом Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями — Главнаука), при котором существует Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Археологический отдел, выдающий ОЛ по представлению РАИМК, подчинен коллегии. Таким образом, задача РАИМК — «чисто научное исследование и научная охрана памятников», как было отмечено в выступлении руководителя РАИМК Н.Я. Марра 1 октября 1918 г. (Пескарева, 1980, с. 29). Устав Академии принят советом РАИМК и утвержден Главным ученым советом Наркомпроса. Уставом определяются следующие задачи: научное исследование памятников и разработка основ их охраны; теоретическая разработка вопросов по археологии, этнологии и истории искусства; художественно-историческая оценка всех открываемых памятников; археологические раскопки, изыскания и сбор предметов древности, искусства, старины и народного быта; руководство научной стороной всех раскопок, разведок и реставрации памятников; развитие исторических знаний. Инструкции по проведению полевых работ разрабатывает РАИМК. В Москве образована секция РАИМК. Отчасти повторяется ситуация 1889 г.: еще существующие региональные общества, в том числе Московское, хотят самостоятельности, в Уставе РАИМК особо оговорена их роль. Этот документ действовал до января 1926 г., когда в связи с переименованием РАИМК в ГАИМК был принят и утвержден Наркомпросом новый Устав (Устав, 1926).

Проект «Положения» о РАИМК (РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 1, л. 104–107) гласит, что «в научно-организационном отношении РАИМК образует одно целое с Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, являясь ее составной частью и научно сотрудничая с коллегиею. Академия направляет свою деятельность, прежде всего, к удовлетворению теоретическо-научных и практическо-научных вопросов, выдвигаемых социалистическим строем страны перед коллегией, служа ее научным аппаратом». Археологический отдел определен как административный и исполнительный орган, действующий по указаниям РАИМК. Академия представляет отделу заявки на ОЛ, которые выдает отдел. Отдел — государственное учреждение в системе исполнительной власти, а РАИМК — государственное научно-образовательное учреждение. Организации Академии наук существуют параллельно РАИМК, в них не входящей. Таким образом, разделяются функции между разными учреждениями, имеющими отношение к контролю за археологическими работами. Ранее все функции — и научная, и административная — были у ИАК. Основной итог этого состоит в том, что создались предпосылки для противостояния РАИМК (потом ГАИМК) с Главнаукой Наркомпроса в вопросах о регламентации полевых работ.

В 1920 г. при РАИМК на базе Технического комитета ИАК организован Институт археологической технологии под руководством А.Е. Ферсмана (РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 31). Тем самым было положено начало широкому применению естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Появляются самостоятельные инструкции для правильного извлечения в процессе раскопок органических и неорганических материалов, составленные как археологами, так и представителями других дисциплин. В 1924–1928 гг. выпускались «Известия» Ин-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ститута, содержащие необходимые в полевой работе рекомендации.

После определения статуса и разграничения (по видимости, как мы увидим дальше) полномочий наступает время создания руководств по практической деятельности. В 1919 г. появляются «Проекты правил производства раскопок, исследования и хранения исторических и историко-художественных предметов, ремонта и реставрации памятников в пределах РСФСР». Они включают «Правила о производстве раскопок», согласно которым исключительное право составления общего плана археологических работ закреплено за РАИМК (РА ИИМК, 1919, ф. 1, д. 37, л. 1, 2). Необходимость такого плана определяется тем, что финансирование работ – исключительно бюджетное, и средств, конечно, мало. Остальные учреждения и лица согласовывают свои работы с РАИМК. Предусмотрена обязательная выдача инструкций по полевым работам от РАИМК исследователям (соответственно, от исполнителя требуется обязательство следовать им).

Согласно «Проектам», раскопки производятся только на основании ОЛ, выданного Археологическим отделом, причем отдел имеет «исключительное право» на выдачу ОЛ. Новые лица (через свои учреждения) для получения ОЛ представляют в Археологический отдел справку о себе, список трудов, рекомендации от известных РАИМК лиц и учреждений. Список лиц на получение ОЛ РАИМК передает в отдел. На все не сразу учтенные заявки отдел делает запрос в РАИМК (то есть заявки поступают в отдел, а не в РАИМК, которая только согласовывает получение ОЛ). Местные власти обязаны сообщать в Археологический отдел данные о предполагаемых земляных работах в зонах памятников; для надзора за ними отдел по согласованию с РАИМК посылает лиц, имеющих ОЛ и инструкцию. За порчу памятников предусматривается привлечение к суду как за «порчу и растрату невосполнимого народного имущества» (РА ИИМК, 1919, ф. 1, д. 37, л. 1, 2).

Напрашивается ряд выводов. Во-первых, перед нами не «инструкция» по проведению полевых работ, а «положение» об их статусе. Во-вторых, явно прослеживается приоритет бюрократического начала, создаются предпосылки для сведения оформления ОЛ к технической процедуре, исключающей научный подход к выдаче этого документа. Совершенно очевидно, что унаследованные от ИАК традиции необходимо было отстоять, чтобы полевые работы не оказались в руках малограмотных людей.

В обстановке такой раздвоенности появляются «Протоколы заседаний по установлению взаимоотношений Археологического отдела с РАИМК» (РА ИИМК, 1920, ф. 2, д. 57, л. 3–15). Работает согласительная комиссия, которая еще раз устанавливает, что Археологический отдел есть административный и исполнительный орган при РАИМК. Отредактированный проект «Правил о производстве раскопок» (РА ИИМК, 1920, ф. 2, д. 57, л. 19, 20) в апреле утвержден комиссией. Неизвестно, явился ли этот акт внутренним делом Археологического отдела и РАИМК, или проект утверждался выше. Уже сам факт необходимости согласительной комиссии свидетельствует о попытках со стороны бюрократического органа игнорировать Декрет СНК 1919 г. о создании РАИМК.

В 1923 г. проходит очередная бюрократическая реформа. При Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы Главнауки временно создано Центральное археологическое бюро, вскоре реорганизованное в Археологический подотдел. Несмотря на соглашения 1920 г., противостояние обостряется, как явствует из протоколов заседаний Комиссии по раскопкам РАИМК (РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 29, л. 4, 5). Главнаука выдает ОЛ часто без заключения РАИМК, чем уже явно нарушает Декрет СНК 1919 г. Тем самым Главнаука пытается расширить свои полномочия, запрашивает РАИМК «в случаях сомнений в научной компетентности лиц», обращающихся за ОЛ (РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 71, л. 3).

Нелишне заметить, что, если вопрос о научной компетентности в принципе ставится, он никак не может быть прерогативой бюрократического органа. Чиновники в Главнауке полагают, что выдача ОЛ – неотъемлемое право и обязанность Отдела музеев. Такое положение действительно было закреплено в пункте 4 Декрета СНК 1919 г., но при этом активно игнорируется установленное тем же пунктом необходимое согласование с РАИМК для обеспечения научной значи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мости и методической правильности полевых работ. Правительственный документ – Декрет СНК 1919 г., как явствует из переписки, в Главнауке вообще неизвестен (РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 71, л. 3, 22).

В 1923 г. Главнаукой разработан «Проект постановления ВЦИК об охране археологических памятников», в котором предлагается вести выдачу ОЛ вообще без согласования с РАИМК (РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 71, л. 18). В нем археологические памятники относятся к ведению Отдела музеев Наркомпроса. Губисполкомы обязываются следить за их сохранностью и сдачей находок в музеи, а РАИМК вообще не упоминается. Главнаука же предполагает разрабатывать инструкцию к ОЛ самостоятельно, что и делает в 1927 г. (Инструкция, 1927). Таким образом, не только разрушается с трудом созданная ИАК и эффективно работавшая до 1919 г. система регламентации, но и полностью игнорируется Декрет советской власти.

Начинается длительная борьба (до 1934 г.) между двумя учреждениями за отстаивание научной составляющей ОЛ. Ситуация напоминает то, что происходит сейчас (попытки свести выдачу ОЛ к формальной процедуре). Насколько вредны такие действия для охраны археологического наследия, видно из содержания выпущенной Главнаукой в 1927 г. «Инструкции к «Открытому листу» на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок» (Инструкция, 1927), отражающей резкое падение требований к методическому уровню и научной значимости полевых работ (об этом см. ниже).

В январе 1924 г. принят Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», разработанный на основе Декрета СНК от 5.10.1918 г. «Об учете, регистрации и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 392, 421). В нем содержатся следующие положения, касающиеся археологии: проведение раскопок памятников археологии только на основании ОЛ, выдаваемых Отделом музеев; сдача всех случайно обнаруживаемых при земляных работах археологических находок в ближайшие государственные музеи. Функции охраны памятников возложены на губернские и областные исполкомы РСФСР и подведомственные им местные исполкомы.

Декрет препровожден Отделом музеев в РАИМК для сведения вместе с выпиской из протокола Отдела об утверждении проекта инструкций (подзаконных актов к Декрету) и направлении его в РАИМК для заключения – всего пять инструкций, в том числе по археологии (РА ИИМК, 1924, ф. 2, оп. 1, д. 98, л. 1–3, 7–8). В итоге начала действовать общая «Инструкция» по всем пунктам Декрета с соответствующими разделами (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 423–432). Согласно этому документу, разработанному Отделом музеев, ему передается не только полный контроль в области археологии, но и определение научной ценности памятника. Последний пункт прямо противоречит утвержденному Наркомросом же в 1919 г. Уставу РАИМК. Можно сделать вывод о том, что РАИМК вообще не привлекалась к подготовке Декрета и «Инструкции». Положение с выдачей ОЛ на основании квалификационной оценки изменилось в худшую сторону не только по сравнению с периодом до 1917 г., но и с правилами, установленными в 1919 г., что создало прямую угрозу уничтожения памятников под видом научных исследований.

В 1926 г. РАИМК была преобразована в ГАИМК – Государственную академию истории материальной культуры. Административное подчинение Наркомпросу и Главнауке сохранилось. Не исчезли и проблемы. В декабре 1926 г. Отдел музеев препровождает в ГАИМК для ознакомления «Регламент» под названием «Задачи, функции и программа Музейного отдела Главнауки по линии археологических памятников», утвержденный Главнаукой в том же декабре (РА ИИМК, 1927, ф. 2, оп. 1, д. 95, л. 2–6). Причина появления этого документа состоит в стремлении чиновников Главнауки сразу же после преобразования определить место ГАИМК по отношению к археологическим памятникам и полевым исследованиям.

В «Регламенте» указывается: «Музейный отдел Главнауки по линии археологической несет научно-организационные, административные, инструктивные, контрольные и исполнительные функции по учету, охране и наблюдению за открытыми и вновь открываемыми на территории

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РСФСР археологическими памятниками, рассматриваемыми в качестве целостных объектов музейного значения, находящихся вне музейных зданий (в природе), а также по наблюдению за единичными и групповыми находками археологического значения и их учету, планируя их распределение по музейным учреждениям. Наблюдая за систематическим изучением археологических памятников, Музейный отдел ведает выдачей разрешений («открытых листов») на право производства археологических обследований и археологических раскопок подготовленными для соответствующих работ специалистами, ведет согласование, непосредственный надзор и научный контроль по таковым работам, а также ведет учет произведенных раскопок и концентрирует отчеты по ним». Перечисленные задачи должны были осуществляться в ведомственном порядке силами археологического аппарата Отдела и силами подведомственных Главнауке учреждений в центре и на местах. В их обязанности должно было входить следующее:

- Разработка и издание инструкций, программ и норм по учету, обследованию и раскопкам археологических памятников, отчетность исследователей по ОЛ, учет и распределение раскопанных коллекций и материалов по музеям.
- Руководство деятельностью подведомственных Главнауке учреждений и лиц «в области работ по учету и научным исследованиям (раскопкам)», контроль за этими мероприятиями, в том числе направление инспекций на места работ.
- «Организация в целях учета и охраны маршрутных изысканий и контрольных исследований археологических памятников».
- «Составление указателя раскопок по РСФСР с учетом производимых ими разрушений».
- Составление указателя исследователей с учетом производимых ими раскопок.
- Выдача «удостоверений» исследователям на право раскопок и хранение отчетов по ним.
- «Согласование археологических экспедиций, а также заявок на раскопки отдельных памятников, исходя из принципов охраны интересов науки и охраны авторских интересов и права приоритета».
- Осуществление методических и отчетных изданий по археологии.

В это же время была разработана новая форма ОЛ с грифом Главнауки. За ГАИМК признается «исключительное право предварительного научного отзыва по разрешениям на раскопки». Ей отводится роль научно-консультативного органа. В ГАИМК направляются на отзыв заявки и один экземпляр отчета. Выдача ОЛ производится в случае благоприятных отзывов ГАИМК. Отзывы контролируются Отделом. Если Отдел и ГАИМК не сходятся во мнениях, выдача ОЛ откладывается до согласования, но «мандаты» на экстренные работы Отдел выдает сам, уведомляя Академию. При Отделе работает постоянная Методическая комиссия по археологии, вырабатывающая научно-методологические пути исследований. Хранение отчетов предполагается в архиве ГАИМК.

В 1927 г. Отделом по делам музеев и охране памятников старины, искусства и народного быта Главнауки Наркомпроса РСФСР была издана «Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок» (Инструкция, 1927). Этому предшествовало ознакомление ГАИМК с ее проектом (РА ИИМК, 1927, ф. 2, оп. 1, д. 95, л. 15). В основе «Инструкции» – проект профессора Московского университета, ученого консультанта Отдела музеев по линии археологических памятников Б.С. Жукова, признанного специалиста, не раз получавшего ОЛ. Тем не менее, в «Инструкции» заметно явное упрощение требований. ОЛ выдается не на конкретный памятник, а на район и «вид памятника» (видимо, это надо понимать как определенный тип по современной терминологии). В области методики и отчетности допускается произведение действий «по возможности», причем речь идет не о чем-либо требующем больших материальных затрат (это было бы объяснимо, учитывая сложную экономическую обстановку того времени), а о вполне обычных полевых процедурах: изъятие материала, полученного в результате раскопок, предоставление фотографий и иллюстраций. Причем эти действия касались только «важнейших и руководящих по типам находок», что совершенно неприемлемо для погребальных памятников, где инвентарь погребения для полной культурно-хронологической характеристики должен

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

быть взят и представлен в отчете полностью. Понятие «чертежный план раскопок» не детализируется, предлагается не пообъектное описание, а лишь общая характеристика «стратиграфии и важнейших деталей памятника», типов погребений. Отчет требовалось сдавать в Главнауку и лишь в порядке пожелания — в ГАИМК, как в единое государственное хранилище. Особенно интересно указание «индивидуализировать отчетность по раскопкам каждого памятника».

В целом такой подход делает результаты исследований несопоставимыми и, стало быть, уменьшает достоверность информации. Еще хуже то, что подобный «импрессионизм» закрепился в менталитете археологов, поэтому даже сейчас, в эпоху ГОСТов, требования унифицировать полевую археологическую документацию встречают сопротивление. В той же «Инструкции» устанавливается принцип выдачи ОЛ по приоритетам: в открытии памятника и прав преемственности в исследовании. Это, как представляется, также ведет к нездоровой тенденции — исследователь делается как бы хозяином и распорядителем памятника на основании приоритета, а не профессиональных качеств. Сейчас это правило себя не изжило и периодически вызывает конфликты, отрицательно сказывающиеся, прежде всего, на памятнике. Данная «Инструкция» — не просто шаг назад, а фактическое перечеркивание с трудом выработанных установок дореволюционной полевой археологии. Она исключает возможность накопления полноценной базы источников для археологических исследований.

Несмотря на организационные сложности и противостояние с бюрократией, ГАИМК продолжает археологические работы, не только полевые, но и методические. Издаются труды существующего в ее рамках Института археологической технологии. Это важно для полевой археологии, поскольку, как и полевые методики, тоже работает на результат, на сохранение информации. При самой тщательной работе в поле всей реставрации выполнить нельзя, а без этого картина памятника неполна. Это часть камеральной работы, без которой полноценные научные выводы невозможны. С 1924 по 1931 г. ГАИМК издала ряд инструкций в области консервации и реставрации находок и сбору образцов для анализов методами естественных наук.

В 1927 г. выходит работа А.А. Спицына «Разведки памятников материальной культуры» (Спицын, 1927). Это пособие для краеведов (как значится в подзаголовке) издано Центральным бюро краеведения и является переработкой руководства «Археологические разведки», опубликованного в 1908 г. (Спицын, 1908). Новое в нем — раздел «Описание страны» (геологических условий). В работе содержатся практические рекомендации по организации в форме экскурсии краеведческих разведок (но не раскопок!) и отражению их результатов (Спицын, 1927, с. 136–141). Материал изложен не для профессионалов. Но роль краеведов при острой нехватке профессионалов велика, это вынужденный дилетантизм. Краеведение способствовало сохранению археологического наследия в эти трудные годы. Обследованные памятники А.А. Спицын предлагает ставить на учет в местный орган охраны (Спицын, 1927, с. 140) — это тоже новое. Таким образом, проводится мониторинг (по современной терминологии) археологического наследия. О получении ОЛ в работе не говорится, поскольку экскурсия — не научное исследование, хотя как раз А.А. Спицын всегда ратовал за работы только по открытым листам.

Продолжает ряд методической литературы брошюра Н.П. Тихонова «Фотография в полевой работе», издание ГАИМК. В ней отмечено полное отсутствие специальной литературы по этому вопросу на тот момент (справедливому и в наши дни: судя по отчетам, представляемым в ОПИ, многие археологи так и не научились фотографировать), в то время как фотография — научный документ, фактически самостоятельный источник (Тихонов Н.П., 1932, с. 3–6). Автор говорит о том, что снимать надо все — не только эффектные вещи, а весь процесс работ и все «остатки». Тогда этот взгляд был, безусловно, новаторским, но и сейчас стоит об этом напомнить, учитывая часто плохое качество и неинформативность фотодокументации в современных научных отчетах.

Важной вехой на пути развития полевой археологии стало добротное руководство-учебник А.А. Миллера «Археологические разведки» (Миллер, 1934). Оно включает приемы раскопок — зачистку обнажений, шурфовку и досле-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дование могил; разделы о культурной стратиграфии. Описывая практические приемы исследования и организации работ, А.А. Миллер продолжает традицию работ Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и В.А. Городцова. Новое состоит в подробном описании почв (дюны, торфяники и т. д.) и способов обнаружения в них памятников. Проявляется историзм, к которому стремилась тогда археологическая наука: в разделе «Древние могилы» последние, прежде всего, характеризуются как исторический источник, только потом идет речь о приемах их исследования. В этом издании много примеров работы на определенных памятниках (по опыту автора), а также теоретических рассуждений, характеристик не только памятников разных типов, но и разного времени. Включены новые специальные разделы: различные топографические карты и пользование ими; составление археологических карт (приведена система условных обозначений); съемки памятников (глазомерные и инструментальные). Объясняются способы использования мензулы, кипрегеля, буссоли, астролябии, нивелира. Изложена методика обмеров древних сооружений, зарисовок, фотографирования, копирования (эстампаж, гипс и т. д.), взятие образцов и монолитов, полевой консервации находок. Значение такого руководства огромно.

Интересно предисловие к руководству А.А. Миллера, написанное С.Н. Быковским, в котором он утверждает, что вся дореволюционная археология занималась исключительно вещеведением, этому были подчинены и полевые работы, отсюда их якобы методическое несовершенство (Быковский, 1934, с. 10). Это не так: деятельность ведущих археологов Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына, Н.И. Веселовского, В.А. Городцова и других как раз и была направлена на то, чтобы исследователь воспринимал памятник как исторический источник и стремился к тщательной фиксации не только находок, но и слоя. С.Н. Быковский, несомненно, прав в том, что нужны новые методические работы по полевой археологии, но, согласно общей тенденции того времени, он считает необходимым привнести в них марксистско-ленинскую идеологию, «историзм», и полагает, что чисто технологические методические руководства обслуживают исключительно вещеведение. Но именно они и были нужны в условиях доступа к полевым исследованиям слабо- или совсем не подготовленных лиц и резкого снижения требований к методике в основополагающем документе – пресловутой Инструкции 1927 г. (Инструкция, 1927). Стремление вести масштабные исследования без должной полевой методики приводят не только к утрате методической тщательности, но и к порче памятников.

В 1932 г. было принято новое «Положение о производстве археологических обследований и раскопок», опубликованное в качестве приложения к руководству А.А. Миллера (Миллер, 1934, с. 210–214). Оно разительно отличается в лучшую сторону от «Инструкции» 1927 г. Согласно этому «Положению», Наркомпрос (Сектор науки) продолжает выдавать ОЛ по заявкам научно-исследовательских учреждений и музеев «на основании постановления Археологического комитета РСФСР, опирающегося в своих решениях на отчеты экспедиций и отзывы ГАИМК». Это была огромная победа: отныне на первом месте – приоритет научной составляющей ОЛ.

Согласно «Положению», ОЛ выдается на определенную территорию с «возможно более точным указанием подлежащих исследованию памятников» конкретному лицу сроком на один год (с 1 января до 31 декабря). Для получающих ОЛ в первый раз требуется рекомендация специалистов. Далее следует совершенно современное правило, отсутствовавшее во всех предыдущих документах: требуется не просто извещение, а обязательное визирование ОЛ в местных органах власти перед началом работ. Краткий предварительный отчет предлагается представить в архив ГАИМК в том же году, не позднее октября (в современных условиях это, конечно, утопия). Этот пункт, однако, сыграл отрицательную роль. Полный отчет часто так и не подавался, в результате сейчас очень ощутимы пробелы в информации по исследованиям за этот и последующие периоды – до 1950-х гг.

Далее, по «Положению» отсутствие отчета или отрицательный отзыв влечет за собой лишение права на получение ОЛ. К отчету требуется приложить коллекционную опись находок, полевую документацию, сами находки сдать в один из центральных или местных музеев. Разделы II и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

III (раскопки и разведки) содержат подробные указания на состав полевой документации (фото, чертежи, карты маршрутов и расположения памятников с указанием масштабов), требования к описанию памятников, слоев и объектов, взятию материала и т. д.

Без сомнения, данный документ продолжает лучшие традиции полевой археологии, сформировавшиеся до 1917 г., и во многом закладывает основы современного понимания процесса полевых исследований. В нем чувствуется археологический профессионализм и сознание ответственности за судьбу памятников — лучшая черта предшественников. Документ, несомненно, готовился в ГАИМК, хотя и исходил от Сектора науки Наркомпроса и Археологического комитета РСФСР. Основным в процессе регламентации признан научный подход. Это, очевидно, стало возможным именно как следствие возведения археологических исследований в государственный статус в связи с развитием новостроечных экспедиций. В 1932 г. был создан особый Комитет по работе Академии на новостройках, последовали письма Госплана хозяйствующим субъектам о необходимости охранных археологических исследований и финансирования их за счет строительства (Смирнов А.С., 2004, с. 10, 11).

В области регламентации полевых исследований положительные сдвиги, несомненно, есть. Активно работает комиссия по раскопкам ГАИМК, созданная на базе соответствующей комиссии РАИМК, организованной еще в 1923 г. (РА ИИМК, 1933, ф. 2, д. 132). Туда поступают заявки прямо с мест, минуя Главнауку. Это свидетельствует об авторитете ГАИМК, в те годы безусловно являвшейся основным археологическим учреждением России. Отдел музеев выдает ОЛ по списку ГАИМК. С 1934 г. действует Сектор полевых исследований ГАИМК, при нем — кафедра методики и техники полевых исследований (заведующий — В.И. Равдоникас, секретарь — П.И. Борисковский). В плане работ кафедры на 1934 г. значится разработка руководства по полевым исследованиям, а также форм и типов научной отчетности (РА ИИМК, 1934, ф. 2, д. 72, л. 13–17). В качестве руководства предполагалось издание сборника методических статей, посвященных как исследованию определенных типов памятников (по формациям, в духе марксизма), так и конкретным технологическим приемам.

Развитие методической работы связано с резким ростом объема археологических работ на новостройках, выходом их на государственный уровень. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10. 02. 1934 г. «Об охране археологических памятников» расходы по исследованию их возложены на «организации, их использующие» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 449). Тем самым положено начало охранной археологии в СССР. Соответственно, возникла необходимость упорядочить получение информации о памятниках (посредством раскопок и разведок). Если учесть, что достижения дореволюционной археологии в области полевой методики подвергались резкой критике, наметился огромный методический провал. До 1934 г., то есть выхода в свет книги А.А. Миллера, он заполнялся только пособием А.А. Спицына для краеведов (Спицын, 1927). Но обе эти работы касались почти исключительно разведок, хотя раскопки велись постоянно.

В 1935 г. происходит исключительно важное для развития полевой археологии событие. Распоряжением Наркомпроса (письмо Отдела музеев) право выдачи ОЛ передается ГАИМК (РА ИИМК, 1935, ф. 2, д. 1, л. 1). Интересно, что это сделано «в целях рационализации», то есть признана необходимость соединить административную и научную функции, как это было в ИАК. При этом ГАИМК должна была согласовывать содержание ОЛ с Комитетом по Охране памятников при Президиуме ВЦИК и Отделом музеев. Очень важное нововведение — право апелляции: в случае невыдачи ОЛ организации или отдельные лица имели право обратиться в Отдел музеев. Заявки теперь должны были поступать прямо в ГАИМК, а в Отдел следовало сдавать копии отчетов. План археологических работ ГАИМК представляла Комитету по Охране памятников при Президиуме ВЦИК. Все предыдущие инструкции и распоряжения с данным письмом Отдела музеев утрачивали силу. Таким образом, процесс регламентации полевых исследований сосредотачивался в одном учреждении, но под контролем: ГАИМК по-прежнему оставалась в системе Наркомпроса, а также появился новый

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

орган — Комитет по Охране памятников при Президиуме ВЦИК.

В 1935 г. ГАИМК (уже под своим грифом) издает «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических обследований» (РА ИИМК, 1935, ф. 2, д. 1, л. 3–5), согласно которой ОЛ обязателен даже на «археологические обследования с правом обнажения ограниченных и весьма небольших участков на некоторых памятниках» (п. 2). Это новое требование. Напомним, что в руководстве А.А. Спицына по разведкам для краеведов (Спицын, 1927) ОЛ не упоминается; в «Инструкции» 1927 г. речь шла только о раскопках. Подтверждено право ГАИМК отказать в выдаче ОЛ при недостаточной квалификации исследователя или неудовлетворительном отчете. Специальный раздел посвящен правам и обязанностям исследователя в процессе полевой работы. Даются также подробные методические указания по проведению работ и представлению отчета. Эта «Инструкция», хотя и более краткая, составлена в том же русле, что и предыдущее «Положение» 1932 г. (Миллер, 1934, с. 210–214). Ее выполнение обеспечивает получение качественной информации о памятниках археологии.

ГАИМК ведет активную деятельность не только по созданию методических руководств и регламентации в области полевых исследований, но и по практической организации экспедиций. В 1935 г. утверждена «Краткая инструкция начальникам экспедиций ГАИМК им. Н.Я. Марра» (РА ИИМК, 1934–1937 гг., ф. 2, д. 9, л. 23–27). Очень подробно расписаны все действия по организации и проведению экспедиций, ведению полевого дневника, выполнению камеральной обработки, представлению материалов (на выставке, в публикации) и отчетности. В январе 1937 г., незадолго до реорганизации ГАИМК, разработаны «Правила выдачи открытых листов и проверки отчетов», утвержденные Археологическим комитетом (РА ИИМК, 1934–1937 гг., ф. 2, д. 9, л. 29).

В 1937 г. ГАИМК преобразована в ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, расположенный в Ленинграде с отделением в Москве (МОИИМК) и вошедший в систему Академии наук СССР. Он получил статус учреждения союзного значения. Археология впервые включается в число дисциплин, разрабатываемых в Академии наук (Шелов, 1991а, с. 15). ИИМК передается право выдачи ОЛ. В первоначальной структуре ИИМК подразделение, занимающееся полевыми исследованиями, отсутствовало. В 1938 г. был образован Комитет полевых исследований и охраны памятников (Лисицына, 1980, с. 55). Возглавила его В.В. Гольмстен. Положение о нем было утверждено Президиумом АН СССР. Комитет работал до 1941 г., с началом ВОВ его деятельность фактически прекратилась (хотя в годы войны небольшой объем полевых работ был произведен). С 1946 г., как уже говорилось, регламентация полевых исследований происходит в Москве.

ИИМК начинает работу по созданию системы охраны именно археологического наследия в государственных масштабах и в 1938 г. направляет в ЦК ВКП(б) обращение «О мероприятиях по улучшению дела охраны и использования археологических памятников СССР», в котором указано на катастрофическое разрушение памятников археологии (несмотря на постановления правительства об охране в предыдущие годы) и на необходимость принятия срочных государственных мер (РА ИИМК, 1938–1939, ф. 2, оп. 7, д. 8, л. 1–10). С 1933 по 1938 г. охраной памятников ведал Комитет по охране памятников при ВЦИК, уделявший мало внимания памятникам археологии. На местах при ЦИК АССР, краевых, областных исполкомах были созданы местные комитеты по охране памятников. С лета 1938 г. охрана передана Всесоюзному комитету по делам искусств, что еще более ухудшило ситуацию. ИИМК предлагает: а) издание нового закона именно по охране археологических памятников; б) организацию при Президиуме АН СССР Археологического комитета с представителями союзных республик (археологами и историками). Этот экспертный орган и должен выдавать ОЛ на основе данных о квалификации исследователя, качестве представляемых им отчетов, сообразуясь с государственным планом археологических работ.

В 1939 г. ИИМК выпускает новую «Инструкцию к открытому листу на право производства археологических исследований» (Инструкция, 1939). Этот документ действовал до 1949 г., являясь основой регламентации полевых работ в пер-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вые послевоенные годы. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть его ниже, в ряду послевоенных инструкций.

Итак, довоенный период в становлении норм регламентации и методических основ полевой археологии отмечен неопределенностью ситуации как с археологией в целом, так и с регламентацией полевых исследований. Причины — в противостоянии административной и научной линий, в попытке свести регламентацию к технической процедуре, что неизбежно привело бы к уничтожению археологических памятников под видом научного исследования. Основным достижением следует считать сохранение научной составляющей ОЛ, то есть учета квалификации исследователя, его способности извлечь и сохранить максимально полную информацию о памятнике. Важно и то, что процесс регламентации отныне возложен на научное учреждение в системе АН СССР, сохранившее преемственность от ГАИМК (РАИМК), а через нее и с ИАК.

Вопрос о преемственности учреждений, направлений, теорий и методов русской дореволюционной и советской археологии чрезвычайно важен. Это в полной мере касается и полевой археологии. Справедливым представляется утверждение о том, что «безусловная преемственность четко прослеживается в основных аспектах археологической деятельности — полевых исследованиях, теоретической работе, организационных структурах» (Мерперт, 1995, с. 6).

Наиболее трудное время довоенного периода — конец 1920 — начало 1930-х гг. Археология в целом оказывается тогда в состоянии кризиса. Во-первых, сомнению подвергается сама необходимость ее самостоятельного развития. Во-вторых, делаются небезуспешные (судя по длительности бытования и распространенности этой концепции) попытки разорвать связь с предыдущими этапами ее развития и объявить их достижения несостоятельными. В-третьих, прекращено преподавание археологии (а также и истории даже и в школе), закрыты историко-филологические факультеты, разгромлено краеведческое движение, резко сократилась сеть музеев. Очень значительные кадровые потери возникли в результате политических репрессий. В области полевой археологии это время — пик противостояния с Главнаукой по вопросам регламентации исследований, едва не приведшего к утере их научной значимости и полной гибели археологического наследия. Все это нанесло науке огромный урон и крайне отрицательно сказалось на развитии полевой археологии в послевоенный период.

Только с 1934 г. намечается положительный сдвиг, несмотря на продолжение репрессий и идеологическое давление. Восстанавливается преподавание истории, вновь открываются исторические факультеты в университетах. Благодаря размаху новостроек и необходимости выделения средств на исследование гибнущих археологических памятников полевая археология становится государственным делом, хотя, к сожалению, отнюдь не приоритетным по сравнению с экономическими задачами. Организован Полевой комитет ГАИМК, которому и передается выдача ОЛ. Издаются профессионально составленные инструкции и обстоятельное руководство (Миллер, 1934). Дальнейшие положительные моменты связаны с созданием ИИМК. Последние вехи перед ВОВ — издание в 1939 г. «Инструкции» к ОЛ (Инструкция, 1939) и первые шаги по созданию системы охраны памятников археологии (РА ИИМК, 1938–1939, ф. 2, оп. 7, д. 8). Это важное дело получит дальнейшее развитие только в конце 1940-х гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 2

Задачи, организация, нормативная и методическая базы полевых исследований в России в 1946–2006 годах

1. Проблемы полевой археологии на современном этапе

Сегодня в России и за рубежом основная цель полевой археологии – раскопки, в первую очередь, разрушаемых природными и антропогенными факторами памятников, а также тех, которые попадают в зону строительства и должны быть предварительно изучены (Федеральный закон, 2002, ст. 40, 45; Сборник, 2001, с. 90–101). Другая цель – максимально полное обследование для корректировки охранных зон памятников и границ будущих объектов строительства. И здесь особая роль отводится разведочным работам. К сожалению, как увидим ниже (гл. 4, разд. 4, рис. 8), приоритетным видом работ для археологов являются раскопки. В силу этого, а также недостаточности средств и малому (в масштабах страны) количеству профессионалов-археологов огромные территории все еще остаются «белыми пятнами».

На громадной территории Российской Федерации находятся сотни тысяч археологических памятников, относящихся к различным эпохам. Представление об их информационной значимости менялось с развитием науки. Многие из них можно считать памятниками мирового значения. Они отражают практически все периоды человеческой истории: от нижнего палеолита до позднего средневековья. Это осознавалось уже на рубеже XIX и XX веков. В 1900 г. Н.И. Веселовский писал: «Русскому государству досталось обладание крупными культурными центрами древнего человечества... Древности, находимые в пределах России, могут показать смену былых цивилизаций, самостоятельных или заимствованных, бедных или пышных и взаимные отношения народов между собою. Такое археологическое богатство избавляет Россию от необходимости производить археологические раскопки в чужих местностях, как это делают другие великие государства, Франция, Германия и Англия» (Веселовский, 1900, с. 10). В настоящее время хронологический диапазон еще увеличился, поскольку археологические работы ведутся не только на позднесредневековых памятниках, но и на объектах XVIII-XIX вв., имеющих культурный слой (городские слои, усадьбы, церкви и т. д.), ранее традиционно считавшиеся «неархеологическими». Выделяются новые виды исследований, например, археология промышленных объектов.

Памятники археологии составляют значительную часть объектов культурного наследия, а в некоторых субъектах Федерации – большую и даже подавляющую часть охраняемых объектов (и тем более – не охраняемых). Например, в Тверской области из 7073 стоящих на государственной охране объектов культурного наследия – 4895 памятники археологии, В Ростовской области из 9815 объектов 8124 – археологические (Государственная..., 2002, с. 113, 127). Общее количество известных памятников археологии всех типов ежегодно увеличивается. В результате разведок описываются новые и обследуются ранее известные памятники, которые разрушаются (или могут впоследствии быть разрушены) природой и людьми.

С 1918 г. разрабатывается советское законодательство в области культурного наследия, имеющее непосредственное отношение к археологическим памятникам и коллекциям. Закон 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» декларирует уникальную ценность археологических памятников, придавая им статус объектов федерального значения (ст. 4). Под сохранением их в исключительных случаях «понимаются спасательные археологические полевые работы» (ст. 40, п. 2), проводимые в установленном порядке, что предполагает наличие разрешения (открытый лист), обязательную сдачу на государственное хранение отчета об исследованиях и полученных коллекций (ст. 45, п. 8–10). Это повышает значение полевой архео-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

логии в деле охраны национального достояния. Такой подход, с одной стороны, дает возможность решать задачу планомерного выявления и постановки на учет и охрану археологических памятников. С другой стороны, акты, регламентирующие практическое применение закона, отсутствуют, поэтому пока неизбежен произвол как властей, так и хозяйствующих субъектов. Это весьма скоро может привести к потере значительной части археологического наследия народов России. Кроме того, как показывает печальная практика, вынужденные спасательные раскопки – отнюдь не исключительная мера, а очень распространенное явление, так как в нашем государстве приоритет экономической деятельности перед охраной памятников всегда был очевиден. И сейчас идет вполне сознательное уничтожение памятников как менее значимых по сравнению с объектами хозяйственной деятельности.

Поскольку, как это было осознано еще в XIX в., специфика памятников археологии по сравнению с другими объектами культурного наследия состоит в том, что как целостная система они полностью или частично уничтожаются в процессе раскопок, по-прежнему очень актуален вопрос о качестве полевых исследований. Остается информация, по которой в дальнейшем можно судить о памятнике, атрибутировать его во времени и пространстве. Именно поэтому так важен вопрос о способе извлечения и представления этой информации (то есть, в конечном итоге – о квалификации исследователя). Научный отчет – единственное свидетельство, характеризующее памятник археологии после раскопок. Именно полевая методика в первую очередь способствует сохранению как информации о памятнике, так и происходящих с него коллекций и информации о нем. Это осознавалось российскими археологами еще сто лет назад. «Прежде всего, следует указать на ту громадную ответственность, которую берет на себя перед наукой человек, приступающий к раскопкам. ...Это сознание довольно слабо только развито, а, между тем, эта ответственность в действительности очень серьезна. Пока могильник, курган, городище, развалины от построек покрыты землею, они находятся в том состоянии, в каком нам их оставила древность; раскапывая эти остатки, мы окончательно их разрушаем; после наших раскопок, за исключением немногих случаев, никто больше не в состоянии изучить эти остатки, проверить нашу работу. Ошибки, которые допущены при раскопке, почти всегда неисправимы» (из выступления Э.Р. фон Штерна на XIV археологическом съезде в 1908 г., Труды XIV АС, т. III, с. 97).

К сожалению, фактическое нанесение ущерба памятнику под видом научного исследования происходит не так уж редко. Виной тому низкая квалификация исследователей, отсутствие хорошей полевой практики. Н.И. Веселовский в письме к XIV археологическому съезду отмечал: «Производить археологические раскопки может только тот, кто в состоянии сам описать их, то есть, кто понимает то, что проходит перед его глазами, и к чему он должен направить свои усилия, чтобы получить совершенный результат» (Труды XIV АС, т. III, с. 100). Приведем и мнение другого выдающегося ученого – Д.Я. Самоквасова, считавшего, что «...раскопка, неправильно произведенная и неполно описанная, не только бесполезна, но и вредна для науки: уничтожая исторический памятник, она может привести науку к неверным выводам» (Самоквасов, 1908, с. 5). Сегодня далеко не везде есть хорошие полевые школы, в которых готовились бы новые поколения археологов. Речь идет именно о полевой подготовке – по остальным показателям образовательный процесс в регионах может быть налажен прекрасно.

Эти сложности в полной мере выявились в 1970-х гг. с массовым распространением новостроечных экспедиций и притоком новых кадров для освоения огромных объемов работ. Д.Б. Шелов, заведующий ОПИ в то время, не только отмечал процесс «децентрализации» полевой археологии, образования «местных археологических школ», но и оценивал его положительно. «Размах их полевых работ значительно превышает масштабы исследований центральных археологических учреждений»,– писал он (Шелов, 1981, с. 6). Но при этом он обозначил большую проблему: повторение учениками методических ошибок учителя – основателя школы, который при явной слабости системы профессионального образования археологов в России, усугубленной разгромными реформами высшей

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

школы 1920–1930-х гг., и сам мог не получить хорошей подготовки к полевым исследованиям.

Количество археологов, потребности в исследованиях и общий их объем в настоящее время резко возросли. Проблема осталась и даже усугубилась. Наблюдается большой разрыв в качестве полевых исследований между различными регионами. До тех пор, пока объем работ по стране был не так уж велик (по сравнению с сегодняшними потребностями), и для осуществления их хватало специалистов из традиционных научных школ (Москва и Ленинград), методический уровень был примерно одинаков. Сейчас же общие методические установки фактически отсутствуют. Постоянно ощущается недостаток в методической подготовке археологов, что, безусловно, отражается на состоянии полевой археологии.

Археологические памятники, как известно, делятся на типы. В области полевой археологии изучению каждого типа соответствуют свои методики, нарушение которых ведет к потере информации. Тем не менее, ОПИ ежегодно отмечает такие нарушения. Например, некоторые исследователи пытаются раскапывать курганы по методике поселений, полагая, что разбивка раскопа на небольшие квадраты повышает точность фиксации. Напротив, получается слишком дробная структура, которая не позволяет понять характер формирования курганной насыпи и связать воедино находящиеся в ней объекты. Различается также и методика раскопок поселений каменного и бронзового веков и средневековых селищ. К сожалению, встречаются грубейшие нарушения: например, вместо зачисток стоянки копают на штык.

Научная экспертиза отчетов позволяет выявить недостатки, в первую очередь, по методике полевых работ. Еще в 1898 г. в специальном разделе методического пособия по обработке археологического материала А.А. Спицын утверждал: «Из всех видов археологических работ составление отчета о раскопке есть самая ответственная, важная и требующая наибольшей осторожности и наблюдательности... Все сомнительное и неясное должно быть отмечено, все промахи раскопки, почти неизбежные, должны быть указаны. Гладкий, красивый и категорический отчет о раскопках лишен жизни и не внушает доверия» (Спицын, 1898, с. 350). Учитывая замечания научного экспертного совета по полевым исследованиям, многие исследователи начинают работать гораздо лучше и более качественно представляют материал в отчетах, что способствует общему повышению научного уровня. Вместе с тем, методика производимых рядом археологов полевых исследований и многие представляемые отчеты оставляют желать лучшего, а иногда и вовсе не удовлетворяют требованиям науки.

Очень тревожное явление – распространение грабительских раскопок (Макаров, 2004). С прискорбием следует отметить, что они приобретают все более организованный характер: отслеживается информация о значимости памятников и, соответственно, находок, привлекается землеройная техника, организуется финансирование грабительских операций и сбыт находок. В этой области сформировался круг «профессионалов», знакомых с археологической литературой и полевыми исследованиями, знающих, где, как и что искать. Немало вреда приносит официально разрешенная неконтролируемая продажа металлоискателей, а также не пресекаемая законодательством торговля археологическими артефактами в комиссионных магазинах и на рынках. Здесь не мешает вспомнить положения ст. 3, III «Европейской конвенции об охране исторического наследия» 1992 г., в которой специально оговорен пункт о контроле за применением металлоискателей (Сборник, 2001, с. 93).

Грабительские раскопки охватывают все большее число регионов России. Развитию этого явления часто способствует слабость и бездейственность государственных органов. В ряде регионов органы охраны памятников фактически отсутствуют. Во многих местах слабо поставлена система учета памятников, отсутствует контакт с местной властью по пресечению противозаконных действий. Выявленные памятники не всегда ставятся на охрану. Еще одно узкое место – недостаточно полное обследование территории, в результате чего памятники археологии попадают в поле зрения сначала грабителей, а только потом – профессиональных археологов. Целенаправленный и централизованный сбор информации о грабительских раскопках, к сожалению, не ведется.

Следующим видом противозаконной дея-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тельности на памятниках археологии следует считать строительные (или иные хозяйственные) работы, начатые без согласования с органами охраны и предварительного археологического обследования территории. Охранные службы нередко ставятся перед фактом и бывают вынуждены в лучшем случае ограничиться наблюдением за процессом строительства, обследованием готовых котлованов, исследованием остатков разрушенных памятников. В связи с этим появилось понятие «археологическое наблюдение», особенно распространенное в городской археологии. Однако такая форма работы может применяться только в крайних, вынужденных обстоятельствах, и ни в коем случае не должна подменять установленную законодательными актами процедуру: согласование на разных стадиях проектирования строительства и полноценное предварительное обследование (разведки и раскопки). В ряде регионов разработан механизм остановки строительства при обнаружении археологических объектов, но это скорее исключение, чем правило.

Приходится отметить и тот факт, что, вопреки профессиональной этике, и археологи-специалисты иногда проводят несанкционированные полевые исследования – без ОЛ и без уведомления органов охраны памятников, что является нарушением действующего Закона (ст. 45). ОПИ ежегодно выявляет такие случаи. При этом часто научный отчет не представляется, то есть информация полностью теряется для общества и науки. Судьба археологических коллекций тем более остается неизвестной. Таким образом, безусловно, наносится ущерб культурному наследию в целом.

Археологический памятник – сложный объект, имеющий внутреннюю структуру (стратиграфию, планиграфию). Артефакты (археологические находки) имеют определенное место в культурном слое или сооружении, что позволяет датировать и интерпретировать как сам памятник, так и находки. При комплексном анализе получается картина прошлого. Археологические коллекции являются документированным, т. е. полноценным историческим источником, только в том случае, если они привязаны к структуре памятника.

По ныне действующему законодательству, археологические коллекции должны передаваться в музей не позднее трех лет после окончания полевых работ, фиксации и обработки (желательно также – и реставрации). Требования об обязательной передаче коллекций в музей содержатся в методической литературе второй половины XIX – начала XX в., а также в «Инструкциях» и «Положениях» об ОЛ с 1927 г. К сожалению, это выполняется с трудом.

С 1991 г. ОПИ требует при сдаче отчета справку о передаче коллекций. Они, однако, чаще всего сдаются не в государственную часть Музейного фонда РФ, как предусмотрено Законом 2002 г. (ст. 45, п. 9), а в музеи, не имеющие такого статуса. Коллекции остаются в учреждениях археологического профиля, проводивших полевые исследования памятника. При этом часто нарушаются условия хранения, что может привести к порче и утратам. Отчасти это объясняется тяжелым состоянием музеев. Уже по представлениям, сформировавшимся к началу XX в., коллекция неделима, то есть нельзя отобрать на хранение красивые вещи и оставить массовый материал. На практике, к сожалению, бывает иначе: из-за отсутствия площадей и условий хранения, музеи далеко не всегда и не в полном объеме принимают на хранение археологические коллекции. Еще на XV археологическом съезде в 1911 г. обсуждалась тема: «Русские древлехранилища и разобщенность их деятельности» (Труды XV АС, т. I, с. 517).

Грамотное экспонирование археологических материалов – еще одно узкое место. Сказывается как недостаток средств у музеев, так и определенно устаревшая идеология: археология в краеведческих музеях чаще всего занимает место между местной флорой и фауной и достижениями промышленности региона. Даже очень качественные находки далеко не всегда попадают в экспозицию. Еще хуже обстоит дело с историческими реконструкциями. Древние артефакты, оторванные от информации о памятнике, эпохе и этносе, неинформативны. Вместе с тем, многие музеи ведут активную научную деятельность, теоретическую и практическую, включающую и полевые исследования для пополнения коллекций. В них работают специалисты-археологи, имеющие научные темы и ведущие экспедиции. Доля музеев среди организаций, занимающихся полевым исследованием памятников археоло-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гии, весьма высока – в среднем за период 1946–2006 гг. 19,3% всех полевых исследований по данным ОПИ (рис. 9).

Очевидно, что объяснение столь неудовлетворительному положению археологического наследия следует искать во многих причинах, главная из которых – несовершенство и недоработка (на уровне подзаконных актов) законодательства, отражающего современные реалии. Отсутствует механизм общегосударственного учета памятников, контроля за их состоянием и пресечения ущерба. Ведение такого учета, а также создание правовой системы защиты археологического наследия предусмотрено ст. 2 и 3 «Европейской конвенции об охране археологического наследия» (Сборник, 2001, с. 92, 93). Закон 2002 г. (гл. IV) предусматривает ведение единого государственного реестра объектов культурного наследия, но конкретный механизм реализации этого положения не разработан. Представляется, что размах грабительских раскопок и иных способов разрушения памятников во многом обусловлен именно этим.

Вторая причина – отсутствие четкой организации охранных мероприятий. До распада СССР существовала вертикаль власти: при региональной администрации имелись Управления культуры, в состав которых входили органы охраны памятников (в том числе археологии), Министерство культуры РСФСР осуществляло контроль за ними. Мы, разумеется, не питаем иллюзий по поводу качества этой охраны, иногда, как и теперь, фактически отсутствовавшей. Теперь же ситуация часто усугубляется отсутствием контакта или трениями между археологическими организациями региона. Корнем внутрирегиональных противоречий, как правило, является борьба за финансирование. Особенно страдают от этого слабые в экономическом отношении регионы.

В 2003 г. была создана Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Россвязьохранкультура), имеющая региональные отделения, но в федеральных органах нет ни одного специалиста-археолога. Некоторую активность проявляет Федеральный научно-методический совет по сохранению культурного наследия при Министерстве культуры РФ (ФНМС). Существующая в его составе секция «Археологическое наследие» рассматривает вопросы создания охранных зон, факты разрушения и другие вопросы, связанные с памятниками археологии. Однако это делается не в таком объеме, в каком бы требовалось. Из-за малой активности регионов в постановке проблем возможности ФНМС используются недостаточно.

Третья причина – явное отставание темпов усовершенствования охранных мероприятий и развития археологических исследований. Прежде всего, конечно, имеется в виду полевая археология, цель которой – исследование и введение в научный (стало быть, и в общекультурный) оборот первоисточника, то есть археологического памятника. Охранные работы современного уровня предполагают, прежде всего, не доследование за строителями, грабителями и обывателями разрушенных памятников, а предваряющие исследования с согласованиями на разных стадиях проектирования строительства. Еще лучше – перенесение места строительства, если это возможно.

Значительные успехи в разработке подобных методик достигнуты отделом охранных раскопок ИА РАН, Центром археологии Москвы, ГУП «Наследие Кубани» (Краснодарский край), ГУП «Наследие» (Ставропольский край), Комитетом по охране историко-культурного наследия Тверской области, некоторыми другими региональными охранными организациями. Тем не менее, до выработки единой системы действий археологов по спасению памятников еще далеко, хотя именно единство и единообразие дало бы наибольший результат, облегчило бы контакт с властью на местах, упорядочило бы работу с заказчиком строительных работ, способствовало бы отслеживанию и пресечению незаконных действий.

Как представляется, негативным фактором следует считать и определенное пренебрежение к охранной археологии со стороны академической науки. С одной стороны, охранные раскопки являются хорошим источником финансирования, позволяющим обеспечить выживание научной среды в нынешних непростых условиях, а также вкладывать дополнительные средства в фундаментальную науку. С другой стороны, до сих пор в менталитете этой научной среды присутствует

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мнение о том, что охранные раскопки из-за сжатых сроков и большого объема производятся некачественно, и, следовательно, их результаты малопригодны для дальнейших научных изысканий. Вместе с тем наблюдается как раз обратная картина: значительное финансирование позволяет применять новейшие технологии, привлекать специалистов смежных наук, должным образом оформлять научные отчеты. Можно сказать, что с развитием охранной археологии полевая археология в целом приобрела новые возможности и новое качество.

Отмеченные выше негативные факторы весьма существенны. Выход видится в принятии ряда неотложных мер:

- Принятие (с учетом специфики памятников археологии) актов, позволяющих эффективно применять Закон «Об объектах культурного наследия». При этом огромное значение имеет привлечение к их разработке специалистов-археологов.
- Скорейшая разработка принципов и методики ведения единого государственного реестра памятников археологии — единой системы учета и описания.
- Разработка и утверждение единых полномочий и обязанностей охранных служб, определяющих отношение к памятникам археологии.
- Дальнейшее совершенствование охранных методик.
- Ведение регулярного наблюдения за состоянием памятников — переход к повсеместной системе мониторинга.
- Создание службы учета и противодействия грабительским «раскопкам», что позволило бы своевременно обращаться в правоохранительные органы, привлекать внимание общественности.
- Активные контакты профессионалов-археологов и археологических учреждений со средствами массовой информации для пропаганды значимости археологических памятников как части национального достояния и привлечения внимания общества к угрозе их уничтожения.

В области полевой археологии необходимо:

- Изменение приоритетов. Проведение в первую очередь разведочных работ для выявления и постановки на учет новых памятников и фиксации состояния ранее известных, а также раскопок памятников, над которыми в наибольшей степени нависла угроза разрушения.
- Совершенствование полевых методик. Издание методической литературы, прошедшей апробацию и одобренной археологическим сообществом. Надо иметь в виду, что когда-то с трудом выработанные правила и методы со сменой поколений и приходом новых исследователей, не знающих логики их применения, оспариваются и забываются.
- Ужесточение методических требований к разведкам и раскопкам с целью получения более полной и точной информации о памятниках.
- Повышение ответственности археологов за некачественно выполненные полевые работы, особенно при последующем землеотводе под строительство.
- Проведение методических мероприятий в области полевой археологии (практика, семинары, школы) с целью повышения квалификации археологов.

Перечисленные выше проблемы требуют разрешения. Однако в начале послевоенного периода их было еще больше: в годы войны (и в ходе довоенных политических репрессий) археологическое сообщество понесло большие кадровые потери, на время была дезорганизована работа многих учреждений. При развертывании огромными темпами хозяйственной деятельности в конце 1940 — начале 1950-х гг. государство совершенно не предусматривало сохранения археологического наследия. В процессе грандиозных строек без всякого предварительного исследования уничтожалось огромное количество памятников. Катастрофически не хватало специалистов, практически отсутствовали региональные археологические школы и органы охраны памятников. И все же многое было сделано. Шла подготовка профессиональных кадров, увеличивалось количество организаций, проводящих полевые работы. Огромный размах новостроечных работ способствовал организации комплексных экспедиций, исследованию ранее неизвестных в археологическом отношении территорий. Разрабатывалась методическая и нормативная база.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2. Методические и нормативные документы послевоенного периода

На примерах довоенного времени мы показали, что разработка очередного правоустанавливающего документа или написание инструктивного пособия было каждый раз связано с определенными потребностями науки, государства и общества и обуславливалось причинами общекультурного, экономического, политического и организационного характера. Это же происходит и в послевоенный период. Единственная разница – большее единообразие, поскольку система регламентации окончательно установилась.

Появление в 1939 г. «Инструкции к открытому листу на право производства археологических исследований» (Инструкция, 1939) связано с реорганизацией ГАИМК в ИИМК и переходом его в ведомство АН СССР. Рассмотрим ее подробнее, поскольку она действовала до 1949 г., то есть фактически определяла регламентацию полевых работ в начале послевоенного периода.

В § 1 декларирован статус археологических памятников как государственного достояния. Там же содержится утверждение, проходившее до 1917 г. красной нитью во всех документах ИАК и трудах видных археологов и археологических съездов и после фактически игнорировавшееся Главнаукой. Суть его в том, что, поскольку памятник в процессе раскопок уничтожается, вести исследования должны только подготовленные лица «с применением всех необходимых научных приемов и наблюдений, гарантирующих возможность использования результатов раскопок как полноценного исторического источника». Таким образом, определяется главное – приоритет научной составляющей ОЛ. Устанавливаются два типа ОЛ: на право производства археологических обследований с частичным вскрытием отдельных участков памятников (соответствует современной форме 2) и на право производства раскопок (современная форма 1). Заявки должны быть поданы в ИИМК не позднее чем за месяц до начала работ, требования к их содержанию полностью совпадают с современными (включая объявление объема финансирования).

Новым является право Полевого комитета на ограничение заявки (уменьшение числа памятников или замена раскопок разведками). Напомним, что до этого А.А. Спицын уже предлагал внести в инструктивные документы право ИАК ограничивать район работ по одному ОЛ (РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200, л. 8–11). Право отказа в выдаче ОЛ в случае непредставления отчета или его недоброкачественности оговорено ранее в «Положении» 1932 г. (Миллер, 1934, с. 211) и «Инструкции» 1935 г. (РА ИИМК, 1935, ф. 2, д. 1, л. 3). В 1939 г. определены основания для ограничения и отказа, совпадающие с современными: нецелесообразность работ; недостаточная квалификация исследователя; неудовлетворительная методика, приводящая к порче памятника.

В области полевой методики уже тогда было сделано ограничение на закладку шурфов и траншей на ценных и хорошо сохранившихся памятниках и запрещение вести масштабные раскопки траншеями и шурфами (Инструкция, §§ 20, 28). В дальнейшем это положение было развито в «Инструкции» 1984 г. в связи с участившимися случаями нарушения слоя памятников неоправданной шурфовкой (Инструкция, 1984; Шелов, 1981, с. 10, 11; 1984, с. 8; 1986, с. 13). Подробно расписаны правила представления отчетов, требования к их содержанию (включая коллекционную опись и справку о передаче коллекций на хранение) и внешнему виду. «Инструкция» в значительной части своего содержания (это в меньшей степени касается чисто методических правил) вполне отвечала современным требованиям и явилась основой для последующих регламентирующих документов.

В 1948 г. были приняты Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 463–472). Эти документы определили новые задачи полевой археологии, в частности, значительно увеличился объем разведочных работ в связи с предусмотренной ими инвентаризацией памятников (Лисицына, 1951, с. 162). Появилось понятие о памятниках археологии союзного, республиканского значения и «остальных». В этом контексте нельзя не вспомнить обсуждение вопроса об охране памятников на XIV археологическом съезде, где было предложено такое же деление (Труды XIV АС, т. III, с. 75–77).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

«Положение» 1948 г. включает раздел об охране археологических памятников, где сказано о проведении любых полевых работ только на основании ОЛ, выдаваемого АН СССР (в отношении памятников федерального значения и иных, находящихся на территории РСФСР) и регистрируемого в Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров соответствующей союзной республики. Согласно Постановлению 1948 г. (п. 4, в), Советам Министров союзных республик предписано «разработать и утвердить по согласованию с АН СССР инструкцию о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников». В 1949 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР» (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 472).

В 1949 г. ИИМК по постановлению Президиума АН СССР издает «Инструкцию к «Открытому листу» на право производства археологических раскопок и разведок» (Инструкция, 1949), которая, судя по некоторым параграфам, обязательна и для союзных республик. В ней учитываются уже три типа работ (по-прежнему без указания форм). Помимо раскопок и разведок с вскрытием слоя появляются разведки без права производства земляных работ (соответствует форме 3). В число оснований для ограничения заявки внесен пункт о непредставлении акта о сдаче коллекций и полевой документации на хранение (§ 8, д). Вводится регистрация ОЛ в Комитете по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров республики, где проводятся работы.

В области методики работ появляются некоторые новые установки. Особо оговорено, например, что раскопки курганов должны обеспечить представление о характере всего могильного сооружения (§ 29). Требуется приостановка работ в случае необходимости сохранения архитектурных остатков. Но в целом повторяются пункты инструкции 1939 г., отражающие не самый совершенный с современной точки зрения уровень работ. Так, присутствует понятие о глубине залегания находок и слоев, но нивелировку поверхности памятника в ходе разведок рекомендуется делать «по возможности» (§ 22,б), что связано, очевидно, с плохой обеспеченностью приборами и отсутствием навыков обращения с ними. Вспомним, однако, что еще в пособии А.А. Миллера «Археологические разведки» настоятельно предписано применение приборов и разъяснены способы обращения с ними (Миллер, 1934, с. 181–192). Фиксация зачисток, частичного обнажения культурного слоя, положения костяка в погребении предполагает только записи, чертежи и зарисовки (§ 23, в; § 45, в), то есть отсутствует требование об обязательном фотографировании в процессе исследования. Должен быть только общий вид памятника. А ведь в 1932 г. вышло специальное пособие по полевой фотографии, где предусмотрен полный объем работ (Тихонов Н.П., 1932).

Положительным моментом следует считать, к сожалению, не всегда соблюдаемые в то время требования об обязательной фиксации слоев и объектов в виде планов и профилей, о включении в отчет коллекционной описи и сведений о месте хранения материала. Важны и вновь введенные (на основании Постановления 1948 г.) параграфы об обязанности исследователя принимать меры к охране памятника, пресекать самовольные раскопки, привлекать к содействию советские органы (§§ 39, 40). Срок, отпущенный на подготовку научного отчета,— шесть месяцев (как было и раньше) в современных условиях совершенно нереален, как и требования § 49, предусматривающего «меры к своевременному опубликованию полевых отчетов», принимаемые ИИМК.

В 1958 г. появляется следующая «Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок» (Инструкция, 1958). Это обусловлено не только необходимостью внесения дополнений, но и тем, что в 1957 г. ИИМК постановлением Президиума АН СССР был переименован в ИА, а регистрация ОЛ отныне производилась Министерством культуры РСФСР. Текст этой «Инструкции» во многом повторяет предыдущие документы, но есть и новое. Появилось понятие «форма ОЛ», связанная с видом работ, что в дальнейшем стало общеупотребительным. Кроме известных форм (1, 2, 3) появилась форма 4 — «на право обследований археологических памятников, обнаруживаемых

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

при земляных работах» (п. 3). В то время это фактически означало доследование разрушенных памятников. Соответственно, оговорено внеочередное рассмотрение таких заявок. Оговорено также, что при производстве таких работ надо «по возможности» соблюдать общую методику (п. 35). Увеличен срок рассмотрения заявок (подача за два месяца до начала работ), что связано с увеличением количества исследований (по данным ОПИ – 95 в 1949 г. и 227 – в 1958 г.).

Новое в области методики: указан размер разведочных шурфов и запрещена шурфовка в разведывательных целях ранее исследовавшихся памятников, чтобы лишний раз не разрушать слой (однако исчез важный пункт: если шурфовка необходима, она должна производиться на участках с наиболее нарушенной поверхностью). Впервые указано на необходимость брать образцы для естественнонаучных анализов. Введен особый пункт о раскопках курганов. В отчете требуется подробное и отдельное описание методики работ. В примечании к п. 32 говорится о необходимости постоянного присутствия на раскопе держателя ОЛ (надо полагать, увеличение объема работ привело к пренебрежению этим правилом).

В области охраны памятников также появился важнейший новый пункт (п. 40) об обязательном извещении региональной администрации и только-только возникающих органов охраны о вновь открытых памятниках (до этого речь шла только о визировании ОЛ). В области организационной «Инструкция» устанавливает более реальный срок сдачи отчета – до 1 мая следующего года, не позднее чем за два месяца до получения нового ОЛ. Также введена ответственность организации, запрашивавшей ОЛ, за своевременную подачу отчета. Эти новые моменты связаны опять же с увеличением объема работ, прежде всего за счет новостроек, и возникающими техническими трудностями для ОПИ.

В «Инструкции к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок» от 1963 г. (Инструкция, 1963), во многом повторяющей предыдущую, форма 4 определяется несколько иначе. Она дает «право обследований и раскопок археологических памятников, обнаруживаемых при земляных работах и строительствах, а также разрушающихся в результате естественных причин» (п. 3). Таким образом, сфера приложения ее расширилась, а статус поднялся. Это уже не только доследование, но и полноценные раскопки, проводимые в достаточном объеме до начала строительства. Заявки на открытый лист должны быть поданы не позднее чем за два месяца до начала работ, исключения допускаются в случаях экстренной необходимости – при разрушении памятника. Можно сказать, что в нынешних условиях – при непрерывной и широкомасштабной хозяйственной деятельности и крайне неустойчивом финансировании археологических работ – исключение стало правилом, сроки подачи заявки бывают максимально сжатыми.

Расширены пункты о недопустимости передоверия права работ держателем открытого листа другому лицу и об обязательном присутствии его на месте в течение всего сезона работ, что повышает персональную ответственность (пункты 14, 32). Методика проведения работ стала более детализированной. Так, при проведении разведок обязательна топографическая привязка с постоянными ориентирами. Уточняется ранее нечетко сформулированное требование об обязательном едином государственном хранении подлинников отчетов в ИА АН СССР. Кроме того, копию отчета предписывается сдавать в музей (ранее «в соответствующее научное учреждение») вместе с коллекциями (п. 39), что, во-первых, облегчает возможность получить полную характеристику памятника, а, во-вторых, соответствует ныне действующему Закону «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 1996 г.

В 1976 г. был принят Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в 1978 г.– Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры Российской Федерации», к которому в 1985 г. были сделаны дополнения. В их разработке участвовал ОПИ (Лисицына, 1980, с. 57). Новое законодательство стимулировало создание специализированных органов охраны памятников на всех уровнях. До его принятия их фактически заменяла негосударственная общественная организация – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), образованная Постанов-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лением Совета Министров РСФСР в 1965 г. (Охрана, 1973, с. 144–148).

Весьма детальное и по сей день актуальное описание правил представления результатов полевых исследований в отчетах содержится в иллюстрированных «Правилах представления отчетов по «Открытым листам», разработанных ОПИ в 1978 г. (Правила, 1978). Отмечено (разд. А, п. 2), что научный отчет об исследованиях является индивидуальной научной работой, за качество которой (стало быть, и за качество информации о памятниках в целом) исследователь несет персональную ответственность. В это время наблюдается огромный размах новостроечных работ. Увеличивается и количество исследователей, в них задействованных, но не всегда имеющих достаточную полевую подготовку по работам на памятниках разных типов (именно универсальность и характерна для охранной археологии того времени в связи с явной нехваткой специалистов нужного профиля в нужное время). Это потребовало определения принципов единообразия и набора обязательных сведений в отчете. Крайне необходимо было и определение требований к внешнему виду отчета (разд. Г, п. 17), обеспечивающих его вечное хранение в архиве ИА. Понятно, что самая содержательная информация при плохом оформлении физически быстро утрачивается.

«Инструкция к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии Академии наук СССР», принятая в 1984 г. (Инструкция, 1984) отражает новые реалии. Если в «Инструкции» 1939 г. впервые за долгие годы (после 1917 г.) признано, что ввиду уничтожения памятника раскопками вести полевые работы должны только подготовленные лица, то сейчас сделан следующий шаг. Указано, что даже грамотное археологическое исследование (раскопки, шурфовка) полностью или частично разрушает памятник, поэтому «полевая деятельность археологов, направленная на изучение и спасение памятников, сама по себе таит угрозу уничтожения или порчи многих археологических объектов и требует разумной регулировки в интересах их охраны» (Шелов, 1984, с. 10). В основу «Инструкции» положен принцип приоритета сохранения памятника перед его раскопками. Имеются в виду, конечно, не те случаи, когда памятник будет уничтожен строительством. В отношении последнего явления также возникает концепция сохранения (Афанасьев, Андреева, Смирнов, 1993; Булатов, 1989; Кузьмин, 1989; Смирнов А.С., 1989).

Вместе с тем, в «Инструкции» декларируется проведение полевых исследований «лишь в научных целях» (разд. I, 1), без упоминания охранно-спасательных задач. Это явный анахронизм, поскольку, во-первых, в связи с интенсификацией разрушения памятников все больший размах принимают вынужденные спасательные раскопки (по ОЛ формы 4), а, во-вторых, мировая археологическая общественность все больше склоняется к тому, что раскапывать памятники надо только в случае прямой угрозы уничтожения, по возможности сохраняя их для будущего. Чисто научные цели отнюдь не должны являться приоритетными. Именно такой подход и определяется действующим ныне Законом, где спасательные археологические полевые работы признаются исключительной мерой, в то время как нормой следует считать сохранение памятника в нетронутом виде (ст. 40, 2). «Научные цели» в данном случае можно воспринимать как противовес и вовсе неприемлемой организации работ для пополнения фондов музеев или проведения практики студентов (Шелов, 1986, с. 10, 11).

В «научных целях», по опыту ОПИ, часто работают малобюджетные экспедиции, которые не могут финансировать применение новейших методик, привлечение специалистов смежных наук и т. д. Это не способствует качественным работам и получению полноценной информации. К тому же памятники, подвергаемые таким раскопкам, скорее разрушаются не по естественным причинам, а именно в результате раскопок (например, расположенные в лесу, который археологи вырубают, но при этом и корни, и оставшиеся деревья мешают нормальному снятию слоя).

Эта «Инструкция» ограничивает неоправданную шурфовку, приводящую к порче культурного слоя и дальнейшему разрушению памятника эрозией почв и выветриванием, устанавливает ответственность организаций, запросивших ОЛ, не только за своевременное представление отче-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

та, но и за качество раскопок, вводит не просто визирование ОЛ, но и согласование работ в органах охраны. Таким образом, она объективно ориентирована на сохранение памятника от бездумных раскопок.

По «Инструкции» 1984 г. допускалось заложение при разведках по ОЛ формы 2 не более трех шурфов на одном памятнике, а площадь рекогносцировочного раскопа не должна была превышать 20 кв. м. Тогда это была необходимая, вынужденная мера для пресечения разрушения памятника самими же археологами. Теперь прежние опасения остаются, но в связи с изменением экономической ситуации появились и другие соображения: кончилось бюджетное финансирование, заказчик полевых археологических работ требует обоснований для инвестиций, для этого иногда нужна более основательная шурфовка.

В той же «Инструкции» содержатся емкие методические разделы по производству полевых работ. Впервые столь подробно рассматриваются разведки (разд. III). Вводится понятие о сплошной и маршрутной разведке, обязательности историографического раздела (литература и архивные материалы), определяются масштабы планов памятников, указывается на обязательность полной фотофиксации и топографической съемки (последнее, правда, до сих пор не стало обязательным: под этим понимаются глазомерные и «полуинструментальные» планы). При любом виде работ обязательно требуется нивелировка, тщательное описание, выявление характера памятника. Правила представления и оформления отчетов полностью повторяют документ 1978 г. Новым является определение обязательного состава коллекции находок, полученных в результате исследования (разд. III, 52) вместо абстрактного указания на необходимость их сохранения «по возможности» полно. Это очень важный компонент, характеризующий памятник.

Новое «Положение об Открытых листах», изданное в 1991 г. (Положение, 1991), в целом отражает те же принципы в области методики и правил представления и оформления отчетов, но включает раздел об авторском праве исследователя (разд. VI). Такая необходимость, с одной стороны, вызвана крайне медленной публикацией результатов полевых исследований, явным отставанием в этой области от потребностей науки и возникновением на этой почве конфликтов по поводу использования неопубликованного материала. С другой стороны, возникает почва для произвола — материал десятилетиями воспринимается как собственность исследователя (вспомним «принцип приоритетов» из «Инструкции» 1927 г.). Ныне действующий Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» был принят только 9.07.1993 г. и позднее редактировался. Изданное в год распада СССР и образования нового государства — Российской Федерации — «Положение» 1991 г., по сути, сразу же устарело в связи с возникновением новых экономических и политических реалий, но продолжало действовать до 2001 г., когда несоответствия стали уж очень явными.

«Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах» 2001 г. (Положение, 2001) было существенно переработано по сравнению с предыдущим. Так, введено специальное «Приложение» об оформлении научных отчетов согласно требованиям Государственного архивного фонда РФ. Цели полевых работ, по современному представлению, определены как научные, охранные и учетные (последние два пункта — новые), первостепенной задачей полевой археологии признается сохранение археологического наследия, что соответствует международным нормам (п. 6,2). Определяется отношение к самовольным исследованиям как к разрушению памятников и уголовно наказуемому деянию, вплоть до уголовной ответственности по действующему законодательству (п. 1,6). Обязанности организаций, ведущих полевые работы, вынесены в самостоятельный раздел и усилены, как и ответственность лица, выдающего рекомендацию на получение открытого листа новым исследователям (п. 4,9).

Весьма важен новый пункт об обязательном представлении краткой информации в ежегодник «Археологические открытия»: это согласуется со ст. 7 принятого на год позже Закона «О культурном наследии». Предусмотрено обязательное представление аннотации (введено ОПИ с 1999 г.), которое облегчает поиск информации в отчетах (п. 4,7). Впервые прописан по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рядок проведения научной экспертизы отчетов (п. 8) и порядок пользования отчетами (п. 9), что ограничивает имеющиеся в ряде случаев неправомочные притязания авторов и согласуется с действующим законодательством об авторских правах.

В области методики разведок отныне требуется обязательное представление инструментального топографического плана, хотя, как показывает печальный опыт рассмотрения отчетов, далеко не все исследователи понимают, что это такое, и умеют его делать (то же, как ни странно, относится к аннотациям). Появляются такие шедевры, как «полуинструментальная съемка», или, что встречается чаще, глазомерные планы выдаются за инструментальные. Целесообразными признаются получающие в последнее время все более широкое распространение естественнонаучные методы разведки, поскольку как раз они дают хороший результат. Весьма подробно расписаны требования к содержанию и правила оформления материалов в отчете, что приближает его к готовому для публикации монографическому исследованию и способствует максимально полному представлению информации.

Вместе с тем, являясь наиболее полным (по сравнению с предыдущими) сборником методических норм современного уровня, это «Положение», разумеется, не отражает современных правовых реалий. Изменились формы собственности и, соответственно, возникли организации с новым статусом. Принято новое законодательство. Изменилась и организационная сторона: полевой сезон в значительном количестве регионов продолжается непрерывно в течение года. Появились новые виды полевых работ и новые методики.

Завершая обзор документов, отражающих развитие полевой археологии в России в послевоенный период, надо сказать, что принятие все более развернутых и жестких требований было продиктовано интересами сохранения археологического наследия и информации о нем, остающейся после раскопок. Однако они не без труда входили в повседневную практику археологов и становились нормой, особенно до 1980-х гг. Сказывались последствия 1920 – 1930-х гг.: снижение методических требований и, как следствие, уровня полевых исследований; склонность к широковещательным выводам, не подтвержденным скрупулезной фиксацией материала; подмена в отчетах и публикациях полевых наблюдений общими концепциями.

Эти явления отражены в письме английского археолога с мировым именем В.Г. Чайлда видным советским археологам, написанном в декабре 1956 г., после его последнего приезда в СССР (1956 г.), и опубликованном только в 1992 г. в подлиннике и переводе Н.Я. Мерперта (К 100-летию..., 1992, с. 184–186). До этого В.Г. Чайлд был в России трижды: в 1934, 1945 и 1953 г. (Клейн, 1993, с. 104–116). Для работы с материалами по археологии Восточной Европы, он изучил русский язык и следил за советской литературой, поэтому мог судить о состоянии этой науки в СССР. Не обсуждая научные концепции В.Г. Чайлда, отметим, что содержание письма грустное, нелестное, что, к сожалению, оправданно. По мнению В.Г. Чайлда, «в технике раскопок советская археология значительно отстает от уровня, достигнутого в Англии, Чехословакии или даже Германии» (К 100–летию..., 1992, с. 184). Мы уже говорили о том, что из-за отсутствия соответствующих требований к ОЛ в 1920–1930-х гг. во многих случаях полевые отчеты не представлялись (или были слишком кратки), часто заменялись публикациями. По ним и судил В.Г. Чайлд. Но публикация – источник другого рода, отнюдь не всегда содержащий подробную информацию собственно о полевых работах (планы, разрезы, подробные описания самих раскопов, методики). Это значит, что материал не был введен в науку должным образом, причем первоисточник – отчет – фактически отсутствовал, не оставалось возможности проверить выводы автора полевых исследований или найти новые нюансы в старых материалах. Н.Я. Мерперт отмечает, что прогрессивная методика раскопок поселений большими площадями и курганов на снос была освоена советскими археологами еще до войны, но широко внедрена только в 1950-е гг., причем в публикациях (добавим, часто и в отчетах.– *И.С.*) отражалась неудовлетворительно (Мерперт, 1992, с. 194).

Но с тех пор был пройден большой путь. В послевоенный период все время шла работа по совершенствованию нормативной базы полевой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

археологии применительно к законодательству и практике. Ужесточались требования к качеству полевых работ и информативности отчета. В конце 1950 – первой половине 1960-х гг. начал формироваться современный стандарт регламентации полевых исследований. Особенно важные методические аспекты появились в инструктивных документах с 1978 по 2001 г. Это вполне объяснимо, поскольку резко возрос объем полевых работ, пришли новые поколения археологов, изменились концепции и подходы к процессу полевых исследований.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 3

Информационные системы по памятникам археологии и полевым исследованиям

Регламентация полевых исследований, помимо квалификационной характеристики археолога, базируется на информации о самом памятнике. Чтобы выдать разрешение на работы, требуется определить характер памятника, степень его сохранности и характер разрушений, историю предыдущих исследований, суть предстоящих работ и т. д. Для облегчения этого процесса в 1999 г. ОПИ выработал типовую форму заявки на исследование, разосланную организациям, запрашивающим ОЛ. Первый такой опыт был проделан еще в 1970-х гг. (Шелов, 1981, с. 9). Как уже говорилось, приучить археологов к какой-либо унификации трудно, однако упорядочить заявки в значительной степени удалось.

Следующий шаг – создание базы данных по памятникам археологии – важная задача не только для регламентации полевых исследований, но и для мониторинга археологического наследия в масштабах России. Решается она с помощью ИПС современного уровня. Разработка частных информационных систем по отдельным типам памятников уже ведет к созданию единого информационного пространства, содержащего данные для регламентации полевых работ. Требуется система, способная охватить огромный массив и разнообразие археологической информации. Кроме того, она должна обеспечить возможность проведения достаточно полного статистического анализа, выявления тенденций и закономерностей в развитии полевой археологии. Именно такая задача поставлена действующим законодательством, предусматривающим единый государственный реестр. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются, хотя они более относятся к памятникам архитектуры и достопримечательным местам. Все же и в области археологии сдвиги есть.

Разработка эффективной системы учета и описания памятников – сложный процесс, включающий несколько этапов от постановки задачи, сбора и первичной фиксации информации до создания различных поисковых систем. Он занял довольно длительное время и далеко не закончен. Количество информационных систем по объектам культурного наследия (в том числе археологического), претендующих на универсальность, сейчас не так уж мало. Еще больше – баз данных, отражающих частные аспекты и задачи. Анализ всего процесса информатизации этой области – отдельная тема. Не ставя сейчас цель охватить весьма значительный объем информации по данному вопросу, попытаемся осветить некоторые этапы и особенности этого процесса, важные для нашего исследования.

1. Первые этапы учета данных и создания информационных систем по памятникам археологии

Первые масштабные попытки формализованного описания археологических памятников после ВОВ относятся к 1970-м гг. Уточним, что речь идет не о разработке методов формализованного анализа некоторых видов археологических источников (это явление возникло гораздо раньше), а о подходе к большим объемам информации именно по памятнику как комплексному объекту. Потребность в этом появилась с началом грандиозного строительства оросительных систем на юге России. Создавались крупные новостроечные экспедиции, осваивающие в течение полевого сезона огромный объем раскопочных и разведочных работ. Проводились сплошные разведки, в результате были открыты тысячи новых памятников.

В начале 1970-х гг. Министерство культуры РСФСР приняло образец паспорта (хотя паспорта существовали и до этого), который и поныне является основным документом для постановки памятников на государственную охрану. Положительные свойства паспорта: 1) появилось унифицированное описание и обязательная фикса-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ция целого ряда данных; 2) возникла первая база данных по памятникам археологии на бумажных носителях, могущая служить основой для электронной базы. Отрицательные свойства: 1) специфика памятников археологии совершенно не учитывалась, паспорт фактически был ориентирован на памятники архитектуры и истории; 2) качество заполнения паспортов оказалось различным; 3) далеко не на все памятники заполнялись паспорта. Одна копия паспорта в обязательном порядке представлялась в отдел сводов и карт ИА. В настоящее время это не менее 50000 паспортов, то есть учтенных памятников. В значительной части органов охраны памятников в регионах имеется и свой учет – от простых списков до локальных баз данных. Популярной формой является учетная карточка, представляющая собой сокращенный вариант паспорта.

Параллельно шла научная работа по осмыслению и определению понятий, связанных с описанием памятника. Составлялись словари и классификаторы (для использования в таблицах, на перфокартах и ЭВМ первых поколений), однако так и не внедренные в широкую практику. Первый достаточно универсальный результат, отвечающий многим требованиям, до сих пор не потерявший значения и ставший основой для ряда последующих систем,– код для описания погребального обряда, созданный И.С. Каменецким во второй половине 1970-х гг. (Каменецкий, 1983, 1986). Основными объектами раскопок новостроечных экспедиций того времени были степные курганы. Код, помимо собственно обряда, включает и описание курганных и грунтовых могильников. Важнейшей вехой того же периода явилась разработка информационно-поисковой системы по погребальным памятникам Украины (Бунатян, Генинг, Пустовалов, Рычков, 1989).

В 1990 г. Совет Министров РСФСР принял Постановление «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» от №447–1, включающее пункт об инвентаризации памятников археологии. Работы по инвентаризации были профинансированы и проводились уже после распада СССР, в 1991–1992 гг. Они составили значительную часть полевых исследований начала 1990-х гг. В их проведении участвовали многие организации разных категорий. Органам охраны было предложено заносить описания памятников в бумажные таблицы, включавшие около 30 граф. Количество известных памятников в ходе инвентаризации выросло в несколько раз. Работа со столь значительным массивом представляла огромные трудности. Возникла настоятельная необходимость в создании информационно-поисковой компьютерной системы. Начало разработки таких систем знаменовало новый этап.

В ГИВЦ при Министерстве культуры РСФСР была разработана база данных для ЭВМ типа ЕС на 60000 недвижимых памятников, предназначенная только для первоначального учета (Янишевский, Киселев, 1996, с. 109). Позже там же была создана база данных для персональных компьютеров, поставленная (вместе с техникой) более чем в 30 регионов. Но она опять же плохо учитывала специфику археологических памятников, предназначалась только для учета и не давала выхода на научное описание. В наиболее продвинутых региональных органах охраны памятников началось создание собственных локальных баз для памятников археологии. Узким местом явилось слабое обеспечение техникой и квалифицированными специалистами. Кроме того, эти базы были ориентированы на региональные особенности, что ограничивало сферу их применения. Единая система описания памятников археологии (помимо паспорта) фактически отсутствует до сих пор.

С появлением у археологов персональных компьютеров и распространением в их среде соответствующих знаний в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. разработка локальных баз данных для узких научно-исследовательских задач стала обычным явлением в центре и регионах. Такие работы велись и в ИА. В качестве примера приведем один из первых сборников трудов отдела охранных раскопок ИА и материалы конференции 1993 г. «Компьютеры в археологии» (Базы, 1995; Компьютеры, 1996). Использовались популярные программы Dbase, Paradox, стандартные статистические пакеты. Во многих базах так или иначе присутствовало описание памятников, но оно играло вспомогательную роль. Общий недостаток при высоком на тот момент научном уровне – несовместимость, отсутствие

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

единого понятийного аппарата, неприспособленность к большим объемам информации. В то же время группой сотрудников ИА на основе кода И.С. Каменецкого была создана достаточно универсальная база по степным погребальным памятникам – ИПС ARL-Tree/TUMULUS (Andreeva, Dzhanikyan, Sorokina, 1996; Андреева, Сорокина, Джаникян, 1996), включавшая описание курганных могильников. С начала 1990-х гг. она тестировалась разработчиками, в том числе и автором, на материале погребений эпохи бронзы (Сорокина, 1992, с. 137–138).

Первой общей компьютерной системой, предназначенной для описания именно памятников археологии разных типов и регионов и учитывающей много параметров (значительно больше, чем паспорт), можно считать базу данных GRAVE. Она разработана в отделе сводов и карт ИА в начале 1990-х гг. (Янишевский, Киселев, 1996). База дает много возможностей по составлению запросов, получению выборок, привязке графической информации. Однако, во-первых, она не получила практического применения, во-вторых, это прежде всего учетная, а не научно-исследовательская база, хотя и достаточно полная по составу признаков.

Следующей работой такого уровня явилось создание текстовой и картинно-графической базы SITE в 1995 г. в рамках программы «Сохранение археологического наследия народов РФ» (Афанасьев, Джаникян, Сорокина, Эрлих, 2001). Это совместная работа ИА и ГМИНВ. База позволяла вести достаточно полный учет информации о памятнике (далеко выходящий за рамки первичной паспортизации); создавала возможность унифицированного описания типов памятников различных регионов (внесение соответствующих дополнений в список полей). В ней предусматривалось графическое обеспечение (распространенный тогда растровый формат), совместимость с популярными на то время форматами баз данных и программными статистическими продуктами. Для эксплуатации требовалось достаточно простое техническое обеспечение. Основным достоинством базы SITE явилась возможность выхода на научное исследование (классификацию, подключение специальных баз для конкретных научных задач) помимо учетных функций. Программа вызвала значительный интерес профессионалов и оказалась востребована в регионах.

Как видно, работа по описанию археологических памятников всегда шла в двух направлениях: учетно-охранном (через Министерство культуры и региональные органы охраны памятников) и научно-исследовательском (через специалистов-археологов в любой профильной организации). Первое предполагало лишь самые общие данные без указания специфики типа памятника и развернутой культурно-хронологической атрибуции; второе как раз ориентировалось на памятники конкретных типов и эпох, не затрагивая состояние, современное использование и охранные мероприятия. К настоящему времени назрела необходимость объединить все аспекты. Первая попытка была сделана уже при разработке базы SITE, но этот продукт, разумеется, устарел.

С течением времени появляются новые запросы и новые возможности. Прежде всего, это ГИС-технологии, дающие возможность сделать точную пространственную привязку памятника, нужную и для земельного кадастра, и для мониторинга археологических объектов. При этом необходима и текстовая информация, отражающая помимо географических данных массу аспектов, связанных с описанием и изучением памятника.

В 2000 г. при поддержке Фонда Сороса разрабатывались стандарты геоинформационного описания объектов культурного наследия, в том числе памятников археологии (Гусев, 2001). Предложенный стандарт сочетает возможности учетного и научного описания памятника – это его безусловный плюс. Минус же относится не столько к описанию памятника, сколько к идее обеспечения «широкого доступа к археологическому наследию виртуальным посетителям» разных категорий пользователей, включая землепользователей и землевладельцев, студентов и школьников, туристов, краеведов. Такой подход согласуется с законодательством, предусматривающим право граждан на информацию о культурном наследии (ст. 7, п. 3), но неразрывно связан с проблемой определения критериев доступности. Это – важнейший вопрос, если учесть размах «черной археологии».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В 2001 г. Правительством РФ было принято Постановление № 504 «Об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда РФ, документов библиотечных фондов, архивного фонда РФ, а также кинофонда» (Законодательство, с. 136). В том же году ГИВЦ Министерства культуры РСФСР разработал «Перечень реквизитов описания объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» для ведения электронных каталогов и обмена данными (Перечень, 2001). Можно сказать, что в этом документе отражен только сам факт существования археологического памятника определенного периода, описание же его как таковое отсутствует.

В настоящее время существует уже множество работ, посвященных картографированию памятников на основе ГИС, но существенным ограничением является высокая стоимость программного обеспечения и отсутствие общепринятого стандарта описания как самих памятников, так и любых археологических артефактов. Если эти проблемы в принципе и разрешимы, то это произойдет не скоро. Поэтому неизбежно создание локальных систем, в том числе и с выходом в ГИС.

Хорошим примером такой работы стала ИПС «Археограф», разработка которой как основы банка данных по памятникам Ленинградской области началась в 2003 г. в ИИМК РАН под руководством Ст.А. Васильева (Васильев, 2005). Несомненным ее достоинством, помимо возможности автоматического вывода объектов в ГИС, является сочетание в схеме описания памятника учетных и научных аспектов, а также возможность настройки под индивидуальные требования пользователя. Ограниченность системы – в отсутствии возможностей распределенного доступа и обмена информацией.

Существуют и другие современные разработки, имеющие свои достоинства и недостатки. Их анализ сейчас не входит в наши задачи – это отдельная большая тема. Мы осветили лишь некоторые вехи на пути к созданию единого хранилища информации по археологическим объектам. Помимо описания памятников, в нем должны содержаться и данные о полевых исследованиях. Упомянутые выше системы, начиная с разработок 1990-х гг., включают этот блок только как вспомогательный, хотя и необходимый, поэтому давно встал вопрос о самостоятельной разработке ИПС для ОПИ.

2. Информационные системы в отделе полевых исследований ИА РАН

ОПИ находится в постоянном контакте с регионами по поводу предоставления информации о памятниках и археологических коллекциях, регламентации и экспертной оценки работ, охранных мероприятий. Для обеспечения практической деятельности ОПИ необходима мощная информационно-поисковая система по полевым исследованиям, которая также позволяла бы удовлетворить запросы регионов по информации у них отсутствующей.

Начало созданию АИС для ОПИ было положено заведующим издательской группой ИА Н.В. Лопатиным. Значительная часть имеющейся в ОПИ информации используется в процессе издания ежегодника «Археологические открытия», поэтому возникал общий интерес. Активное участие в работе принял заведующий ОПИ (в 1988–2004 гг.) В.В. Седов. В рамках руководимого Н.В. Лопатиным проекта РГНФ возникла первая информационная система для ОПИ и АО «Полисс», и начался ввод картотеки исследователей ОПИ (Лопатин, Хмелевский, 1998).

Следующим этапом стала разработка в 1999–2001 гг. при поддержке РГНФ автоматизированной информационной системы BASE-INFO, по охвату и составу археологического материала на тот момент не имеющей равных в России (Сорокина, Седов, Хмелевский, Джаникян, Меснянкина, 2001). С ее помощью с 2000 г. велся весь документооборот ОПИ (книги регистрации открытых листов и отчетов, протоколы заседаний научного совета и т. д.). В эту же систему продолжался ввод накопленной за многие годы информации по полевым исследованиям. Система предусматривала вывод этой информации в разных формах, перевод ее в другие форматы, статистический анализ и многое другое. Ввод информации, максимально упрощенный и автоматизированный, осуществлялся непосредственно с источника без предварительной его подготовки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Формы ввода данных были разработаны с учетом структуры первичных источников информации (картотек, книг регистрации и т. д.). Данные из АИС выводились на печать, что позволило автоматизировать ведение документации ОПИ, заменить рукописные книги регистрации распечатанными.

Таким образом, удалось существенно облегчить регламентацию полевых исследований, поиск информации как для внутренней деятельности ОПИ, так и по многочисленным запросам регионов. Но имелись существенные недостатки. АИС BASE-INFO была сделана в программе ACCESS, что ненадежно с точки зрения защиты информации от несанкционированного доступа. Последнее особенно важно в связи с распространением грабительских раскопок. Кроме того, крайне затруднялась синхронизация данных при их введении с нескольких компьютеров. Это становилось возможным только при переносе информации вручную на дискетах или в локальной сети. Технология не предполагала активного и постоянного обмена информацией с регионами, мгновенную передачу ее на большие расстояния вне одного учреждения. Требовалась постоянная доработка под задачи и специфику археологического материала. В результате, когда появилась более совершенная система, последовало решение полностью перейти на нее. Это и произошло в начале 2003 г. Вся ранее введенная информация сохранялась, включая даже и введенную в MsDOS.

В 2002 г. автором совместно с коллективом сотрудников ОПИ была начата разработка новой специализированной информационной системы для работы с археологическими памятниками и полевыми исследованиями. В результате появилась система «@Археология», ныне установленная для эксплуатации в тестовом режиме в ОПИ и редакции ежегодника «Археологические открытия». Работу над программным обеспечением ведет ООО «Инфор Текнолоджи», имеющее лицензию на разработку информационных систем и комплексов телекоммуникаций для органов государственной власти РФ. Коллективом программистов создана технология построения программ, приспособленных к условиям современной России: низкое качество или отсутствие линий связи, наличие филиалов или работа в регионах, то есть необходимость одновременного ввода информации с нескольких компьютеров.

Благодаря прогрессивной технологии стало возможным программными средствами наладить постоянный контакт с удаленными пользователями и обмен информацией с разных рабочих мест. На этой основе и была создана (а не адаптирована, как BASE-INFO) специальная ИПС для археологического материала «@Археология». Для разработки программного обеспечения системы и обеспечения ввода основного массива информации ООО «Инфор Текнолоджи» привлекло спонсорские средства. В 2002–2004 гг. автором была также получена поддержка РГНФ на разработку «археологической» ее части. С тех пор пройден долгий путь: система непрерывно совершенствуется по результатам ее практического применения.

При создании новой ИПС ставились задачи широкого масштаба: не только обеспечить хранение и поиск огромного массива информации, но и дать возможность оперативно обмениваться этой информацией на любом расстоянии (удаленные пользователи в принятой терминологии). Главная же задача — ведение с ее помощью предусмотренного законодательством единого государственного реестра в части памятников археологии (Федеральный закон 2002 г., гл. IV). То есть изначально была задумана единая информационная система по памятникам и полевым исследованиям, отвечающая задачам как учетно-охранным, так и научно-исследовательским. В основе ее — качественное представление археологической информации, отражающее историческую значимость и специфику памятника. Совершенно очевидно, что оно может быть сделано только археологами в специализированных научных учреждениях. Это описание — важнейшая часть археологической информационной системы. Огромное значение имеет информация, хранящаяся в архивах ИИМК и ИА РАН, не полностью представленная в регионах. В то же время и в регионах накоплена масса данных, не поступающая в центральные учреждения.

Еще одна цель работы — автоматизация научной деятельности учреждений археологического профиля (институты, музеи, органы охраны памятников и т. д.) и отдельных иссле-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дователей. Особенности объекта автоматизации: большой объем ранее накопленных данных, постоянное поступление сведений о проведенных работах, исследованиях, открытых памятниках, необходимость анализа всего массива данных (или любой его части) по многим показателям, работа в условиях длительного отсутствия связи (например, в полевых).

В настоящее время происходит качественный сдвиг в развитии археологии: объем информации, которую должен усвоить и осмыслить исследователь, возрастает исключительными темпами. Количество ежегодно поступающих в ОПИ научных отчетов о полевых исследованиях стремительно растет (рис. 4), как и количество публикаций. Справиться с таким объемом информации можно только при хорошей ее организации и налаженной системе поиска. Именно это процессы и понимаются под термином «автоматизация», с помощью которой удается сократить трудозатраты и повысить эффективность научной деятельности. Начиная работу, исследователю приходится каждый раз проходить один и тот же путь, который можно пройти один раз, создав базу данных по археологическим объектам и ИПС для их отбора. Речь идет о сокращении усилий на некоторых операциях:

- Сбор первичной информации для исследования (отбор отчетов и публикаций по теме в каталогах архивов и библиотек).
- Быстрое получение выверенной унифицированной информации о памятниках археологии, включая стандартизованное описание. Это нужно, поскольку много сил и времени тратится на сбор информации по крупицам, особенно, если памятник не опубликован. Иногда доступен не полный объем информации, а только фрагменты, что приводит к разнящимся выводам, то есть сказывается неполнота источника.
- Обеспечение совместимости блоков информации для расширения диапазона исследований. Сейчас археологи работают в разных системах, и собранные ими данные не всегда можно использовать в других исследованиях.
- Привлечение дополнительных блоков, например, баз данных, созданных другими исследователями (разумеется, только с их согласия и в порядке обмена), своего рода перекидывание «мостиков» к другим базам данных.
- Обеспечение доступности программных средств и тем более – настройки их под индивидуальную тему (изменение списка признаков и т. д.).

Единая информационная система – это универсальный, но гибкий инструмент, позволяющий повысить эффективность научных исследований. Разумеется, такая система ни в коем случае не предполагает обязательного обобществления всех данных и научных результатов. Авторские права на научные разработки остаются за исследователем. Он участвует в информационном обмене добровольно и в той степени, в какой сочтет нужным. Система охватывает, прежде всего, общие информационные потоки: учетные и архивные данные о памятнике, публикации.

Еще раз напомним, что благодаря государственной регламентации полевых исследований, в России почти за 150 лет накоплен опыт централизованного хранения архивной информации об этих исследованиях. Она существует на бумажных, а теперь частично и на электронных носителях. Это архив ИАК, перешедший в архив РАИМК-ГАИМК-ИИМК (Санкт-Петербург), и существующий с 1945 г. в Москве архив ИИМК-ИА (Пескарева, Владимирова, 1980, с. 87–92). Сведения, собранные в ОПИ с 1946 г., содержат практически полную информацию и о проведенных исследованиях.

Частью процесса разработки единой информационной системы является научное описание памятника. Поскольку в процессе исследования, как отмечалось, памятник или его часть уничтожается, проблема грамотного описания весьма актуальна. Более того, описание должно быть стандартизованным в определенной части (помимо индивидуальных особенностей памятника), чтобы данные были сопоставимы. Следует отметить, что в 1990-х гг. некоторый стандарт описания сложился как в графической, так и в текстовой информации – во всяком случае, это касается разведочных работ. Выделяются отчеты, составленные по ГОСТам. Таковы, например, отчеты по полевым работам в Ханты-Мансийском АО. Для этого региональные органы охраны утвердили собственную «Инструкцию по представлению отчетов» (Инструкция, 2004).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В этом плане значительно повлияли работы на новостройках – отчеты заказчикам работ принято сдавать по определенной ГОСТами форме. В некоторых регионах введена система единых условных обозначений, используемая не один год во всех отчетах по данному региону (например, Тверская область, Ставропольский край). В целом же название отчета иногда не только не отражает содержание работы, но и не содержит географических определений места их проведения и даже года. Особенно это характерно для отчетов 1950–1980-х гг.

Описания всех памятников (хорошие или плохие), не зависимо от степени их изученности, в том числе и тех, сведения о которых минимальны, содержатся в научных отчетах, проходящих через ОПИ и поступающих на вечное хранение в научно-отраслевой архив при ИА. В ходе научных исследований в разное время как в ИА, так и в других учреждениях квалифицированными специалистами были разработаны базы данных, классификаторы и словари для описания различных археологических источников (в том числе и археологических памятников разных типов), могущие служить основой для создания унифицированной системы описания памятников.

Рис. 1. дает представление о памятнике и его информационных связях, отраженные в действующей информационно-поисковой системе «@Археология». Памятник имеет важнейшие характеристики: культурно-хронологическую атрибуцию (что, собственно, и позволяет определить его место во времени и пространстве), коллекцию (она во многом определяет культурно-хронологическую атрибуцию). Информация о памятнике включает в себя сведения об археологах, заявках на выдачу ОЛ, самих ОЛ и научных отчетах. Очень важны вспомогательные характеристики. Это регион (географическая привязка памятника, местонахождение организаций, проводивших полевые работы и т. д.); организация (производитель полевых работ, место работы исследователя, хранилище материалов). Учитывается также публикация (если она есть) – дополнительный, а иногда и единственный источник информации о памятнике.

Движение потоков информации в ИА, способствующих накоплению информации о памятниках и полевых исследованиях, представлено на рис. 2. Имеются три «окна» ее поступления, основной из которых – ОПИ. В отделе археологических сводов и карт хранятся копии паспортов и учетных карточек на памятники. Там же проводится рецензирование этой документации. В редакцию ежегодника «Археологические открытия» представляются статьи – краткие отчеты о полевых работах. Это не полностью дублирует информацию ОПИ. Например, в статьях упоминаются иногда исследования, проводившиеся без ОЛ. Кроме того, статьи (особенно до конца 1990-х гг.) содержат информацию, отсутствующую в ОПИ: данные об охранном характере полевых работ, их финансировании. Прошедшие через ОПИ отчеты о полевых исследованиях сдаются на вечное хранение в архив, после чего используются специалистами не только различных подразделений ИА, но и региональных организаций.

С помощью системы «@Археология» фактически создано единое хранилище информации (рис. 3). Пока оно содержит данные ОПИ и АО и работает в тестовом режиме. Реализована главная задача: к хранилищу можно обеспечить удаленный доступ с различных рабочих мест как в ИА, так и за его пределами. Каждое рабочее место настраивается индивидуально, в зависимости от конкретных целей и задач, а также от степени доступа к информации, которая в целом закрыта и предназначена исключительно для служебных целей. Выделяются пользователи с ограниченным доступом, получающие только справочный материал. Это, например, административные органы, туристические организации, краеведы, сотрудники системы образования и т. д. Они могут получать лишь некоторую открытую часть информации, не наносящую ущерба памятнику. Им не разрешен ввод и, тем более, редактирование основного массива. Таким образом, обеспечивается целостность информации. Существуют пользователи с правом обмена – организации археологического профиля, получающие ОЛ и нуждающиеся в информации для научных, охранных, учетных или образовательных целей. Эти пользователи имеют право не только получать, но и вводить, и редактировать свою информацию. Через них к хранилищу может быть обеспечен доступ специалистов-археологов. Послед-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ние могут создавать свои локальные базы данных, а также при желании, необходимости и по взаимному согласию обмениваться информацией с другими специалистами в рамках системы.

Существует два очень важных аспекта функционирования любой ИПС. Один из них – возможность взлома или иного способа получения информации для противозаконных действий (в данном случае – нанесения ущерба памятнику археологии или пользователям системы). Мы, безусловно, не питаем иллюзий по поводу создания абсолютной защиты от профессионалов-взломщиков высокого класса – в прессе не так редки сообщения о нападениях на банковские и иные системы и в России, и за рубежом. Но использование хорошего программного обеспечения все-таки дает некоторую гарантию. В настоящее время сервер системы «@Археология» реализован на базе СУБД oracle 8 и старше и web сервера apache. СУБД содержит развитые средства защиты информации от несанкционированного доступа. Кроме того, серверы могут быть защищены средствами операционной системы.

Если говорить не о взломе, а о проникновении под прикрытием допущенного пользователя или о противозаконных действиях последнего, то этот вопрос должен регулироваться письменными соглашениями при установке рабочего места и допуске к информации, не говоря уже о профессиональной чести и совести археолога. Поэтому и предполагается доступ специалистов не напрямую, а через учреждение, берущее на себя ответственность за сохранность и правильное использование информации. Это некоторый аналог системы запроса ОЛ и принятых форм допуска в архивы и музейные фонды. ИПС «@Археология» содержит механизмы авторизации пользователей и управления правами их доступа к информационным объектам, то есть для получения новых возможностей нужен специальный мотивированный запрос. Сервером ведется постоянный учет доступа и производимых изменений. Это обеспечивает достаточно надежную защиту информации от несанкционированного проникновения.

Второй аспект функционирования ИПС – обеспечение авторских прав. Не вдаваясь в дискуссию по поводу того, что является объектом авторского права археологов, отметим, что существует Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 9. 07. 1993 г. с дополнениями в редакциях 1995 и 2004 г. и некоторая литература по этому вопросу применительно к археологии (Иванов, 2006; Кореняко, 2004). Приоритет, конечно, за юридическими трактовками, которые не всем известны, но понятие о плагиате очевидно. Ясно, что результаты научного исследования (но не сам памятник и происходящие с него находки!) принадлежат его создателю, как и тексты, в которых они изложены. Система «@Археология» не только дает возможность присоединения локальных баз данных с использованием того же мощного программного обеспечения, но и предусматривает защиту этих баз от доступа, не санкционированного самим исследователем.

На данный момент в системе «@Археология» функционируют следующие модули (блоки информации): «Заявка», «ОЛ», «Отчет», «Библиография», «Исследователь», «Организация», «Регион» «Памятник». Количество и содержание их может быть расширено по желанию в зависимости от потребностей пользователей. Экспериментальный блок «Памятник» пока ограничен информацией из паспортов, причем в виде текстовых файлов, так что возможен контекстный поиск. Предполагается доработка блока в сотрудничестве с госорганами для создания основы единого государственного реестра. Уже имеется окно для ввода учетных карточек – документа, составляющего в значительной части регионов основу учетной документации по памятникам археологии.

Прототипом интерфейса системы «@Археология» послужило приложение Outlook Express – популярный доступ к электронной почте и новостям, поставляемый вместе с браузером компании Microsoft. Пользователям, знакомым с Outlook Express, не требуется привыкать к новым приемам работы, таким образом сокращается время обучения пользования системой. Все элементы интерфейса стандартизированы с применяемыми в программном обеспечении Microsoft.

Система позволяет вести одновременный ввод данных с неограниченного количества рабочих мест, находящихся на любом удалении. Использование справочников (словарей) сокра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щает количество ошибок ввода. Информация выбирается из уже заложенных в систему списков, которые автоматически пополняются по мере нового ввода (например, исследователи, организации и т. д.). Окончательно качество данных (то есть явные ошибки) проверяется сервером в момент поступления пакета сведений от пользователя. Многоуровневое тестирование модулей перед установкой на рабочее место обеспечивает достоверность и сохранность введенных данных.

К системе возможно присоединение локальных баз данных, не требующее от пользователя дополнительной установки и настройки. Локальная база позволяет работать без связи с основным сервером. Сеансы связи необходимы только для взаимной синхронизации по желанию и возможностям пользователя (в зависимости от наличия средств связи). Таким образом, система предусматривает две формы работы: на линии связи и автономно. Можно выполнять операции как в локальной сети с постоянной связью с сервером, так и на коммутируемых линиях. Процесс обмена данными с сервером (синхронизация) не препятствует работе пользователя с данными и может происходить параллельно.

Синхронизация с сервером проводится периодически — перед сеансом работы с системой, после него, через какой-то период времени — по желанию и возможностям. Это позволяет вести постоянный обмен информацией с другими пользователями. Для полноценной синхронизации необходим постоянный или коммутируемый выход в Интернет. При отсутствии в регионе провайдеров Интернета доступ к серверу может быть осуществлен по междугородней телефонной линии с помощью модема.

В системе «@Археология» предусмотрен поиск информации. Каждый пользователь в зависимости от уровня доступа может создавать как простые, стандартные, так и сложные исследовательские запросы. В дальнейшем предполагается автоматический вывод стандартных запросов, т. е. тех, которые часто используются, например, в отчетах о работе ОПИ.

Таким образом, преимуществами системы «@Археология» являются:

- легкость в управлении, отсутствие необходимости в специальном обучении пользователей;
- доступность для не самой мощной техники;
- возможность удаленного доступа для неограниченного количества пользователей;
- возможность синхронизации с сервером при связи далеко не лучшего качества;
- возможность присоединения локальных баз данных, созданных пользователями на местах, с гарантией их защиты от не санкционированного исследователем доступа.

В настоящее время система полностью обеспечивает документооборот, хранение и поиск информации в ОПИ и редакции ежегодника «Археологические открытия» (где установлен модуль для работы со статьями). Работает WEB-модуль аналитических запросов по введенной информации. Система способна выполнять статистические вычисления без перевода данных в иные программы и выводить на печать графики и диаграммы.

На данный момент во всех блоках введено **72017 записей**, в том числе — **6286 о памятниках археологии** (на основе паспортов). Таким образом, система «@Археология» уже сейчас имеет большое практическое значение. Можно сказать, что создана основа для автоматизации и повышения эффективности научной деятельности подразделений и сотрудников организаций археологического профиля. С внедрением системы «@Археология» появляется возможность создания единого хранилища информации по памятникам археологии в России. Этот проект пока не имеет аналогов. В систему введено:

- **организаций**, когда-либо запросивших ОЛ,— **1170**;
- **исследователей**, когда-либо получивших ОЛ,— **3930**;
- **заявок** на ОЛ — **5614** (вводятся с 2003 г.);
- **ОЛ** (введены полностью за 1946–2006 гг.) — **31574**;
- **отчетов** (введены поступившие в 1947–1948, 1958–2006 гг.; описи за 1949–1957 гг. в архиве отсутствуют, но восстановимы по картотекам) — **23443**.

Основное достоинство системы «@Археология» — возможность распределенного доступа и оперативного обмена информацией между пользователями независимо от расстояния. В этом ус-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

матривается возможный выход при том разнобое, который сейчас существует в области информатизации археологических данных и при малой доступности ГИС (Васильев, с. 13).

Уже в 2002 г. система «@Археология» была одобрена Министерством культуры РФ и регионами. В декабре 2002 г. она была представлена разработчиками на расширенном заседании подсекции ФНМС при Министерстве культуры с представителями регионов из организаций разных категорий, ведущих археологические исследования или обеспечивающих учебный процесс в вузах. Она также получила положительные оценки на заседаниях ученых советов ИА (в декабре 2002 г.) и ИИМК (в мае 2003 г.), на семинаре, посвященном ведению единого государственного реестра, в Главном управлении охраны памятников г. Москвы (2003 г.). Некоторые аналитические результаты доложены на различных научных конференциях и опубликованы (Сорокина, 2004б; 2007б).

3. Принципы заполнения информационной системы «@Археология»

Заполнение ИПС требует соблюдения единых принципов подхода к информации, унификации ее сообразно целям и задачам пользователей. Основные требования к системе «@Археология» состоят в следующем: во-первых, наиболее полное отображение первоисточника, то есть данных ОПИ, во-вторых, обеспечение сквозного поиска информации за весь период (1946–2006 гг.) и любой ее части. Это создает сложности в приведении к общему виду некоторых блоков информации и признаков. Тексты заявок, ОЛ и названия отчетов заполняются прямо по источнику, сохраняя его первоначальный смысл и содержание. Но эти блоки связаны с другими (рис. 1): «Исследователь», «Организация», «Регион». А в них имена и названия часто меняются. Сквозной же поиск может быть осуществлен, только если они одинаковы. Никакая система не может автоматически объединить, например, Башкирскую АССР и республику Башкортостан, хотя речь идет об одном и том же регионе. Получить данные о количестве ОЛ, выданных на этот субъект Федерации за весь послевоенный период, при разном написании мы не можем: будут отдельные выборки в зависимости от введенного названия. Чтобы этого избежать, были установлены некоторые правила ввода.

Блок «Исследователь». В рукописной картотеке ОПИ практически всегда отмечалась перемена фамилии. Записи в книгах регистрации ОЛ и отчетов под разными фамилиями сверялись с картотекой, в систему вводилась последняя и в скобках – предыдущая с указанием года ее изменения. Так обеспечивается поиск данных по одному исследователю.

Блок «Организации». Здесь перемены названия и адреса наиболее часты. Формально это уже разные организации, так как меняются и все реквизиты. Было принято за правило заполнение за весь период 1946–2006 гг. последнего названия, если организация меняла название, но ее статус (а часто и адрес) оставался прежним. В комментариях указывались предыдущие названия.

Рассмотрим один случай. Нынешний Институт археологии РАН в Москве с 1937 г. был Московским отделением ИИМК, находившегося в Ленинграде (МОИИМК). После перевода в Москву в 1943 г. название ИИМК сохранилось за московской частью, а в Ленинграде осталось его отделение – ЛОИИМК. В 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР (ИА), соответственно было переименовано его ленинградское отделение – ЛОИА. В 1991 г. на базе ЛОИА образован отдельный институт со старым названием – Институт истории материальной культуры (ИИМК). В Москве продолжал функционировать ИА. Позже название «АН СССР» сменилось на «РАН». При вводе всех вариантов названий возникла бы полная путаница. Поэтому академическое учреждение в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в ИПС везде названо ИИМК, а московское – ИА.

Старое название вводилось там, где статус был неясен. Так, например, на базе целого ряда педагогических институтов были образованы университеты (не педагогические) или иные организации (академии и т. д.). В этом случае, как и для органов охраны, вводились все названия, поскольку перемена названия определенно сопровождалась переменой статуса. Во многих случаях введение организаций потребовало изыскания дополнительных данных для установления соответствия.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Разделение ОЛ по запросам организаций часто не совпадает с фактическим местом работы исследователя. Мы придерживаемся первоисточника, т. е. записи в книге. Там в графе «организация» указывалось не место работы археолога, а организация, подавшая на него заявку для получения ОЛ. Так, в больших новостроечных экспедициях часто работали специалисты из разных учреждений, но ОЛ, как правило, запрашивался организатором экспедиции. Например, в разные годы в новостроечных экспедициях ИА работали археологи не только из ИА, но также из многих других городов и организаций. ОЛ до 1992 г. часто запрашивался от ИА (Сорокина, 2004б, с. 133–179). В графе «организация», соответственно, вписан ИА, а не место работы приглашенного археолога. Таким образом, статистика по организациям отражает их реальный потенциал и активность в проведении полевых исследований.

При введении категории организации (музей, вуз, орган охраны и т. д.) учитывалось следующее. Музеи относились к соответствующей категории независимо от формы собственности (государственные, муниципальные и иные). Музеи при вузах учитывались как подразделение вузов, а не самостоятельные музеи. До создания в регионах объединенных музеев-заповедников были просто краеведческие музеи. Где-то и сейчас есть такие названия, в том числе и в крупных региональных центрах. Если известно, что музей просто менял название и структуру, но оставался по сути тем же (иной раз и руководство не менялось годами, а адрес так и есть прежний), только укрупнялся за счет появления филиалов, вводилось современное название. Это облегчает поиск и статистику. В других же случаях отдельно вводилось более старое название, потом – новое (с соответствующими комментариями).

Блок «Регион». Поскольку система «@Археология» в целом ориентирована на ведение единого государственного реестра объектов культурного наследия, в ней предусмотрены три варианта административно-территориального деления России: Российская империя, Советский Союз (РСФСР), современная Российская Федерация. В дальнейшем должно быть обеспечено их соответствие, то есть памятник, найденный до 1917 г., должен получить географические атрибуты по административному делению современной России. Эта работа только началась. Пока соответствия установлены только для послевоенного периода РСФСР и современной России – это, конечно, наиболее легкая часть. Полные структуры административно-территориального деления предполагается зафиксировать для нескольких хронологических срезов, наиболее обеспеченных источниками и отражающих произошедшие существенные изменения по сравнению с предыдущим периодом: 1897 г.– по Первой всеобщей переписи Российской империи; 1918 г.– по Конституции РСФСР 1918 г.; 1925 г.– по Конституции РСФСР 1925 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г.; 1937 г.– по Конституции РСФСР 1937 г. и Всесоюзной переписи населения 1937 г.; 1946 г.– после присоединения новых территорий в послевоенный период; 1978 г.– по Конституции РСФСР 1978 г.; 1993 г.– по Конституции РФ 1993 г.

До ВОВ происходили постоянные изменения в административном делении РСФСР, например, процесс укрупнения и разукрупнения регионов. В 1920-х гг. существовали, помимо иных, пять огромных территориальных объединений, включающие множество современных субъектов Федерации: Уральская область, Северо-Кавказский, Сибирский, Дальневосточный и Северо-Западный края. Дробление их началось в 1930-е гг. и продолжалось во время ВОВ. Тогда же лишились автономии народы, обвиненные в сотрудничестве с оккупантами и депортированные в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь (карачаевцы, балкарцы, ингуши, калмыки). Их территории передали другим регионам. Восстановление произошло только в 1957 г. (кроме республики немцев Поволжья).

Процесс реорганизации продолжался и после ВОВ. Лишь за 1943–1944 гг. на территории РСФСР было создано 14 новых областей. В 1944 г. в состав РСФСР была принята Тувинская АО, в 1946 г.– Калининградская область. Изменения происходили и в последующие десятилетия. Например, Великолукская область существовала до 1960-х гг., потом ее разделили по районам. Часть ее отошла к Тверской области, часть – к Псковской. Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. закрепили сложившееся к

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

этому времени административно-территориальное деление. В составе РСФСР было 16 автономных республик, 6 краев, 49 областей, 5 автономных областей и 10 автономных округов (до 1977 г. они назывались национальными округами), входивших в состав краев и областей. Перечисленные территориальные единицы делились на районы.

После выхода РСФСР из состава СССР и образования Российской Федерации в 1991 г. административно-территориальное деление в основном оставалось прежним. Автономные области и округа были выведены из подчинения краям и областям и переданы в федеральное управление. Конституция РФ 1993 г. закрепила состав субъектов Федерации. Сохраняется районное деление. Регионы, которые входили в состав других (например, республика Адыгея была в составе Краснодарского края), существуют и сейчас, но с самостоятельным статусом.

В настоящее время в связи с экономической целесообразностью в государственной политике наметилась тенденция к сокращению количества регионов посредством их слияния. Этот вопрос ставится в отношении автономных округов. Так, Коми-Пермяцкий АО присоединен к Пермской области, как это и было в РСФСР. Тем не менее, в ИПС он учитывается как самостоятельная единица, так как с 1992 г. до момента объединения ОЛ на исследования в нем выдавались отдельно.

Выделить субъекты Федерации, до 1993 г. находившиеся в составе других регионов, вполне реально, поскольку в ОЛ вписывается район, название которого, как правило, не менялось. Так, в СССР существовала республика Чечено-Ингушетия. Разделение на Чеченскую республику и Ингушетию произошло по районам: одни отошли к Чечне, другие к Ингушетии. Данные о районировании есть в справочной литературе. Если название района менялось, устанавливалось соответствие, и в ИПС вводилось новое название. В отдельных случаях соответствие устанавливалось не по районам, а по населенным пунктам, менявшим административное подчинение.

Следует, конечно, учесть и изменения названий городов и областей, происходившие в течение послевоенного периода, особенно в начале 1990-х гг., когда в связи с изменившейся политической обстановкой в стране начался процесс возвращения исторических названий переименованным после революции АТЕ. Данные о старых названиях имеются в справочной литературе. Для обеспечения сквозного поиска за весь период 1946–2006 гг. в поле «Регион» вводились современные названия, в то время как текст ОЛ вводился по источнику, то есть со старым названием. Так, если ОЛ был выдан на Горьковскую или Калининскую области, в тексте ОЛ вводилось именно это название, а в поле «Регион» они учтены как Нижегородская и Тверская области. Кроме субъекта Федерации указан административный район и, где есть данные, населенный пункт.

В 2000 г. были образованы семь федеральных округов: Центральный, Южный, Приволжский, Северо-Западный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Они не ликвидировали автономию субъектов, но объединили их административно. Если рассматривать развитие полевых исследований в округах (гл. 4, разд. 6), мы увидим, что объективно такое деление оправданно: входящие в них регионы тяготеют к единым центрам, связаны научными школами, общей культурно-исторической проблематикой.

* * *

Возникает вопрос о верности данных в системе. Поскольку они вводятся людьми, конечно, могут возникать ошибки, хотя бы из-за неправильного прочтения рукописного текста в книгах регистрации. С целью выявления и устранения ошибок было предпринято несколько проверок данных.

1. Сразу после ввода основные ошибки, помимо ручной проверки, фиксирует сервер.
2. При вводе поля «Регион», поскольку эта опция появилась позже, чем был введен основной массив. Соответственно, пришлось открывать каждую запись и вводить отдельно из справочника по АТЕ. Это позволило проверить записи ОЛ — по отчетам такая работа еще предстоит.
3. При дополнении информации по организациям. Примерно треть записей изначально при вводе не могла содержать названия организации. Оно тогда было взято

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

из блока, созданного еще в системе «Полисс» и охватывавшего только организации, получавшие ОЛ с 1999 г. Следовало делать новые записи по организациям, получавшим ОЛ в более ранние периоды и переставшим подавать заявки, а также прекратившим свое существование или изменившим названия, а иногда и статус.

4. При дополнении информации по исследователям. Данные проверялись по книгам и картотеке исследователей. На момент основного ввода имелись пропуски, так как в рукописных книгах иной раз было трудно прочитать фамилию, если не знать, кому она могла принадлежать. Кроме того, как уже говорилось, нередки случаи перемены фамилии.
5. При вводе поля «охранные работы» был просмотрен практически весь массив, внесены исправления (по мере обнаружения ошибок) и дополнения (например, в поле «Регион»).
6. При обнаружении постоянно повторяющейся ошибки для ее устранения проверялись все записи данного поля.

Кроме того, любое обращение к системе и просмотр записей по любому запросу всегда позволяет исправить ошибки и опечатки, если таковые выявляются.

В процессе получения статистики (по разным запросам) постоянно проверялась правильность работы статистической части программы «@Археология», то есть шло тестирование. Справедливости ради надо сказать, что были выявлены ошибки считывания данных, которые теперь устранены. Таким образом, видно, что записи неоднократно выверены, работа статистической части программы отлажена, и представленный в данной работе анализ можно считать достоверным.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 4

Полевые исследования в 1946–2006 гг. по данным статистического анализа

Информационно-поисковая система «@Археология» выполняет не только задачи учета и хранения информации. Одна из основных ее функций — аналитическая. Она дает возможность провести статистический анализ огромных массивов информации, каковым и являются данные о полевых исследованиях в России; изучать тенденции и закономерности развития полевой археологии, ее структуру как в России в целом, так и в отдельных регионах. Это первый опыт подобного анализа, так как традиционно информация о полевых исследованиях воспринимается в основном как информация об их научных результатах (подобно тому, как она представляется в АО). После ВОВ такого рода публикации появлялись постоянно. До 1990-х гг. ежегодно проходили пленумы по итогам полевых исследований, публиковались тезисы, но содержали они опять же описание открытий и находок, редко обзоры работ крупных экспедиций. Данные о результатах полевых работ как ИИМК — ИА, так и некоторых других учреждений до начала 1970-х гг. также публиковались Н.К. Лисицыной и Д.Б. Шеловым в виде кратких ежегодных отчетов ОПИ. Но все эти публикации, при несомненном их значении для исследования процессов, происходящих в полевой археологии, являются не анализом структуры и динамики ее развития, а отчетами о достижениях.

Такое положение имеет причину. Дело не в отсутствии интереса к обобщениям данных и количественному анализу состояния этой области нашей науки, а в том, что до последнего времени его было очень трудно сделать в сколько-нибудь солидных масштабах. Анализ-то как раз всегда был востребован хотя бы как вводная часть к описанию итогов полевых работ. Конкретные данные об их количестве впечатляли, особенно когда показывали рост количества экспедиций, раскопанных памятников, обследованных разведками площадей. Но до начала ведения документооборота с помощью АИС в 2000 г., а также сплошного ввода информации за весь послевоенный период с 2002 г., облечь в цифры накопленный материал было практически невозможно. Данные были разбросаны по книгам регистрации ОЛ и отчетов и иным документам, их следовало выбирать и группировать вручную, что трудно даже для составления ежегодной сводки. Поэтому статистика могла охватывать лишь небольшие периоды и в публикациях много места не занимала.

Положение осложнилось еще и отсутствием сводных справочных материалов. Справочник по экспедициям ГАИМК-ИИМК с 1919 по 1956 г., включающий данные, собранные по определенной системе, и очень информативный, оказался первым и последним (АЭ, 1962). Но в тот же период экспедиции проводились и иными организациями, центральными и региональными. В справочнике они не учтены. Небольшие сводки в разных изданиях делались и позже, применительно к ограниченным территориям, отдельным учреждениям и по определенной тематике, но общая картина отсутствовала.

Ввод всего объема информации, хранящейся в ОПИ, произойдет еще не скоро, но то, что уже доступно сейчас, позволяет осветить многие аспекты развития полевой археологии за достаточно длительный период. Принятый сейчас в ОПИ стандарт заполнения регистрационных документов несколько менялся, как и сам подход к регламентации. Ниже мы остановимся на некоторых важных с этой точки зрения моментах. Поскольку одна из целей применения ИПС — сохранение информации параллельно с бумажным носителем, источники введены в первоначальном виде, без поправок, даже в том случае, если запись воспринимается как ошибочная с современной точки зрения. Количество подобных случаев очень мало, они тщательно проверялись и при необходимости комментируются отдельно.

Статистический анализ целесообразно начать с общих показателей, иллюстрирующих тенден-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ции развития полевой археологии с 1946 по 2006 г. в целом, затем анализировать каждый период отдельно в соответствующих разделах (гл. 5).

1. Открытые листы и отчеты

В системе «@Археология» имеются два основных блока информации — «Открытые листы» и «Отчеты». Анализ структуры и динамики развития полевой археологии проведен в основном по блоку «Открытые листы». Это обусловлено тем, что информация об отчете вторична, она характеризует проведенные работы, но не общую картину. ОЛ выдается на определенное исследование (или исследования, например, по форме 1 — раскопки и разведки), проводимое в тот же год. Отчет же может не соответствовать ОЛ, то есть включать работы по нескольким ОЛ, выданным одному автору, или, наоборот, только часть работ по одному ОЛ (работы на одном памятнике из нескольких, например). Кроме того, сдача отчета по одному или нескольким ОЛ может по каким-либо причинам, вовсе не свидетельствующим о недобросовестности автора, задержаться. Археолог, разумеется, не получит следующий ОЛ, не сдав отчет. Стало быть, он не должен проводить нового исследования. Таким образом, если отчета нет, это не значит, что не было работ по ОЛ. И, наоборот, если отчет есть, он может отражать исследование, как обычно, за предыдущий год, а может и за более ранний. ОЛ же действителен только в течение года и отражает лишь то, что сделано именно в этом году. Поэтому информация об ОЛ и является основным показателем процессов в полевой археологии, имевших место в определенном году.

Научные отчеты, учтенные в ОПИ, прошедшие экспертизу и поступающие на хранение в архив при ИА РАН, также, конечно, во многом отражают состояние полевой археологии, поскольку дают представление о методике проведенных работ, их результатах, квалификации археолога. Но о динамике ежегодных полевых работ по ним судить нельзя.

Здесь уместно определить, что мы понимаем под термином «исследование». Это важнейший атрибут памятника археологии, отражающий каждый подход к нему археолога и соответствующий значениям, указанным в тексте ОЛ (год выдачи, вид работ, территория, название). То есть, если археолог много лет работает на одном памятнике, запрашивая ежегодно ОЛ, то работы каждого года составляют отдельное исследование и соответственно учитываются в статистике. Если по одному ОЛ производится разведка, то это будет одним исследованием независимо от количества обнаруженных памятников или даже от их отсутствия. Если в ОЛ вписано несколько памятников (например, объектов в городах) и несколько видов работ (раскопки и разведки), то каждому виду работ, памятнику или объекту соответствует отдельное исследование. В идеале каждому исследованию должен соответствовать отдельный отчет — это бы сразу очень облегчило и учет полевых работ, и сбор информации по научным темам, на который археолог сейчас тратит массу времени, по крупицам выясняя, кто, что и где копал, и где искать коллекции. Однако еще до войны сложилась традиция смешения материалов в отчетах, поэтому установление соответствия «ОЛ — отчет» — непростая задача, требующая и трудозатрат, и определенных навыков.

За период с 1946 по 2006 г. было выдано 31574 ОЛ. Из них возвращено без использования не менее 978, о чем в книгах регистрации ОЛ до 1983 г. делалась пометка. С 1983 по 1995 г. систематических пометок в книгах нет. Возвращенные ОЛ просто приложены к книге, но за давностью лет нет уверенности в том, что все они на месте. Наверное, по таким делам имелась переписка, но это документы временного хранения, большей их части уже не существует. Поэтому сведения о непроведенных работах за этот период расплывчаты. Очевидно, что общее число неиспользованных ОЛ превышает указанное количество, но точной информации пока нет. Обычно ежегодно возвращалось от 1 до 30 ОЛ, в основном по причине личных обстоятельств исследователя. Еще одна причина, особенно значимая с середины 1990-х гг.— отсутствие финансирования на отдельные объекты работ. Количество возвращенных ОЛ в трудные 1990-е гг. достигало ста в год, большей частью именно по этой причине. Приведенные ниже статистические построения сделаны только по реально использованным ОЛ.

Возвращение неиспользованного ОЛ предусмотрено инструкциями с 1939 г. К сожалению,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фиксируются случаи возвращения ОЛ, хотя работы и были проведены (в связи с чем ОПИ принимает соответствующие санкции). Так автор избавляет себя от труда по написанию отчета. Оставляя вопрос о научной этике, отметим, что такие действия противоправны, так как нарушают ст. 45, п. 10 Закона РФ «Об объектах культурного наследия». Поэтому в настоящее время требуется не только личное свидетельство исследователя о том, что работы не проводились, но и письмо из организации, запросившей ОЛ.

Еще один показатель динамики – количество сданных отчетов. Всего их зарегистрировано с 1946 по 2006 г. 23443. К сожалению, две книги учета, содержащие записи об отчетах по 1232 ОЛ с 1949 по 1957 г. найти не удалось. Эти данные придется восстановить и внести в ИПС по описям и картотеке научного архива ИА – достаточно трудоемкая работа. Отчеты с 1958 г. (Инструкция, 1958, п. 41) сдаются на следующий год после проведения работ до 1 мая. До введения этого правила их следовало сдавать не позднее чем через шесть месяцев после завершения работ, то есть в начале года. Тогда это было возможно, поскольку работы проводились в основном летом и небольшими, по современным меркам, объемами. Книги регистрации отчетов в ОПИ начинаются с 1947 г., то есть с отчетов, сданных по ОЛ, выданным в 1946 г. В 1947 г. зарегистрирована сдача двух отчетов за тот же год.

Рис. 4 отражает общую динамику выдачи ОЛ и поступления отчетов с 1946 по 2006 г. Видно, что отчетов ежегодно регистрируется меньше, чем выдается ОЛ. Это закономерное и объяснимое явление. Часть работ, как уже отмечалось, по разным причинам не проводится. Весьма значительное количество отчетов включает материал по более чем одному ОЛ (обратное встречается реже и в основном в последнее время), но фиксируется как один отчет – единица архивного хранения. С начала 1930-х гг. в инструкциях к ОЛ требовался сначала предварительный отчет, потом уже полный. Последний часто готовился сразу как публикация или доклад, то есть сам документ, соответствующий понятию «отчет», в архив не подавался. Эта практика была распространена до 1950-х гг. Так, в 1946 г. на полевые исследования в Краснодарском крае было получено пять ОЛ, отчеты сданы по двум исследованиям, результаты трех остальных работ введены в научный оборот иными способами.

Не так редко отчеты задерживаются и подаются позже не только по личным обстоятельствам исследователя или в связи с отсутствием средств на производство работ. К сожалению, всегда были и есть должники, которым выдача ОЛ прекращалась, но отчет об их работах так и не появлялся. Это обстоятельство заставило внести в инструкции пункты об ответственности за своевременную сдачу отчета организации, запросившей ОЛ, что, безусловно, способствовало укреплению дисциплины.

Имеется (особенно до 1970–1980-х гг.) небольшой процент исследователей, получивших первый и единственный ОЛ, не сдавших отчет, более не подававших заявок и на этом поприще не подвизавшихся. Гораздо более тяжелый, но, к сожалению, имеющий место момент – непредставление отчета по причине кончины исследователя. Правда, в последнее время известны случаи, когда коллеги считали своим долгом завершить и сдать отчет ушедшего из жизни товарища.

В первые послевоенные годы российские археологи активно работали в Крымской области, которая до 1954 г. входила в состав РСФСР. В период 1946–1953 гг. это был один из наиболее исследованных регионов. За то время на Крымскую область выдано 118 ОЛ, что сравнимо только с количеством исследований, проведенных в тот же период в Краснодарском крае, Московской, Пермской областях и республике Татарстан (карта 1, рис. 38), но все же намного больше. В связи с присоединением Крыма к Украине количество работ российских археологов в этом регионе резко сократилось. После 1953 г. ОПИ выдал только один ОЛ – в 1964 г. В.Д. Блаватскому на подводные исследования вдоль западного побережья. Российские экспедиции работают в Крыму и поныне, но ОЛ получают в Киеве, туда же представляют и отчеты.

Отдел полевых исследований выдавал ОЛ и на работу российских исследователей и организаций в других республиках СССР (рис. 5), хотя там существовала своя система разрешений и отчетности. Таких случаев очень мало, поэтому все можно перечислить. В Молдавии в 1947–1951 гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

работали Т.С. Пассек, Г.Б. Федоров, Р.Л. Розенфельд (ИА). На территорию Белоруссии с 1948 по 1963 г. было выдано пять ОЛ: М.Г. Рабиновичу (ИА), Ю.В. Кухаренко (Институт музейной и краеведческой работы), П.Н. Третьякову и И.И. Лапушкину (ИИМК), К.М. Поликарповичу (Институт истории АН Белорусской ССР). Шесть ОЛ было выдано на работы в Казахстане в 1948–1965 гг.: И.В. Синицыну (Саратовский областной музей), Г.Н. Матюшину и В.Н. Чернецову (ИА). В Узбекистане в 1951 г. работали В.А. Левина и Н.Б. Немцова по заявке Специализированной научно-реставрационной мастерской при Совете Министров Узбекской ССР. А.Н. Бернштам (ИИМК) в 1947 г. получил ОЛ на исследования в Киргизии и Таджикистане. В 1952 и 1953 гг. в Эстонии работала Н.Н. Гурина (ИИМК). На территорию Грузии выдано два ОЛ; в 1949 г. Л.Н. Соловьеву (МГУ) и в 1972 г. Л.Г. Нечаевой (ЛОИЭ).

Количество проведенных исследований и сданных отчетов зависит от общей экономической ситуации в стране. С 1946 г. до середины 1980-х гг. идет плавный рост количества исследований с незначительными колебаниями (рис. 4). Это время как бюджетного, так и хоздоговорного финансирования. Резкое увеличение количества исследований к концу 1980-х связано, очевидно, с началом политики «перестройки» и возникновением новых источников финансирования (активизация частной коммерческой деятельности). После 1991 г. (распад СССР) ситуация, как и в экономике в целом, ухудшается. Показатели 1994 г. приближаются к началу 1980-х гг. В 1981 г. было выдано 629 ОЛ, а в 1994 г. даже несколько меньше — 625. Для сравнения: в 1990 г.— выдано 915 ОЛ. Этот показатель вернется только к 2000 г.

Колебания во второй половине 1990-х гг. связаны со скудостью бюджетного финансирования и недостаточным на тот момент умением археологов находить другие источники. В 1995 г. началась реализация федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов РФ», рассчитанной до 2000 г. Перспектива государственного финансирования сразу подняла активность: в регионах были составлены пятилетние планы, задействованы кадры. Однако уже с 1996 г. поступление средств прекратилось, многие даже не успели вовремя сдать отчеты за 1995 г. В 1997 г. интенсивность работ опять падает, как и приток в науку новых специалистов (рис. 6).

В последующие годы опять начинается плавный рост количества работ, что связано, очевидно, с активизацией поиска средств (прежде всего — договорных) на местах и вовлечением в этот процесс организаций археологического профиля всех категорий (научно-исследовательских учреждений, органов охраны, музеев, вузов и т. д.). Дефолт августа 1998 г. на количестве исследований не отразился, поскольку пришелся на конец полевого сезона, когда основная масса работ уже была закончена. Зато он отразился на своевременной подготовке научных отчетов. Можно также предположить, что события 1998 г. вызвали трудности в поисках средств для малобюжетных разведочных работ по ОЛ формы 3, которые проводят начинающие археологи — студенты старших курсов и аспиранты вузов. Этим можно объяснить минимальный приток первичных заявок на ОЛ в 1999 г.

В конце 1980-х гг., как и сейчас, рост числа исследователей не поспевает за увеличением необходимого объема работ. Можно сказать, что подобная картина характеризует периоды относительно благоприятной финансовой ситуации, то есть расширения инвестиций. Это объясняет увеличение количества ОЛ на одного археолога за один полевой сезон. С этим явлением ОПИ столкнулся давно. Некоторые археологические центры при том же составе исполнителей работают в поле практически круглый год (в Московской и Тверской областях, Краснодарском крае и пр.). Соответственно, вместо одного отчета многие археологи сдают несколько. В 1970 — начале 1980-х гг. такое практиковали по необходимости только очень крупные новостроечные экспедиции.

Наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию объема полевых работ с 1999 г., которая отражает общее оживление экономической деятельности. Подобное возрастание объема работ, судя по содержанию заявок, определенно связано с интенсивным строительством в исторических городах, прокладкой дорог, различных коммуникаций, программой газификации регионов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2. Организации и специалисты

В ОПИ зарегистрировано 3930 исследователей, когда-либо получавших хотя бы один ОЛ. Но это общее количество. Археологов, одновременно работающих в поле, гораздо меньше. Происходит постоянная и естественная смена кадров. Одни оставляют полевую деятельность, другие только к ней приступают и рано или поздно начинают запрашивать ОЛ на самостоятельные экспедиции.

В 1946 г. ОЛ получили 63 археолога, к 2006 г. их число возросло до 927 – почти в 15 раз больше (рис. 6). Если говорить об общей динамике, это выглядит прекрасно. Но если учесть необъятность российских просторов, картина получается удручающей. В некоторых субъектах Федерации административные районы равны по площади средней европейской стране, а в других они и больше. При такой плотности археологов на единицу площади их можно заносить в Красную книгу. Тем более впечатляет производимый ими ежегодно объем полевых работ. С учетом этого тех, кто постоянно или даже с небольшими перерывами получает ОЛ и ведет полевые работы, будем считать «активными археологами».

Количество таких специалистов, как правило, ежегодно увеличивается. Особенно интенсивно это происходит в отдельные периоды. В 1970-х гг. обозначилась востребованность археологов на новостройках и заинтересованность их в этих работах в связи со значительным расширением возможностей научного исследования новых памятников и хорошим финансированием. В 1985–1991 гг., во время «перестройки», всплеск активности обусловлен появлением множества коммерческих организаций – новых заказчиков работ. С 2000 г., после кризиса и дефолта, наконец, наблюдается рост хозяйственной деятельности, расширяются возможности проведения полевых исследований. И по этому графику (рис. 6) видно, что в середине 1990-х гг. имеет место кризис: количество археологов, получивших ОЛ в 1994 г. (515), едва превышает показатель 1977 г. (503), притока новых специалистов практически нет. Более того, по опыту известно, что многие археологи были вынуждены хотя бы временно уйти на другое поприще, чтобы обеспечить себе существование.

С 1946 г. зарегистрировано 1170 организаций, проводивших когда-либо археологические работы и, соответственно, запрашивавших ОЛ. Часть их уже ликвидирована, другие продолжают работать. Выделяются 10 категорий организаций. Первая категория – учреждения РАН (АН СССР). Сюда включены центральные институты (ИА и ИИМК), институты и иные учреждения Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений, а также региональные научные центры в Башкортостане, Дагестане, Карелии, Коми, Татарстане и в других республиках (Российская..., 2007). Включен сюда и Крымский филиал АН (до 1954 г.).

Вторая категория – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации вне системы Академии наук. Здесь имеются в виду организации регионального подчинения, существовавшие (часто и ныне продолжающие работать под тем же или иным названием) в автономных республиках РСФСР. Бывают и более сложные случаи. Региональный НИИ может поменять свой статус на академический, как это произошло в конце 1980-х гг. с НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР. Ныне это Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН. С течением времени соотношение доли участия в полевых исследованиях региональных научных институтов и академических учреждений могло меняться, что не означало ликвидации последних. Так, до начала 1990-х гг. в Татарстане основной объем полевых работ вел ИЯЛИ Казанского НЦ АН. С 1992 г. его место занял Институт истории АН Татарстана.

Следующие категории – музеи и вузы – особых комментариев не требуют. Следует только отметить, что с изменением в стране форм собственности организации этих категорий могут быть государственными, муниципальными, ведомственными и частными (последние, правда, пока ОЛ не запрашивали).

Органы государственной власти, местная администрация и органы охраны памятников – взаимосвязанные категории. Сюда относятся учреждения, имеющие государственный статус. Первоначально охранных организаций как таковых не существовало. Их функции исполняли отделы культуры в системе Министерства культуры РСФСР (органы власти) и негосударственная организация – Всероссийское об-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Самостоятельные органы охраны памятников как часть государственной системы появились с начала 1990-х гг. С тех пор прошли административные реформы, менялись права и обязанности, но важно, что в настоящее время эта категория являет самостоятельную силу и значимость в полевых исследованиях. В частности, во многих регионах заявки на землеотводы идут прямо от них (кто бы ни был исполнителем) или согласовываются разными учреждениями. Это правильно, поскольку право согласования землеотводов с заказчиком строительства принадлежит госорганам.

После 1992 г. появились новые государственные организации археологического профиля — различные центры и объединения. Качество проводимых ими полевых работ, естественно, различно и зависит от состава и квалификации исполнителей. Основной тип такой организации — Научно-производственные центры (НПЦ) по охране культурного наследия (варианты названия могут различаться), имеющиеся во многих регионах.

В последнее время возник ряд негосударственных организаций. Создание их в ряде случаев позволило образовать рабочие места для археологов при вечном дефиците бюджетных ставок, осуществлять контроль и координацию полевых работ в регионе. Вместе с тем эти организации стали конкурентами бюджетных учреждений. Конечно, следует различать профессиональные коллективы и фирмы-однодневки, созданные преимущественно для выкачивания средств из заказчика работ без должного обеспечения качества полевых исследований. Как показывает опыт, «на плаву» остаются те, кто предлагает реальное обеспечение полевых работ и несет ответственность за их проведение. Одной из наиболее старых негосударственных организаций является уже упомянутое ВООПИиК (до 1985 г.). Сюда же отнесены и другие давно известные общества, например, Географическое.

Следующая категория — специализированные реставрационные организации, как центральные, так и региональные. Они ведут архитектурно-археологические раскопки преимущественно в старых русских городах Европейской части. Известны также их работы в Сибири, Казани, Дербенте, Средней Азии. Подобных организаций не так уж мало, многие существуют давно, и в них работают (или работали) известные профессиональные археологи. Во времена СССР эти организации были государственными, сейчас их статус может быть и иным.

Интересна десятая категория — «прочие организации». В их числе — РОНО, средние школы, техникумы, дома и дворцы пионеров, туристические станции. Выдача им ОЛ производилась до начала 1980-х гг. С начала послевоенного периода обозначилась нехватка археологических кадров: сказались репрессии 1930-х гг., потери военных лет, недостаток вузов с археологической специализацией. При этом резко возрос объем полевых работ. Привлечение краеведов без специального образования отчасти решало проблему. Некоторые из них проходили практику в крупных экспедициях центральных учреждений, годами работали добросовестно, представляли отчеты, становились грамотными археологами. Следует также учесть, что в этой категории организаций начинали свой путь в науку и многие дипломированные специалисты, работавшие в школах и иных местах в связи с постоянным дефицитом научных и преподавательских ставок в специализированных учреждениях.

Анализ показывает, что в течение всего послевоенного времени количество организаций, получающих ОЛ, возрастает, хотя и медленно (рис. 6). В 1946 г. ОЛ получили исследователи только из 25 организаций, в 2006 г.— из 274. Это объясняется, во-первых, тем, что каково бы ни было реальное состояние охраны памятников, в законодательстве и СССР, и России оно так или иначе предусмотрено. В регионах образовались органы охраны, соответствующие отделения государственных структур, начавшие заниматься археологическими исследованиями. Во-вторых, государственная политика способствовала появлению новых вузов, активно включавшихся в процесс хотя бы из необходимости обеспечить практику студентов. Росло и количество музеев, прежде всего — местных, в небольших городах и даже райцентрах. Музеи вели археологические изыскания для пополнения коллекций, после 1985 г.— также для

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

получения хоздоговорного финансирования при недостаточности бюджетного. Кроме того, местный краеведческий музей часто оказывается наиболее близкой профильной организацией, берущей на себя спасательные работы на разрушаемых природой и людьми памятниках в своей округе. В-третьих, в последнее время появилось большое количество государственных и негосударственных коммерческих организаций, специализирующихся на археологических исследованиях, преимущественно в зонах новостроек.

Организации, регулярно получающие ОЛ, мы также будем считать «активными». Ведь есть и такие, которые по статусу могли бы вести работы, но не укомплектованы специалистами изначально или в течение какого-то времени. Деятельность некоторых сходит на нет, другие, наоборот, расцветают. Возрастание количества организаций очень плавное, но и здесь видны некоторые колебания, наиболее заметные с середины 1980-х гг. Пик активности еще советского времени – 1990 г., следующая фаза – до 2003 г.– более похожа на период выживания. В настоящее время опять виден подъем, может быть, самый ощутимый за все время с 1946 г. В этом графике (рис. 6) кризис 1990-х гг. отражен не так наглядно, поскольку, даже если полевые работы временно сокращались, учреждение, во всяком случае – государственное, не закрывалось и как-то существовало.

Общий вывод не утешителен. В России не хватает не только археологов, но и организаций археологического профиля, то есть рабочих мест и баз для обработки, хранения и изучения археологического материала. В некоторых регионах это ощущается особенно остро – они относятся к наименее исследованным в общероссийском рейтинге (карты 1–5). Тем более не хватает учреждений и коллективов с устоявшимися традициями и высоким профессиональным потенциалом – их еще меньше. Создание новых государственных или иных учреждений не слишком облегчит ситуацию, так как их надо обеспечить квалифицированными кадрами. А это ставит проблему развития профессионального образования перед высшей школой, возможности которой тоже в силу многих причин весьма ограничены (Мельникова, 2006).

3. Формы открытых листов

Официальное понятие о формах ОЛ в основном относящемся к нему инструктивном документе появилось только в 1958 г., (Инструкция, 1958). Распределение же по формам в книгах регистрации выдачи ОЛ началось гораздо раньше – с 1949 г. До этого фиксировался лишь вид работ, примерно сопоставимый с формами 1, 2, 3. Такое разночтение внутренних и внешних документов ОПИ свидетельствует о постоянно идущей творческой работе по совершенствованию регламентации. Когда потребность в новых правилах становится насущной, они закрепляются официально. Распределение ОЛ по формам более точно отражает специфику полевых работ, поэтому в «Инструкции» 1958 г. появляется форма 4.

Интересно распределение полевых исследований по формам ОЛ (рис. 7). Оно также отражает общие тенденции, определяемые экономическими реалиями. Особенно это касается исследований по формам 1, 2 и 4, связанных со значительными бюджетными затратами или проводимых на хоздоговорные средства. Форма 3 обычно выдается на небольшие разведки, чаще всего молодым археологам: студентам старших курсов или аспирантам. По ОЛ формы 3 проводится также мониторинг археологических памятников, то есть внешний осмотр, без вскрытия культурного слоя. И те, и другие работы проводятся, как правило, на бюджетные средства и не требуют крупного финансирования. Количество исследований по форме 3 дает два ощутимых спада: кризисный 1994 г. и дефолт в 1998 г. Это вполне объяснимо, так как возможности таких работ полностью зависят от бюджетного финансирования, а оно-то как раз и дало сбой.

Как показывает практика ОПИ, заявки на получение определенной формы ОЛ в значительной степени отражают менталитет исследователей. С 1946 г. (и ранее) были фактически, хотя таких названий и не было, известны три формы – 1, 2 и 3. Получение формы 1 отражало высокую оценку квалификации исследователя, так как давало право на работы в любом объеме. Поскольку археологи за полевой сезон, как правило, проводили и раскопки, и разведки, последние для упрощения оформления ОЛ стали вписывать

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в форму 1. Но нормой это стало только с 1970-х гг. в связи со значительным увеличением количества заявок на ОЛ и возрастанием нагрузки на ОПИ в области делопроизводства. Форма 2 (разведки с правом земляных работ) выдавалась также квалифицированным исследователям, по каким-либо причинам ограничивавшимся разведками. Форма 3 оставалась для начинающих или недостаточно подготовленных к иным работам. Очевидно, что форма 1 традиционно воспринималась как более престижная. Количество выданных по ней ОЛ достаточно быстро возрастает, практически совпадая с тенденцией роста количества активных археологов в целом (рис. 6).

В 1958 г. узаконена форма 4 «на право обследований археологических памятников, обнаруживаемых при земляных работах» (Инструкция, 1958, п. 3). Это предполагало аварийное доследование памятников. Такие работы не входили в планы крупных учреждений. Заявки на ОЛ для подобных работ приходили от неспециалистов, чаще всего – от местных краеведов, учителей школ. Выдача ОЛ в таком случае рассматривалась как вынужденная мера, хоть как-то предотвращающая полную утерю информации о памятнике. К качеству отчетов предъявлялись пониженные требования. Правда, многие из таких исследователей постепенно, на практике, обучались и со временем получали уже и другие формы. Тем не менее, в глазах специалистов-археологов работы по форме 4 рассматривались изначально как «второсортные».

В «Инструкции» 1963 г. было внесено существенное уточнение. Форма 4 теперь давала «право обследований и раскопок археологических памятников, обнаруживаемых при земляных работах и строительствах, а также разрушающихся в результате естественных причин» (Инструкция, 1963, п. 3). Это переводило значительную часть спасательных работ в разряд плановых, поскольку и обычные природные разрушения, вроде обрушения берегов рек, и, тем более, строительные работы, можно было учесть заранее при выборе объекта работ. Если до начала 1960-х гг. такие исследования единичны, то потом начинается медленный, но постоянный их рост. С середины 1970-х до середины 1980-х гг. наблюдаются колебания, в то же время количество ОЛ формы 1 резко возрастает. Причины известны. Это время начала больших охранных работ, связанных с мелиорацией земель. К участию в них привлекается масса археологов, при этом по традиции большая их часть получает форму 1. Но в то же время исследователи все чаще получают форму 4, так как она по определению более соответствует новостроечным работам.

Можно сказать, что с середины 1980-х гг. наступает новый этап: форма 4 при охранных работах становится обязательной. Особенно сильный скачок наблюдается в начале периода «перестройки». Не касаясь здесь общего отношения археологов к охранным работам, особенно в академической среде, отметим, что менталитет начинает меняться: с сокращением бюджетного финансирования основной упор делается на поиски хозрасчетных источников, а это как раз работы в рамках формы 4, которые перестают считаться неполноценными. К тому же, учитывая масштабы этих работ, они с начала 1970-х гг. дают основную массу археологического материала.

В конце 1980-х гг. в связи с началом экономических трудностей ситуация в полевой археологии резко ухудшается. В 1988 г. наблюдался пик работ по ОЛ формы 1, но бюджетное финансирование практически прекратилось, поэтому в 1989 г. наступил резкий спад. Зато это пик работ по ОЛ формы 4, так как именно в область охранных исследований перемещается основной профессиональный потенциал (следует учесть, что, как уже говорилось, и значительная часть работ по форме 1 – охранная). Меньше средств у вузов, поэтому и работ по форме 3 становится меньше. Достаточно стабильно проводятся лишь разведки по ОЛ формы 2, это в основном небольшие по объему работы, связанные с землеотводами под строительство.

Первая половина 1990-х гг., как известно, являет собой период кризиса, во многом связанного с проведением общегосударственных экономических реформ, с их разнообразными последствиями (в том числе – «отпуск» цен и последовавшая за этим «галопирующая» инфляция). Для охранных работ по формам 4 и 2 пик кризиса – 1993 г., поскольку строительные организации быстрее ощутили экономические потрясения и сократили инвестиции. Для форм 1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и 3 это — 1994 г., когда из бюджета нечего было извлечь на научные цели. Во второй половине 1990-х начинается некоторый подъем. Растет доля разведок по ОЛ формы 2 и охранно-спасательных раскопок (форма 4), зато все время сокращается количество работ по ОЛ формы 1. Дефолт августа 1998 г. на полевых работах отразился мало, поскольку основной объем полевых работ уже был проведен, некоторый спад разведочных исследований заметен, пожалуй, в 1999 г.

В 2001 г. количество ОЛ по 1 и 4 формам практически сравнялось. На охранные раскопки в этом году было выдано 225 ОЛ формы 4 и 49 из 244 ОЛ формы 1, то есть наметилось существенное превышение количества охранных исследований. Из 234 ОЛ формы 2 как минимум 80 — также охранные, об остальных нет данных. С этого времени наблюдается резкий рост количества охранных работ (формы 2 и 4) и значительное отставание всех остальных (прежде всего — формы 1). Из опыта работы ОПИ можно сделать вывод, что сложился стандарт: один исследователь ежегодно запрашивает ОЛ формы 4 и 2, то есть — на раскопки и разведки разрушаемых памятников. Это вполне согласуется со статьей Закона 2002 г., согласно которой раскопки — крайняя форма охранных мероприятий, а также с международными документами, предполагающими раскопки исключительно памятников, находящихся под угрозой уничтожения.

4. Виды полевых работ

По характеру полевые работы, как известно, делятся на два основных вида: раскопки (научно-исследовательские и аварийно-спасательные) и разведки. Цели разведок могут быть различными: выявление и изучение памятников определенного типа для научных задач, обследование малоизученных в археологическом отношении районов, инвентаризация (осмотр и фиксация состояния ранее известных объектов), предварительное обследование территории для землеотвода под строительство и т. д. Особенно следует отметить разведки в городах, предваряющие и иной раз предотвращающие строительство. В зависимости от целей проводятся разведки по определенному маршруту или сплошное обследование территории. Определение целей разведки в заявке на ОЛ очень важно, поскольку необходимо оценить результат, особенно при последующем строительстве и неизбежном при этом разрушении памятников.

Виды работ, как уже было сказано, фиксировались в книгах регистрации с 1946 г. и сопровождались комментариями. Так, ОЛ выдавались на раскопки, разведки с правом вскрытия слоя и разведки без такого права. В книгах регистрации выдачи ОЛ сразу появилась графа, в которую вписывался вид работ. В настоящее время имеется четыре таких вида, что соответствует записи в самом ОЛ: «раскопки» (форма 1), «раскопки и разведки» (форма 1), «разведки» (формы 2 и 3), «охранное обследование и раскопки» (форма 4).

В целом это разделение соблюдается с конца 1950-х гг. до сих пор. Однако современный стандарт устоялся не сразу, поэтому записи в книгах регистрации ОЛ встречаются разные. Так, отмечены девять случаев выдачи формы 1 на разведки. В конце 1950 — начале 1960-х гг. такие ОЛ были выданы известным исследователям, всегда получавшим форму 1. Это, надо полагать, и иллюстрирует приоритет формы 1 в сознании археологов независимо от содержания работ. В одном случае предполагались работы на архитектурном памятнике, что теперь определенно соответствует форме 2 или 4. Остальные — исключительно разведочные работы без раскопок. Несколько раз ОЛ формы 1 были выданы с указанием вида работ «охранное обследование и раскопки» (конец 1970 — 1990-е гг.). Имеется несколько записей о проведении по ОЛ формы 2 просто раскопок и охранных раскопок. Довольно значительное количество (более 40) ОЛ формы 2 было выдано на «раскопки и разведки». Подобного рода исключения при определении соответствия формы ОЛ и вида работ на фоне всего массива ОЛ единичны и самостоятельной тенденции не составляют. Возможно, в книгах были сделаны ошибочные записи, но в ИПС они отразились, поскольку первоисточник вводился в первоначальном виде.

Не зависимо от формы ОЛ вид работ определяется двумя факторами: научным интересом исследователя, выбирающим раскопки или разведки для накопления материала по своей теме, и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

производственной необходимостью (в случае охранных работ). Конечно, хорошо, когда эти аспекты сочетаются. Раскопки более информативны и этим привлекают. В то же время разведки не только позволяют выявить новые памятники и отслеживать их состояние, но и предотвратить их разрушение, то есть на проектной стадии строительства добиться изменения проекта (на современном этапе развития охранной археологии это иногда возможно). Объективно для сохранения культурного наследия в целом разведки более полезны. К тому же раскопки и сами по себе разрушают или уничтожают памятник. Однако анализ распределения видов работ показывает, что раскопки преобладают с большим отрывом.

Для анализа соотношения раскопок и разведок была избрана следующая методика подсчетов. Выделялись виды работ, проведенные по всем четырем формам ОЛ за весь послевоенный период. При этом за основу были взяты формулировки, записанные в первоисточнике – книгах регистрации ОЛ – и внесенные в таком виде в ИПС. В разделе «разведки» учитывались ОЛ форм 2 и 3, указанные исключения: «разведки» по форме 1 и «раскопки и разведки» по форме 2, а также ОЛ формы 1, выданные на «раскопки и разведки». Понятно, что в последнем случае выяснить, какие из работ реально проводились, можно только пересмотрев отчеты. Но это дело будущего, а пока на основе опыта мы предположили, что если ОЛ не возвращен как неиспользованный, работы по нему проведены. Таким образом, в учет раскопочных работ эти ОЛ также были включены. Кроме них в разделе «раскопки» учитывались ОЛ формы 1 (без разведок), «раскопки и разведки» по ОЛ формы 2 и раскопки по ОЛ формы 4 (вид работ «охранное обследование и раскопки»). Следует отметить, что форма 4 всегда относилась к работам на определенном памятнике, к которому и применялась формулировка «охранное обследование». Так что смысл этого понятия совсем другой, нежели тот, который ассоциируется с формами 2 и 3. С 1980-х гг. на охранные разведки выдавались отдельные ОЛ по форме 2, то есть складывался современный стандарт, а до этого ОЛ формы 4 было мало (рис. 7).

Результаты представлены на рис. 8. Количество раскопок, даже при погрешностях подсчета, существенно превышает количество разведок. Если не принимать во внимание форму 3, которая выдается в основном малоопытным археологам, картина получается не слишком радостная. Подавляющее большинство квалифицированных исследователей предпочитает копать. Количество раскопочных работ почти в три раза превышает количество разведочных – 13836 и 4784 исследования соответственно, особенно по ОЛ формы 1. То, что раскопок по ОЛ формы 4 (то есть чисто охранных) почти в два раза меньше числа раскопок по форме 1, как раз не важно. Ниже, в разделе об охранных работах, мы попытаемся показать, что и работы по ОЛ формы 1 в значительной степени охранные, просто до определенного времени это не всегда фиксировалось в тексте ОЛ. Важно другое. Исследователь в принципе видит свою задачу в раскопках как можно большего количества памятников, в то время как сохранению их в большей степени способствуют именно разведки. Это приводит к тому, что огромные территории практически не обследованы.

Подобные установки сформировались в предшествующие периоды как проявление определенного менталитета. Вспомним предисловие к руководству по разведкам А.А. Миллера, написанное С.Н. Быковским, которое отражает концепцию, сложившуюся под влиянием развертывания масштабных новостроечных работ. Заявлено, что в условиях социалистического строительства «разведка и раскопка памятника становится одной из наиболее действенных форм его охраны. Запросы социалистического строительства не могут мириться с шаблонным применением одних старых форм охраны памятников в виде физического их сохранения во всех случаях и при всех обстоятельствах» (Быковский, 1934, с. 10). Отсюда вполне логично возникает лозунг – «копать все». Это представление, к сожалению, прочно укоренилось в сознании археологов и применяется отнюдь не только к разрушаемым памятникам.

Несостоятельность подобной установки осознавалась задолго до ее возникновения. Еще в 1899 г. А.А. Спицын писал: «Какой смысл копать, когда не знаешь, что ищешь, а накопав вещей, не знаешь, что с ними делать» (цит. по: Лебедев, 1992, с. 346). Особенную остроту проблема при-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

обрела к 1980-м гг. при огромном размахе новостроечных работ. Отмечалось, что, хотя снос памятников в ходе строительства неизбежен, только треть новостроечных проектов реализовалась с предварительным исследованием, остальное иногда оставалось даже без надзора (Шелов, 1984, с. 6). В то же время проводилось достаточное количество экспедиций исключительно в научных интересах, иной раз раскапывались памятники, неподверженные даже природным разрушениям.

Основная проблема, которая была всегда — недостаток кадров. Но было и другое: часто охранные работы противоречили научным интересам, а археолог выбирал именно интерес. Необходимо выявление и паспортизация памятников, то есть в первую очередь нужны разведки. А они проводились часто не там, где надо, а там, где интересно. Места для раскопок опять же выбирались с учетом научного интереса, реализации педагогической практики или пополнения коллекций музеев, в результате иногда раскапывались ничем не разрушаемые памятники. Еще хуже то, что при безудержном стремлении к раскопкам иногда забывались методические принципы (Шелов, 1984, с. 7–9). Нельзя сказать, что проблемы полностью решены, хотя ужесточение требований ОПИ к заявкам и отчетам сыграло свою роль.

«Инструкция» к ОЛ, принятая в 1984 г. (Инструкция, 1984), способствовала реализации новой концепции по ограничению бездумных раскопок. Уже на стадии планирования полевых работ предлагалось выбирать для раскопок памятники, находящиеся под реальной угрозой, или те, которые совершенно необходимы для решения больших научно-исследовательских задач. Отсюда и требования ОПИ к представлению развернутых заявок на получение ОЛ. Также признавалось, что ответственность за судьбу памятника несет не только исследователь, но и организация, запросившая ОЛ. И как тут не вспомнить 1889 г., когда в «Протоколах» совещания ИАК с Учеными Обществами была оговорена ответственность последних за запрашиваемые открытые листы? С 1984 г. ОЛ выдаются только по заявкам специализированных организаций. Введено согласование органов охраны для работ на памятниках архитектуры и в зонах градостроительства.

Еще одна причина появления тенденции к бесконечным раскопкам часто в ущерб памятнику — увеличение количества археологов и образование научных школ на местах, стремление к самореализации посредством накопления материала. Само по себе это хорошо, но подготовленных по-настоящему кадров всегда не хватало, отсюда возникла необходимость более жесткого контроля за методикой проведения и организацией полевых работ в регионах (Шелов, 1981, с. 6). Эта проблема существует и сейчас, и будет существовать всегда, если нет обоснованных общепринятых методик полевых работ. По опыту ОПИ известно, что археологи, особенно молодые, иногда обижаются на замечания и на неудовлетворительные оценки своей работы, считая себя первооткрывателями новых методов и ниспровергателями якобы устаревших основ. Но вернемся к тому, с чего начали: выработка методики не может быть делом одного человека, это есть проверенный поколениями опыт.

Как видно, проблемы давние и не вполне, судя по современному анализу, разрешенные. Стоит вспомнить, что еще ИАК ставила вопрос о необходимости раскопок в первую очередь разрушаемых памятников. Существовало также требование не раскапывать памятник полностью, чтобы впоследствии можно было получить о нем представление с помощью более совершенных методов. Крупный археолог конца XIX — начала XX в. Э.Р. фон Штерн это хорошо выразил: «Исходя из соображения, что лучше не производить раскопок, чем производить их неправильно и неудовлетворительно... ограничить выдачу открытых листов частным лицам-любителям, которые не могут предоставить гарантии в правильном ведении дела» (Труды XIV АС, т. III, с. 99).

Внимание археологов послевоенного периода к новостройкам, проявлявшееся вопреки научному интересу, обозначилось позже — только в конце 1980 — начале 1990-х гг., когда бюджетное финансирование прекратилось. Надо было искать другие источники. Тогда и стали отходить от «чистой науки». Но и это не решило проблему, поскольку копать стремились как можно больше теперь уже на хоздоговорные средства. Новая концепция охранных археологических работ, согласованная с Европейской конвенцией об охране археологического наследия от 1969 г. и под-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

твержденная Мальтийской конвенцией в 1992 г. (Сборник, 2001, с. 30–36, 90–101), разрабатывалась в отделе охранных раскопок ИА, на тот момент единственном специализированном научно-охранном подразделении в системе Академии наук (Краснов, 1989а; Афанасьев, Андреева, Смирнов А.С., 1993). Эти проблемы вызывали беспокойство у российских археологов и широко обсуждались (Булатов, 1989; Кузьмин, 1989). Теперь те же принципы прописаны и в Законе 2002 г.

Смысл их в том, что при проведении хоздоговорных работ вопрос о судьбе памятника должен решаться на проектной стадии. Необходимо взаимодействие со строителями, то есть, если возможно, следует по результатам разведок изменить проект так, чтобы памятники не нужно было раскапывать. Ставился вопрос, как видно из нашего анализа, актуальный и сейчас: всегда ли нужны раскопки? Отмечалась «психология вала», то есть восприятие престижа и значения работ археолога в зависимости от объема раскопок. Кроме того, и тогда и сейчас хорошо видна еще одна негативная сторона: после 1985 г. возникло множество коммерческих организаций, специализирующихся на хоздоговорных археологических работах. Они особенно заинтересованы в раскопках, так как это дает деньги. Но далеко не всегда эти организации способны осуществить их на должном методическом уровне, не нанося ущерб памятнику.

Как и в 1980-х гг., сейчас возникает вопрос о планировании разведочных и, особенно, раскопочных работ, прежде всего – в зонах разрушения. Не лучше ли настаивать на изменении проекта, если: концентрация памятников в зоне строительства слишком велика; эти памятники имеют большое историко-культурное значение; построенный объект будет при эксплуатации разрушать и саму территорию, и находящиеся на ней памятники (Кузьмин, 1989). Изменение не так уж нереально: до сих пор, например, не построена Катунская ГЭС – подсчитано, что ущерб от ее строительства превысит прибыль от эксплуатации.

По опыту работы в ОПИ можно сказать, что в последние годы появились отчеты о массе раскопок, которые можно было не производить. Наблюдается неправильная организация поисковых работ для сбора материалов по научным плановым темам – раскопками уничтожается вполне сохранившийся памятник, в то время как рядом находится разрушенный и потому менее интересный, хотя он и погибнет в ближайшее время. Напрашивается вывод о том, что в очередной раз назрела необходимость планирования разведок и раскопок.

5. Распределение открытых листов по категориям организаций

Категории организаций и тем более отдельные учреждения не только в разное время возникали и включались в процесс полевых исследований, но и роль, и вес их с течением времени менялись. Мы попробовали выяснить, как же это происходило в обозначенные нами периоды развития полевой археологии (рис. 9, *1–6*), и, по возможности, связать с общеисторическими реалиями в РСФСР – России. Напомним, что и в данном, и в иных случаях учитывалось учреждение, получившее ОЛ на какого-либо исследователя, независимо от реального места работы последнего. Это как раз и неплохо, поскольку отражает именно организационный и научный потенциал, а не заполнение штатного расписания специалистами, которые могут и не возглавлять самостоятельные экспедиции, и даже вообще не работать в поле. Крупные специализированные организации, например ИА и ИИМК, нередко привлекают археологов не только из других учреждений, но и из других регионов. Это позволяет освоить в случае необходимости большой объем работ и способствует обмену опытом, распространению навыков, освоению методики. Так были устроены комплексные экспедиции с конца 1940-х гг., несомненно способствовавшие возникновению и укреплению региональных школ.

Следует учесть также и то, что организации некоторых категорий бесконечно трансформировались, укрупнялись, дробились: педагогические институты превращались в университеты и академии, областные краеведческие музеи – в объединенные музеи-заповедники, части объединенных институтов становились самостоятельными. Такова традиция советской административной системы с 1917 г. Особенно «повезло» органам охраны памятников и госу-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дарственной власти. В некоторых регионах переименования за краткий срок происходили до пяти раз. О принципах заполнения блока «Организация» в информационной системе говорилось в соответствующем разделе. Здесь еще раз отметим, что формально перемены означали создание новой организации, хотя иногда это было только «перекрашивание фасада». Уследить за всем этим чрезвычайно трудно, поэтому какие-то накладки в фиксации неизбежны. И все-таки можно отделить новое от старого и увидеть картину распределения полевых работ по категориям организаций, получивших ОЛ.

Общее количество зафиксированных в послевоенный период организаций, как уже было сказано, 1170 (действующих и ликвидированных). Рассмотрим их распределение по категориям и определим долю этих категорий в общей картине полевых исследований. На рис. 9,*1* показана доля организаций разных категорий в объеме полевых исследований независимо от вида работ и формы ОЛ за весь период 1946–2006 гг. Видно, что доля научных учреждений Академии наук и вузов практически одинакова (31 % и 30 %), хотя последних зафиксировано в шесть раз больше (52 и 320 соответственно). Объясняется это следующим образом. В 1946 г. ОЛ были выданы на три академических организации и три вуза, в 2006 г. соотношение было 20 и 85. На учреждения АН приходилась основная нагрузка по организации полевых работ, в том числе и на новостройках, со времен ГАИМК. Они были лучше всего обеспечены для этого кадрами и бюджетом, чего в вузах явно не хватало.

Археологическая специализация в университетах, хотя и возродилась в 1930-е гг., была ограничена небольшим составом археологов и практикой студентов. Только в 1961 г. началось преподавание археологии в пединститутах. Количество и активность вузов в стране, начиная с 1960-х гг., постоянно увеличивались. Паритет в распределении полевых исследований между этими категориями возник уже в 1965–1984 гг. (рис. 9,*4*). В 1991–1992 гг. удвоилось число университетов, иногда за счет изменения статуса педагогических вузов, иногда за счет создания новых. Многие вузы уже с начала 1970-х гг. вели активные и успешные поиски внебюджетного финансирования, что сразу увеличило их роль в полевых исследованиях. Немало этому способствовал и контакт с вновь созданными после распада СССР региональными органами власти и охраны памятников, в то время как академические учреждения из субъектов Федерации вытеснялись. В трудные 1990-е годы оставались хоть какие-то бюджетные средства, выделяемые на практику студентов, позволявшие продолжать традиционные экспедиции. Возможности же академических организаций были ограничены штатными расписаниями, все уменьшающимися бюджетными средствами, а главное – вынужденным сокращением работ в регионах (особенно для центральных институтов АН). В результате доля вузов с началом «перестройки» превышает долю Академии (рис. 9,*5*).

Далее идут музеи (зафиксировано 285, их доля 19,3%). С 1965 г. они занимают третье место после вузов и АН, до этого были на втором. В 1946 г. ОЛ получили 16 музеев, в 2006 – 71. Научного потенциала в них меньше, чем в вузах (и тем более, в Академии наук). В первую очередь речь идет о провинциальных музеях, где в штате археологов мало, хотя фонды археологии могут быть весьма объемны и значительны. Кроме явной нехватки штатов, музеи ограничены бюджетными средствами, которые можно выделить на экспедиции. Положение крупных, особенно центральных, давно существующих музеев представляется несколько лучшим, прежде всего – в плане обеспечения кадрами (ГЭ, ГИМ, ГМИНВ, ГМИИ и др.). Традиционно сложились сильные коллективы, ведущие большие, иногда многолетние, экспедиции в разных регионах и по разной тематике. Именно за счет них с 1946 по 1964 г. доля музеев столь велика (рис. 9,*2,3*).

На четвертом месте – региональные органы охраны памятников (136 организаций, 9,2 %). Это их несомненный успех, учитывая, что они активно включились в процесс только с конца 1980-х гг., в то время как первые три категории уже давно работали и имели несравнимо больший финансовый и кадровый потенциал. В 2006 г. было выдано ОЛ 46 организациям этой категории.

Органы государственной власти и местная администрация неразрывно связаны с органами охраны памятников, так как последние из них и выделялись, являлись их подразделениями. Они

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

были вытеснены органами охраны, но все же небольшое количество ОЛ берут и после формирования охранных структур, особенно там, где эти структуры бездействуют — в иные годы это делают до 10 административных учреждений. Эта категория на седьмом месте (1,2 % работ), хотя численно их ненамного меньше, чем органов охраны — 109 организаций.

Научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации на пятом месте (46 организаций, 4,6 %). В 1946 г. было выдано три таких ОЛ, в 2006 — 18. Региональные вузы и музеи гораздо более активны. Напомним, что в основном это комплексные гуманитарные институты бывших автономных республик СССР в Поволжье и на Кавказе. Одно время они носили типовые названия с возможными вариациями: «Институт истории, языка и литературы...». После 1992 г. создан ряд научных учреждений и в других субъектах Федерации. В этой категории учитывались и ставшие самостоятельными исследовательские институты, созданные на базе вузов. Сюда же отнесены и работы институтов союзных республик, ныне стран ближнего зарубежья (Белоруссии, Украины и иных).

Ощутима доля негосударственных организаций (их зафиксировано 70, 2,3 %). Это, прежде всего, отделения и советы ВООПИиК, активно действовавшего в области полевой археологии с 1967 г. до фактического прекращения финансирования в конце 1980-х гг. и в ряде регионов фактически заменявшего органы охраны. С началом «перестройки» и особенно после распада СССР возникает множество коммерческих организаций археологического профиля, занимающихся новостроечными работами. Среди них есть и солидные, обеспеченные кадрами, давно получающими ОЛ, и новые, степень работоспособности которых еще предстоит выяснить. В иные годы работало до 10 организаций этой категории. На долю прочих организаций (школы, РОНО, туристические станции и т. д.), активных до середины 1980-х гг., приходится 0,9 % (108 организаций), на специализированные реставрационные учреждения — 1,1 % (32 организации). Наименьшая доля — 0,4 % — у сравнительно недавно появившихся государственных центров и объединений (12 организаций).

Если проследить соотношение полученных ОЛ по формам к общему их количеству на категорию организаций за период 1946–2006 гг., получается следующая картина (рис. 10,*1*). Наибольший процент работ по ОЛ формы 1 от всех проведенных данной категорией исследований у реставрационных организаций (67 %). Работы по ОЛ формы 3 они практически не вели, поскольку сама суть их деятельности заключается в снятии слоя внутри или вокруг памятника. Работы по формам 4 и 2 составляют 9 % и 24 %.

Исследования по ОЛ формы 1 составляют 64 % работ, выполненных учреждениями Академии наук. Менее всего они проводят разведок по форме 3 (4 %), которые обычно осуществляют начинающие археологи. Таким образом, приток новых специалистов, допущенных к самостоятельным исследованиям через Академию, минимален. В остальных категориях, значимых по доле исследований, он гораздо выше: в музеях 8 %; в НИИ субъектов Федерации и негосударственных организациях по 10 %; в органах охраны памятников — 12 %; в органах государственной власти — 14 %. Наиболее высок процент, естественно, в вузах (16 %), задача которых и есть практическая подготовка новых специалистов.

Необходимо, правда, учесть, что ОЛ формы 3 выдаются и археологам, уже получавшим другие формы на выполнение определенной задачи: мониторинг памятников археологии (без землеотвода под строительство) по программам Министерства культуры или для составления археологических карт. Заявки на такие работы часто идут от органов охраны и государственной власти, а также от региональных неакадемических институтов: процент формы 3 там выше за счет этого, но все равно разница очень существенная. Академические институты мониторингом не занимаются, так что в данном случае речь идет именно о начинающих специалистах.

Столь низкий показатель для Академии наук вовсе не означает, что туда приходят работать только археологи уже сложившиеся, давно осуществившие первое самостоятельное исследование по ОЛ формы 3. К сожалению, довольно долго была распространена практика получения ОЛ только на начальника экспедиции, при этом работать мог целый коллектив. Молодые исследователи уже давно нарабатывали практический опыт и фактически руководили некоторыми ра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ботами, но допуск к самостоятельной деятельности считался необязательным, поскольку сразу давал возможность претендовать на материал. Отсюда не такие уж редкие заявки на ОЛ формы 3 для вполне зрелых людей. Этот недостаток, конечно, наблюдался не только в Академии.

Интересно проследить, каковы темпы полевой подготовки молодых специалистов вузами России. Это можно увидеть по динамике получения вузами ОЛ формы 3, которые как раз и выдаются в основном студентам старших курсов или аспирантам, впервые приступившим к полевым исследованиям самостоятельно. Выпускники-археологи не только должны прослушать теоретический курс, пройти общую полевую практику, но и быть готовыми к самостоятельной работе. Ежегодно некоторые вузы направляют в ОПИ ряд заявок на первый открытый лист. Естественно, что некоторая часть получивших его студентов может уйти с этого поприща и более никогда археологией заниматься не будет. Другие же, напротив, со временем становятся хорошими специалистами. Важно, что отчеты начинающих проходят апробацию в ОПИ, то есть степень их подготовки оценивается независимо от вуза. Ясно, что большинство таких отчетов делается под чьим-нибудь руководством. Повторяются ошибки учителей, делаются свои собственные, но нередки случаи, когда замечаний при самом внимательном рассмотрении нет. Отчеты по первым и вторым ОЛ, полученным молодыми специалистами, в целом хорошо отражают качество полевой школы в регионе.

На рис. 11 представлена диаграмма получения ОЛ формы 3 крупнейшими центрами подготовки студентов и аспирантов. Отобраны вузы, с момента первой такой заявки получившие не менее 20 ОЛ. Указан год получения первого ОЛ формы 3, хотя по другим формам вуз мог вести полевые работы и раньше. Лидируют Уральский (Екатеринбург), Удмуртский (Ижевск), Томский, Алтайский (Барнаул) университеты. В ряде городов подготовку осуществляют два вуза – университет и педагогический университет-институт (Воронеж, Омск, Пермь). Исключительно сильны позиции археологии в Самаре. Два самарских вуза вместе подготовили специалистов не меньше, чем УрГУ, а по темпам быстрее, так как получают ОЛ формы 3 только с начала 1970-х гг., а Уральский ГУ – с 1951 г.

Существенно менее половины всех работ приходится на долю формы 1 в НИИ субъектов Федерации (42 %), вузах (41 %), музеях (39 %). Среди исследований, проводимых последними двумя категориями организаций, велико количество хоздоговорных охранных работ (формы 4 и 2), что естественно в условиях отсутствия бюджетного финансирования в настоящее время. Для музеев это, соответственно, 28 % и 25 %; для вузов – 19 % и 24 % (для сравнения доля Академии – 11 % и 21 %). Надо отметить, что охранные работы всеми категориями организаций всегда проводились и по ОЛ формы 1, отсюда и такой большой ее процент в Академии и вузах. Об этом уже говорилось выше, и мы далее вернемся к этому явлению в разделе об охранных работах. Самая же большая доля работ по ОЛ формы 4 приходится на органы охраны памятников (44 %) и негосударственные организации, для этого и созданные (48 %).

Подводя итог, можно сказать, что наблюдается связь между категорией организации, ведущей полевые исследования, формой ОЛ и видом работ, по которой они осуществляются. Посмотрим, каково же соотношение раскопочных и разведочных работ у разных категорий организаций по всем формам ОЛ. Используем тот же принцип подсчетов, что и в разделе, посвященном видам работ (гл. 4, разд. 4).

Реставрационные учреждения не занимаются разведками как таковыми – они ведут шурфовку в ходе реставрационных работ или при подготовке к ним, на что также выдается форма 2, как на обычную разведку. Доля таких обследований по сравнению с более-менее масштабными раскопками – 27 %. Академические учреждения менее других категорий задействованы в разведках. Даже с учетом того, что часть их проводится по ОЛ формы 1 (вид работ «раскопки и разведки»; общее соотношение см. на рис. 8), получается значительно менее половины (39 % всех работ).

Из всех полевых работ, проведенных музеями,– 41 % разведочных. Для региональных научных учреждений показатель уже выше – разведки составляют 46 % работ, они много занимались составлением археологических карт регионов. Доля разведок в работах вузов – 47 %

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

за счет формы 3, необходимой для полноценной подготовки студентов.

Все перечисленные категории работали и до войны, тогда же многие составляющие их организации начали приобретать научный потенциал, что обусловило большой процент ОЛ формы 1. Как же обстоит дело с категориями, начавшими получать ОЛ не ранее 1950-х гг.? Государственные Центры и иные предприятия, а также негосударственные учреждения и органы охраны заняты в основном раскопками, причем аварийно-спасательными. С этим связано преобладание у них ОЛ формы 4. Доля разведок составляет соответственно 39 %, 44 % и 48 %. А вот органы государственной власти и администрация подают заявки в основном на разведки (63 % работ), что как раз связано с программами мониторинга и землеотводами.

Организации из категории «прочие» провели разведок больше всего (66 %). Это как раз и есть в основном краеведы, не имеющие специального образования и подготовки, которые практически не допускались к раскопкам, кроме охранных. С середины 1980-х гг., согласно принятой тогда «Инструкции» (Инструкция, 1984), выдача им открытых листов практически прекращена.

6. Географические показатели

В этом разделе учитывалось административное деление России по Конституции 1993 г., то есть 89 регионов, поскольку на них ОЛ выдавались отдельно. В тех случаях, когда до распада СССР автономный округ или республика входили в состав другого региона, проводилось разделение по районам (гл. 3, разд. 3). Это обеспечило возможность сквозного поиска информации за весь период с 1946 по 2006 г. Понятно, что в период СССР существовало несколько иное деление, но в общих чертах с конца 1950-х гг. оно совпадает с современным. Степень исследованности отдельных регионов в различные исторические периоды мы рассмотрим подробно ниже, в соответствующих разделах (гл. 5). Общая же картина видна при анализе полевого изучения федеральных округов. Они были образованы в 2000 г., но отражают традиционные устоявшиеся представления о географических областях России, связанных с определенными типами памятников, научными интересами, школами, экспедициями, поэтому использование этого разделения для археологии вполне применимо и представляется оправданным и для более ранних периодов. Федеральных округов семь: Центральный, Приволжский, Южный, Сибирский, Северо-Западный, Уральский, Дальневосточный.

Федеральные округа объединяют разное количество регионов с разной по площади территорией. Логично предположить, что чем больше регионов, тем выше степень исследованности округа. Это не так. Надо, конечно, учитывать и географические условия, предопределяющие сложность полевых исследований в ряде регионов, то есть труднодоступность, суровый климат, краткость полевого сезона. Но, как показывает опыт, многое зависит и от других факторов. В их числе насыщенность региона археологическими памятниками, его промышленная значимость, возможность реализации крупных строительных проектов, активность органов охраны памятников, обеспеченность кадрами, наличие региональных школ, заинтересованность в исследованиях в данном регионе организаций и археологов из других субъектов РФ и т. д. Опять же наблюдается разная динамика. Некоторые регионы исследуются интенсивно уже с первой половины XIX в. (особенно Центральный и Южный округа), в других работы начались сравнительно недавно, но идут зачастую более быстрыми темпами, чем в традиционных местах полевых работ (в качестве примера можно привести Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО).

Вопрос о заинтересованности археологов в исследовании памятников разных регионов (и собственно научный интерес, и производственная необходимость) отнюдь не второстепенный. Более того, если говорить об истоках полевой археологии в разных регионах, видно, что именно этот фактор и определял направление и интенсивность работ. В 1940 — 1950-е гг. основное количество полевых исследований выполнялось археологами из центральных учреждений: ИИМК (МОИИМК), ИА (ЛОИА), ГИМ, ГЭ. Открытые листы запрашивались согласно научному предпочтению и специализации их сотрудников. Эти факторы определяли основное направ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ление работ в регионе, иной раз надолго. Сложение региональных школ и формирование сети региональных учреждений археологического профиля только начиналось (карты 6, 6а). К работам центральных учреждений и памятникам определенных типов возникал интерес в регионах, у археологов и краеведов. Начинали работать экспедиции местных учреждений, пополнялись кадры аспирантуры ИИМК и ИА, потом и региональных учреждений, создавались научные школы. Бывало и так, что это первоначальное направление затмевало остальные, долгое время не получавшие самостоятельного развития.

Второй аспект, способствовавший развитию полевых исследований в определенных регионах – производственная необходимость. При возникновении крупных строительных проектов (в 1940–1950-е гг. это были ГЭС, потом иные новостройки), создавались новостроечные экспедиции, первоначально, как правило, опять же на базе центральных учреждений – ИИМК и ИА. Такие работы часто шли в течение многих лет. К ним привлекались специалисты не только из других центральных учреждений, но и из региональных, начинавшие вести самостоятельные экспедиции (отряды) как в рамках того же проекта, так и в других направлениях. Это также способствовало развитию научных интересов и формированию школ. Тесные контакты, помогавшие развитию региональной археологии, существовали (и существуют) и после 1950-х гг. и тоже во многом (по крайней мере, при бюджетном финансировании до середины 1980-х гг.) определялись научными интересами. Потом на первый план вышла производственная необходимость, определявшая финансирование полевой археологии.

Учитывая территориальную неравномерность исследований, разные условия их проведения и разное количество регионов в округах, сравнение по степени исследованности провести непросто. Мы применили следующий алгоритм. С начала определялась общая доля округа во всех полевых исследованиях в России за 1946–2006 гг. (рис. 12,*1*). По периодам эти показатели менялись (рис. 12,*2–6*). Затем вычислялась доля каждого региона в рамках округа, поскольку интенсивность работ различна – в каждом округе есть лидеры и отстающие. За 100 % было принято количество исследований на округ за весь период (рис. 13–26).

Полученные результаты позволили выявить неравномерность, выяснить, из каких показателей формируется доля региона в целом. Кроме того, определились группы сильных, средних и слабых по количеству исследований регионов независимо от их принадлежности к округу (карты 1–5). Для каждого округа и региона учитывались работы всех организаций как расположенных на его территории, так и иных (другие регионы и округа). Таким образом, удалось проследить направленность деятельности и интересов отдельных археологических школ и даже учреждений (карты 6–10, 6а–10а). В диаграммах, отражающих долю категорий организаций в каждом округе, показатели в процентах округлены до целых. Это значит, что даже если значится 0 %, несколько ОЛ могло быть, но в выборках такого объема это не существенно.

Поскольку мы характеризуем послевоенный период, учитываются полевые работы разных организаций только в его рамках, хотя многие из них работали и до войны. После ее окончания потребовалось разное время для начала или возобновления полевых исследований. Некоторые организации начинают работать уже в 1946 г., другие – значительно позже. Названия организаций неоднократно менялись, нет смысла приводить здесь все варианты, мы часто ограничиваемся последним. Упоминать все учреждения археологического профиля также невозможно, поэтому приводятся лишь наиболее весомые примеры. В скобках указываются годы получения ОЛ конкретной организацией. При этом, естественно, учитываются работы по открытым листам, хотя, наверное, и без ОЛ они также имели место, особенно в ранние периоды.

Полное подробное описание полевых исследований в каждом регионе, осуществленных более чем за 60 лет, составляет тему многих отдельных работ. Оно, хотя бы частично, присутствует в печатных трудах, диссертациях и дипломных сочинениях многих авторов. В данном случае ставилась цель показать основные факторы развития (или отставания) и особенности регионов. Поэтому ниже приводится лишь краткая характеристика и обобщенный анализ работ в каждом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

федеральном округе. Интересно, что диаграммы двух периодов (1965–1984 и 1985–1991 гг.) в значительной степени совпадают. Это объясняется тем, что в течение 20 лет «периода застоя», наиболее стабильного для археологии, формируется определенный уровень возможностей для регионов. Эта картина сохраняется во время «перестройки», при том же рейтинге. За 7 лет ничего существенно измениться не успело. Реальные изменения начинаются только после распада СССР.

Центральный округ

Если рассматривать весь послевоенный период в целом, наиболее исследованным в отношении полевой археологии оказывается Центральный федеральный округ, состоящий из 18 регионов. На его долю приходится 22 % всех полевых работ в России (рис. 12,*1*). Это не удивительно, поскольку многие регионы Центрального округа исследовались задолго до начала XX в., и с тех пор к ним сохраняется устойчивый научный интерес. Здесь же раньше всего образовались крупные организации и обширная сеть более мелких, давно запрашивающих открытые листы.

Степень исследованности отдельных регионов округа представлена на рис. 13. Лидируют Тверская и Московская области, входящие в группу наиболее изученных в полевом отношении регионов по всей России. Город Москву (как и далее город Санкт-Петербург в Северо-Западном округе) мы рассматриваем как отдельный субъект Федерации (согласно Конституции 1993 г.). ОЛ на исследования в ее пределах выдавались и в 1946 г., но большой размах раскопки приобрели только с 1980-х гг. В то же время имеются и совсем отстающие регионы (опять же в масштабах России): Тамбовская, Орловская, Белгородская области. Это лишний раз показывает, какова роль региональных центров и их состояние: там, где имеются (хотя бы в одной категории организаций) сильные коллективы археологов, полевая деятельность активна и динамична сама по себе. В настоящее время центральные учреждения не могут обеспечить должную степень исследованности, как это было в 1940–1950-е гг., когда доля только академических учреждений составляла почти половину (рис. 9,*2*), не говоря об участии центральных музеев и вузов (прежде всего – ГИМ и МГУ). В указанных регионах таких самостоятельных центров нет.

Полевые работы в регионах округа всегда проводились разнообразными организациями: академическими институтами, вузами, музеями и т. д. С начала 1990-х гг. достаточно ощутима роль органов охраны (10 % всех работ). Доля реставрационных организаций вообще больше, чем во многих других округах (3 %). Это и понятно, учитывая множество памятников архитектуры в старинных русских городах.

На долю Академии наук приходится 32 % всех исследований (рис. 14). Этот показатель обеспечивается фактически двумя учреждениями: ИА и, в гораздо меньшей степени, ИИМК. Несколько исследований с 1965 по 1977 г. провел ИЭ. В регионах Центрального округа с 1946 г. активно работали и ныне работают крупные многолетние экспедиции ИА: Верхневолжская, Волго-Окская, Ржевская, Брянская, Деснинская, Подмосковная, Московская, Межрегиональная и другие. Институтом же начаты и продолжаются исследования древнерусских городов: Суздаля, Владимира, Ростова Великого, Углича, Ярославля и других. С 1947 г. много работ, особенно на палеолитических памятниках (Воронежская, Курская, Брянская области), ведет ИИМК (карты 6–10, 6а–10а).

Музеи провели почти столько же исследований – 30 %. Существенный вклад внесен экспедициями ГИМ (особенно в Московской, Нижегородской, Рязанской, Тульской областях). Также значительно количество организующих экспедиции региональных краеведческих и иных музеев. Весьма активны Владимиро-Суздальский музей-заповедник (с 1946 г.), Тверской объединенный музей, выполнивший 34 % от всех исследований по Тверской области.

О тверской археологии следует сказать особо. До середины 1980-х гг. полевые работы в регионе вели в равной степени местные организации и центральные (особенно ИА). В контакте с экспедициями ИА сложился большой коллектив археологов Твери и области, работающих в региональных организациях: ТГОМ (с 1956 г.), ТНИИР-Центр (с 1990 г.), Всероссийский Историко-этнографический музей (1993–2005 гг.), Тверской филиал Академии славянской культу-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ры (с 1999 г.). Образовалась сильная служба охраны памятников – Комитет по охране историко-культурного наследия Тверской области (с 1997 г.). Эти факторы сделали Тверскую область лидером по количеству полевых исследований не только в округе, но и определили вхождение ее в состав лидирующей группы регионов по России в целом. С 1972 г. «кузницей кадров» является Тверской ГУ. Здесь много работают специализированные реставрационные организации: «Союзреставрация», «Тверьпроектреставрация», «Симаргл» и другие. Со второй половины 1980-х гг. подавляющее большинство работ проводится региональными организациями, что и обеспечивает Тверской области лидерство по России (рис. 57).

Доля вузов в Центральном округе гораздо меньше доли музеев и АН – 17 %. Много лет идут работы в г. Смоленске и Смоленской области (МГУ). Работают также региональные университеты и педагогические вузы. Один из наиболее активных центров вузовской археологии в Центральном округе и по России в целом – Воронежская область. Здесь также эффективно действует охранная служба. В регионе сложилась сильная археологическая школа. Крупнейшим учреждением является Воронежский ГУ, ведущий работы разного рода с 1948 г. Его доля в исследованиях Воронежской области – 38 %. С 1952 г. работает также Воронежский ГПУ (ранее институт – 25 %). Значительное количество работ в области связано с экспедициями ИА.

Из много работающих региональных учреждений, следует отметить также организации Рязанской области: Рязанский музей-заповедник, областное управление культуры (с 1977 по 1991 г.), органы охраны памятников (с 1987 г.). С 1988 г. активно проявляют себя и органы охраны памятников Тульской области. Крупнейшее учреждение археологического профиля в регионе – музей-заповедник «Куликово поле».

Следует отметить значительное участие в исследовании округа негосударственных организаций (4 %). До 1985 г. это ВООПИиК. Теперь появились хозрасчетные организации, работающие в области охранной археологии.

Наибольшее количество полевых исследований проводилось в Центре России с 1946 по 1964 г., потом доля его существенно снизилась в связи интенсивным развитием полевой археологии в других округах, особенно в Северо-Западном. После 1992 г. объем работ практически восстановился, прежде всего, благодаря активности археологов Москвы, Подмосковья и Тверской области (рис. 12,*2–6*). Наблюдаются следующие особенности структуры полевой археологии Центрального округа: активизация работ с самого начала послевоенного периода; стабильно высокая степень археологического освоения, причем в основном силами организаций входящих в него регионов; более значительная, чем во всех других округах, роль музеев и реставрационных учреждений (рис. 27).

Приволжский округ

Несколько меньше полевых исследований проведено в 15 регионах Приволжского округа – 18 % всех работ за послевоенный период (рис. 12,*1*). Особенностью округа является наличие значительного количества национальных автономий: республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия. Это и Коми-Пермяцкий АО, вошедший ныне в состав Пермского края, но рассматриваемый нами как отдельный регион, поскольку так выдавались ОЛ. Здесь в среднем меньше, чем в Центральном округе, разрыв между лидирующей группой (Башкортостан и Татарстан, Пермская и Самарская области) и остальными (рис. 15). Показатели по Татарстану могли бы быть и выше, но, к сожалению, с 1993 по 2003 г. в связи с политическими причинами далеко не все татарские археологи запрашивали ОЛ в ОПИ ИА РАН, поэтому информация по исследованиям в Татарстане неполная.

Развитие полевой археологии в начале послевоенного времени в поволжских регионах связано, прежде всего, со строительством ГЭС на Волге и Каме. Создаются многолетние экспедиции, проводятся огромные по объему работы, осуществляется комплексная программа исследований. Перечислим основные экспедиции с указанием времени работ и учреждения-организатора: Куйбышевская (1938–1940 гг., 1950–1955 гг., ИА); Камская (1948–1958 гг., Пермский ГУ и ИА); с конца 1950-х гг.– Татарская (Казанский

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

филиал АН), Башкирская (ИА), Удмуртская (Удмуртский НИИ и Ижевский музей); в 1960-х гг.– Воткинская и Нижнекамская (ИА); Чебоксарская (1968–1973 гг., ИА). В составе этих экспедиций разные учреждения. Так, в Куйбышевской экспедиции помимо ИА работал ГИМ, Государственный музей Татарской АССР, Куйбышевский (ныне Самарский) областной музей, Казанский филиал АН (Смирнов А.П., 1952, с. 17). Такой широкий спектр участников способствовал созданию научных школ, увеличению количества специалистов в регионах.

Множится и количество региональных организаций, запрашивающих ОЛ. Складывается еще одна особенность округа: региональные организации ведут широкие работы за пределами своего региона (карты 6–10, 6а–10а). Максимальную активность проявили организации Татарстана и Самарской области (проведение экспедиций в 18–17 регионах).

Распределение работ по категориям организаций показывает следующую картину (рис. 16). Доля Академии наук, безусловно, была наиболее высокой в 1940 – 1950-е гг., потом гораздо активнее стали региональные вузы, научно-исследовательские учреждения и другие категории. Средняя за весь период доля Академии составляет 18 % всех работ в округе, при этом учтены экспедиции как ИА и ИИМК, так и региональных филиалов, которых значительно больше. ИА и ИИМК провели в Приволжском округе только 19 % от доли Академии (из них 16 % – ИА и 3 % – ИИМК). Остальные 81 % исследований в рамках доли Академии выполнили региональные академические учреждения. Более всего работ вел ИЯЛИ Казанского филиала АН. Это учреждение работает с 1946 г. С 1953 г. получает ОЛ ИИЯЛ Уфимского НЦ АН.

В округ входят 6 национальных республик, в которых есть свои научные учреждения. Большую роль в исследовании Поволжья играют региональные научно-исследовательские институты: ИЯЛИ при правительстве республики Мордовия (с 1946 г.), Марийский ИЯЛИ (с 1951 г.), Чувашский НИИ (с 1958 г.), НИИ при Совете Министров республики Удмуртия (с 1954 г., с 1989 г.– Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН). На долю региональных НИИ приходится 10 % всех исследований в округе (рис. 16).

В гораздо большей степени, чем в центральном округе, значима полевая деятельность вузов. Основное количество исследований приходится именно на них – 45 %. Среди них старейший Казанский университет (получает ОЛ с 1958 г.). Некоторые вузы особенно интенсивно готовят молодых специалистов, организуя их самостоятельные разведки (рис. 11) и регулярно запрашивая ОЛ формы 3. Благодаря этому они входят в число самых активных вузов в масштабах России. Но они также ведут и самые разнообразные раскопки. Помимо уже упоминавшегося Пермского ГУ (с 1953 г.) особо следует отметить активность Саратовского (с 1948 г.), Башкирского (с 1960 г.), Удмуртского (с 1963 г.), Самарского (с 1971 г.), Марийского (с 1973 г.) университетов, а также педагогических вузов: в Оренбурге (с 1975 г.), Перми (с 1984 г.), Самаре (с 1974 г.). Именно сложение сильных археологических школ в вузах Приволжского округа в ряде случаев способствовала профессиональному росту археологов и за его пределами (Мельникова, 2003а, б).

Намного меньше полевых исследований проводят музеи, всего 14 %, хотя их немало. На органы охраны приходится всего 7 %. Доли остальных категорий ничтожно малы.

В регионах Приволжского округа отмечается не только активность основных категорий организаций, но, что особенно интересно, интеграция с другими регионами. Это хорошо видно на примере Башкортостана. На всем протяжении послевоенного периода здесь работали не менее десяти региональных организаций всех категорий. Кроме того, много работ в регионе разные годы выполнено ИА, ИИА УрО АН, ИИМК, Удмуртским краеведческим музеем, Уральским, Самарским, Пермским университетами и другими учреждениями. То же можно сказать и о Нижегородской области. Помимо центральных учреждений (ИА, ГИМ), здесь работало много своих региональных организаций и организаций из соседних регионов (Марий Эл, Мордовия и др.).

Еще один импульс к развитию полевых исследований в Приволжском округе был дан в начале 1970-х гг. Началось строительство оросительных систем (до конца 1980-х). Огромные работы были проведены в Самарской области (Самар-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ский ГУ и ГПУ); Саратовской (Саратовский ГУ и вузы Самары); Оренбургской (вузы Оренбурга и Самары); Ульяновской (в основном, Самарский ГУ). В настоящее время в регионах округа большие работы ведутся в связи со строительством разных объектов. Наличие большого числа организаций археологического профиля всех категорий и хорошая обеспеченность специалистами способствует этому. К сожалению, это можно сказать не про все регионы. По сравнению с послевоенными годами существенно сократилось количество исследований в Ульяновской и Пензенской областях, Чувашии. Наименее исследованный регион – Коми-Пермяцкий АО. Сказывается отсутствие сколько-нибудь активных центров.

Пик полевых исследований в Приволжском округе приходится на 1940–1950-е гг., что связано, как уже отмечалось, со строительством волжского и камского каскадов ГЭС. Затем доля его уменьшается, поскольку возрастает количество работ на Юге, Северо-Западе, Дальнем Востоке России (рис. 12,*2–6*). Однако проблемы, связанные с водохранилищами, остались, поскольку все время происходят колебания береговой линии. Все послевоенные годы археологи разных регионов Приволжского округа проводят мониторинг археологических объектов в зонах водохранилищ, раскапывают разрушаемые береговой линией памятники.

Наибольшую роль в полевом изучении Приволжского округа по сравнению с остальными играют региональные научные неакадемические учреждения и вузы (рис. 27). Однако основной особенностью, безусловно, является межрегиональная активность организаций, их мобильность, участие в изучении регионов других округов, особенно Уральского.

Южный округ

Южный федеральный округ состоит из 13 регионов. Полевые исследования в некоторых из них начались еще в середине XIX в. и успешно продолжаются до сих пор. Южный округ лишь немного отстает от Приволжского и занимает третье место – 17 % от всех полевых работ в России (рис. 12,*1*). Из наиболее изученных регионов России в него входят Краснодарский край и Ростовская область. Между ними и остальными регионами округа наблюдается большой отрыв (рис. 17). Даже в республике Адыгее, во времена СССР входившей как автономия в состав Краснодарского края, работ проведено почти в 6,5 раз меньше, чем в крае. Это связано с тем, что после получения самостоятельного статуса по Конституции 1993 г., там долгое время не приветствовалось присутствие как центральных учреждений, так и краснодарских, а собственных сил было явно недостаточно.

Больше половины регионов округа составляют национальные республики (8 регионов), в которых есть как учреждения и научные центры РАН, так и собственные научно-исследовательские институты. В целом участие РАН наибольшее из всех работающих в округе категорий организаций – 32 %, то есть столько же, сколько в Центральном округе (рис. 18, 27). На долю региональных НИИ (вне системы Академии наук) приходится 8 % исследований. Некоторые из них имеют двойное подчинение – правительство республики и научный центр РАН. Участие музеев и вузов одинаково – 22 %.

После Великой Отечественной войны в ряде регионов округа работы начинались (или возобновлялись) центральными академическими учреждениями – ИА и ИИМК. В 1949–1951 гг. на строительстве Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища работала Волго-Донская экспедиция. В 1951–1955 гг. шли работы Сталинградской экспедиции на строительстве Сталинградской (ныне Волжской) ГЭС. Достаточно быстро включился и региональный академический институт, созданный еще до ВОВ: с 1951 г. начал получать ОЛ ИИАЭ ДНЦ РАН, одна из самых значительных организаций округа. Сложилась уникальная ситуация: 90 % работ в Дагестане приходится на Академию наук – более чем где-либо еще. С 1947 г. по настоящее время работает в Дагестане и ИА. Поисками палеолитических местонахождений занимался в 2004–2006 гг. ИАЭТ СО РАН; несколько исследований в 1956 и 1974 г. провели ИИМК и ЛОИЭ. Важное значение имеют архитектурные работы в Дербенте (ИИАЭ ДНЦ и специализированные реставрационные организации). Дагестан – единственный регион округа, где

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

представлены работы этой категории, доля которой – 1 %. Участие в полевом изучении Дагестана других региональных и центральных организаций незначительна (9 % всех работ в республике).

На исследования степных регионов округа (Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, республика Калмыкия) в значительной степени повлияло строительство оросительных систем в 1970–1980-е гг. Начались раскопки степных курганов в невиданных масштабах. Объем работ был такой, что, помимо региональных организаций, участвовали учреждения как из центра (ИА, ИИМК, ГИМ), так и из других округов. В Краснодарском крае, Астраханской областях и Калмыкии в разные годы работали вузы Самары и Волгограда; в Краснодарском и Ставропольском краях – УрГУ. В институтах Академии наук были созданы новостроечные экспедиции. Крупнейшие работали много лет: Северо-Кавказская, Ставропольская, Поволжская (все – ИА), Кубанская (ИИМК). К их работе привлекались археологи из регионов. Региональные организации и сами создавали очень крупные экспедиции, осваивавшие огромный объем работ и тогда, и особенно позже, после прекращения деятельности в округе экспедиций ИА и ИИМК. Сложились мощные региональные школы, образовались команды археологов – специалистов высокого класса, преимущественно в вузах: ГУ и ГПУ в Ростове-на-Дону и Волгограде, Кубанском ГУ. Это повлияло наилучшим образом на дальнейшее развитие полевой археологии в округе.

Помимо исследования курганных древностей от эпохи энеолита – ранней бронзы до позднего средневековья важнейшим направлением полевых работ в Южном округе является изучение античных памятников, известных в Краснодарском крае и Ростовской области, и окружавших их варварских племен. В этих работах также велика доля Академии наук. Можно назвать наиболее крупные многолетние академические экспедиции по античной тематике: Нижне-Донская, Таманская, Фанагорийская, Анапская эспедиции (ИА), Южно-Донская (ИИМК). Много лет исследуют античные памятники на Тамани экспедиции ГМИИ. Постоянно действуют в этой области и региональные ростовские и краснодарские экспедиции. В Южном же округе сосредоточено множество памятников Золотой Орды (Астраханская, Волгоградская области), в изучении которых огромную роль сыграла Поволжская экспедиция (МГУ, ИА, ГИМ).

Востребованность полевых работ, хорошее обеспечение специалистами и активные научные и производственные контакты с центральными учреждениями способствовали возникновению сильных охранных служб, контролирующих культурное наследие регионов (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область). Здесь имеются самые активные из всех округов органы охраны, ведущие многочисленные самостоятельные работы, например, ГУП «Наследие» Ставропольского и Краснодарского краев (рис. 27). Доля органов охраны – 12 %. Такой высокий показатель – особенность этого округа.

Особое место занимает Чеченская республика. До распада СССР она входила в один регион с Ингушетией (Чечено-Ингушская АССР). Ингушская часть этого административного образования исследовалась почти в два раза менее интенсивно. После образования РФ и разделения этих регионов в связи с политическими событиями наступил перерыв. Работы в Чечне не велись с 1992 по 2006 г., в Ингушетии – с 1996 по 2002 г. В результате по степени исследованности эти регионы оказались далеко позади многих, хотя изначально динамика была неплохая, особенно в Чечне. Здесь работал ИА (с 1946 г.), Чеченский НИИ (в 1949–1986 гг.), ИИМК (поиск палеолитических памятников – в 1957–1987 гг.), Чеченский ГУ (1972–1991 гг.), НПЦ по охране памятников (1989–1992 гг.) и ряд других организаций. В Ингушетии работал ИА (1957–1996 гг.), ИИМК (1987–2004 гг.), Чеченский ГУ (1972–1991 гг.), Чеченский НИИ (1963–1985 гг.).

Остальные северокавказские республики исследованы на весьма невысоком уровне. В послевоенный период работы в Кабардино-Балкарии с 1947 по 1991 г. ведет ИА, ГИМ (1967–1971 гг.), ИИМК (1963–1995 гг.), Кабардино-Балкарский ГУ (1958–1965 гг.), НИИ гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского НЦ РАН (1956–1999 гг.) и другие организации. Несмотря на достаточное коли-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

чество учреждений и насыщенность региона археологическими памятниками, степень исследованности низкая: в среднем за весь послевоенный период на республику приходится примерно 2 ОЛ в год. В последние годы активность проявило новое негосударственное учреждение — Институт археологии Кавказа.

В Карачаево-Черкессии с 1960 г. по настоящее время работает ИА. ИИМК работал с 1959 по 2002 г. (палеолитические памятники). Ощутима доля Карачаево-Черкесского музея-заповедника и Карачаево-Черкесского НИИ. Из других регионов работы вели МГУ, Северо-Осетинский НИИ Гуманитарных и социальных исследований, Ставропольский краеведческий музей, Ставропольский ГПИ и прочие.

Несколько лучше обстоят дела в Северной Осетии. После войны и по настоящее время исследования здесь также ведутся центральными учреждениями: ИА (с 1956 г.), ИИМК (с 1954 г.— палеолитические памятники), ГИМ (с 1969 г.), а также в гораздо меньшем количестве МГУ, СПбГУ, ГМИНВ. Параллельно сложилась региональная археологическая школа, на долю которой в целом за весь период приходится 63 % всех исследований в республике. Эти работы ведут археологи Северо-Осетинского института гуманитарных исследований (с 1953 г.— 7 % всех работ в республике), Северо-Осетинского музея (с 1961 г.— 9 %), Северо-Осетинского ГУ (с 1970 г.— 22 %), а также специалисты самой молодой и наиболее активной организации — Института истории и археологии при СОГУ (с 1996 г.— 25 %).

Динамика полевых работ в Южном округе несколько иная, чем в Центральном и Приволжском (рис. 12,*2–6*). Пик исследований приходится не на начало послевоенного периода, а на второй его этап (1954–1964 гг.). Это связано с почти полным прекращением работ на античных памятниках Крыма после его присоединения к Украине (в 1954 г.) и с развертыванием аналогичных экспедиций в Ростовской области и Краснодарском крае, после чего процент снижается, хотя и очень незначительно (в отличие от Центрального округа, где это происходит резко). Сказанное отнюдь не означает сокращения полевых работ, напротив: 1970–1980-е гг.— это время крупнейших новостроечных экспедиций и хорошего финансирования. Более ощутимы последствия общего кризиса первой половины 1990-х гг.

Особенностями полевой археологии Южного округа можно считать изучение уникальных античных памятников, отсутствующих в других местах, а также самую высокую в России долю органов охраны (рис. 27).

Сибирский округ

Сибирский округ, состоящий из 16 регионов, занимает четвертое место в общем рейтинге — 16 % всех полевых исследований в России (рис. 12,*1*). Половину регионов составляют национальные автономии — республики и округа. Красноярский край входит в число наиболее исследованных регионов России. Автономные округа (Таймырский, Эвенкийский, Агинский Бурятский, Усть-Ордынский Бурятский) — слабо изученные регионы (рис. 19). Территории огромны, региональных специалистов практически нет. Условия проведения полевых сезонов (особенно в Таймырском и Эвенкийском АО) сложные. Практически в одинаковой степени изучены Алтайский край, Иркутская, Омская и Новосибирская области, республика Хакасия. К сожалению, данные по республике Алтай неполные, поскольку этот регион, как и Татарстан, в 1990-е гг. практически не запрашивал ОЛ.

Регионы (кроме упомянутых АО) хорошо обеспечены и организациями археологического профиля, и специалистами-археологами. После войны полевые исследования понемногу активизировались. В 1950-е гг. началось строительство ГЭС на сибирских реках. Экспедиции для работы в зонах затопления организовывал ИИМК. В южной Сибири работали также экспедиции ИА и МГУ. Но для изучения огромных сибирских просторов этого было ничтожно мало. Как справедливо замечено, «такую огромную территорию, как Сибирь, нельзя исследовать из Москвы и Ленинграда» (Китова, 2007, с. 70). Еще меньше работ до начала 1960-х гг. проводили учреждения сибирских регионов.

Доли категорий организаций в полевых исследованиях Сибири представлены на рис. 20. Особенно велика роль вузов — 45 % всех исследований. Томский университет, один из самых

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

активных вузов России (рис. 11), получал ОЛ уже в 1946 г. В Иркутске с 1949 г. проводит работы Иркутский ГУ (не только в Иркутской области, но и в Красноярском крае, Усть-Ордынском округе). Новосибирский ГПУ с 1959 г. работает в Новосибирской области, а университет (с 1970 г.) — еще в 7 регионах Сибири и Дальнего Востока. Археологи Омского ГПУ (с 1961 г.) и ГУ, помимо Омской области, провели исследования еще в 7 регионах Сибири и Уральского округа. Кемеровский университет (с 1975 г.; до этого в 1961–1974 гг. работал пединститут) основные работы проводит в Кемеровской области, Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай.

С течением времени в полевые исследования включились и вузы в других городах. Так, Красноярский пединститут (потом ГПУ), получивший первые после ВОВ открытые листы в 1946–1947 гг., долгое время работ не вел, ежегодно стал их получать только с 1976 г., а Красноярский ГУ — с 1997 г. Работают в сибирских регионах и вузы других округов, в частности, МГУ, Тюменский и Уральский университеты.

Второе место по количеству работ в Сибирском округе занимают учреждения Академии наук — 28 %. Исследования Академии в Иркутской, Новосибирской областях, Красноярском крае и Туве связаны с новостроечными проектами 1950–1960-х гг. Экспедиции на строительстве Ангарской, Братской, Новосибирской, Красноярской, Саяно-Шушенской и других ГЭС организовывал ИИМК с привлечением ряда региональных вузов и музеев. ИИМК традиционно проводил новостроечные работы и позже, например, на строительстве оросительных систем. Различные экспедиции ИИМК действуют и в последнее время, хотя объем их работ очень значительно сократился. Существенный вклад в изучение памятников Сибири внес ИА. Эти работы в основном не связаны с новостройками.

Огромное значение имеет деятельность Сибирского отделения Академии наук в разных регионах Сибирского и иных округов. С 1962 по 1966 г. получает ОЛ Институт экономики и организации промышленного производства СО. С 1967 по 1990 г.– ИИФФ, преобразованный в ИАЭТ (Институт, 2006, с.8–10), который получает ОЛ ежегодно уже с 1991 г. С конца 1980-х гг. ведет полевые работы Лаборатория археологии и палеоэкологии Средней Сибири ИАЭТ, с 1992 г.– Омский филиал ИАЭТ. С 1962 г. в поле работает Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Академии. В целом можно сказать, что Сибирь – традиционная территория полевых исследований Академии наук.

На долю музеев в округе приходится всего 10 % исследований. Это, конечно, очень мало. С 1948 г. по настоящее время ОЛ получает Минусинский краеведческий музей, с 1953 по 1985 г.– Абаканский музей. По настоящее время проводят экспедиции: с 1956 г.– Красноярский краевой музей, с 1953 г.– музей «Кузнецкая Крепость». В 1957–1997 гг. получал ОЛ Новосибирский областной музей. Работает и множество других небольших учреждений, но понемногу.

В ряде регионов сложились сильные охранные службы: в Новосибирской, Читинской и особенно — Иркутской области. Общая доля категории — 11 %, больше только в Южном округе, несколько меньше — в Центральном (рис. 27). От остальных четырех округов наблюдается в этом плане значительный отрыв. Хорошую работу органов охраны можно считать особенностью округа. Для этого есть некоторые предпосылки. Довольно активно до 1985 г. во многих регионах проявляла себя негосударственная организация ВООПИиК, внесшая некоторый вклад в охрану памятников. Но эти работы входят в 1 % исследований, приходящихся на эту категорию, хотя, как известно, по другим округам Обществом финансировалось не так уж мало работ.

Доли остальных категорий организаций очень малы, их работы практически единичны. К сожалению, это относится и к региональным научным учреждениям. Они проводят всего 3 % от всех полевых работ в округе. Это отражает явное отставание в степени археологической изученности территории национальных округов. Там, как уже отмечалось, региональных научных учреждений нет. Свои научно-исследовательские институты есть в республиках Алтай (получает ОЛ с 1978 г.), Тува (с 1955 г.), Хакасия (с 1961 г.).

Динамики полевых исследований в Сибирском округе как таковой нет. Количество работ, развернувшихся основательно с начала

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1950-х гг., быстро растет и к середине 1960-х гг. составляет уже не 9 %, а 13 % по России. В последующие периоды данный показатель не меняется, при этом стабильно сохраняется 4-е место (рис. 12, *2–6*). Несмотря на очень высокую активность академических учреждений, Сибирский округ – зона вузовской полевой археологии (рис. 27). Другая уже отмеченная особенность – большая роль органов охраны.

Северо-Западный округ

Этот округ состоит из 11 регионов и занимает 5-е место в общем рейтинге – в среднем 13 % полевых работ в России за послевоенный период (рис. 12,*1*). С 1940-х по конец 1990-х гг. его доля выросла более чем в два раза (рис. 12,*2–6*), особенно в 1985–1991 гг., в период «перестройки» – до 18 % (для сравнения 7 % – в 1946–1953 гг.). После 1991 г. исследований несколько меньше, но высокий уровень поддерживается. Тем не менее, ни один из регионов округа не входит в число наиболее исследованных по России. Большинство их освоено примерно в одинаковой степени. Несколько выделяются Новгородская, Псковская, Ленинградская области (рис. 21). На последнем месте город Санкт-Петербург, что неудивительно – какие-либо археологические полевые работы на его территории начались только в 1966 г. и связаны в основном с памятниками архитектуры и благоустройством территории. Их введет ИИМК, ГЭ и с 1993 г. СЗфНИИКиПН. Два очень слабо исследованных региона – Ненецкий АО и Мурманская область, в которой традиционно работали экспедиции ИИМК и НИИЯЛИ Карельского НЦ РАН. Собственных региональных учреждений (кроме не занимающихся археологией органов охраны) в этих регионах нет. Представления об археологических памятниках Мурманской области получены только благодаря усилиям Академии наук.

Доли категорий организаций в полевых исследованиях Северо-Западного округа представлены на рис. 22. Доля Академии составляет почти половину – 48 %. В Санкт-Петербурге находится одно из ведущих учреждений – ИИМК РАН, работающее во многих регионах страны (карты 6–10). В разное время ИИМК вел экспедиции в разных регионах Северо-Западного округа. Кроме уже упомянутых работ в Мурманской области и Ненецком АО, экспедиции ИИМК много лет работали в Архангельской области (1965–1995 гг.), Вологодской (1958–2000 гг.), Калининградской (1946–2006 гг.), Новгородской (с 1955 г.) и Псковской областях (с 1950 г.), республике Карелия (1946–1992 гг.). С 1947 г. по настоящее время ИИМК получает ОЛ на Ленинградскую область.

ИА с 1946 г. работает в Псковской, Новгородской и Вологодской областях (в последней по 2002 г.), с 1961 г.– в Калининградской, с 1963 г.– в Архангельской областях. С 1947 г. запрашивались ОЛ и на Ленинградскую область (с 1946 по 2006 г.– 12 исследований). Большую работу в национальных республиках Карелии и Коми и сопредельных регионах проводят ИИЯЛИ Карельского НЦ РАН (получает ОЛ с 1947 г.) и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (с 1950 г.), они работают и в других регионах округа.

На долю музеев приходится 22 % исследований. Музеев здесь много. Это второй после Центрального округ, где указанная категория определенно занимает второе место, опережая вузы. Напомним, что в Южном округе активность музеев и вузов равная. Наибольшее значение имеют полевые работы Государственного Эрмитажа, одного из самых крупных музейных учреждений в России, организующих экспедиции. С 1946 г. работы (в подавляющем большинстве раскопки) ГЭ проводил практически на всей территории России, в том числе и в Северо-Западном округе. Значительная их часть – исследование памятников архитектуры и раскопки древнерусских городов (Псков, Ростов Великий, Углич). Имело место и участие в новостроечных экспедициях.

Массу полевых работ проводят крупные региональные музеи. Они вносят значительный вклад в основном в изучение тех регионов, где находятся. Перечислим наиболее активные в полевых изысканиях. Архангельский краеведческий музей работает с 1960 г., Калининградский историко-художественный музей – с 1975 г., Карельский краеведческий музей – с 1959 г., Новгородский музей-заповедник – с 1949 г., Псковский музей-заповедник – с 1950 г., Череповецкое музейное объединение – с 1991 г.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На долю вузов приходится сравнительно мало работ – 14 %. Крупнейший из них, конечно, Санкт-Петербургский университет, получающий ОЛ с 1955 г. по настоящее время. Экспедиции СПбГУ работали в 30 регионах России – от Ленинградской области до Приморского края. Значительный вклад вносят раскопки МГУ в Новгороде (еще до ВОВ их начали вести ИА, Новгородский музей заповедник и реставрационные организации, с 1960 г. – МГУ совместно с ИА). Научная значимость их общеизвестна. Отметим, что они, хотя и не напрямую охранные, предшествуя строительству, фактически сохраняют информацию о культурном слое памятника.

С 1992 г. в сотрудничестве с Новгородской экспедицией действует негосударственная организация – Центр организации археологических исследований при Новгородском музее-заповеднике. Центр получает ОЛ и на охранные работы. Органы охраны памятников в Новгородской области активностью, к сожалению, не отличаются. Благодаря многолетним исследованиям учреждений Москвы и Санкт-Петербурга Новгородская область приближается к наиболее хорошо исследованным регионам России.

Региональные научно-исследовательские организации представлены в первую очередь СЗфНИИКиПН (получает ОЛ с 1993 г.) и НИИ комплексных социальных исследований (с 2000 г.). Фактически эти два учреждения обеспечили 4 % всех полевых изысканий в округе (доля соответствующей категории). На долю органов охраны приходится 8 %. В целом по округу они не очень активны, за исключением Вологодской и Калининградской областей.

Работы в округе связаны и с новостройками. Так, одна из самых сильных региональных команд археологов в России сложилась в Псковской области. Первые из всех регионов России охранные работы на строительстве в городах начались с 1970-х годов именно в Пскове. Там в городских раскопках участвовали археологи не только из Пскова, но и из Москвы и Ленинграда. В 1979 г. в ИА была создана Псковская объединенная экспедиция, проработавшая до середины 1980 гг. Дальнейшей ее деятельности, как и других крупных новостроечных экспедиций этого времени, помешал общий кризис. В Пскове долгое время работала экспедиция ГЭ (архитектурно-археологические раскопки). В Псковской области всегда было много активных региональных археологических организаций: Псковский музей-заповедник, педагогический университет (институт) и т. д. С 1991 по 1996 г. много исследований проводил Псковский государственный научно-исследовательский археологический центр, где трудились ведущие археологи региона (доля соответствующей категории по округу в целом – 1 %, фактически за счет работ этой организации). К сожалению, региональные органы охраны мало занимаются памятниками археологии.

В последнее время в округе (Архангельская, Калининградская, Ленинградская, Вологодская области) ведется достаточно новостроечных работ. В основном это газопроводы, проходящие через многие регионы России и связанные с ними объекты, прежде всего, Северо-Европейский газпровод (с 2004 г.). По этим проектам работали археологи Санкт-Петербурга, Москвы (ИА РАН) и ряда регионов (Вологодская, Калининградская области).

Значительную часть полевых работ в округе составляет изучение древнерусских городских центров (Новгород, Псков, Старая Ладога и т. д.). В связи с этим существенна доля реставрационных организаций Москвы, Санкт-Петербурга и регионов округа – 3 %. Архитектурно-археологические работы этой категорией ведутся с конца 1950-х гг. в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской и Псковской областях.

Итак, особенностью полевой археологии Северо-Западного округа можно считать, прежде всего, очень высокую долю участия в ней Академии наук и музеев. В этом сходство с Центральным округом, только там эти доли почти равны, здесь же Академия, безусловно, лидирует (рис. 27). Еще одна особенность – стремительное увеличение доли округа в общем рейтинге, практически удвоение ее уже к началу 1980-х гг. Это до некоторой степени объясняется ростом количества полевых работ в округе, но прежде всего сказывается уменьшение активности в Приволжском и, особенно, в Центральном округе. При этом отметим, что полевая активность расположенных в округе организаций, особенно наиболее крупных, отнюдь не снижалась: просто

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

оба определяющих ее фактора — и научные интересы, и производственная необходимость (новостройки) — направляли эту активность на работы в другие округа. Так, почти из 800 ОЛ, полученных ИИМК в 1965–1984 гг. (а в 1954–1964 гг. их было всего чуть больше 200), менее трети относились к полевым изысканиям на территории Северо-Западного округа.

Уральский округ

Это самый маленький по количеству регионов, но отнюдь не по площади, округ — их 6. Он занимает 6-е место по степени исследованности среди остальных — 8 % (рис. 12,*1*). При этом, если для Приволжского округа динамика отрицательная (то есть количество полевых работ постепенно, но неуклонно убывает), то в Уральском, наоборот, неуклонно увеличивается (рис. 12,*2–6*). Особенно слабо шли полевые работы в 1940 — 1950-х гг.: более чем в пять раз меньше, чем в Центральном, в четыре — по сравнению с Приволжским, в три — с Южным. В последующие периоды доля почти вдвое увеличилась (с 5 % до 9 %), но существенный отрыв сохранился. Это, конечно, связано с тяжелыми условиями для проведения полевого сезона в огромных по площади автономных округах: Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком. Однако Ханты-Мансийский округ не только является одним из двух наиболее исследованных регионов в округе (рис. 23), но и занимает достойное место в общероссийском рейтинге, хотя работы здесь стали интенсивными только в 1970-е гг. (рис. 57).

Археологическое освоение этого региона идет параллельно с разработкой нефтяных и газовых месторождений, строительством трубопроводов, то есть носит чисто охранный характер. В настоящее время в регионе сложился свой коллектив специалистов, но многие работы здесь (как и в Ямало-Ненецком АО) традиционно проводились археологами сопредельных регионов, прежде всего — Екатеринбурга (карты 6–10). Следует отметить многолетние работы УрГУ (с 1965 г.), ИИА УрО РАН (с 1966 г.), негосударственного предприятия «Авком-наследие» (с 1994 г.). Свой вклад внесли и центральные академические учреждения — ИА и ИИМК (с 1966 г.), а также Институт проблем освоения Севера (с 1990 г.). В Ханты-Мансийском АО работали и университеты Тобольска, Томска, Тюмени, Сургута.

Полевые исследования в Тюменской области (второй по степени исследованности регион округа) и Ямало-Ненецком АО (рис. 23) также связаны с добычей полезных ископаемых. Один из крупнейших проектов — работы на трассе газопровода «Ямал-Европа», осуществленные на рубеже 1990–2000-х гг. Полевая археология Ямало-Ненецкого АО пока отстает, но динамично развивается, несмотря на суровые условия проведения полевых сезонов.

Напрашивается сравнение с Таймырским и Эвенкийским АО сопредельного Сибирского округа, до сих пор остающимися практически белыми пятнами на археологической карте России. Условия проведения полевого сезона сходные, но степень освоенности абсолютно разная. Представляется, что основная роль здесь принадлежит именно определенному фактору — промышленной значимости региона. Это как раз тот случай (причем не единственный), когда получение данных об археологическом наследии региона происходит только благодаря охранной археологии (Смирнов А.С., 2005).

Сильная научная школа сложилась в Челябинской области. Помимо университета и других учреждений здесь выделяется активностью заповедник «Аркаим» (получает ОЛ с 1996 г.). Исследований в Свердловской области несколько меньше, хотя организаций археологического профиля столько же, причем очень сильных. Причина этого, очевидно, в том, что уже с 1946 г. археологи региона ведут очень много экспедиций в иных субъектах Федерации и даже в других федеральных округах, но не на своей территории (карты 6–10).

К сожалению, количество работ в шестом регионе — Курганской области — весьма невелико — чуть больше, чем в Ямало-Ненецком АО (рис. 23), хотя условия проведения полевого сезона несравнимо лучшие и насыщенность памятниками гораздо большая. Это отставание обусловлено таким важным фактором как отсутствие археологической школы. Только с 1968 г. начал получать ОЛ основной вуз региона — Курганский ГПИ, преобразованный в университет. Курганский областной музей ведет полевые ра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

боты с 1980 г., орган охраны — НПЦ — только с 1996 г. Как видно, хотя обычный набор региональных организаций в области присутствует, археологический их потенциал явно недостаточен. В Курганской области уже с 1946 г. начали полевые изыскания учреждения других регионов: УрГУ (1946–2004 гг.), ИА (1968–1997 гг.), ИИА УрО РАН (1991–2003 гг.), вузы Челябинска и ряд других. За все время они выполнили 70 % работ, один только Уральский университет — 35 %. Но никакие импульсы извне не могут восполнить недостаток собственных возможностей региона.

Распределение долей организаций в полевом освоении округа показано на рис. 24. Исключительное место принадлежит вузам — 49 % всех исследований, наибольшая их доля по сравнению со всеми остальными округами, сопоставимая только с Сибирским и Приволжским (рис. 27). Многие из них входят в числе наиболее активных в России (рис. 11). К ним относится, прежде всего, Уральский университет (получает ОЛ с 1946 г.). Из ныне ведущих полевые работы гораздо позже приступили к ним вузы Челябинска (ГПУ — с 1963 г., ГУ — с 1977 г.), Тюменской области (Тюменский ГУ — с 1978 г.).

На втором месте учреждения Академии наук — 23 %, что не удивительно, поскольку в округе находится центр Уральского отделения АН. Институт истории и археологии УрО (получает ОЛ с 1988 г.) работает во всех регионах округа. До него с 1982 по 1987 г. полевые работы вел Институт экономики УрО. Очень большую активность проявляет ИПОС, получающий ОЛ с 1990 г. и проводящий исследования преимущественно в национальных округах, причем большая их часть — разведки, что особенно важно для столь обширных и недавно освоенных регионов. В археологическом освоении округа весьма велика роль ИА, экспедиции и отряды которого работали то постоянно, то эпизодически во всех регионах с 1946 г. ИИМК здесь проведено работ почти в 4,5 раза меньше. Имеются и другие академические учреждения, но их участие пока гораздо менее ощутимо.

Доля музеев составляет 10 %, почти как в Сибирском округе. Это существенно меньше, чем в остальных округах. Доля органов охраны — 6 %. Это также меньше, чем в других округах. Но следует учесть, что и регионов здесь вдвое или втрое меньше. Охранные службы наиболее активны как раз в регионе, где полевой сезон короткий — в Ханты-Мансийском АО. Служба Главного инспектора Ханты-Мансийского округа, с 1996 г. постоянно запрашивающая ОЛ как координатор и производитель работ,— одна из самых сильных охранных организаций России. В округе самая большая (из всех остальных) доля негосударственных организаций — 9 %. Сюда входят многочисленные недавно возникшие муниципальные образования, организующие самостоятельные полевые исследования.

В Уральском округе традиционно работают организации из других округов (карты 6–10). Последнее особенно касается вузов. Основной собственный центр межрегиональной активности — Уральский университет (Екатеринбург). На развитие полевой археологии Урала оказали наибольшее воздействие археологические центры Приволжского региона, именно вузы (Мельникова, 2003а,б). Возможно, этим и объясняется безусловное их лидерство в полевой археологии округа. Еще одна особенность — огромная роль новостроечных работ. Третий отличающий момент — наибольшая из всех округов роль негосударственных учреждений.

Дальневосточный округ

Наименее исследованная часть России, этот округ состоит из 10 регионов и занимает последнее место по количеству полевых работ (рис. 12,*1*). В 1946–1953 гг. их здесь почти не было (всего 1 %). В дальнейшем, к середине 1980-х гг., доля поднялась с 4 % (в 1954–1964 гг.) до 6 % от общего числа полевых исследований в России и более не увеличивалась (рис. 12,*2–6*). Это объясняется рядом причин.

Полевые работы из-за природных условий в ряде регионов проводить крайне трудно. Сказывается исключительная удаленность от основных научных центров начала послевоенного периода — ИИМК и ИА. Они, хотя начали здесь работать (ИИМК — с 1946 г., ИА — с 1955 г.), сколько-нибудь крупных исследований развернуть не могли, и по сравнению с иными сферами деятельности этих институтов, эти работы единичны. Учрежденный в 1954 г. Отдел истории ар-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

хеологии и этнографии при Президиуме ДВО АН СССР, находившийся во Владивостоке, с 1956 г. получал от одного до трех ОЛ в год — ничтожно мало для освоения таких пространств. Процесс активизировался только в начале 1960-х гг. после образования сектора истории промышленности Института экономики и организации промышленного производства, давшего начало созданию специализированных археологических институтов Сибирского отделения (Институт, 2006, с. 8). Институты СО провели на территории Дальневосточного округа более 200 исследований, втрое больше, чем ИИМК и ИА вместе взятые. В 1971 г. был создан Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Шавкунов, 2001, с. 96–99). Он-то и стал основным исследовательским центром в округе. Слабая, относительно других, изученность Дальневосточного округа связана и с тем, что до сравнительно недавнего времени крупные новостроечные работы на территории его отсутствовали.

Наиболее освоен в археологическом отношении Приморский край (высокое место в общероссийском рейтинге). Разница между ним и остальными регионами округа очень большая (рис. 25). Здесь сложился сильный региональный центр на базе Дальневосточного отделения Академии наук. Полевые работы в регионе начались в 1953 г. силами ИИМК (по 1962 г.) и ИА (1955–1961 гг.), ИИАЭ ДВО, организовавшим с 1970-х гг. подавляющее большинство экспедиций. С 1962 г. работали учреждения Сибирского отделения. Достаточно сильны региональные организации: Дальневосточный университет во Владивостоке (с 1969 г.), при котором с 2000 г. работает Краеведческий НИИ и с 2002 г.— Научный музей.

Менее всего изучены Еврейская АО и Корякский АО, а также Магаданская область. За весь послевоенный период в Корякском округе было проведено всего 25 исследований (с 1976 г.), по преимуществу — разведочных, в основном Камчатским областным краеведческим музеем. Два раза работы проводил ИА. Работы в Еврейской АО в 1959 г. начал Хабаровский ГПИ. В дальнейшем они проводились Сибирским и Дальневосточным отделениями Академии, но с малой интенсивностью — только 41 исследование за все время. Собственных организаций археологического профиля здесь нет — лишь в 1998–2001 гг. поступали заявки от Биробиджанского пединститута. Магаданская область исследуется с 1953 г. Здесь есть свои учреждения: Магаданский областной музей (с 1956 г.), педагогический институт (работал в 1979–1991 гг.). Большую часть работ выполняет находящийся в регионе Северо-Восточный комплексный институт ДВО (с 1961 г.), работавший, кроме Магаданской области, еще в семи регионах. Работали здесь также институты СО АН. Тем не менее, в отношении полевой археологии это один из самых слабых регионов России.

Несколько лучше идут исследования на Чукотке (начаты с 1953 г.). Самые первые экспедиции были организованы Чукотским краеведческим музеем, затем — учреждениями Академии наук: ЛОИЭ, ИИМК. С 1961 г. к работам в разных регионах округа, в том числе и на Чукотке, приступил Северо-Восточный комплексный институт ДВО АН. С 1989 г. проводит полевые изыскания экспедиция ГМИНВ (Москва). С 1993 г. здесь начала работы экспедиция РНИИКиПН (Москва).

Динамично развиваются полевые исследования в Якутии, начатые в 1946 г. ИИМК, работающим там и поныне. В регионе довольно много организаций, получающих ОЛ с 1960-х гг. В их числе Якутский ГУ (ОЛ с 1968 г.), НИИ гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (с 2000 г.) и ряд институтов в системе АН (Якутский НЦ; Сибирское и Уральское отделения).

Полевые исследования в Амурской области (с 1948 г.) и в Хабаровском крае (с 1953 г.) начинались ИИМК и продолжались Сибирским (в основном) и Дальневосточным отделениями АН. Региональные школы практически отсутствуют, хотя вузов и музеев довольно много. В Хабаровском крае с 1992 г. ощутимо участие органов охраны.

Камчатская область изучалась в послевоенный период слабо и сравнительно недолго. Здесь работал Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО (основная доля исследований — 1961–1995 гг.). Региональных организаций мало, они начали заниматься полевыми исследованиями поздно: Камчатский областной музей (с 1978 г.), Камчатский ГПУ (с 1997 г.). Участие

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Академии наук невелико: 6 исследований провел ИА, 5 — отдельные организации ДВО и СО АН. Работы в Сахалинской области начались в 1956 г. ИИМК. Много исследований проведено региональными отделениями ВООПИиК, административными органами, городскими музеями и иными учреждениями. Из крупных региональных организаций можно назвать Сахалинский ГУ (с 1999 г.), Сахалинский областной музей (с 1976 г.), Южно-Сахалинский ГПУ (с 1959 г.). Учреждения АН здесь работали мало.

Доли категорий организаций в округе представлены на рис. 26. Мы так подробно описывали работы Академии наук, поскольку именно этой категории принадлежит основная роль в полевом изучении Дальневосточного округа. Академическими учреждениями выполнено 54 % от общего количества исследований. Более того, это самая большая доля Академии по России в целом (рис. 27). Это во многом обусловлено быстрым развитием академических научных центров Дальневосточного отделения, участием Сибирского отделения. Кроме того, здесь — относительно других округов — мало организаций археологического профиля других категорий.

На втором месте вузы — 19 %, но они значительно уступают Академии по активности. Некоторые вузы начали получать ОЛ только с середины 1950-х гг. (в Якутии, Сахалинской области, Хабаровском крае). Многие приступили к организации самостоятельных экспедиций гораздо позже, со второй половины 1960-х гг. Более всего работ провел с этого времени (1969 г.) Дальневосточный университет (Владивосток), но в число наиболее активных по самостоятельной полевой работе студентов и аспирантов он не входит (рис. 11).

Музеи находятся на третьем месте — 14 %, они включились в процесс в основном в 1970-е гг. (кроме Магаданского краеведческого музея, работавшего в поле с 1956 по 2002 г., но очень мало). Некоторые музеи весьма активны, во всяком случае, в течение определенного времени. Они внесли основной вклад в изучение регионов (музей Дальнего Востока в Хабаровске, Камчатский и Сахалинский областные музеи и др.). А вот в Приморском крае активность музеев практически ничтожна (при высоком рейтинге региона по России, полученном за счет работ Академии наук).

Региональными НИИ проведено 4 % работ (в основном — Краеведческим НИИ ДГУ и очень мало НИИ гуманитарных исследований АН Республики Саха). Органы охраны в полевых исследованиях округа роли практически не играют. На них приходится всего 6 % исследований. Наряду с Уральским округом, это самый низкий показатель по России (рис. 27). Еще ниже доля органов власти и администрации — 2 %. Из негосударственных организаций (1 %) надо отметить работы ВООПиИК (1960–1980-е гг.).

Итак, особенностями полевых исследований в Дальневосточном округе следует признать весьма позднее их начало в послевоенный период (не считая эпизодических работ ИА, ИИМК и некоторых региональных учреждений), огромное влияние полевой археологии Сибири, исключительную роль Академии наук при слабости других категорий организаций, прежде всего — органов охраны.

* * *

Подведем некоторые итоги. Получена картина географического распределения полевых изысканий, отражающая степень исследованности федеральных округов России с 1946 по 2006 г. Вместе с тем определена и роль в этом различных категорий организаций, получающих ОЛ.

Наиболее исследован Центральный округ, наименее — Дальневосточный. Это, конечно, не удивительно, учитывая время начала исследований, обеспеченность кадрами, количество организаций. Но динамика разная: работы на Дальнем Востоке по-настоящему начинаются с 1960-х гг., и с тех пор их доля стабильна. В Центре, как и в Приволжском округе, втором по степени исследованности, она падает в то же время и далее колеблется, а в Приволжском так и продолжает убывать (рис. 12,*2–6*).

Активность археологов определенно смещается из центральной России за Урал, на юг и северо-запад. Она зависит от многих причин: от насыщенности памятниками и условий проведения полевого сезона, от количества профильных организаций и обеспеченности их кадрами, от реализации новостроечных проектов и т. д. Колебания активности в разное время мы рассмотрим в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

разделе, посвященном хронологическим периодам. В целом же отметим, что если доля Сибирского и Дальневосточного округов в общем количестве полевых исследований в России стабильна, то доля Уральского округа растет, хотя и медленно.

Географическое распределение полевых работ по категориям организаций представлено на рис. 27. Наибольшее участие Академии наук наблюдается в регионах Дальневосточного округа. Далее по убыванию: Северо-Западный округ, в равных долях – Южный и Центральный, Сибирский, Уральский, Приволжский. Зато в трех последних особенно активны вузы. Доля вузов по сравнению с этими тремя округами в Южном округе более чем вдвое меньше, а в Северо-Западном – втрое меньше. Музеи проводят больше всего полевых работ в Центральном округе, одинаково меньше – в Южном и Северо-Западном. В Приволжском округе, Дальневосточном, Сибирском и Уральском меньше в два – три раза.

Органы охраны больше всего работают в Южном округе, Сибирском и Центральном. Они существенно менее активны в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном округах. Следует иметь в виду, что в этой категории наблюдается большая неравномерность: в некоторых регионах (даже при сильной суммарной доле) одни бездействуют, другие же наоборот – повышают долю округа в целом. Доля органов государственной власти и администрации практически нулевая в Северо-Западном округе, в остальных – несколько выше. Региональные научные учреждения показывают наибольшую активность там, где много национальных автономий: Приволжский и Южный округа, что вполне естественно. Менее всего их работы заметны в Центральном и Уральском округах. Доля организаций категории «прочие» не превышает 1 %, в Северо-Западном, Уральском и Дальневосточном округах такие работы единичны.

По работам негосударственных организаций лидирует Уральский округ за счет многочисленных муниципальных учреждений. В остальных, особенно в Центральном, этот показатель обеспечивается до 1985 г. деятельностью ВООПИиК. В Центральном и Северо-Западном округах, более чем в других, значительно количество памятников архитектуры, что способствует развитию архитектурной археологии и активности в этом направлении специализированных реставрационных организаций.

7. Охранная полевая археология

Полевые исследования охранного характера следует выделить особо, поскольку специфика их очевидна. Прежде всего, это огромный объем работ, проводимый в определенные заказчиком сжатые сроки. Вторая особенность – разнохарактерность памятников, подлежащих исследованию на одной территории. Третий аспект – огромный географический размах, вся территория России. Далее – неизбежность уничтожения памятника, что влечет за собой особую ответственность археологов за качество его исследования, так как что-либо доследовать уже невозможно. Кроме того, охранные работы дают в настоящее время основную массу археологических источников для теоретических построений. Таким образом, охранная археология – это не только раскопки и разведки, но и основание для решения крупных научных задач, для чего в сметы полевых работ закладываются расходы на камеральную обработку материала, реставрацию, анализы и прочее.

Возникает парадокс: чем шире ведутся хозяйственные работы, то есть чем больше уничтожается таким образом памятников, тем интенсивнее идет накопление археологического материала для научных изысканий. Об этом еще в 1950-х гг. писал А.В. Арциховский: «Полевые успехи советской археологии в значительной мере связаны с большими советскими новостройками» (Арциховский, 1954, с. 15). Он же отмечал огромное значение государственной собственности на землю, что позволило ГАИМК-ИИМК планировать археологические работы в государственном масштабе.

В современных условиях при коммерческом использовании земли возникает соблазн расширять до бесконечности объемы охранных исследований, и в связи с этим еще острее встает вопрос о моральном аспекте полевой охранной деятельности. Более чем когда-либо актуальны наблюдения начала 1990-х гг. о том, что «нынешнему поколению археологов заново пред-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стоит решать вопрос об этических приоритетах, направляющих их профессиональную деятельность» (Афанасьев, Андреева, Смирнов А.С., 1993, с. 5).

Рассмотрим некоторые аспекты регламентации охранных полевых исследований. Под этим термином подразумеваются прежде всего работы, проведенные в рамках реализации какого-либо строительно-хозяйственного проекта независимо от его объема. Сейчас работают и на землеотводах под рекламные щиты и киоски, и это правильно, если их установка нарушает культурный слой. Кроме того, большую часть составляют объекты природного разрушения (подтопление и обрушение речных берегов, эрозия почвы и т. д.). Значительны антропогенные разрушения: грабительские раскопки, распашка, выборка земли для хозяйственных нужд. В этой связи возникает вопрос о соотношении охранных и аварийно-спасательных работ. Это разные виды деятельности. Аварийными (собственно спасательными) могут быть только раскопки разрушаемых природой памятников, когда главное – успеть добыть хоть какую-то информацию. Исследования же в зонах новостроек должны быть плановыми. Если стройки планируются, и законодательство с 1934 г. предусматривает финансирование археологических работ в их зоне (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 448–449), значит, должны планироваться и археологические исследования (Кузьмин, 1989). Поэтому целесообразно различать охранные и новостроечные исследования.

Охранные полевые работы связаны с разными источниками финансирования. В конце 1940 – 1950-х гг. и позже создавались крупные новостроечные экспедиции, финансирование которых шло в рамках проектов строительства ГЭС. Например, решением Совета Министров в связи со строительством Саяно-Шушенской ГЭС была образована Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА, работы которой были рассчитаны на 1965–1972 гг. (Грач, 1966, с. 22). В этих условиях о программе предварительных исследований речь не шла – оставалось только спешно исследовать что-то параллельно со строительством. В таких условиях почти никогда не удавалось раскопать памятники полностью. И главная причина этого не столько в отсутствии нужного объема средств, хотя и это было, сколько в сжатых сроках и нехватке специалистов для выполнения столь значительных объемов.

Полученный таким образом материал имеет огромное научное значение, но это лишь очень малая часть того, что можно было бы изучить. Что касается памятников, которые теперь оказались на берегах водохранилищ, то они тоже исследовались, но в меньшей степени. С окончанием строительства прекращалось финансирование, и памятники оставались во многих случаях без внимания и постепенно размывались. Мониторинг и раскопки таких памятников, как правило, продолжают бюджетные организации на свои небольшие средства и в неизмеримо меньшем объеме по сравнению с тем, который следовало бы сделать.

Вместе с тем значительная часть небольших новостроечных работ в 1940–1950-х гг. велась малыми отрядами и силами экспедиций, работавших в основном по плановым темам, финансируемым из бюджета. Такие работы часто проводили музеи, региональные научно-исследовательские институты (Евтюхова, 1953, с. 150). Подобное происходило и позже, иногда в очень значительных объемах. В качестве примера можно привести работы Кавказской экспедиции ГМИНВ (Москва) в 1980-х. г. в Адыгее, в зоне перепланировки полей (Сокровища, 1985, с. 20).

На хоздоговорные средства с конца 1970-х гг. развернулось строительство оросительных систем и иных объектов мелиорации, а также нефте- и газопроводов. Это стимулировало развитие региональной археологии с привлечением местных источников финансирования. Анализируя статьи в серии «Археологические открытия» с 1965 по 1986 гг., можно видеть, что в качестве таковых привлекались любые источники: от строительных хоздоговоров и бюджетных средств вузов и музеев до средств ВООПИиК (последнее финансировало не менее трети охранных исследований с середины 1960-х по середину 1980-х гг.). Строительство трубопроводов, автодорог и иных объектов вне городов и в городах ведется также по хоздоговорам. В настоящее время в зонах освоения месторождений нефти и газа, преимущественно на Севере (Ханты-Мансийский и Яма-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ло-Ненецкий АО), экспедиции работают на средства добывающих предприятий.

Что касается памятников, подвергающихся природному и в значительной степени антропогенному разрушению, финансирование работ на них затруднено, если только они не попадают в зону какого-нибудь строительства. В основном это бюджетные средства институтов, вузов и музеев, а также гранты, федеральные и региональные программы. Возможности работ на таких памятниках значительно сократились с потерей бюджетного финансирования в 1980–1990-х гг.

Столь распространенный сейчас такой вид работ, как «охранное обследование и раскопки», в документах ОПИ появляется уже в 1949 г. в следующей формулировке: «разведки с правом производства охранных раскопок». Первый такой ОЛ был выдан по заявке Пятигорского музея краеведения на территорию «строительных работ в зоне Кавказских Минеральных Вод», второй — на аналогичные работы в г. Горьком (Нижний Новгород). Тогда формы ОЛ еще не указывались, но в принципе это соответствует современной форме 2 (надзор). В дальнейшем, со второй половины 1950-х гг., когда в книгах регистрации уже велась запись ОЛ по формам, такую формулировку применительно к форме 2 употребляли достаточно часто.

С 1952 г. при выдаче ОЛ в их тексте отмечаются разные виды разрушения памятников, в частности,— зоны водохранилищ и распашка. С конца 1950-х гг. ОЛ выдаются на «разведки с правом вскрытия ограниченного количества курганов». При этом речь идет о средневековых курганах «позднего времени». Но уже давно вскрытие каких бы то ни было курганных насыпей при разведках запрещено, поскольку для этого требуется заложение раскопа, часто на значительной площади. Если эти работы выделяются отдельной формулировкой, то логично предположить, что осознается необходимость специальной формы ОЛ, так как на разрушенных памятниках оказывается достаточно работ (доследование), которые не могут быть планомерными и методически выдержанными, как работы по ОЛ формы 1.

Для отражения этой ситуации, наконец, введена форма 4 (пока только в книгах регистрации ОЛ в ОПИ). В 1954 г. один ОЛ формы 4 выдается на «обследование при земляных работах» Брянской области, то есть фактически — на археологический надзор, как это было бы сформулировано сейчас. В 1955 г. ОПИ выдал уже четыре ОЛ формы 4. Один — на «охранное обследование на территории Горьковской области», другой — на «охранное обследование в зонах освоения новых земельных участков и на строительных площадках в Геленджикском районе Краснодарского края», третий — на «охранное обследование со вскрытием» в трех острогах (Томская область), четвертый — на «охранные раскопки в восточной части Кобякова городища по трассе газопровода» (Ростовская область). Таким образом, закладываются основные направления охранных археологических работ: разведки и раскопки в зонах хозяйственной деятельности, охранные мероприятия на конкретных разрушаемых памятниках. В дальнейшем, по мере увеличения количества охранных работ, ОЛ на них выдаются по четырем направлениям обследования:

- зоны строительных работ вне городов (с 1954 г.);
- разрушенные по разным причинам (доследование) и разрушающиеся памятники (раскопки) вне зон строительства (с 1957 г.);
- зоны антропогенного разрушения и строительства в городах (последнее с 1961 г.);
- архитектурно-археологические раскопки (с 1957 г.).

В информационной системе «@Археология» имеется блок «охранные работы», в основе его — информация о содержании ОЛ. Однако охранный характер работ до 1990-х гг. фиксировался в книгах регистрации далеко не всегда (только для формы 4 и иногда — 2). Этому не придавалось особого значения, поскольку большая часть исследователей проводила такие работы по традиционным формам 1 и 2. Было, например, множество записей о раскопках курганов в степной зоне, но редко указывалось, что эти работы проводятся в связи со строительством оросительных систем. Поэтому заполнение ИПС в этом разделе для ранних периодов сопровождалось определенными трудностями. Для извлечения нужной информации использовались разные источники (см. «Обзор архивных материалов и литературы»). Важно и то, что точность

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

фиксации исследований в зонах новостроек была бы и выше, но до конца 1990-х гг. не существовало требования обязательно отражать охранный характер работ в заявках на ОЛ. Поэтому и в текст ОЛ эти данные не вписывались, хотя охранный характер иной раз очевиден.

В систему «@Археология» внесены следующие поля, характеризующие разные виды охранных работ, достаточно обобщенные из-за нехватки данных (по мере их поступления возможны уточняющие изменения). В пунктах 1–8 учтено строительство (с предварительным обследованием), реконструкции и ремонты действующих объектов, строительство инфраструктуры.

- Работы на оросительных (мелиоративных) системах (ОС).
- Работы на нефтепроводах.
- Работы на газопроводах.
- Работы в зонах освоения месторождений полезных ископаемых (преимущественно – нефть и газ).
- Работы на автодорогах.
- Работы на железных дорогах.
- Работы на строительстве линий связи (ВОЛС).
- Работы на строительстве ЛЭП.
- Работы по землеотводам под строительство и культурно-исторической экспертизе (в соответствии с гл.V Закона 2002 г.).
- Работы на строительстве вне городов. Этот обобщенный признак введен потому, что объекты строительства весьма многообразны, и все учесть пока нельзя. Кроме того, часто выдавалась форма 4 (по определению – охранная), при этом не указывалось, какой вид строительных работ предполагался. Это в первую очередь относится к самым массовым их видам – объектам мелиорации и автодорогам.
- Работы на строительстве в городах. Обычно указывается точный адрес работ (улица и т. д.) и строящийся объект. Первые такие ОЛ (форма 1) были выданы еще в 1946 г. (на работы в Москве).
- Работы на строительстве ГЭС. Включаются именно строительные работы (ложе водохранилища, плотины).
- Работы в зоне водохранилищ. Включаются работы по строительству водохранилищ-гидроузлов, не связанных с ГЭС, а также работы на береговой линии действующих водохранилищ при ГЭС.
- Работы по факторам антропогенного разрушения. Эта категория достаточно общая и позволяет описывать работы при разрушении карьерами, зонами отдыха, грабительскими раскопками и т. д., а также при неизвестном объекте строительства.
- Работы по факторам природного разрушения (размыв и обрушение берегов естественных водоемов, эрозия почв, ветровая эрозия и т. д.).
- Работы на памятниках архитектуры. Чаще всего они проводятся с целью реставрации и, таким образом, носят тоже охранный характер.
- Работы в городах. Эту категорию можно считать условно охранной. С одной стороны, не всегда фиксировался факт работы в городе именно на строительстве объекта. С другой стороны, городская археология имеет свою специфику. Даже при работах научно-изыскательского характера фактически выполняется охранная задача: появляются материалы для определения охранных зон культурного слоя, предваряется строительство на местах прежних раскопов. Последнее особенно важно, так как научные раскопки закладываются в исторических центрах, которым угрожает наибольшая опасность разрушения.
- Работы на разрушаемых памятниках. Сюда пока включены все работы по форме 4, а также те случаи работ по форме 1 и 2, когда в книге записано, что исследуются разрушаемые памятники, но не указан даже общий характер разрушений (антропогенный, природный).

Понятно, что полный объем и абсолютная точность заполнения может быть достигнута только в результате просмотра всех отчетов по теме, что пока нереально. Особенно трудно выделить охранные работы по разведкам – о них в книгах регистрации ОЛ данных меньше всего. Несколько легче с ОЛ формы 1 – указаний там больше. В приведенном ниже анализе использованы только данные о работах, достоверно имевших охранный характер. Во многих случаях, хотя из опыта и общих сведений известно, что эти работы охранные, но точных письменных или

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

устных упоминаний нет, они не учитывались. Понятно, что при дальнейших библиографических и архивных изысканиях количество позиций может только увеличиваться, но и без этого картина впечатляет.

Видно, что включенные в систему показатели отражают разные явления. Так, работы на разрушаемых памятниках можно рассматривать и как археологическое сопровождение какой-то хозяйственной деятельности, и как работы в зонах природного разрушения. В последнем случае это отражает положительные сдвиги в менталитете: выбор для исследований, скажем, при проведении студенческой практики, того, что нужно спасать, стремление не трогать памятники хорошей сохранности. Аналогично и с работами по факторам природного и антропогенного разрушения. Для оценки объема охранных работ более показательны разведки и раскопки в зонах строительства (позиции 1–13 из приведенного списка).

Что касается работ в зонах водохранилищ, то они имеют свои особенности, отчасти сближающие их с природными факторами (размыв памятников в результате колебания уровня воды), но в то же время необходимость их вызвана антропогенной деятельностью. В 2005 г., в соответствии решением, принятым на III Всероссийском съезде органов охраны памятников истории и культуры (17 сентября 2004 г.), Фонд «Археологическое наследие» провел мониторинг состояния объектов археологического наследия, находящихся вдоль береговой линии водохранилищ. Для получения данных в органы охраны памятников субъектов РФ Фондом были разосланы письма с просьбой предоставить сведения о состоянии археологических памятников. К сожалению, ответы пришли далеко не из всех регионов, причем, среди не отреагировавших есть такие, где имеются сильные коллективы специалистов-археологов. Отчасти это понятно, поскольку зоны водохранилищ огромны, и никаких сил и средств не хватает хотя бы на мониторинг состояния памятников в этих зонах, поэтому реального представления просто нет.

Результаты мониторинга неутешительны: в год по берегам водохранилищ безвозвратно утрачивается в среднем не менее 8 памятников. За 50 лет, то есть при жизни одного поколения, их будет уничтожено свыше 400 (по данным Фонда).

Выделяются три фактора разрушающей деятельности водохранилищ.

1. ***Строительство***, в ходе которого под водой оказываются огромные территории. Как показывают исследования, далеко не все памятники археологии подвергаются раскопкам, многие даже не выявлены из-за отсутствия предварительных разведок, особенно до 1970-х гг. XX в. Темпы строительства значительно превышают время, необходимое для охранных мероприятий, но на них хотя бы выделяются средства.

2. ***Формирование береговой линии***, в ходе которого постоянно идет обрушение берегов и размыв находящихся на побережье объектов, в том числе памятников археологии.

3. ***Искусственное поднятие и опускание уровня воды в зависимости от хозяйственных нужд***. Этим наносится постоянный ущерб археологическим памятникам. В Краснодарском водохранилище в 1979 г. было решено поднять уровень на 1 м или на 1,5 м. Проводились археологические разведки для выяснения последствий, но никаких охранных археологических работ не последовало, так как средства на них не выделялись (по данным И.С. Каменецкого).

Это и есть главная беда. Мониторинг состояния и раскопки аварийных памятников на берегу действующих водохранилищ в основном (если только они не попадают в зону нового строительства), как уже отмечалось, проводится на собственные средства бюджетных организаций, поэтому объем этой работы явно недостаточен. Но все-таки он идет. Особенно активны в этом отношении некоторые регионы. Можно назвать следующие. В Иркутской области такие работы идут с 1956 г. (прежде всего – силами Иркутского ГУ); в Башкортостане – с 1971 г. (в основном – Башкирский ГУ); в Краснодарском крае – с 1971 г. (Кубанский ГУ и Краснодарский музей-заповедник); в Красноярском крае – с 1962 г. (Красноярский ГПУ, ИИМК); в республике Марий Эл – с 1964 г. (Марийский ГУ, Марийский ИЯЛИ); в Новосибирской области – с 1966 г. (Новосибирский ГПУ); в Пермской области – с 1968 г. (Пермский ГУ, ГПУ, областной краеведческий музей); в республике Татарстан – с 1968 г. (ИЯЛИ Казанского НЦ АН, Институт истории АН Татарстана и др.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приведем некоторые наблюдения по объему охранных работ в России, основанные на анализе показателей по перечисленным выше позициям 1–6, 10–12. На рис. 28–34 показана динамика и распределение по формам ОЛ основных видов исследований, попадающих в разряд не просто охранных, но новостроечных: работы в зонах оросительных систем, нефте- и газопроводов, автодорог, на строительстве ГЭС и гидроузлов, на строительстве вне городов и в городах. Работы на ЛЭП и ВОЛС самостоятельно фиксируются с недавнего времени, данных по ним пока недостаточно. Работы на месторождениях отдельно отмечаются только с середины 1980-х гг. (единично), больше с середины 1990-х гг. по настоящее время, но их мало. Работы по землеотводам и культурно-исторической экспертизе также недавние, начали выделяться из общей массы разведок только после принятия Закона 2002 г. Перечисленные работы выполняются всеми категориями организаций на хоздоговорные или иные средства.

Была поставлена задача выяснить, какую часть от общего количества составляют работы достоверно охранные, чтобы представить себе роль их в полевой археологии послевоенного периода в целом. За все годы были сделаны выборки по указанным выше видам работ. Возьмем только «чистые» случаи. Работы по ОЛ формы 4, по определению предполагающие охранные исследования, отделялись от работ на разрушаемых иными факторами памятниках (природные и антропогенные или просто разрушаемые без указания причины). По ОЛ формы 1 были выделены те случаи, когда фактор строительного разрушения указывался точно. По ОЛ форм 2 и 3 данных меньше всего, потому что для разведок указывать охранный характер стали еще позже, чем для раскопок по ОЛ формы 1. Поэтому они были объединены, учтены только те ОЛ, по которым есть определенные указания. В дальнейшем, когда будут внесены уточнения, всех данных по охранным работам по ОЛ всех форм станет гораздо больше.

Охранные работы в зонах строительства ГЭС начались с конца 1940-х гг. (рис. 28). Средства выделялись практически параллельно с началом строительства. Наблюдается три пика. Первый — конец 1940 — середина 1950-х гг., совпадающий с началом строительства ГЭС на Волге, Каме и в Сибири. Преобладают раскопки, которые ведутся по ОЛ формы 1 (формы 4 тогда и не было). Второй пик — середина 1960 — середина 1970-х гг.— связан со строительством ГЭС в Сибири, а также Воткинского и Нижне-Камского водохранилищ в Поволжье. Опять же преобладают ОЛ по форме 1. Хотя форма 4 уже есть, как было сказано выше, опытные специалисты по-прежнему получали форму 1. Третий пик — середина 1980-х гг., время строительства Ржевского гидроузла и ряда других проектов. С середины 1980-х гг. становится много ОЛ формы 4; с середины 1990-х гг. форма 1 при этом виде работ исчезает.

Работы на строительстве оросительных систем и в зонах мелиорации проводятся с принятием программы мелиорации с 1970-х гг. (рис. 29). Охвачены в основном степи юга России. Работы на ГЭС к тому времени уже не так многочисленны. Видно, что в 1970-х гг. ОЛ формы 4 на ОС гораздо больше, чем на ГЭС. Это связано с тем, что на ГЭС в основном работали археологи из Москвы и Ленинграда, получавшие форму 1 по традиции. На ОС же работало много региональных экспедиций, часто это были более молодые исследователи, которым, согласно действовавшей тогда «Инструкции», сразу выдавалась форма 4 (Инструкция, 1963, с. 2). Преобладают ОЛ формы 1 до второй половины 1980-х, когда и «мэтры» начали получать форму 4, поскольку вели хоздоговорные работы, по принятой в 1984 г. «Инструкции» (Инструкция, 1984 г., с. 2) отнесенные только к формам 4 и 2. Этот перелом, как и в предыдущем случае, хорошо виден во второй половине 1980-х гг.: работы по ОЛ формы 4 начинают преобладать. Но в начале 1990-х гг. в условиях назревающего экономического кризиса все работы на ОС сворачиваются.

Работы на строительстве железных дорог, как ни странно, в масштабах всего массива единичны, они фиксируются с начала 1970-х гг. (рис. 30). Преобладают разведки. Такое их малое количество, конечно, удивляет. Но, во-первых, сказывается неполнота данных, во-вторых, основная сеть железных дорог в России была построена еще до ВОВ. В-третьих, как показывает опыт, многое зависит от позиции соответствующего ведомства по отношению к соблюдению законности в области охраны памятников. Напом-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ним, что этот вид археологических новостроечных работ был освоен еще в 60-х гг. XIX в. (РА ИИМК, 1862а, ф. 1., д. 26., л. 1–5) и, стало быть, с него начинается история охранных полевых исследований в России. В дальнейшем эта традиция, очевидно, утратилась. В этот вид работ включено строительство не только основных дорог, но и подъездных путей к разным объектам. Именно оно и дало стремительный рост к 2006 г.

Работы на строительстве и реконструкции автодорог как самостоятельный вид работ в массе фиксируются с 1975 г. (рис. 30). По сравнению с предыдущим видом новостроек их гораздо больше. До этого, очевидно, они тоже проводились, но их пока не удается выделить из общего признака «строительство вне городов». Автодороги расположены всюду, и работы на их строительстве способствуют развитию полевой археологии регионов. Количество разведочных работ в этой области неуклонно возрастает. Это хорошо, поскольку в отличие от водохранилищ и ОС, захватывающих огромную площадь, трассу автодороги можно изменить, чтобы обойти выявленные разведкой памятники. ОЛ формы 1 гораздо меньше, чем ОЛ формы 4, особенно опять же после принятия в 1984 г. «Инструкции» к ОЛ. С 2000 г. на этот вид работ они вообще не выдаются. Значительные колебания графика связаны, очевидно, с реализацией крупных проектов и с общей экономической ситуацией (чередуются спады и подъемы).

Работы на нефте- и газопроводах разворачиваются с середины 1970-х гг.– времени освоения тюменских и иных северных месторождений (рис. 31, 32), то есть несколько позже, чем работы на ОС, и существенно позже, чем на ГЭС. Именно тогда и были заложены основы развития полевой археологии в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, значительно расширены исследования в Тюменской области. Как и в предыдущих случаях, до конца 1980-х гг. преобладают ОЛ формы 1. «Инструкция» 1984 г., конечно, уже предписывает выдавать на такие объекты форму 4, но в заявках, видимо, редко указывалось, что это именно раскопки в зонах трубопроводов, во всяком случае, в текст ОЛ это вписывалось далеко не всегда. Основные данные здесь были почерпнуты из «Археологических открытий» и иных публикаций (АО 1965–1986 гг., 1993–2005 гг.; Стефанова, Борзунов, 2002 и др.). С 1990-х гг. все вписывается в текст ОЛ, и, соответственно, выдается форма 4.

Работ на газопроводах в целом больше, чем по иным видам новостроечных работ и даже чем по нефтепроводам. В эту категорию попадают все объекты газового хозяйства, в том числе и газификация небольших населенных пунктов, в то время как нефтяные объекты – значительно более крупные и их меньше. Колебания графика связаны с экономикой в целом и с реализацией отдельных проектов, например, на рис. 33 отражен пик 2003 г., когда в Саратовской и Волгоградской областях шли большие работы по трассе газопровода «Починки – Изобильное».

Работы на строительстве в городах фиксируются с конца 1940-х гг. (рис. 33). Это работы в Москве, в Зарядье (Рабинович, 1951). Поскольку формы 4 еще не было, выдавалась форма 1 на раскопки (по 1–2 ОЛ в год) и форма 2 – 3 на надзор в зонах земляных работ. С 1961 г. выдача ОЛ формы 4 на раскопки в городах становится нормой в связи с массовым жилищным строительством в период «оттепели» и развитием городской инфраструктуры. Количество ОЛ начинает медленно, но неуклонно возрастать. До конца 1980-х гг. преобладают ОЛ формы 1. Потом резко возрастает количество работ по форме 4. Представляется, что это, скорее, не оживление строительной деятельности (к 1990–м гг. как раз начинается спад экономики), а положительный сдвиг в работе органов охраны, начинающих требовать от инвесторов соблюдения законодательства и финансирования археологических обследований и раскопок в городах. Ранее, за редким исключением, планы застройки реализовывались обычно без учета ценности культурного слоя и без предварительных исследований. Характерный пример здесь – Москва. В первой половине 1990-х гг. виден пик, но процесс прерывается общим экономическим кризисом в 1994 г. После этого – резкий подъем. Во многих городах работают сильные охранные службы, благодаря активности строительных организаций в условиях рынка идет финансирование. 2006 год – рекордный по количеству проведенных работ такого рода.

Работы на строительстве вне городов также удается проследить с конца 1940-х гг. (рис. 34).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Закономерности в целом те же. Отмечается некоторый всплеск во второй половине 1960-х гг.– в период «оттепели», повышения хозяйственной активности. Представлены все формы открытых листов. Пик второй половины 1970-х гг. обусловлен тем, что это время огромного размаха работ на ОС, но в открытый лист это не всегда вписывается, фиксируется только как работы на строительстве. В распределении работ на ОС (рис. 29) в это время как раз наблюдается спад. Можно предположить, что часть работ в силу особенностей регистрации ОЛ переместилась в эту группу. Работы по ОЛ формы 1 преобладают до 1994 г. Потом подавляющее количество работ этой категории проводится по ОЛ формы 4 и 2 (охранные раскопки и разведки).

Итак, видно, что значительная часть работ по ОЛ формы 1 не просто носит охранный характер (спасение памятников при любом характере разрушений), но и напрямую связана с хоздоговорной строительной деятельностью. Это не только исполнение законодательства в части охранных мероприятий, но и средство материального обеспечения всех категорий организаций. Форма 1 открытого листа является, скорее, данью традиции, несмотря на прямое указание на проведение охранных работ в зонах строительства только по ОЛ формы 4 (Инструкция, 1984, с. 2).

Далее мы попытались выяснить, каково соотношение новостроечных и иных полевых работ в послевоенный период. Сравнение проводилось между исследованиями по ОЛ форм 1 и 4. Разведки (формы 2 и 3) были пока исключены из-за неполноты данных. На рис. 35 представлены все работы по ОЛ формы 1, выполненные в 1946–2006 гг. (см. также рис. 7); работы по ОЛ формы 1, достоверно связанные с хозяйственной деятельностью; работы по ОЛ формы 4 в зонах какого-либо строительства. Помимо описанных видов охранных работ, были добавлены немногочисленные данные об исследованиях в зонах месторождений полезных ископаемых, ЛЭП и ВОЛС. Видно, что доля новостроечных работ по ОЛ формы 1 отнюдь не мала – 16 % от общего их числа. Эти ОЛ были вычтены из общего количества ОЛ формы 1. Остались работы не охранного характера. Новостроечные ОЛ формы 1 были суммированы с аналогичными ОЛ формы 4.

Результат представлен на рис. 36. Если пересчитать в процентах, от всех проведенных в России с 1946 по 2006 г. раскопочных работ 33 % составляют работы в зонах новостроек. Распределение неравномерно. Их мало до 1950-х гг. Потом, с началом строительства ГЭС, количество их возрастает и сравнивается с прочими исследованиями. Далее доминируют исследования не новостроечного характера. Провал середины 1990-х глубже, для хоздоговорных работ – по причине недостатка инвестиций. Лучше выживают экспедиции, не зависящие от крупных проектов. Преобладание работ в зонах хозяйственной деятельности начинается после 2000 г. И опять же оговоримся: мы располагаем неполными данными. При уточнении доля новостроечных работ неизбежно значительно возрастет.

Таким образом, нам удалось установить достоверный минимум по количеству охранных работ, связанных со строительными проектами разного масштаба в России за послевоенный период. Следует помнить, что новостроечный характер исследований можно окончательно установить, только просмотрев отчеты, что явно произойдет не слишком скоро. Это касается всех форм ОЛ. В данном случае мы основываемся только на тех данных, которые отражены в книгах регистрации ОЛ и во многих публикациях, охватить весь объем которых опять же невозможно. Надо иметь в виду, что и неновостроечные работы по ОЛ формы 1 в значительной степени охранные, так как часто раскапываются разрушаемые памятники.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГЛАВА 5

Структура и динамика развития полевой археологии по хронологическим периодам

В предыдущих разделах рассматривались показатели, характеризующие весь послевоенный период. Они отражают общие тенденции развития полевой археологии в России (РСФСР). Но на каждом этапе имеются особенности, вполне объяснимые, связанные с причинами как общего, так и частного характера. Учитывать их необходимо, иначе общая картина получится слишком примитивной. Подобно тому, как принято было искажать истинное значение и роль российской дореволюционной археологии, часто возникала (и возникает) неадекватная оценка последующих полевых исследований: преувеличение или принижение некоторых достижений, объемов и качества работ. Успехи и возможности прошлого иной раз воспринимаются как реально существующие и ныне, а современные положительные явления как-то не отмечаются при воспоминании о прошлых недостатках. В любой сфере такие явления обычно происходят от недостатка информации и невозможности ее полноценного анализа. Попытаемся восполнить некоторые пробелы в отношении структуры и динамики развития полевой археологии по обозначенным нами хронологическим периодам. Еще раз следует оговориться, что на создание абсолютной полноты картины мы не претендуем. Приблизиться к этому можно только усилиями многих специалистов и в итоге проведения большого числа исследований по конкретным аспектам и регионам. Все же получить общее представление возможно и сейчас.

Развитие полевой археологии привязано к географическим параметрам, и в связи с этим необходимы некоторые комментарии. В иллюстративном приложении помимо рисунков помещены карты, отражающие хронологическое и географическое распределение некоторых важных аспектов полевой археологии: степень исследованности регионов (карты 1–5) и возникновение центров региональной археологии (карты 6–10, 6а–10а). При их составлении учтены все выданные на регион ОЛ, включая единичные работы в данном месте. Можно, конечно, считать такую точность излишней, создающей «информационный шум», но и столь, казалось бы, несущественные связи иной раз говорят о многом. Для одного периода в общей массе полевых работ они вроде незначимы, но могут быть основой последующего развития. Они также показывают диапазон научных интересов как отдельных археологов, так и учреждений, их возможность организовать экспедиции в широком географическом ареале.

Исторические периоды послевоенного времени неодинаковы по продолжительности — от 7 до 20 лет. Степень исследованности региона определялась по количеству ежегодно проводимых полевых работ. Были вычислены средние показатели за период. Это позволило получить сопоставимые значения. При этом учитывались все работы, проведенные как организациями из того же региона, так и из других. Ставилась задача выявить интерес (чисто научный или вынужденный в рамках реализации новостроечных и иных проектов) к памятникам данного региона, кем бы он не проявлялся.

Особенности административно-территориального деления государства в 1946–1953 гг. оговариваются в соответствующем разделе (гл. 3, разд. 3). Для всех периодов надо отметить сложность выделения работ в автономных округах и областях, входивших до 1993 г. в состав иных регионов. Речь идет о следующих субъектах РФ: Камчатская (Корякский АО), Магаданская (Чукотский АО) и Тюменская (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО) области, Ставропольский (Карачаево-Черкесская АО), Красноярский (Эвенкийский и Таймырский АО) и Хабаровский (Еврейская АО) края. Открытый лист до конца 1980-х гг. часто выписывался на административный район, без указания его принадлежности к автономии. Мы провели соответствующее выделение там, где это было возможно. В дальней-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

шем, при изучении именно этих регионов, показатели могут несколько измениться в сторону увеличения количества исследований в национальных автономиях. Но сколько-нибудь существенно общую картину это не изменит, так как и без учета автономий место указанных областей и краев в общем рейтинге определилось достаточно точно. С автономными округами и областями в составе других регионов таких сложностей не возникает – в ОЛ они, как правило, вписывались обязательно. Это относится к республике Бурятия (Агинский Бурятский АО), Архангельской (Ненецкий АО) и Иркутской областям (Усть-Ордынский Бурятский АО), Краснодарскому краю (Адыгейская АО – теперь республика).

Следующей задачей было определение степени активности в полевых исследованиях региональных школ (центров). Под региональными археологическими школами (центрами) мы понимаем совокупность профильных организаций региона, а не какое-то одно учреждение. Их образуют учреждения разных категорий и разные коллективы археологов. Это не тождественно известному в науковедении понятию «научная школа», так как последнее предполагает, прежде всего, развитие объединяющих идей и теорий. «Возникновение научных школ происходит в процессе выдвижения научных проблем, возникновение которых связано с внутренними потребностями развития научного знания, либо с необходимостью удовлетворения определенного социального заказа» (Мельникова, 2003а, с. 18–19).

Не вдаваясь глубоко в дебри философских и науковедческих понятий, применительно к полевой археологии как части науки отметим следующее. Ее развитие невозможно без некоторой совокупности идей, теорий и концепций, определяющих подход к сущности самого археологического памятника, допустимым формам и методам извлечения и введения в научный оборот информации о нем. Это, так сказать, теоретическая часть полевой археологии. Но есть и практическая, включающая многие аспекты, прежде всего – совокупность конкретных методов, навыков работы в поле, организаторских возможностей и каждого археолога, и профильного учреждения. И вот эта-то сторона часто оказывается определяющей. Какими бы благими ни были идеи и намерения, если археолог не освоил технологии организации экспедиций и ведения раскопок и разведок, последствия для памятника печальны. Какими бы продвинутыми, знающими и умелыми ни были специалисты, если нет возможности выехать в поле, памятники разрушаются, и научные исследования, по крайней мере в какой-то части, замирают. И теоретическое, и практическое направление развития полевой археологии, безусловно, научны, но в данном случае, поскольку речь идет более о практических аспектах, мы будем употреблять именно термин «региональная археологическая», а не «научная» школа (центр).

Говоря о возникновении региональных школ, мы имеем в виду определенные факторы: наличие в регионе профильных учреждений, берущих на себя организацию экспедиций, некоторого количества археологов-профессионалов, одного или нескольких вузов, обеспечивающих подготовку новых специалистов, преемственность в традициях проведения полевых работ, обработки материала и введения его в научный оборот. Не менее важный признак, хотя и не всегда зависящий от самого центра – постоянные и разнообразные полевые исследования. Когда эти признаки соединяются, но не раньше, можно констатировать наличие в регионе собственной археологической школы, а это – основной шаг к освоению региона в отношении полевой археологии.

Предпосылкой образования школы обычно служат прямые или косвенные контакты со значимыми центрами других регионов: обучение специалистов в вузах и аспирантуре, участие в экспедициях, переезд в регион крупного профессионала-археолога – будущего главы школы (последнее, к сожалению, нередко было связано с политическими репрессиями советского времени). И здесь можно полностью согласиться с тем, что, как и в существовании любых научных школ, огромную роль играют университеты (Мельникова, 2003а, с. 31–34). Следует только добавить, что во многих регионах за неимением университетов созидательная функция легла на педагогические институты, многие из которых позже преобразованы в университеты или продолжают работать в том же статусе.

Сложение региональных школ происходит в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

разное время, некоторые имеют традиции с рубежа XIX-XX вв., прежде всего в тех регионах, где работают старейшие университеты России. Им же и пришлось труднее всего в период советских репрессий, разгрома краеведения, потрясения основ образовательной системы. Особое место занимают школы Санкт-Петербурга и Москвы, давшие изначальный импульс к формированию школ во многих регионах. Освещение процесса становления конкретных школ — очень интересная отдельная тема, в последнее время привлекающая исследователей археологической историографии. По этому вопросу появляется все больше статей и монографий. В обзоре всего массива послевоенных полевых работ мы вынуждены ограничиться очень краткой характеристикой наиболее активных школ.

На картах 6–10 (6а–10а) дано условное обозначение, отражающее сам факт наличия региональной школы (центра), а не место нахождения конкретной организации археологического профиля. Критерием активности в определенный период является наличие достаточного количества региональных учреждений (размах их полевой деятельности может быть разным) и специалистов, значимость их вклада в археологическое освоение региона (не обязательно основная доля, но существенная), регулярные полевые работы в своем регионе, а иногда и в иных. Эти признаки в полном объеме свойственны далеко не всем регионам, хотя в подавляющем их большинстве археологи есть. Наиболее активные центры выделены особо.

Понятно, что в ранние отрезки послевоенного периода археологов было так мало, что можно говорить только о начале формирования школы, заложении основ. Часто это связано с деятельностью даже и одного человека, но важно, что хоть в каком-то объеме в регионе начинаются регулярные полевые работы, создается традиция. Потом появляются ученики и последователи, школа укрепляется. Бывает и наоборот: последователей не остается, и регион оказывается на долгие годы в положении «отстающего».

Судьба региональных школ в настоящее время разная. Некоторые постоянно наращивают потенциал, другие его теряют. В связи с общегосударственным кризисом России 1990-х гг. все они оказались ослабленными и по-разному преодолевали это состояние. Но, как показывает наш анализ, динамика положительная (рис. 4–7). Лучше перенесли потрясение, конечно, те, которые имели более прочные традиции (не обязательно более ранние) или сумели приспособиться к новым условиям, прежде всего, в отношении финансирования полевых работ.

Существование в регионе собственного центра не всегда означает высокую степень его исследованности. Очень часто археологи работают, так сказать, не у себя дома, а там, где лежат их научные интересы или возникают крупные экспедиции с хорошим финансированием. Так, Ленинградская область никогда не была лидером по археологической освоенности, но археологическая школа там крупнейшая благодаря наличию ведущих организаций — ИИМК, ГЭ, СПбГУ (ЛГУ). То же можно сказать и о Свердловской области. Имеются и другие примеры.

В разделе «Географические показатели» (гл. 4, разд. 6) мы наметили общую картину интенсивности полевых исследований в 1946–2006 гг. по федеральным округам, в целом совпадающим с традиционно принятым географическим делением России (Сибирь, Дальний Восток, Поволжье, Приуралье и т. д.). Было также определено место отдельных регионов (субъектов РФ), как бы их общий рейтинг в округе. Так выявились лидеры и «отстающие» регионы. С течением времени их положение менялось.

Интересно проследить соотношение сильных и слабых центров в масштабах всей России, то есть сравнить интенсивность работ, например, в центре Европейской части и Сибири. Можно, конечно, использовать показатели за весь послевоенный период, но они будут слишком обобщенными, поэтому анализ степени исследованности каждого региона проводится в рамках обозначенных нами хронологических периодов (разд. III). Это дает возможность проследить динамику активности региональных школ во времени, стабильное положение или смену места в рейтинге.

Перейдем от общего к частному в анализе роли и активности в разных видах полевых исследований и в разное время организаций по категориям. Значимость работ отдельных организаций для изучения регионов (места в рейтинге) уже

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

отмечена. Придерживаясь того же принципа, мы вынуждены будем упоминать далеко не все, хотя бы и крупные, учреждения и экспедиции.

В публикациях, диссертациях и научных отчетах содержится огромное количество обзоров полевых исследований, описывающих их и по каким-либо хронологическим периодам, и по географическим территориям, и по типам памятников, и по иным принципам. Мы кратко остановимся только на тех полевых работах, которые, на наш взгляд, являются знаковыми: открывают какую-то новую страницу в организации полевой деятельности и разработке методики; способствуют началу или развитию нового вида полевых работ, исследованию ранее малоизученных или совсем неизвестных регионов и памятников; привлечению к полевым изысканиям новых организаций и становлению региональных археологических школ. Очевидно, что при более углубленном изучении таких вех будет гораздо больше, но наша задача на данном этапе — первое и общее представление процессов в целом. Точно также, чем больше становится археологов, тем труднее перечислить всех. При глубочайшем уважении к их вкладу в полевое археологическое изучение нашего необъятного Отечества, мы вынуждены ограничиться упоминанием только части имен, прежде всего тех археологов, которые руководили крупными экспедициями или провели (по данным ОПИ) более всего работ в каких-либо регионах в определенное время.

1. Полевая археология в 1946–1953 годах

Экономическое развитие государства шло быстрыми темпами. Помимо восстановления промышленного потенциала поле ВОВ, что неизбежно растянулось на годы, была поставлена задача развертывания нового строительства с учетом перспектив будущего развития энергетики, тяжелой промышленности, городов (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 490). Наступило время строительства ГЭС и водохранилищ на Волге, Каме, Дону, в Сибири. Это обусловило постоянно растущую потребность изучения археологических памятников в зонах новостроек. Полевые работы приобретают огромный размах, получают государственное финансирование (АЭ, 1962, с. 142–199). Они проводились в небольшом объеме и во время ВОВ, но существенно активизировались в 1945 г. (АЭ, 1962, с. 126–142; Платонова, 1991; Смирнов А.П., 1947).

Постановлением Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и утвержденным тогда же «Положением об охране памятников культуры» отмечается плановость археологических исследований в СССР (Карпова, Потапова, Сухман, 2000, с. 463–472). План научно-исследовательских работ по археологии был принят в 1945 г. на состоявшемся в Москве Всесоюзном археологическом совещании и стал основой полевых работ на последующие годы. В работе совещания приняли участие 156 делегатов — огромное по тем временам количество (Алекшин, 1980, с. 46). Координатором его стал ИИМК, обеспечивающий согласованность деятельности наиболее крупных центральных и региональных учреждений. В то время в АН СССР работал Совет по координации, занимающийся планами археологических исследований.

Всесоюзное совещание 1945 г. выполнило важную функцию: объединение археологов после тяжелых военных лет, определение перспектив как теоретических, так и полевых исследований крупных учреждений, а также работ с коллекциями (составление каталогов). По значению этот форум можно приравнять к проводившимся до 1914 г. археологическим съездам. Преемственность эта подчеркнута в материалах совещания, изданных солидной отдельной книгой (Итоги, 1945, с. 3, 7–8). Еще один аспект значимости совещания — обозначение преемственности с центральными археологическими учреждениями Российской империи, Советской России и СССР. В 1944 г. исполнилось 85 лет с момента образования ИАК и 25 лет — РАИМК (потом ИИМК им. Н.Я. Марра). Еще очень далеко было до реабилитации российской дореволюционной археологии, но все-таки появилась некоторая веха на этом пути.

Итоги пятилетних полевых работ (1946–1950 гг.) были подведены в 1951 г. на сессии отделения истории и философии АН и пленуме ИИМК (Резолюция, 1952, с. 133–136). Тогда же были поставлены новые задачи в области теории

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и практики археологической науки, в том числе по полевым исследованиям.

Еще до ВОВ сложилась традиция проведения ежегодных пленумов археологов СССР, возобновленная после войны. Сначала они проходили в Москве или Ленинграде, потом и в других городах (Минск, 1963 г.; Баку, 1965 г.; Кишинев, 1967 г.; Львов, 1970 г.; Тбилиси, 1971 г.; Самарканд, 1973 г.; Киев, 1975 г.). Такое расширение географии продолжило традиции археологических съездов и, так же, как они, способствовало развитию археологии в регионах. Эти представительные совещания играли большую роль в развитии археологии как науки и, в частности, полевой археологии, поскольку там докладывались достижения и результаты работ в поле, шел обмен информацией и опытом (Алекшин, 1980, с. 50).

Картина, однако, была далеко не идеальной. На первом месте оказалось строительство, археология — на последнем. Ни о каких исчерпывающих исследованиях уничтожаемых памятников и даже полном обследовании территорий ни в этот, ни в последующие периоды речь не шла. Археологические работы шли параллельно со строительством в сжатые сроки, спасти удавалось немногое. Нанесенный археологическому наследию ущерб даже не поддается оценке.

В 1943 г. основное на тот момент археологическое учреждение страны — ИИМК — было переведено в Москву, в Ленинграде осталось его отделение (ЛОИИМК). Во время войны в среде археологов произошли большие кадровые потери, это не могло не сказаться на возможностях проведения полевых работ. Вместе с тем, почти параллельно с восстановлением экономики, начинается новое масштабное строительство. Это потребовало мобилизации сил археологов, начавших работы на новостройках, и поставило перед высшей школой новые задачи по подготовке специалистов.

Очень важным событием стало новое издание обобщающего пособия по археологии СССР на основе курса лекций заведующего кафедрой археологии МГУ А.В. Арциховского, впервые изданного в 1940 г. (Арциховский, 1947) и утвержденного в качестве программы по специальности «археология» в университетах. Этот курс включал сведения по первобытной, античной и средневековой археологии России, Западной Европы и Ближнего Востока. А.В. Арциховский продолжил традиции С.А. Жебелева (Жебелев, 1923), давая анализ развития науки археологии в целом. Значение этого курса еще и в том, что он утверждал место археологии в системе исторических знаний после попыток уничтожить ее как самостоятельную науку в СССР в 1930-е гг.

Важным явилось и издание в 1955 г. большого труда А.Л. Монгайта «Археология в СССР», ориентированного на широкий интерес к археологическому наследию и формирование уважительного отношения к нему общества, что является необходимым условием сохранения этого наследия (Монгайт, 1955). В дальнейшем к популяризации археологии и ее достижений многократно и весьма успешно обращаются многие археологи-профессионалы.

Методическую основу организации и проведения полевых работ и подготовки по ним отчетов для этого периода составляют инструкции к ОЛ 1939 г., затем — 1949 г. (Инструкции, 1939, 1949). Принятие в 1949 г. новой «Инструкции» связано с увеличением количества полевых работ после Постановления 1948 г. и с притоком новых специалистов, тогда как прежнее издание после потрясений военных лет едва ли было доступно. Этих документов, конечно, недостаточно: готовить специалистов к полевой работе надо не по инструкциям, а по развернутым фундаментальным пособиям. Последняя такая книга появилась в 1934 г. (Миллер, 1934). Переиздание ее, надо полагать, вряд ли было возможно, учитывая судьбу автора, репрессированного и погибшего в 1935 г. Отсутствие общих методических работ приходилось компенсировать контактом молодых с опытными археологами — полевиками довоенной школы — и частными разработками по отдельным направлениям. На некоторых из них мы остановимся.

Одним из направлений полевой археологии, значение которого возрастало постоянно, явились раскопки в исторических городах. Появилась небольшая по объему, но очень содержательная методическая статья Н.Н. Воронина, крупнейшего специалиста по архитектурной археологии, по ведению раскопа в древнерусском городе (Воронин Н.Н., 1951). Он описывает приемы археологической разведки в городах по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

средством закладки шурфов и траншей. Автор отмечает, что большие раскопки города — самый дорогой и длительный из всех видов археологических исследований. Разведки же дают материал, необходимый для воссоздания его жизни и истории. При этом приемы и методы разведки в городах должны отвечать тем же требованиям, которые предъявляются к масштабным раскопкам.

Сейчас мы бы отметили, что такая разведка позволяет установить распространение и характер культурного слоя, что есть путь к созданию охранных зон. Собственно, в исторических городах раскопки по-настоящему широкой площадью, как правило, возникают в основном при новостроечных работах. В наши дни вновь встает вопрос о шурфовке в городе в связи с хоздоговорным финансированием. Заказчик работ, прежде чем выделить средства на предусмотренные действующим законодательством раскопки, вполне справедливо требует сведения о мощности и характере культурного слоя для определения как объема финансирования, так и сроков работ.

Появление новых методов полевой археологии связано с размахом археологических исследований на новостройках. В 1953 г. Л.А. Евтюхова (заведующая ОПИ в 1966–1974 гг.) справедливо отмечала, что благодаря новостройкам в СССР создаются прекрасные возможности для полевой деятельности (Евтюхова, 1953, с. 149). Огромный объем работ приводит к необходимости их рационализации. Соблюдая неукоснительно бережное отношение к традиционной методике, необходимо использовать новые приемы, в частности, механизмы: при раскопках в городах — транспортер, скип (деревянный ящик на колесах, с откидным бортом). Цель — уменьшение сроков работ и затрат, за счет чего можно провести охранные раскопки на большем количестве памятников. Этому же посвящена статья А.Д. Столяра (Столяр, 1953). Современная методика раскопок степных курганов предложена в статье Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1952). Эти разработки стали особенно актуальными с началом массовых раскопок курганов Юга России при строительстве оросительных систем (с 1970-х гг.).

Еще одним важнейшим направлением, обогащающим археологические исследования, следует считать привлечение возможностей естественных наук. Напомним, что основы соответствующих методик были заложены еще в ГАИМК. В 1920 г. в ее составе был образован Институт археологической технологии, издававший методические труды и инструкции. Согласно «Инструкции» к ОЛ 1939 г. «должна быть учтена необходимость геологической, фаунистической и палеоботанической характеристики памятника» (Инструкция, 1939, § 32, а). То же отмечается и в «Инструкции» 1949 г. (Инструкция, 1949, § 24, б), и во всех последующих. Издание специальных инструкций по технологии взятия образцов для естественнонаучных анализов возобновляется в 1950-х гг. (Инструкция, 1951). Следует отметить и внимание к сохранению археологических (и не только) коллекций. Этому посвящено обстоятельное пособие М.В. Фармаковского «Консервация и реставрация музейных коллекций», основанное на опыте работы автора в Институте археологической технологии ГАИМК (Фармаковский М.В., 1947). Пособие издано НИИ музейной и краеведческой работы достаточно большим тиражом — 2000 экз. Такая книга была совершенно необходима для приведения в порядок музейных коллекций после войны, но она не утратила значения и сегодня.

Постановление 1948 г. активизировало разведочную деятельность. Материалы для принятия этого документа готовились в ИИМК. После его утверждения Управление охраны памятников Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР приступило к инвентаризации памятников археологии, что очень способствовало увеличению количества разведочных исследований. Так, в 1949 г. разведками В.И. Зубкова в Рязанской области обследовано 22 района, 133 памятника паспортизовано, из них 37 впервые выявлено (Лисицына, 1951, с. 165). Это очень значительный объем работ, особенно для того времени.

В то время при нехватке кадров огромная территория России не могла обследоваться на предмет выявления и изучения археологических памятников только профессионалами-археологами. Как и в 1920-е годы, важную роль играло краеведческое движение, в частности, привлечение молодежи через туристические станции. Центральной детской экскурсионно-туристиче-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ской станцией была издана брошюра, не только знакомящая подрастающее поколение с особенностями археологического наследия, но и грамотно направляющая его интерес в практическое русло, то есть, по сути, являющаяся инструкцией к проведению разведок, соответствующих ОЛ формы 3, во время туристического похода. При этом объяснялась необходимость профессиональных работ по ОЛ и недопустимость порчи памятника самостоятельными раскопками (Коровкин, 1947, с. 22–24). Указано, что разведкой и надо ограничиться, так как для раскопок обязательно нужен ОЛ, как это оговорено в Постановлении 1948 г. Появляются пособия для начинающих краеведов по поиску и описанию памятников археологии, написанные профессиональными археологами (Голубева, 1947; Бадер, 1950). Достаточно обстоятельное пособие О.Н. Бадера в какой-то мере восполняет нужду в методических руководствах, не появлявшихся после работы А.А. Миллера. О.Н. Бадер продолжает эту традицию, но включает раздел по современным реалиям – главу «Национализация и охрана археологических памятников в РСФСР» (Бадер, 1950, с. 11–15).

В рассматриваемый и последующий (1954–1964 гг.) периоды некоторую роль в организации полевых исследований играли городские и районные организации: краеведческие музеи, школы, местная администрация и т. д. Археологией часто занимались люди без специальной подготовки, получавшие на это ОЛ, обычно разведочные (формы 2 и 3). Причина притока неспециалистов заключалась не только в дефиците кадров, но и в недостаточном количестве мест, где можно было получить специальное археологическое образование. В целом специализацию давали историческое факультеты ряда университетов, но у многих краеведов какое-либо историческое образование отсутствовало. Держатели таких ОЛ делятся на две категории: одна – те, которые получали ОЛ один – два раза, отчета не сдавали и далее не работали по ОЛ (или вообще не работали в этой области); другая категория – истинно заинтересованные, те, кто работал не один год, сдавал отчеты, постепенно учился. Многие из них потом могли работать и по ОЛ формы 1.

На рубеже 1940 – 1950-х гг. вообще еще мало было специалистов, они имелись только в основном в давно существующих центральных учреждениях; Москва и Ленинград вынуждены были обеспечивать кадрами многие работы (карта 6, 6а). Еще не развернулись по-настоящему новостроечные экспедиции; до конца 1940-х гг. в выборе объекта полевых работ преобладал научный интерес. Не оправились после репрессий и потрясений военных лет многие региональные организации и коллективы археологов. С начала 1950-х гг., когда потребовались усилия на новостройках, экспедиции опять же организовывали специалисты из Москвы и Ленинграда, но подключались уже и археологи из регионов. В связи с нехваткой кадров ОЛ выдавался с очень большим географическим диапазоном. В один ОЛ вписывался не только весь регион, но и иногда и несколько регионов без конкретизации памятника и района работ. Особенно «общие» ОЛ были у начальников крупных экспедиций: А.П. Смирнова, К.Ф. Смирнова, О.Н. Бадера, А.П. Окладникова и других. Не всегда также указан памятник, на котором предполагались раскопки, но обязательно обозначен вид работ. Вместе с тем в книгах регистрации выдачи ОЛ начали отмечать цели работ, например, строительство ГЭС.

Объяснение такой непривычной в наше время неточности в ОЛ следует искать именно в малом количестве археологов: один специалист фактически курировал большую территорию и значительное количество памятников, находившихся в области его научных интересов. Впоследствии это не лучшим образом сказалось на научной этике. Некоторые археологи начинали воспринимать и памятники, и находки как своего рода научную «вотчину» и старались держать ее под контролем, не допуская коллег до работы с материалом, по крайней мере – до его публикации, что иногда затягивалось на годы (Кореняко, 2004).

В 1946–1953 гг. существовало всего 8 категорий организаций, проводивших полевые исследования (рис. 9,*2*) – не было специализированных органов охраны и всевозможных государственных центров, объединений и тому подобных учреждений, создававшихся позже преимущественно для коммерческих работ. Наблюдается абсолютное преобладание учреждений АН СССР – 46,4 %. Это не удивительно, поскольку

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

именно центральные институты в Москве и Ленинграде и тогда, и позже были более всего обеспечены кадрами и бюджетным финансированием. Академия вела работы практически во всех регионах, где они вообще происходили. В основном это ИА и ИИМК; региональные отделения в то время имелись в Башкортостане, Татарстане, Дагестане, Карелии и Коми.

На втором месте по объему полевых исследований находились музеи – 28,5 %, на третьем – вузы (17,2 %), на четвертом – региональные научно-исследовательские учреждения (5,1 %). Очень небольшую долю составляли местные органы власти, выполнявшие фактически функции органов охраны – 0,9 %. Полевые работы вели и негосударственные организации, например, Географическое общество СССР, Общество испытателей природы – 0,1 %. Несколько больше участвовали реставрационные учреждения – 0,4 %. Деятельность «прочих» организаций еще заметнее – 1,4 %.

Распределение ОЛ между организациями по формам дает следующую картину (рис. 10,*2*). В инструкции к ОЛ формы 4 еще не было. У трех категорий преобладает форма 1. При этом разведки и раскопки в один ОЛ вписываются редко, выдаются отдельные разведочные листы. Один археолог часто работает по нескольким ОЛ. Относительно малая доля разведок – плохой показатель развития полевой археологии. Это означает, что предварительные исследования в зонах новостроек (а это и есть основные работы того времени) почти не производились: из-за сжатых сроков надо было срочно раскопать уже известные памятники. Те же, кто работал в небольших экспедициях, предпочитали раскопки по научным интересам. Только начавшаяся инвентаризация несколько улучшала положение. Ею занимались как раз в основном местные региональные организации: НИИ, музеи, вузы и «прочие». Музеи проводят больше разведок, чем академические институты, вузы – меньше, но не намного.

В 1946–1953 гг. полевые работы проводились всего на территории 81 региона и в Крымской области, входившей до 1954 г. в состав РСФСР. Имеется в виду, как уже говорилось, современное деление. Если же учитывать административное деление, существовавшее тогда, то регионов было значительно меньше (Атлас, 1954). Не выделялись Москва и Санкт-Петербург (на него в то время и нет ни одного ОЛ), Белгородская область не была отделена от Курской и Воронежской, Липецкая – от Рязанской. Магаданская область, Еврейская АО, Чукотский АО входили в состав Хабаровского края. С 1944 по 1957 г. по причинам политического характера были ликвидированы республики Ингушетия и Калмыкия, их территории так же, как и земли карачаевского и балкарского народов, были переданы другим регионам. Тем не менее, установить место проведения полевых работ можно по тексту ОЛ и различным публикациям.

О том, насколько мал, по сегодняшним меркам, был объем полевых работ в РСФСР до середины 1960-х гг., можно судить и по тому, что общий их обзор умещался в одну статью – ежегодный отчет ОПИ (Лисицына, 1951, 1952, 1953, 1955, 1956а,б, 1957, 1958а,б, 1959а,б, 1960, 1961, 1962а,б, 1965; Шелов, 1947, 1949, 1950, 1951, 1953б). В это же время были выданы ОЛ и на исследования в других республиках СССР: Белоруссии, Грузии, Молдавии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Эстонии (рис. 5). Степень исследованности регионов разная. По этому показателю можно выделить 4 группы (рис. 37–40, карта 1).

Самую многочисленную группу составляют 46 регионов – 55 % от числа всех, где велись полевые работы. Они освоены в отношении полевой археологии очень слабо, на каждый регион приходится не более 7 исследований за весь период. По преимуществу, это Север Европейской части, Урал, Сибирь и Дальний Восток, хотя сюда же попали и многие регионы Центра, Поволжья и Юга, ныне прекрасно изученные. В значительной части малоосвоенных регионов условия для проведения работ трудные, полевой сезон короткий. Хозяйственное их освоение начнется гораздо позже, поэтому новостроечных экспедиций там еще нет. Единичные работы отражают сугубо научный интерес отдельных археологов. Стимулов к развитию полевой археологии для центральных академических организаций тоже пока практически нет, а региональные еще не активны или совсем отсутствуют (карты 6, 6а). Некоторые учреждения все же понемногу работают:

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Красноярский ГПИ, Калужский, Минусинский, Амурский, Оренбургский, Пензенский, Тувинский, Череповецкий, Хакасский и Чукотский краеведческие музеи, Кудымкарский музей (Коми-Пермяцкий АО), Коми филиал АН СССР, Марийский, Карачаево-Черкесский, Северо-Осетинский, Чеченский региональные НИИ. По сути, в связи с общей малочисленностью археологов и организаций, для этого периода как центры отмечены малоизученные регионы, где есть хоть одна своя организация, получившая ОЛ. Как видно, это по преимуществу музеи. То же наблюдается и для ряда лучше изученных регионов. Большая доля музеев в данный период не удивляет.

Рассмотрим группы более освоенных регионов. На первую приходится от 14 до 5 исследований в год. Это всего 5 регионов, 6 % от общего числа тех, где были работы (рис. 38). Лидирует Крымская область. Здесь работает созданная в 1948 г. Крымская база АН СССР, вскоре преобразованная в Крымский филиал АН (руководитель отдела истории и археологии Крыма П.Н. Шульц), а также Бахчисарайский музей пещерных городов, Керченский и Херсонесский музеи; из центральных учреждений — в равной степени ИА, ИИМК, ГИМ, ГЭ. Работы велись плановые, по научным направлениям. Множество работ в Крыму связано с традиционным интересом российских археологов к расположенным здесь античным памятникам (в данный период в основном работы ИА). Вместе с тем начинается изучение палеолитических стоянок, пещерных средневековых памятников. В Крыму в то время работали археологи В.Д. Блаватский, И.Б. Зеест, И.Т. Кругликова, В.В. Кропоткин, А.А. Формозов (ИА); Е.В. Веймарн, Н.В. Пятышева (ГИМ); В.Ф. Гайдукевич (ИИМК); Г.Д. Белов, М.М. Худяк (ГЭ) и другие. Некоторые из них после 1954 г. обратились к исследованиям в Краснодарском крае.

Этот регион уже тогда является вторым по степени изученности. Назовем некоторые направления работ. Здесь пока преобладает интерес к античным памятникам (можно назвать работы Д.Б. Шелова, М.М. Кобылиной, А.С. Башкирова и ряда перечисленных выше специалистов по античности). В 1952–1953 гг. вел раскопки Таманского городища (Тмутаракани) Б.А. Рыбаков (АЭ, 1962, с. 192–193). В Краснодарском крае и Адыгее работал А.А. Иессен (ИИМК). В 1947–1948 гг. Кубанская и Кубанско-Дагестанская экспедиции ИА (под руководством Е.И. Крупнова) исследовали памятники раннего железного века. Уже в это время довольно значительна деятельность Краснодарского музея. Ежегодно по одному-двум ОЛ идут исследования меотских древностей (Н.В. Анфимов). Еще рано говорить о сложении краснодарской региональной школы, поскольку подавляющее большинство исследований проводятся московскими и ленинградскими организациями, но предпосылки к этому, безусловно, складываются.

Традиционен интерес к памятникам Московской области, занимающей третье место в общем рейтинге. Работ здесь много, они весьма разнообразны. Высокая степень исследованности, конечно, определяется насыщенностью специалистами и их активностью (ИА, МГУ, ГИМ, Московский областной музей и иные). Экспедиции в основном небольшие, но их много. Работают Д.А. и Г.А. Авдусины, В.М. Раушенбах, М.Г. Рабинович, И.К. Цветкова и другие. В 1946 г. ИА и Музей истории Москвы начинают и работы на новостройках в Москве. Создана постоянная Московская экспедиция ИА под руководством М.Г. Рабиновича, потом А.Ф. Дубынина — наиболее крупная в Московском регионе в то время, одна из первых новостроечных экспедиций после войны (АЭ, 1962, с. 143–144; Рабинович, 1951). Этим было положено начало ныне столь распространенным регулярным работам на строительстве в городах (до ВОВ единственным эпизодом были работы на строительстве Московского метрополитена).

Важнейшим стимулом к возникновению пермской региональной школы также явились полевые исследования на новостройках. В 1947–1953 гг. и позже в зоне Камской ГЭС работает Камская экспедиция (КАЭ) Молотовского (ныне Пермского) университета и ИА под руководством О.Н. Бадера (Бадер, 1953, 1956, Мельникова, 2003а, с. 111–124). Уже в этот период пермская региональная школа становится одной из сильнейших в России. Остановимся кратко на некоторых аспектах.

Предпосылкой явилось открытие в 1916 г. Пермского отделения Петроградского универси-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тета, преобразованного в 1917 г. в самостоятельный Пермский университет, и музея при нем. Однако до середины 1940-х гг. изучение археологических памятников Прикамья производилось местными исследователями выборочно, без какого-либо плана. Ситуация полностью изменилась после переезда в Пермь из Москвы в 1946 г. основателя школы О.Н. Бадера и создания в Пермском ГУ специализации по археологии под его руководством. Следующие вехи – проведение в 1947 г. Первого Уральского археологического совещания, объединившего археологов, занимавшихся памятниками Урало-Поволжья, и организация КАЭ (Мельникова, 2003а). В рамках новостроечной (по сути, но не полностью – по финансированию) экспедиции удалось впервые наладить комплексное изучение огромной территории, обеспечить сотрудничество организаций нескольких регионов, включая Москву. Камская экспедиция под руководством А.В. Шмидта работала и в 1932– 1937 гг. на обследовании памятников в зоне строительства Пермской ГЭС (Обыденнова, 2002, с. 58). Это, безусловно, подготовило почву для возникновения пермской школы.

С 1945 г. проводится обследование территории республики Татарстан силами Казанского филиала АН (Обыденнова, 2002, с. 68). В 1950–1955 гг. работает Куйбышевская экспедиция (4–5 отрядов) ИА под руководством А.П. Смирнова (АЭ, 1962, с. 116–118; Смирнов А.П., 1950, 1952, 1953, 1954). Итоги работ регулярно публикуются, причем не только держателями ОЛ. В экспедиции работают специалисты разных направлений и из разных учреждений. З.М. Паничкина (ГЭ) занималась палеолитическими памятниками. А.В. Збруева (ИА) исследовала памятники раннего железного века и поселения эпохи поздней бронзы. Н.Я. Мерперт (ИА) возглавил курганный отряд. Сам А.П. Смирнов руководил работами на средневековых памятниках. Кроме ИА и ГИМ были привлечены Государственный музей Татарской АССР, НИИ Казанского филиала АН, Куйбышевский (Самарский) областной музей, другие региональные организации. Работают археологи из регионов: Е.М. Ефимова, Н.Ф. Калинин, А.Х. Халиков и др. С этого времени начинается сложение региональной школы в Татарстане.

Принцип создания комплексной археологической экспедиции входит в практику с этого времени как раз в новостроечных экспедициях – Камской, Куйбышевской, Волго-Донской, Таманской, Молдавской, что отмечено в программной статье о задачах археологии, появившейся, как тогда было принято, в связи с проведением в 1952 г. XIX съезда КПСС (Шелов, 1953а, с. 10). Там же сказано, что «методика полевых исследований за редким исключением отвечает требованиям современного развития науки». Еще одна содержавшаяся там очень важная мысль: о необходимости активизировать археологическую работу в регионах, привлекать краеведов, создавать местные музеи, а главное – целенаправленно готовить в регионах археологические кадры. В отношении поволжских регионов это реализовалось блестяще. Впоследствии возникли сильные и многочисленные коллективы археологов, научные школы. Можно сказать, что работа в комплексных новостроечных экспедициях ИА сыграла в этом решающую роль. Региональные археологи вначале получали ОЛ по заявкам ИА, потом начинали вести множество самостоятельных экспедиций.

Вторую и третью группы (12 % и 27 % от всех исследованных) составляют регионы, на которые приходится не более трех и не менее одного ОЛ в год (рис. 39, 40). Работы в них частью также связаны с новостройками. Лишь в нескольких регионах второй группы можно увидеть начало сложения региональных школ, даже если степень исследованности самого региона низкая. Так происходит в Дагестане благодаря организациям Академии наук: в 1947 г. там работает уже упомянутая Кубано-Дагестанская экспедиция ИА; с 1951 г. ОЛ начинает получать ИИАЭ Дагестанского филиала АН (В.Г. Котович, М.И. Пикуль). Стоит отметить и начало такого вида работ, как охранные раскопки в зонах строительства оросительных систем, которые по-настоящему развернутся гораздо позже. Сейчас это работы Прикаспийской экспедиции ИА под руководством Е.И. Крупнова в зоне Терско-Кумской ОС совместно с Грозненским музеем (АЭ, 1962, с. 193–194; Крупнов, 1954, с. 95–106). Они немало способствовали развитию полевой археологии в кавказских регионах.

В Ставропольском крае практически все рабо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ты выполнены региональными организациями: Ставропольским краеведческим музеем, музеем и пединститутом в Пятигорске. Из центральных организаций лишь в 1952 г. работал Е.И. Крупнов (ИА), в 1947 г. и 1950 г.— А.А. Иессен (ИИМК). Такая же ситуация и в Смоленской области, где весьма активен Смоленский музей (Е.А. Шмидт) и краеведческие учреждения из категории «прочие». Экспедиция МГУ работала в области с 1949 г. Почти все работы в Ивановской области провел Ивановский краеведческий музей и пединститут (А.Ф. Дубынин, Е.Н. Ерофеева). В Рязанской области наряду с ИА (А.Л. Монгайт) проводил полевые исследования Рязанский музей и некоторые другие региональные организации.

Одной из самых крупных для того времени (1949–1951 гг.) была Волго-Донская экспедиция ИИМК (М.И. Артамонов, А.А. Иессен, И.И. Ляпушкин). Исследовались памятники разных эпох в Ростовской области в зонах строительства Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища (АЭ, 1962, с. 171; Лисицына, 1953, с. 132–133). ИИМК провел половину всех работ в регионе. Вторую половину исследований провели ростовские археологи, прежде всего — Г.А. Иноземцев. С 1943 г. в Ростовском ГУ есть специализация по археологии (Археология, 2005, с. 5). Кроме Ростовского ГУ в полевых исследованиях принимают участие и другие региональные организации: Ростовский краеведческий музей, Музей истории донского казачества. Начинает формироваться ростовская региональная археологическая школа.

С 1948 г. получает ОЛ Воронежский ГУ и с 1950 г.— пединститут. Еще до войны были заложены основы воронежской археологии. Здесь работали крупнейшие специалисты по палеолиту из Ленинграда — С.Н. Замятнин, П.П. Ефименко. После войны сложение региональной школы произошло под руководством А.Н. Москаленко. Велик вклад и других археологов региона (Пряхин, 1988, с. 21–25). И в дальнейшем степень исследованности Воронежской области всегда будет высокой.

В 1951 г. начинаются работы Сталинградской экспедиции на строительстве Сталинградской (ныне Волжской) ГЭС под руководством Е.И. Крупнова (1951–1952 гг.) и К.Ф. Смирнова (1953–1955 гг.). Работает ежегодно до четырех отрядов. С 1952 г. в составе экспедиции действует палеолитический отряд под руководством С.Н. Замятнина (АЭ, 1962, с. 184–186; Мерперт, Смирнов К.Ф., 1961). В рамках этой экспедиции для работ в Саратовской и Сталинградской (ныне Волгоградской) областях привлекались региональные организации: Саратовский музей и Саратовский ГУ (Синицын, 1953). Саратовский краеведческий музей, ГПИ и ГУ (И.В. Синицын, П.Д. Степанов) вели работы также в Астраханской, Нижегородской, Ульяновской областях, в Мордовии и Чувашии. Можно сказать, что Саратовская область на данном этапе — один из самых активных регионов, хотя сама она высоким показателем степени исследованности не характеризуется (карты 6, 6а; рис. 40).

Во вторую группу входят Новгородская и Нижегородская области. В первой работает Новгородская экспедиция МГУ и ИА, основанная А.В. Арциховским еще в 1932 г. (АЭ, 1962, с. 32, 115, 155, 180, 188). Все ОЛ за этот период выданы по заявке ИА Б.А. Колчину, А.Л. Монгайту, В.В. Седову. Уже в этот период треть работ в области приходится на Новгородский музей (Б.К. Мантейфель и др.). Исследования в Нижегородской области распределяются поровну между ГИМ (И.К. Цветкова, М.В. Фехнер) и региональными организациями, в основном, как ни странно, из категории «прочие». Так что о региональной школе речь пока не идет.

В 1949–1950 гг. произведены раскопки остатков фабрики М.В. Ломоносова и его бывшей усадьбы (XVIII в.) в Усть-Рудице Ленинградской области (В.В. Данилевский). Это первые планомерные полевые работы на совсем позднем, по археологическим меркам, памятнике. Ленинградская область в это время, как ни странно, отнюдь не входит в число лидеров, несмотря на наличие в Ленинграде крупнейших профильных учреждений, начиная с ИИМК. Интересы ленинградских археологов лежат вне ее: античные памятники, палеолит Центра и Юга России, новостройки Подонья, Нижнего Поволжья и Сибири.

Можно говорить о формировании региональной школы в Свердловской области, поскольку большую часть полевых работ выполняют региональные организации: Уральский университет, Нижнетагильский музей (Е.М. Берс, К.В. Сальников, Н.П. Кипарисова и др.). Там же проводят

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

исследования ИА и ГИМ. Свердловские археологи уже тогда много работают в сопредельных регионах.

Предпосылки возникновения археологических школ в Сибири имелись еще до ВОВ, в 1920–1930-е гг. Однако в период политических репрессий и реорганизаций, шедших по всей стране, исследовательские центры в Иркутске, Томске и Красноярске были практически уничтожены. Это надолго затормозило развитие археологии Сибири, в том числе и полевой (Китова, 2007, с. 68–70). Восстановление стало возможным только после ВОВ и шло медленно. Немалую роль в этом сыграл импульс извне: начало строительства ГЭС на сибирских реках и, в связи с этим, организация в ИИМК больших новостроечных экспедиций, к работам в которых привлекались не только археологи из Ленинграда и Москвы, но и из разных сибирских городов. В послевоенные годы также началось составление археологических карт областей (Матющенко, 2001, т. 1, с. 167).

В 1951 г. начинаются работы Ангарской экспедиции ИИМК под руководством А.П. Окладникова на строительстве Ангарской ГЭС (АЭ, 1962, с. 187). Кроме ИИМК привлекались: Институт культуры Бурят-Монгольской АССР, Иркутский и Бурят-Монгольский краеведческие музеи. Этими и другими исследованиями начинается полноценное археологическое освоение Сибири при участии центральных и региональных учреждений. Кроме перечисленных это Красноярский, Абаканский, Минусинский, Томский музеи (Дэвлет, 1969, с. 32–42, Краснов, 1980, с. 58–68). Работала также Северо-Алтайская экспедиция ИИМК и ГЭ (в 1946–1949 гг.– Дэвлет, 1969, с. 40).

В 1952–1954 гг. исследованием уничтожаемых памятников в зоне строительства Новосибирской ГЭС занималась Новосибирская экспедиция ИИМК под руководством М.П. Грязнова (АЭ, 1962, с. 194). В Иркутской области и Хакасии трудились и центральные, и региональные учреждения, часть работ связана с новостройками. Можно говорить о начале функционирования региональной школы в Иркутской области: с 1950 г. ОЛ получает Иркутский краеведческий музей, в 1949 г.– университет (после чего, правда, следует перерыв до 1955 г., потом работы идут постоянно).

В Хакасии ведутся в основном раскопки, в частности, Саяно-Алтайской экспедицией ИА и ГИМ (АЭ, 1962, с. 163). Исследован дворец гуннского времени близ Абакана (С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова). Кроме ИА и Абаканского музея с 1950 г. в регионе начинаются работы МГУ (Л.Р. Кызласов).

Самостоятельный региональный центр начал складываться, или, скорее, возобновился, уже с рубежа 1940–1950 гг. в Томской области (Матющенко, 2001, т. 1, с. 119–123). С 1946 г. проводит экспедиции Томский университет (К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, В.И. Матющенко, Е.М. Пеняев, Р.А. Ураев). Впоследствии это один из самых активных вузов страны (рис. 11), при котором уже тогда существует Музей истории материальной культуры – специализированное музейное подразделение в системе вуза, получающее ОЛ. С 1950 г. также получают ОЛ археологи в Кемеровской области (М.Г. Елькин, У.Э. Эрдниев).

Показатель полевой активности по сибирским регионам в реальности должен бы быть выше. Как видно, размах полевых исследований огромен, но ОЛ на сибирские регионы выдается в это время удивительно мало. Такое положение связано с тем, что получают их в основном начальники экспедиций, а не отрядов, в то время как, например, в Куйбышевской экспедиции их получают все исследователи, ведущие самостоятельные работы. А на всю Новосибирскую экспедицию, работающую несколькими отрядами, ОЛ – только у ее начальника М.П. Грязнова.

Традиция ограничения заявок на ОЛ (отнюдь не поощряемая ОПИ) сохраняется и позже. Наблюдается это еще в ряде экспедиций, не только сибирских. Так, Прикаспийская экспедиция ИА работает с 1952 г. совместно с Грозненским музеем краеведения. Несмотря на участие археологов разных учреждений, ОЛ имеется только у начальника экспедиции Е.И. Крупнова. В современных инструкциях к ОЛ такая практика признана недопустимой: на самостоятельные работы (хотя бы и в рамках одной экспедиции) обязательно следует запрашивать ОЛ. На крупные объекты сейчас выдаются дублирующие ОЛ.

Видно, что в 1946–1953 гг. более всего экспедиций в разных регионах страны проводится специалистами из Москвы и Ленинграда. По боль-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

шей части их организуют ИА и ИИМК. Если разграничить области их интересов, можно констатировать, что для ИИМК, помимо Северо-Запада РСФСР и палеолита Кавказа и Предкавказья, это Сибирь и Дальний Восток. В ряде регионов Поволжья и Центральной России работы ИИМК проводятся только на памятниках каменного века. Сфера деятельности ИА шире: практически вся Европейская часть РСФСР, Кавказ и Предкавказье, в гораздо меньшей степени Западная Сибирь, Хакасия и Тува.

Для периода характерна большая роль музеев Москвы, Ленинграда и региональных. Во многих регионах именно они проводят значительное количество работ и стоят у истоков региональных школ. Уже в этот период начинается формирование некоторых центров региональной археологии. Иные активны, но только в своем регионе (Иркутская, Томская, Ростовская области, Татарстан и др.). Другие начинают работы и в соседних (особенно центры в Пермской, Саратовской, Свердловской областях). Пока центров, конечно, мало: в большинстве регионов, даже неплохо изученных, их сложение еще и не началось. Положение стало меняться к лучшему в последующий период.

2. Полевая археология в 1954–1964 годах

В общеисторическом плане эти годы — время интенсификации экономического развития многих регионов (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 507–511). Достаточно вспомнить освоение целины, сооружение крупнейших ГЭС в Сибири. Начинается быстрое жилищное строительство в городах (это стимулирует развитие городской археологии). Всем, разумеется, известны и отрицательные явления в экономике и политике, следствия непродуманных решений. Но для полевой археологии важен общий подъем, определяющий потребности в освоении новых (в археологическом отношении) или слабо изученных территорий. Ставятся новые задачи, появляются новые возможности. С конца 1950-х до конца 1960-х гг. в СССР государственные вложения в науку в целом выросли почти в 12 раз, численность научных работников увеличилась в 6 раз и составила четвертую часть всех ученых мира. Новая политика государства затронула и высшую школу. Количество вузов значительно увеличилось (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 504–505). Эти процессы коснулось и археологии — появился ряд новых академических учреждений, ставших вскоре крупными центрами полевых исследований (прежде всего в Сибири и на Дальнем Востоке). В 1957 г. находящийся в Москве ИИМК был переименован в Институт археологии (ИА) АН СССР с Ленинградским отделением (ЛОИА).

Расширились и издательские возможности (Мунчаев, 2000, с. 9). С 1937 по 1957 г. ИИМК-ИА публиковал сборники «Советская археология». В 1957 г. на базе этого издания был создан ежеквартальный журнал «Советская археология» (СА), в 1992 г. переименованный в «Российскую археологию» (РА). В 2007 г. это основное общероссийское периодическое издание по археологии отметило свое пятидесятилетие. Также с 1939 г. продолжалось издание «Кратких сообщений Института истории материальной культуры» (КСИИМК, с 1957 г.— КСИА). Это издание также включало публикации отнюдь не только сотрудников ленинградского и московского институтов.

Появление новых вузов (в гуманитарном направлении преимущественно педагогических институтов) расширило возможности получения археологического образования и довольно резко усилило приток специалистов (рис. 6). С 1961 г. в них введено преподавание археологии как специальной дисциплины. Вузы начинают играть более значительную роль в полевых исследованиях, с их появлением процесс возникновения региональных школ, безусловно, активизируется (рис. 9,3, карты 7, 7а).

Потребность в привлечении профессионалов-археологов оставалась очень острой, так как количество необходимых полевых работ в связи с возрастающей хозяйственной активностью непрерывно увеличивалось. Это в очередной раз поставило новые задачи перед высшей школой: нужны были новые учебники и программы. И здесь, как и в предыдущий период, ведущие позиции занимал Московский университет. В 1954 г. вышло первое издание учебника А.В. Арциховского «Основы археологии». В 1955 г. он был переиздан (Арциховский, 1954, 1955). Книга, в отличие от учебника того же ав-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тора 1947 г., посвящена только археологии СССР. Значение ее для полевой археологии непреходяще. Она знакомила широкий круг начинающих специалистов с различными историческими эпохами и культурами, позволяла им научиться понимать, что за памятники им предстоит изучать.

В 1959 г. вышел учебник по полевой археологии профессора МГУ Д.А. Авдусина «Археологические раскопки и разведки» (Авдусин, 1959). По нему обучалось приемам полевой работы не одно поколение российских археологов. Учебник продолжил общую традицию практических пособий по полевой археологии, идущую от Д.Я. Самквасова, А.А. Спицына и В.А. Городцова. Хотя автор и тогда, и в последующих изданиях (Авдусин, 1972, 1980) указывал на недостатки методики последних и следовал принятой традиции принижения значения дореволюционной археологии, он в доступной форме и исчерпывающе (на тот момент) объяснил приемы и методы полевой работы. В условиях все увеличивающегося количества полевых исследований, развития региональных школ и притока молодых специалистов необходимо было научить их правильно работать в поле, чтобы не портить памятники, извлекать максимум информации и сохранять материал. Напомним, что последняя фундаментальная работа такого рода появилась в 1934 г. (Миллер, 1934). В 1946–1953 гг. таких изданий не было.

Крупные специалисты постоянно работали над совершенствованием полевой методики раскопок отдельных типов памятников и над распространением этого опыта. По инициативе ОПИ были составлены и тиражированы методические брошюры по методике раскопок грунтовых могильников (Грязнов, 1961) и торфяниковых стоянок (Брюсов, 1963). Опыт работы в области архитектурной археологии отражен в «Памятке по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках» (Раппопорт, 1961).

Со второй половины 1950-х гг. развивается совсем новый вид археологических изысканий – подводная археология. Первый ОЛ на исследования в Керченском проливе был выдан В.Д. Блаватскому в 1957 г. Спустя несколько лет появятся и методические руководства с обобщением результатов работ в Черном море (Блаватский, 1965; Петерс, 1965). Впоследствии подводные работы будут проводиться не только на античных, но и на средневековых памятниках, распространятся на северо-запад России и на Каспий.

Продолжались и изыскания в области археологии позднего времени. В 1956 г. Институт истории естествознания и техники АН СССР провел разведку на территории Тульских (Городищенских) заводов (Н.Н. Стоскова). Установлено местонахождение первых доменных заводов в России, составлена карта (Лисицына, 1959, с. 125–126).

Появляются новые инструкции по обеспечению применения естественнонаучных методов, составленные специалистами ИА (Сборник, 1960) и включающие такую «экзотику» для полевой археологии предыдущих времен, как радиоуглеродный метод датирования, споро-пыльцевой анализ и т. д. Новые исследовательские возможности получили широкое применение уже на рубеже 1950–1960-х гг. (геофизические методы разведки, подводные работы, аэрофотосъемка). Развиваются и методы датирования и специальных аналитических исследований. В 1960 г. ИА-ИИМК созданы занимающиеся этими направлениями специальные группы. Инициатором и организатором этого процесса был Б.А. Колчин (Черных, 2000, с. 203). В 1963 г. состоялось Всесоюзное совещание, посвященное применению в археологии методов естественных и технических наук (Методы, 1963). И здесь роль методики собственно полевой археологии трудно переоценить, так как она находится в прямой связи с качеством образцов для естественнонаучных исследований (привязка к слоям, археологическое датирование).

В 1958 и 1963 г. приняты новые инструкции к ОЛ (Инструкции, 1958, 1963). Это обусловлено увеличением объема полевых исследований вообще и развитием новостроечных работ, имевших свою специфику в сроках и объеме. Следовало выделить их из массы обычных плановых работ. К тому же, в связи с формированием региональных археологических школ увеличился приток молодых специалистов, многие из которых начинали свою профессиональную деятельность именно с новостроек, так что сфера применения ОЛ формы 4, до этого просто отмечавшейся в книгах регистрации, но не имевшей

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

официального статуса, существенно расширилась. Это же относится и к ОЛ формы 2, поскольку значительная часть работ по ним была связана с землеотводами под строительство. Больше стало и неспециалистов-краеведов, восполнявших недостаток профессионалов. В новых инструкциях было введено само понятие — «форма ОЛ» и определены виды работ, соответствующие каждой форме. Официально появились форма 4 и вид работ — «охранное обследование и раскопки».

Однако до четкости современного стандарта регламентации было еще далеко. ОЛ по-прежнему часто выдавался на раскопки в регионе без указания памятника (правда, район работ вписывался практически всегда). Это давало исследователю слишком расплывчатые и широкие полномочия по одному ОЛ. Последнее часто приводило к «закопушкам»: чтобы получить более значительный материал, исследователь стремился малыми площадями раскопать побольше памятников, благо ОЛ это позволял. Памятнику, таким образом, наносился ущерб, иногда очень существенный, если впоследствии начиналась эрозия почв или грабительские раскопки на месте археологических.

Привычной нам формулировки — «раскопки и разведки» — для формы 1 практически нет, так как «Инструкция» 1963 г. (Инструкция, 1963) предполагала для нее только одну формулировку — «раскопки» (до 1971 г., когда вписывание двух видов работ в один ОЛ становится нормой). Но при этом отдельных разведочных ОЛ по формам 2 и 3 по отношению к общему количеству у всех категорий организаций мало (рис. 10,*3*).

Распределение ОЛ по формам в соответствии с видом работ еще не устоялось. Так, согласно записи в книге регистрации, форма 4 выдана на разведки учителю местной школы (Волгоградская область): возможно, предполагались небольшие вскрытия, но это не оговорено. В 1960–1961 гг. дается «право вскрытия небольшого количества курганов» по ОЛ формы 2. Как мы знаем, инструкциями уже давно запрещено вскрытие курганов в процессе разведки, поскольку нормальный раскоп даже небольшого кургана превышает площадь разведочных шурфов, а копать курганы «колодцем» давно не принято.

Несколько ОЛ формы 4 выдано на раскопки курганов без указания количества последних. Зато обязательно указано, что памятник разрушающийся, иногда отмечается еще и чем. Например, первый раз упоминаются работы на строительстве оросительной системы и железной дороги. Появляются и ОЛ на «разведки и раскопки» по форме 2, причем с оговоркой, что это позднесредневековое кладбище (разведки в зоне Братской ГЭС). Выдаются также ОЛ по форме 2 на «разведки и раскопки» вместо формы 1, если речь идет о «праве вскрытия нескольких поздних курганов». Это показатель определенного менталитета — поздним памятникам в то время не придавали значения археологического источника. Сейчас же сферу археологических исследований, согласно мировой практике, распространяют уже и на XIX век.

ОЛ формы 4 получают молодые специалисты (наблюдается связь между первым упоминанием исследователя в книгах регистрации и формой ОЛ) или исследователи из регионов, не имеющие профессиональной подготовки. На охранные работы, включая новостройки, давно работающие археологи продолжают получать форму 1. Мы уже отмечали (гл. 4, разд. 3), что складывается стереотип восприятия работ по форме 4 как неполноценных и непрестижных. Форма 4 выдается и на работы, связанные с архитектурной реставрацией — «наблюдение за шурфами», как указано в книге регистрации. То есть пока допускается и не современная технология — копает не археолог, а реставратор. Археолог только наблюдает. Но есть и полноценные архитектурно-археологические раскопки.

Форма 4 тоже может быть выдана не на конкретный памятник, а на весь район работы в регионе, особенно для крупных новостроечных экспедиций. Напрашивается вывод о том, что более важен район работ, чем сам памятник. Местным органам власти важно знать, уполномочен ли человек находиться в определенном районе, а что он там делает конкретно с памятниками — вопрос его личной компетенции. Это отражает зачаточное состояние системы охраны памятников в регионах и, вместе с тем, особенность тоталитарного режима — контроль за передвижениями и местонахождением человека.

Участие категорий организаций в полевых исследованиях рассматриваемого периода пред-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ставлено на рис. 9,3. Видно, что доля Академии наук несколько сокращается по сравнению с предыдущим временем – с 46,4 % до 42,8 %. Ее место начинают занимать региональные организации. Но и в самой этой категории акценты меняются – возрастает активность региональных институтов. С 1957 на Севере Европейской части России работает ИЯЛИИ Коми НЦ АН. Увеличивается количество региональных учреждений Сибирского и Дальневосточного отделений Академии, ведущих полевые работы во многих регионах (карта 7). Крупный центр возник в Новосибирске. С 1962 г. получает ОЛ Институт экономики и организации промышленного производства СО; в 1961 г. в его составе образован сектор истории (Институт, 2006, с. 8). С самого начала существования академический центр в Новосибирске становится основной научной и полевой базой в исследовании сибирских и в значительной степени дальневосточных регионов. В 1954 г. появился Отдел истории археологии и этнографии при Президиуме Дальневосточного филиала АН СССР (Шавкунов, 2001, с. 96), получавший ОЛ с 1956 г. С 1962 г. получает ОЛ Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала СО АН. С 1957 г. проводит полевые исследования в Сибири и на Дальнем Востоке ЛОИЭ АН.

Доля музеев сокращается, правда, пока незначительно: с 28,5 % в 1946–1953 гг. до 26,1 % в 1954– 1964 гг. Происходят те же процессы, что и в Академии наук, но еще более выраженные. Количество крупных и совсем маленьких музеев, организующих экспедиции, увеличивается с 58 в 1946–1953 гг. до 85 в рассматриваемый период. Это происходит за счет регионов, хотя роль центральных музеев, прежде всего – ГИМ и ГЭ, по-прежнему велика.

Растет доля региональных научно-исследовательских учреждений (вне Академии наук) и в еще большей степени вузов, включающихся в полевые исследования (6,3 % и 19,2 % соответственно). Региональные НИИ особенно активны в национальных республиках Поволжья (Удмуртия, Марий ЭЛ, Мордовия, в меньшей степени Чувашия). Это, очевидно, происходит под влиянием пермской региональной школы.

Появляются (правда, в ничтожном количестве) органы охраны. В 1956 г. полевые работы начинает вести соответствующая организация в Новгороде, за счет нее появляется микроскопическая на общем фоне доля – 0,1 %. Встречаются также заявки от райсоветов, управлений и отделов культуры, то есть от местной администрации (Московская, Вологодская, Рязанская, Мурманская, Ивановская области, Алтайский край). Их доля – 0,5 %. Чуть больше, по сравнению с предыдущим периодом, появляется работ негосударственных организаций, среди которых Московское общество испытателей природы, методические советы по охране памятников ряда областей (это не официальные органы охраны, а общественные организации). Особенно заметно увеличение доли специализированных реставрационных организаций – более четырех раз, до 1,7 %. Это обеспечено деятельностью одного учреждения – Центральных научно-реставрационных проектных мастерских в Москве, где работали археологи (М.Х. Алешковский, Д.А. Беленькая, В.И. Матвеева, Г.Ф. Никитина, Н.С. Владимирова и другие).

В этот период отмечается участие еще большего количества «прочих», то есть не специализированных организаций: районных, городских и поселковых краеведческих музеев, школ, РОНО. Их доля возросла более чем в 2 раза – до 3,1 %. Некоторые краеведы и учителя работают годами, участвуют в крупных экспедициях. Это свидетельствует о том, что, во-первых, специалистов по-прежнему не хватает, во-вторых, о том, что при увеличении их выпуска в вузах рабочих мест для них совсем немного. Количество организаций, связанных с археологией, почти не меняется и явно отстает от темпов роста количества археологов (рис. 6). К тому же, в пединститутах, где имеется хотя бы общая историческая специализация, существует обязательная отработка – распределение в школы после окончания учебы. Для многих археологов средние учебные заведения становятся местом работы на долгие годы. Вместе с тем, стоит отметить и положительный момент: энтузиазм исследователей из этой категории организаций приводит к развитию просветительской деятельности. Возникают местные краеведческие музеи. По заявкам можно проследить этот процесс: сначала заявка на ОЛ идет от школы, потом – от музея при школе, по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

том уже — от местного музея на его базе. Кроме того, воспитывается уважение к археологическому наследию у населения, что не менее важно, чем научное изучение этого наследия.

Распределение форм ОЛ по категориям организаций (рис. 10,*3*) отражает появление во всех категориях формы 4, особенно ее много в музеях (за счет небольших местных краеведческих) и в «прочих». В связи с переводом части работ в разряд охранных в вузах уменьшилось количество ОЛ формы 2, зато по сравнению с предыдущим периодом (рис. 10,*2*) более чем вдвое увеличилось количество разведок по ОЛ формы 3. Это как раз и отражает возрастание темпов подготовки и допуска к самостоятельной работе молодых специалистов (рис. 11).

Полевые работы проведены уже в 85 регионах. По степени исследованности выделяются 5 групп (рис. 41–45, карта 2). Наблюдается возрастание внешней активности региональных центров (карты 7, 7а). Крым отходит к Украине, там продолжают исследования российские организации, но ОЛ выдаются уже в Киеве, туда же сдаются и отчеты. Количество российских экспедиций в Крыму сокращается. Группа самых изученных регионов становится более многочисленной — 15 регионов, 18 % от общего числа исследованных (рис. 42). Они четко локализуются на карте: центральные, волго-уральские, южные регионы и Красноярский край. Такое расширение группы регионов-лидеров в общероссийском рейтинге того времени объясняется как раз увеличением количества организаций и специалистов, запрашивающих ОЛ. Оно же отражает формирование новых археологических школ.

Лидером в РСФСР становится Московская область. В самой Москве работ пока почти в четыре раза меньше, чем в области, поскольку в историческом центре строительство ведется, как правило, без предварительного археологического обследования. Исключение — работы новостроечных экспедиций ИА в Зарядье и Кремле (Д.А. Беленькая, Н.Н. Воронин, М.Г. Рабинович). Поэтому работы в городе связаны, по преимуществу, с реставрацией памятников архитектуры. В Московской области заняты центральные учреждения: ИА (Т.А. Равдина, Р.Л. Розенфельд, К.А. Смирнов, С.С. Ширинский и др.); ГИМ (Н.Г. Недошивина, В.М. Раушенбах, Н.В. Трубникова, А.В. Успенская, М.В. Фехнер и др.); МГУ (Д.А. Авдусин, Ю.Л. Щапова); Музей истории г. Москвы (А.Г. Векслер). Начинают работать и областные музеи: в Звенигороде (Ю.А. Краснов) и Сергиевом Посаде, тогда Загорске (Т.В. Николаева), в Истре (Л.И. Пимакин). Ощутимо участие и подмосковных исследователей-краеведов (города Электросталь, Люберцы, Серпухов, Ногинск). Экспедицией под руководством А.Ф. Дубынина проводятся новостроечные работы по проекту строительства гидроузла в районе Можайска (АЭ, 1962, с. 213).

Московские специалисты все еще в значительной степени обеспечивают работы в Тверской, Новгородской, Смоленской и Ярославской областях, хотя там уже присутствуют и региональные организации. Это обеспечивает высокую степень исследованности перечисленных регионов на общем фоне, особенно первых двух. Точно также, на археологические учреждения Ленинграда (в основном) и Москвы (в 4 раза меньше) приходится 90 % работ в Псковской области (ИИМК — Н.Н. Гурина, П.А. Раппопорт, Я.В. Станкевич; ГЭ — А.М. Микляев, Г.П. Грездилов, В.Д. Белецкий; ИА — Л.В. Алексеев, С.А. Тараканова). Только пять ОЛ получено Псковским музеем (И.К. Лабутина).

В Воронежской и Брянской областях пока только треть работ приходится на региональные организации (Воронежский ГУ — А.Н. Москаленко; Брянский и Трубчевский музеи — Ф.М. Заверняев, В.А. Падин). Остальные исследования проводят в основном ИИМК (памятники каменного века — А.Н. Рогачев, П.И. Борисковский, В.П. Левенок) и ИА (П.Д. Либеров, А.И. Пузикова, И.И. Артеменко и др.).

Подавляющее количество полевых исследований в Краснодарском крае связано с античными памятниками, поэтому там по-прежнему значительна роль учреждений Москвы и Ленинграда. После прекращения работ в Крыму развернулись новые экспедиции, в которых заняты: ИА (В.Д. Блаватский, И.Б. Зеест, И.А. Кругликова, Н.А. Онайко, Н.И. Сокольский), ГМИИ (А.К. Коровина, И.Д. Марченко), ГИМ (Н.П. Сорокина), МГПИ (Ю.С. Крушкол). Еще одно направление связано с изучением палеолита (ИИМК — Е.А. Векилова, В.П. Любин,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Н.Д. Праслов). Памятники первобытности исследуют А.А. Формозов (ИА), А.Д. Столяр (ГЭ). Б.А. Рыбаков (ИА) продолжает работы на средневековом Таманском городище. Но все активнее становятся региональные организации: Краснодарский музей и пединститут (Н.В. Анфимов), Адыгейский НИИ (П.У. Аутлев), Геленджикский музей. Работы на памятниках раннего железного века и средневековья, в том числе в зонах строительства водохранилищ в крае, проведены Н.В. Анфимовым, тогда ведущим краснодарским археологом (Лисицына, 1956б, с. 133, 1959а, с. 130, 1961, с. 133). Перечень работ в крае этим, естественно, не исчерпывается, но большую их часть пока ведут все-таки центральные, а не краснодарские учреждения.

Полевая археология Нижнего Дона (Ростовская область) имеет давнюю историю. В послевоенный период региональная школа активизируется с начала 1950-х гг., но по-настоящему складывается только со второй их половины (Археология, 2005, с. 5). В это время начинается проведение полевых практик студентов университета и сотрудничество с ИА и ИИМК. Этому немало способствуют новостроечные проекты, в частности, строительство Новочеркасской ГРЭС (Капошина, 1962, 1963). Многочисленные памятники региона изучаются во всем многообразии – от палеолита до средневековья. Из центральных учреждений кроме ИИМК (И.Б. Брашинский, С.И. Капошина, Н.Д. Праслов, Э.С. Шарафутдинова, В.П. Шилов), работает также ЛГУ (Т.Д. Белановская), НИИ антропологии при МГУ (М.Д. Гвоздовер), ИА (А.И. Болтунова, И.С. Каменецекий, С.А. Плетнева и др.). В 1955 г. исследования античного Танаиса начинает Нижнедонская экспедиция ИА (Д.Б. Шелов). Эти работы продолжаются и сейчас (под руководством Т.М. Арсеньевой). Ростовские региональные организации принимают участие в таких экспедициях, проводят и собственные. Их становится все больше: Ростовский ГУ, Азовский, Ростовский, Таганрогский музеи, Новочеркасский музей истории донского казачества. Начинают свой путь как самостоятельные исследователи археологи, будущие руководители крупных экспедиций как в Ростовской области, так и за ее пределами: С.Н. Братченко, В.С. Бочкарев, В.Я. Кияшко, Л.М. Казакова. Ростовская археологическая школа в недалеком времени станет одной из сильнейших в России.

С 1955 г. на строительстве Чирюртовской ГЭС работает Дагестанская экспедиция ИИАЭ Дагестанского филиала АН (В.Г. Котович, М.И. Пикуль, М.Г. Гаджиев, Д.М. Атаев и др.). Полевые исследования в рамках этого проекта были осуществлены исключительно региональными специалистами (Лисицына, 1958а, с. 133, 1959а, с. 133; Мунчаев, 2004, с. 5). Есть и другие работы, их много. К началу 1960-х гг. в Дагестане уже полностью сформировался региональный центр.

По-прежнему в числе лидеров – приволжские регионы: Пермская область и Татарстан. На полевых работах этого периода в Поволжье стоит становиться подробнее, поскольку их организация способствовала раннему становлению ряда сильных региональных школ, до сих пор относящихся к лидирующим по степени исследованности в России в целом.

Активная полевая деятельность некоторых приволжских регионов в тот период связана с продолжающимися экспедициями на строительстве ГЭС (Воткинской, Нижнее-Камской). О.Н. Бадер с 1955 г. работал в Москве, но созданная им КАЭ действовала параллельно с Воткинской экспедицией ИА, под его же руководством. О масштабах исследований можно судить по количеству отрядов – только в 1959 г. их было десять (Лисицына, 1960, с. 304). План работ экспедиций ИА и Пермского университета был согласован. Создание Пермской региональной школы произошло еще в первой половине 1950-х гг. Возник работоспособный коллектив (А.Д. Вечтомов, В.Ф. Генинг, В.П. Денисов, Г.И. Матвеева, В.А. Оборин, И.С. Поносова, А.И. Чистин, А.М. Ширинкина и др.). В дальнейшем ПГУ – один из ведущих в России по выпуску специалистов (рис. 11). Помимо него в регионе работают Пермский областной музей, Чердынский (И.А. Лунегов) и Кунгурский краеведческие музеи.

Подобно Куйбышевской экспедиции ИА, камские экспедиции организованы как комплексные. В их составе работали геологи, палеонтологи, петрографы, минерологи, палеоботаники, палеозоологи, ихтиологи, антропологи, языковеды (лингвистические изыскания по

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

топонимике Прикамья) и т. д. Финансирование осуществлялось по проекту строительства ГЭС, но привлечение средств отдельных организаций расширило круг исследований. Только к 1960 г. разведками было обследовано 8000 кв. км от истоков Камы до устья Белой. Почти 600 памятников исследовано раскопками основательно и около 200 — частично. Организован новый Музей археологии Прикамья при Пермском ГУ, опубликовано более 160 работ (не только О.Н. Бадером), налажено сотрудничество между профильными учреждениями Поволжья и Урала (Бадер, 1956, 1960, 1961а,б; Бадер, Оборин, 1960; Мельникова, 2003а, с. 111–124). Не будет преувеличением сказать, что все перечисленное — огромная организационная и научная заслуга О.Н. Бадера.

К работам камских экспедиций привлекаются не только организации Пермской области и Москвы. Нельзя не согласиться с тем, что «работа КАЭ сыграла роль «катализатора» для интенсификации работ в Прикамско-Приуральском регионе» (Обыденнова, 2002, с. 72). В конце 1950-х гг. сотрудничают: Татарская экспедиция ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР, Башкирская экспедиция ИА (под руководством А.В. Збруевой), Удмуртская экспедиция Удмуртского НИИ и Ижевского музея. Это отражает становление новых региональных школ. Удмуртскую экспедицию, созданную в 1951 г., в 1954 г. возглавил В.Ф. Генинг, ученик О.Н. Бадера (Бунатян, 1994, с. 253; Мельникова, 2003б, с. 70; Обыденнова, 2002, с. 73). В это время 56 % исследований в Удмуртии уже выполняются региональными организациями: региональным НИИ и республиканским краеведческим музеем (В.Ф. Генинг, В.А. Семенов, Г.Т. Кондратьева и др.). Начинается формирование региональной школы в Удмуртии.

В 1954–1964 гг. происходит прямо-таки скачок в исследовании Башкортостана. Из группы слабо исследованных регионов предыдущего периода он перемещается в группу лидеров (рис. 40, 42). Возникает региональный археологический центр. Исследуются памятники различных эпох. Усиливаются позиции региональных организаций — они проводят более 60 % всех работ в регионе. С 1960 г. получает ОЛ Башкирский университет (С.М. Васюткин, М.Ш. Резапов и др.), с 1953 г.— Башкирский центр АН СССР (Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, М.Х. Садыкова, Г.В. Юсупов и др.) и иные организации региона, в том числе школы и краеведческие музеи. Некоторые исследователи из «прочих» организаций работают по нескольку лет (А.П. Шокуров). Башкирские учреждения проводят экспедиции в Челябинской области, Татарстане. Вместе с тем, в республике работают и организации Москвы и Ленинграда: ИА (О.Н. Бадер, А.В. Збруева, Г.Н. Матюшин, Б.Г. Тихонов), НИИ антропологии МГУ (М.С. Акимова), ИИМК (Л.Я. Крижевская). Некоторую часть исследований выполняет Уральский университет (г. Екатеринбург — К.В. Сальников, В.П. Викторов, В.Д. Викторова).

В Татарстане идет сплошное обследование республики для составления археологической карты региона. О масштабах разведок можно судить по тому, что только в 1956 г. обнаружено 134 памятника. (Лисицына, 1959а, с. 128). В то же время совместной экспедицией Казанского филиала АН и Марийского регионального НИИ в Марий Эл с той же целью обследовано 185 памятников, из них 150 ранее неизвестных (Лисицына, 1959а, с. 129). Подавляющее большинство полевых исследований в Татарстане проводят уже региональные организации, активно работающие и в других регионах, в первую очередь ИЯЛИ Казанского филиала АН (В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, Н.Ф. Калинин, Е.П. Казаков, Р.Г. Фахрутдинов, Т.Н. Хлебникова, Е.А. Халикова, П.Н. Старостин и др.). Но продолжаются и работы ИА. 1955 г.— это последний год работ Куйбышевской экспедиции ИА (АЭ, 1962, с. 116–118).

В Свердловской области из центральных организаций работают: ИА (О.Н. Бадер, В.А. Могильников, В.Н. Чернецов), ИИМК (Л.Я. Крижевская), ГИМ (В.М. Раушенбах), НИИ антропологии при МГУ (М.С. Акимова). Но доля этих работ в исследованиях региона совсем незначительна. Уже в предыдущий период заложены основы формирования региональной школы благодаря деятельности К.В. Сальникова и Е.М. Берс. Окончательно региональный центр, до сих пор один их мощнейших в России, формируется с начала 1960-х гг. в результате деятельности выдающегося организатора и ученого

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В.Ф. Генинга. С 1961 г. в Уральском университете существует специализация по археологии, создана Уральская экспедиция, начинается серийное издание трудов «Вопросы археологии Урала» (Мельникова, 2003б).

Масштабы полевых работ внушительны: только в 1963 г. свердловские археологи в составе 18 разведочных групп обследовали 261 памятник на территории четырех областей, стационарно исследовали 19 памятников (Евдокимов, 2005, с. 13). Работая в УрГУ, В.Ф. Генинг уделял особое внимание практической подготовке молодых специалистов. Эта традиция в регионе сохранилась: не случайно Уральский университет лидирует по этому показателю среди российских вузов (рис. 11). Весьма активны также Свердловский и Нижнетагильский музеи. Уже тогда ОЛ получили 27 археологов региона – больше, чем где-либо, кроме Москвы и Ленинграда. Особенностью свердловской региональной школы и в этот период, и в последующие является высокая внешняя активность. При этом сама Свердловская область, хотя и входит в 18 % наиболее исследованных регионов России, от лидеров отстоит достаточно далеко (рис. 42).

В 1961 г. состоялось Второе Уральское археологическое совещание – событие, способствовавшее дальнейшей консолидации как археологов Волго-Уралья, так и специалистов из Москвы и Ленинграда, занимающихся древностями этой географической зоны. Участие в нем приняли археологи из 11 регионов (Мельникова, 2003б, с. 113).

Вторая группа, составляющая 21 % от всех исследованных (рис. 43), состоит из 18 регионов. На Дальнем Востоке в нее входит Приморский край (Э.В. Шавкунов, Ж.В. Андреева), постепенно выдвигающийся как самостоятельный центр. В Приморском крае еще очень велика доля работ центральных организаций, в основном ИИМК. К этой же группе относятся Тюменская и Челябинская области. Если в Тюменской области собственные исследования пока единичны (в основном работают УрГУ и ИА), то в Челябинской как раз создаются предпосылки для формирования регионального центра. Половина исследований приходится на организации региона: Челябинский ГПИ и, главным образом, областной краеведческий музей, а также несколько краеведческих организаций. В то время работают В.С. Стоколос, Н.П. Кипарисова и др. Ряд работ проводит Башкирский и Уральский университеты, ИИМК (Л.Я. Крижевская), Башкирский центр АН СССР.

В той же группе находятся Удмуртия, Чувашия, Нижегородская и Волгоградская области в Поволжье. В Чувашии пока работают в основном центральные организации: ГИМ и ИА, а также НИИ Казанского филиала АН и другие. Чувашский региональный НИИ получает ОЛ только с 1958 г. в малом количестве (В.Ф. Каховский). Организациями других регионов исследуются в основном и Нижегородская, и Волгоградская области.

В 1957 г. заканчивает археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС Сталинградская экспедиция под руководством Е.И. Крупнова (1951–1954), К.Ф. Смирнова (1955), Н.Я. Мерперта (1957). Итоги впечатляют (Мерперт, Смирнов К.Ф., 1961). Раскопано 444 кургана, впервые в этом регионе открыт палеолит. Привлекались: ГЭ, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Саратовский ГУ, ГИМ, МГУ. Много работает в Волгоградской области ИИМК (В.П. Шилов). Поволжская экспедиция МГУ, ГИМ и ИА под руководством Г.А. Федорова-Давыдова начинает исследования золотоордынских памятников в Волгоградской и Астраханской областях (Федоров-Давыдов, 1984).

В Закавказье большой интерес проявляется к памятникам Чеченской республики, но там пока работает только ИА (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, Р.М. Мунчаев и др.), три ОЛ выдано ИИМК на исследование палеолита (В.П. Любин) и только два ОЛ – Чеченскому региональному НИИ (В.Б. Виноградов).

Интенсивно идут полевые работы в сибирских регионах, в значительной степени связанные с новостройками. Напомним, что еще в предыдущий период организатором их выступал ИИМК. До 1956 г. продолжается Ангарская экспедиция под руководством А.П. Окладникова – первая крупная сибирская новостроечная экспедиция. С 1956 г. работает новостроечная экспедиция в зоне строительства Братской ГЭС под его же руководством (АЭ, 1962, с.187; Лисицына, 1960, с. 302). Разворачивается регулярная

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

полевая работа организаций Иркутска (Лисицына, 1956б, с. 135, 1958а, с. 138): краеведческого музея и университета (Г.И. Медведев, П.П. Хороших, В.В. Свинин и др.). Они выполняют 62 % всех работ в регионе, что, несомненно, свидетельствует о сложении собственной региональной школы. Остальные работы выполняют ИИМК, ИЭ (М.М. Герасимов), ИА (А.В. Никитин).

Продолжила работы Новосибирская экспедиция ИИМК под руководством М.П. Грязнова (зона Новосибирской ГЭС). Но расцвет сибирской полевой археологии начался с 1960-х гг., с образованием в Новосибирске археологических учреждений СО АН СССР. Новосибирская область становится одним из активнейших региональных центров. Правда, сама она по степени исследованности пока входит только в третью группу (рис. 44). Основной объем работ в Сибири с 1955 г. приходится на зону строительства Красноярской ГЭС, где начинает работы Красноярская экспедиция ИИМК под руководством М.П. Грязнова (АЭ, 1962, с. 211; Грязнов, 1965). Это обеспечило высокие показатели исследованности для Красноярского края. В составе экспедиции – З.А. Абрамова, А.Д. Грач, Г.Е. Максименков. Однако исследований региональных учреждений в крае еще недостаточно.

Кроме Иркутска и Новосибирска региональный центр формируется в Кемеровской области. Сейчас уже 74 % работ выполняются организациями области; Кемеровский пединститут и музей (А.И. Мартынов), Прокопьевский и Новокузнецкий (Сталинский) музеи (М.Г. Елькин, У.Э. Эрдниев). Из работ других регионов в Кемеровской области следует упомянуть исследования Томского ГУ (В.И. Матющенко). Как отмечалось в предыдущем разделе, уже в 1946–1953 гг. наблюдается возрождение школы в Томске. В 1954–1964 гг. только два ОЛ на регион выданы ИА (М.Ф. Косарев) и ИЭ этнографии (З.П. Соколова). Остальные исследования выполнены Томским университетом (В.И. Матющенко и др.) и Томским областным музеем (Р.Э. Ураев, А.П. Дульзон).

Сибирские новостроечные экспедиции ИИМК имели огромное значение для развития археологии сибирских регионов. В составе Красноярской экспедиции ИИМК в Минусинской котловине ежегодно работали 6–9 отрядов. За четыре года по некоторым историческим периодам обследовано памятников в несколько раз больше, чем за все предыдущее время. Удалось разработать методику изучения и реконструкции первоначального вида каменных надмогильных сооружений. Значительные исследования проведены по палеодемографии. Осуществлялся комплексный подход и специализация по типам памятников (Грязнов, 1965). С начала 1960-х гг. уже можно говорить о появлении специалистов именно по охранным работам, по крайней мере, на протяжении многих лет они запрашивали ОЛ только на них. К сожалению, все также наблюдается проявившаяся ранее тенденция к концентрации ОЛ в одних руках. Братская экспедиция в 1959 г. работает семью отрядами, на все запрошен только один ОЛ. Байкальская (Иркутская) экспедиция на 11 отрядов запросила два ОЛ.

Третью и четвертую группу составляют регионы с низкой степенью исследованности: от 3 до 1 ОЛ в год (рис. 44–45). Их, соответственно, 23 % и 18 %. Регионы третьей группы находятся в основном в Европейской части России, четвертой – в Азиатской части, на севере, на юге, в центре. Последнее особенно странно, поскольку в здесь они окружены довольно активными регионами. Собственные экспедиции здесь единичны или вообще не проводятся. В регионах же третьей группы археологические школы как раз складываются (например, в Саратовской области, Ставропольском крае, Карелии).

Уже в предыдущий период этот процесс начинается в Ставропольском крае. Сейчас 79 % исследований выполняют организации Ставрополья: Ставропольский и Пятигорский музеи (Т.М. Минаева, А.Л. Нечитайло, А.П. Рунич и др.), но они проводят экспедиции только в своем регионе, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии. Саратовская область на 82 % исследована экспедициями Саратовского краеведческого музея и Саратовского ГУ (Е.К. Максимов, И.В. Синицын и др.). Хотя сама область исследуется не так активно, много работ по-прежнему идет в других регионах.

Входящая в третью группу Карелия исследована относительно мало, но практически полностью силами ИЯЛИ Карельского НЦ АН СССР (А.В. Анпилогов, Г.А. Панкрушев, Ю.А. Саввате-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ев и др.). Лишь несколько работ проведено Н.Н. Гуриной (ИИМК).

Группа 5 состоит из 17 регионов, наименее освоенных в отношении полевой археологии. Это 20 % от всех, где проводились работы. Сюда входят национальные автономии Сибири, Урала, регионы Дальнего Востока. Автономия Калмыкии была восстановлена только в 1957 г., поэтому отсутствие там работ не удивительно. Мурманская область и в дальнейшем окажется одним из наименее изученных регионов. Несколько необычно (учитывая последующее развитие) попадание сюда Калининградской области и, особенно, Самарской. Первая недавно вошла в состав РСФСР, именно в связи с этим работ там пока мало, а становление самарской археологической школы еще впереди. Стоит отметить активность Магаданской области. Несмотря на слабую изученность региона, который в предыдущем периоде вообще оставался «белым пятном» и где за 1954–1964 гг. было проведено всего 9 исследований, расположенный в регионе Северо-восточный комплексный НИИ ДВО АН работает в Камчатской области, Якутии и на Чукотке (Н.Н. Диков, С.А. Федосеева). В самой области работает преимущественно Магаданский областной музей.

Можно отметить следующие особенности периода. Происходит общее оживление экономики и, как следствие, полевых исследований. Больше становится хорошо- и среднеисследованных регионов. При этом даже и высокое место в общем рейтинге может обеспечиваться как работами организаций иных регионов (Краснодарский и Красноярский края, Тверская, Новгородская, Псковская, Воронежская, Брянская области и т. д.), так и собственными усилиями региональных археологов, приводящими к возникновению школы (ряд сибирских, уральских и поволжских регионов). Некоторые относительно слабо исследованные регионы показывают значительную активность во внешних связях (например, Новосибирская, Саратовская, Магаданская области). То же можно сказать и о регионах первой группы, достаточно далеко отстоящих от лидеров, но имеющих очень сильные археологические школы (Свердловская, Ленинградская области). По-прежнему значительную долю исследований во многих регионах обеспечивают организации Москвы и Ленинграда. Поволжские региональные школы демонстрируют высокую степень интеграции и становятся отправной точкой для формирования свердловской школы Уральского округа. Школы Сибири формируются под влиянием ИИМК и, в свою очередь, стимулируют развитие археологии Дальнего Востока.

3. Полевая археология в 1965–1984 годах

Это самый длинный и во многих отношениях самый стабильный период в развитии российской полевой археологии после ВОВ. Именно так он воспринимается многими археологами-современниками. Сейчас принято называть его «периодом застоя». Действительно, в это время российская экономика экстенсивна, кризис нарастает, поддержание жизненного уровня идет за счет «нефтедолларов», то есть продажи природных богатств страны (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 516–521). Но имеет место парадокс: развитие в целях экспорта нефтяной отрасли создает условия для расширения полевых исследований за счет работ на трассах нефтепроводов (рис. 31, 32).

Это также время реализации проектов землепользования, экономическая целесообразность которых сейчас подвергается сомнению. От некоторых из них, еще не освоенных к середине 1980-х гг., совсем отказались (например, поворот северных рек). Но в области полевой археологии они давали невиданные ранее возможности: шло сплошное обследование огромных территорий, раскапывались тысячи археологических памятников. Это позволило пополнять источниковедческую базу исключительно быстрыми темпами, непрерывно вводить в научный оборот новые культуры и памятники.

В 1965 г. Советом Министров РСФСР было принято Постановление об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) — добровольной массовой общественной организации (Охрана, 1973, с. 144–148). В 1966 г. состоялся Учредительный съезд ВООПИиК, на нем был принят Устав, согласно которому Общество имело отделения в автономных республиках, краях, областях и городах РСФСР. В рамках Общества действовали

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

секции: архитектуры, изобразительного и народного искусства, исторических памятников и др. Задачи общества определялись как «содействие государственным органам охраны памятников, использование памятников в деле коммунистического воспитания народа» (БСЭ, т. 5, с. 458). Деятельность Общества финансировалась за счет индивидуальных и коллективных членов. По данным БСЭ, в 1971 г. насчитывалось 6 000 000 индивидуальных членов.

Создание ВООПИиК стало очень важной вехой в деле сохранения культурного наследия. Благодаря культурно-просветительской работе, пропаганде знаний о памятниках истории и культуры у самых широких слоев населения развивался интерес к истории страны и ее культурному наследию. Можно сказать, что наметился перелом в сознании: движимые и недвижимые памятники прошлого перестали восприниматься как наследие эксплуататорских классов и средство религиозного одурманивания масс (именно такая идеология господствовала с первых лет советской власти). Бездумное уничтожение памятников стало встречать сопротивление общественности, которое приносило результаты: многие памятники были спасены от сноса.

Общество взяло на себя функции, с которыми государственная власть (в лице центральных и региональных органов культуры) практически не справлялась, да она и не ставила их своей приоритетной задачей. Важнейшим аспектом деятельности ВООПИиК стала практическая работа по сохранению недвижимых памятников: учет, постановка на государственную охрану, организация и финансирование реставрационных мероприятий, финансирование археологических раскопок. С конца 1960-х до середины 1980-х гг. ВООПИиК фактически во многом заменяло государственные органы охраны памятников, хотя решения по вопросам сохранения (или уничтожения) культурного наследия, конечно, принимались органами государственной власти.

Широкое привлечение общественности к делу сохранения и изучения наследия, однако, отнюдь не означает, что вопросы охраны и исследования памятников могут и должны решаться непрофессионалами. Общество привлекало специалистов: историков, краеведов, архитекторов, археологов. Так, активно сотрудничал с Обществом выдающийся архитектор-реставратор П.Д. Барановский (1892–1984), спасший многие бесценные памятники, находившиеся на грани полного разрушения.

Общество также проявило огромный интерес к археологическому наследию. Учитывая уставные задачи, оно могло оказать реальную поддержку в изучении и сохранении археологических памятников. В рамках ВООПИиК действовала Комиссия археологических памятников Центрального Совета ВООПИиК. Председателем ее стал ученый-археолог, лауреат Государственной премии, заведующий отделом неолита и бронзового века ИА АН СССР Е.И. Крупнов.

В 1967 г. ОПИ совместно с Комиссией обратился с письмом (рассылалось как приложение к ОЛ) к археологам в регионах. В нем разъяснялись задачи ВООПИиК (помощь государственным органам в сохранении исторического и культурного наследия), суть его работы (выявление, учет, организация охраны и популяризация памятников, в том числе археологии). Отмечалось, что местные отделения Общества испытывают трудности в работе из-за отсутствия специалистов. ОПИ и Комиссия призывали исследователей-профессионалов оказать квалифицированную помощь отделению Общества, находящемуся в регионе, где они ведут полевые работы. Приведем текст этого письма-обращения. «Как специалист Вы можете помочь в решении многих вопросов, в том числе:

- в выявлении еще не учтенных памятников археологии;
- в определении научной ценности памятника с целью включения его в списки памятников общесоюзного, республиканского или местного значения;
- в составлении паспортов на вновь выявленные археологические памятники и проверке паспортов на ранее учтенные памятники;
- в определении охранной зоны археологического памятника;
- в составлении охранного обязательства на археологический памятник;
- в составлении карты археологических памятников того или иного региона;
- в популяризации археологических памятни-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ков исследуемой Вами области через местную печать, радио, телевидение, путем проведения экскурсий, бесед, чтения лекций и т. п.».

С этого времени начинается плодотворное участие ВООПИиК в археологических исследованиях. Финансируется ряд полевых работ, подаются заявки на ОЛ. При этом важно понимать, что речь идет именно о привлечении к полевым работам археологов-специалистов, а не о подмене профессиональных исследований любительскими раскопками. Полностью соблюдается действующее законодательство в части проведения полевых работ исключительно по ОЛ, что в значительной степени ограничивает непрофессиональный подход.

Этот принцип работы ВООПИиК в конце 1960 — середине 1980-х гг. в области археологии чрезвычайно важен, поскольку в настоящее время, когда ВООПИиК во многих регионах возрождается после финансовых трудностей 1990-х гг. и вновь готово активно участвовать в судьбе археологического наследия, наблюдается зачастую иная картина. Известны случаи, когда в некоторых регионах ВООПИиК пытается опять взять на себя функции государственных органов охраны. Разница в том, что, если сорок и даже двадцать лет назад эти органы как самостоятельное административное направление фактически не проявляли себя и были малоэффективны, теперь они хорошо развиты и в большинстве регионов работают продуктивно. Кроме того, действующим законодательством именно на них возложены согласования и решения вопросов в этой области, и вмешательство теперь уже многочисленных общественных организаций, интересующихся археологическим наследием, иной раз вносит разлад в выработанные годами схемы организации охранных мероприятий и контроля за археологическими исследованиями.

В первую очередь нападкам негосударственных организаций сейчас подвергается система выдачи ОЛ, нарушение которой ведет к разгулу «черной» археологии, к потере качества исследований, полноценности информации и просто к утрате объектов культурного наследия (как памятников, так и археологических находок). Вспомним, что еще в 1889 г. в России был решен вопрос о приоритете государственного контроля за археологическими исследованиями, в первую очередь — через систему выдачи ОЛ. Существовавшие тогда многочисленные любительские археологические общества постепенно признали необходимость единой политики и влились в ее русло. Это стало главным фактором, позволившим спасти археологические памятники и коллекции от полного уничтожения в ходе последующих общегосударственных потрясений. Вспомним также, что ВООПИиК в 1960–1980-х гг., подобно ИАК, привлекало к финансируемым им полевым исследованиям археологов-профессионалов, а не всех желающих добыть немножко древностей под видом их сохранения. Остается надеяться, что возрожденное ВООПИиК будет следовать старым традициям в новых реалиях и станет не помехой, а подспорьем в деле сохранения археологического наследия.

Принятие в 1976 г. Закона СССР и в 1978 г. Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры Российской Федерации» несколько улучшило ситуацию с охраной памятников. В разработке его участвовал ОПИ (Лисицына, 1980, с. 57). Закон стимулировал создание специализированных органов охраны памятников на всех уровнях, функции которых в значительной степени ранее выполняло ВООПИиК. В 1982 г. появился еще один важный государственный документ — «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16. 09. 1982 г. (Законодательство, 2002, с. 390–410).

В 1965–1984 гг. еще более быстрыми темпами идет приток специалистов в археологию (рис. 6). Для их подготовки необходимы учебники. Изданная в 1954 и 1955 гг. книга А.В. Арциховского не потеряла своего значения, но уже стала почти редкостью. В 1967 г. вышел учебник Д.А. Авдусина «Археология СССР» (переиздан в 1977 г.), дающий общую картину археологических памятников и культур. Классическим и до сих пор во многих разделах полезным является учебник того же автора «Полевая археология СССР», вышедший в 1972 г. и переизданный в 1980 г. (Авдусин, 1972, 1980).

Еще один крайне важный методический труд — «Античная полевая археология» В.Д. Блаватского (Блаватский, 1967). Наконец-то была

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

изложена методика работы на античных памятниках Причерноморья, с которых в XIX в. начинался интерес к археологии в России. Эта часть археологического наследия России уникальна, немногие страны имеют такие памятники, и здесь особенно велика ответственность перед мировым сообществом за их правильное полевое исследование и сохранение материала. Характеристика античных памятников и описание методики работы на них особенно важны в связи с возрастанием количества и объема этих работ – Краснодарский край именно благодаря этим исследованиям в предыдущие периоды занимал высокое место по степени исследованности.

К сожалению, не все учебные пособия по археологии представляли материал на высоком уровне, хотя и выпускались центральным педагогическим издательством «Высшая школа». В 1973 г. вышел учебник А.И. Мартынова «Археология СССР», предназначенный для педвузов (Мартынов, 1973). Он изобиловал неточностями и устаревшими концепциями и не мог стать основой для полноценного археологического образования. Учебник вызвал резкую критику специалистов разных областей археологического знания (Даркевич, Краснов, Косарев, Мелюкова, Мошкова, Шелов, 1976). В 1982 г. появилось второе издание, переработанное и дополненное.

В рассматриваемый период уделялось большое внимание методике полевых работ, что было совершенно необходимо в условиях такого их размаха. Созданы практические пособия по разведкам и раскопкам памятников разных типов, работу над которыми инициировал ОПИ. Ведущими специалистами составлен сборник методических инструкций по раскопкам памятников разных типов «Методика полевых археологических исследований» (Методика, 1983). Необходимость массовых раскопок степных курганов в зонах орошения в РСФСР и на Украине при сжатых сроках строительства вновь заставила археологов искать приемлемые методики, в том числе – способы использовать землеройную технику, не теряя археологической информации (Телегін, Братченко, 1974). Напомним, что первые опыты состоялись опять же в условиях новостроек в 1950-х гг. (Евтюхова, 1953; Столяр, 1953).

На примере античных памятников разрабатывалась методика подводных археологических работ, начавшихся в предыдущий период. Этой теме посвящены статьи В.Д. Блаватского и Б.Г. Петерса в известном сборнике «Археология и естественные науки» (Блаватский, 1965; Петерс, 1965).

Очень важна практическая передача опыта. Крупные новостроечные экспедиции центральных учреждений: Донская (потом Северо-Кавказская), Ставропольская, Калининская, Псковская (ИА), Поволжская (МГУ, ИА, ГИМ), Саяно-Тувинская, Кубанская (ИИМК) и другие с начала 1970-х гг. находились в тесном контакте с археологами из регионов, которые не только работали поблизости, но часто непосредственно включались в состав этих экспедиций (Сорокина, 2004б, с. 133–183). Таким образом, укреплялись и создавались новые региональные центры в Ростовской, Тверской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, в сибирских и иных регионах. Несомненной заслугой специалистов ИА, ИИМК, ГЭ и МГУ является возникновение археологических центров в Пскове и Новгороде.

Развиваются и естественнонаучные методы в археологии. Немалую роль в этом сыграло выделение в 1967 г. в ИА Лаборатории естественнонаучных методов под руководством Б.А. Колчина в самостоятельное научное подразделение (Черных, 2000, с. 203–204). Важно отметить, что уже к 1980–м гг. археологи не только уделяют особое внимание сопредельным наукам и их методам, но и привлекают специалистов соответствующих областей знаний к работе в поле и к последующим анализам, результаты которых отдельными главами помещаются в научный отчет о полевых работах.

Отдельно следует отметить процесс повсеместного внедрения в полевые археологические исследования топографических и геодезических инструментов. Использование нивелира, теодолита, кипрегеля становится нормой для многих экспедиций, особенно новостроечных. Это может казаться странным современному археологу, но тогда в основном снимались глазомерные планы (они и сейчас применяются не так редко, хотя это явный анахронизм, как и измерение глубины линейкой). Рекомендации по применению при-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

боров даны были еще в 1934 г. А.А. Миллером (Миллер, 1934, с. 181–192), однако в практику это входило не так легко.

Для осмысления опыта полевых исследований огромное значение имело основание в 1965 г. новой необычайно популярной в археологической среде серии изданий «Археологические открытия». Эти сборники кратких заметок о достижениях полевого сезона выходили ежегодно с 1965 по 1986 г. Потом из-за недостатка финансирования издания прекратились и были возобновлены только в 1993 г. Впервые у археологов появилась возможность получить оперативную информацию о новых материалах и познакомиться с работой коллег в не только в РСФСР, но и в союзных республиках, в масштабе, существенно большем, чем это было возможно на ежегодных сессиях. Серия, несмотря на краткость информации, может служить самостоятельным источником наряду с публикациями и отчетами.

Основополагающими регламентирующими документами для полевых исследований этого периода являлись инструкции к ОЛ, принятые в 1963 и 1984 гг. (Инструкции, 1963, 1984), а также «Правила представления отчетов по Открытым листам» (Правила, 1978). Принятие этих документов было вызвано необходимостью уточнений в связи с изменениями в структуре полевых исследований и в понятии о роли культурного наследия и методах его сохранения (Шелов, 1981, 1984, 1986). Положения «Инструкции» 1963 г. и применение ее на практике мы рассмотрели в предыдущем разделе, хотя основной срок ее действия приходится именно на данный период. «Правила» 1978 г. являются практическим дополнением к «Инструкции» в связи с возросшим количеством отчетов и притоком новых специалистов, не всегда знакомых с процессом подготовки отчета. «Инструкция» 1984 г. становится основным документом уже для следующего периода (1985–1991 гг.).

Открытые листы выдаются почти по современным стандартам: вписывается и регион, и административный район, и памятник. Но в случае новостроечных работ достаточно часто указывается не название памятников, а обозначается зона и характер работ: раскопки разрушающихся памятников в таких-то районах, разведки в зоне строительства какого-либо объекта и т. д. Именно это и создало для нас сложности при заполнении ИПС и заставило обратиться к публикациям.

Перечислить даже наиболее крупные и интересные полевые достижения рассматриваемого периода в виду их объема крайне затруднительно. Данные для сравнения: в 1950-е гг. ИА организовал более 50 экспедиций, в 1970-е гг. уже более 70 (Волков, 1980, с. 11). Объем только новостроечных работ ИА в 1978 г. в 4 раза превысил объем 1970 г. (Краснов, 1980, с. 63). В 1984 г. в ЛОИА работало 29 отрядов и экспедиций (Савинов, 1985, с. 7). В 1980-х гг. в Краснодарском крае ежегодно работало примерно 27 экспедиций и отрядов ИА, ИИМК, центральных музеев, Кубанского, Волгоградского, Самарского университетов, Краснодарского музея-заповедника, Адыгейского НИИ и других региональных организаций. За год в среднем исследовалось 150 курганов, более 1000 кв. м поселений (Куликова, 1985). Все работы координировались Управлением культуры Краснодарского края, ставшим едва ли не лучшей охранной службой РСФСР. По всей России экспедиции проводятся как учреждениями Москвы и Ленинграда, так и региональными организациями. Предпринимается много совместных экспедиций центральных и региональных учреждений, но еще больше – региональных и межрегиональных, без участия центра.

В 1970–1980-е гг. происходит становление охранной археологии как самостоятельного направления. Анализ «Археологических открытий» показывает, что новостроечные экспедиции перестают быть чем-то экстраординарным, формируемым особо, подобно тому, как в 1965 г. Постановлением Совета Министров РСФСР была организована Саяно-Тувинская экспедиция ИИМК для работы в зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС (Грач, 1966, с. 22). Работами в зонах новостроек занимаются все категории учреждений, причем ограничиться собственными силами уже бывает невозможно. Для обеспечения крупных экспедиций кадрами все больше привлекаются археологи из других учреждений региона и за его пределами. Это отражается в заявках, поступающих в ОПИ: иной раз трудно бывает выделить официальное место работы того или иного археолога. Это явление наблюдалось в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

крупных экспедициях и раньше, но сейчас стало нормой. Возникают сильные межведомственные и межрегиональные связи. Достаточно часто экспедиции сочетают исследование новостроечных и иных объектов.

Огромный размах полевых работ, прежде всего новостроечного характера, обострил кадровую проблему. Для осуществления масштабных исследований на столь обширной территории требовалось не просто множество сотрудников экспедиций, но, главным образом, квалифицированные специалисты, способные исследовать памятники всех типов на высоком уровне. Их, конечно, не хватало. Практика полевой подготовки специалистов, как бы она не осуществлялась (через археологическую практику в вузах, стажировку в крупных центральных экспедициях центральных и региональных учреждений), не была системной и не давала единую и качественную методическую основу (Матющенко, 2001, т. 2, с. 10). Это и сейчас постоянно ощущается при экспертизе научных отчетов в ОПИ.

С конца 1960 — начала 1970-х гг. началась реализация грандиозной программы мелиоративных работ, охватившей степи и нечерноземье. Начало им положило решение Майского Пленума ЦК КПСС 1966 г. Октябрьский (1984 г.) Пленум ЦК принял решения, нацеленные на разработку Долговременной программы мелиорации, что предполагало сельскохозяйственное освоение новых территорий в огромных масштабах. Основным объектом исследования стали степные курганы юга России. Еще один вид крупных новостроек 1970–1980-х гг.— строительство нефте- и газопроводов, затронувшее преимущественно уральские регионы и часть поволжских.

Стремительный рост количества хоздоговорных экспедиций связан с двумя причинами. Во-первых, изменился характер новостроек: вместо колоссальных проектов ГЭС реализуются более мелкие и гибкие (системы орошения, нефте- и газопроводы, автодороги и т. п.— рис. 29–34). Строительство гидроузлов продолжается, но не в таких масштабах, как в предыдущее время. Во-вторых, и это главное, изменилась система отношений с заказчиками археологических работ — строительными организациями. Огромную роль в этом сыграло принятие в 1978 г. охранного законодательства. К 1980-м гг. появились рекогносцировочные работы, договоры на проектной стадии строительства (ТЭО), стало больше возможностей для исследования подлежащих уничтожению памятников или исключения их из зоны строительства (Краснов, 1989а). Началось становление системы органов охраны, которые вскоре, по крайней мере, в некоторых регионах, смогли осуществлять контроль за исследованием памятников в зонах строительных работ. В результате перечисленных выше явлений только в 1978 г. экспедиции ИА работали в зонах проектирования и строительства 32 хозяйственных объектов (Краснов, 1980, с. 63).

Значимость охранной археологии ощущается в центре и в регионах. Развитие новостроек способствовало укреплению центров региональной археологии и созданию новых. В 1968 г. В.Ф. Генинг организовал в Уральском университете научно-исследовательскую хоздоговорную лабораторию — ПНИАЛ УрГУ. В начале 1970-х гг. при историческом факультете Ростовского университета была организована археологическая лаборатория, занимавшаяся именно новостроечными работами. По их результатам сотрудниками лаборатории защищены несколько диссертаций, что свидетельствует о высокой научной значимости материала и качестве проведенных работ (Археология, 2005, с. 6). В 1972 г. в ИА создан сектор (потом отдел) охранных раскопок. Его полевая деятельность за тридцать лет отражена в составленной нами сводке (Сорокина, 2004б, с. 133–183).

Соотношение долей участия в полевых изысканиях различных категорий организаций в 1965–1984 гг. представлено на рис. 9,*4*. Несмотря на постоянный рост их количества, в создании рабочих мест наблюдается значительное отставание от потребности. Доля Академии наук продолжает уменьшаться (37,8 %). Это вовсе не означает, что Академия стала вести меньше полевых исследований. Напротив, они только расширяются — мы уже привели данные по ИА. Возникают и новые крупные учреждения. В 1965 г. сектор истории Института экономики и организации промышленного производства СО АН преобразован в Отдел гуманитарных исследований. В 1966 г. на его базе создан Институт

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

истории, филологии и философии, сразу же начавший проводить экспедиции (Институт, 2006, с. 8–10). В 1971 г. на базе Отдела истории, археологии и этнографии при Президиуме ДВО АН образован Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Шавкунов, 2001, с. 96). С 1982 по 1987 г. получает ОЛ Институт экономики УрО АН. Но растет потенциал иных категорий, в первую очередь — вузов. Падение доли Академии и отражает это явление.

То же можно сказать и о доле региональных научно-исследовательских учреждений: 4,5 % по сравнению с 6,3 % в 1954–1964 гг. Зато почти вдвое (до 36,1 %) увеличилась доля вузов и почти сравнялась с долей Академии. Вузы активно занимаются новостроечными работами. В качестве примера можно привести вузы Ростова-на-Дону — университет и пединститут (получает ОЛ с 1976 г.), огромная часть работ которых в 1970 — середине 1980-х гг. приходится на строительство ОС.

Именно с деятельностью вузов связано возникновение в этот период ряда центров региональной археологии. В 1967 г. начинает получать ОЛ, вести экспедиции и готовить специалистов Волгоградский ГПИ (ныне ГПУ); с 1975 г.— Волгоградский ГУ, настоящая полевая активность которого проявилась с начала 1980-х гг. Становление волгоградского регионального центра связано с именами А.С. Скрипкина, Б.Ф. Железчикова, В.И. Мамонтова, И.В. Сергацкова и других. До этого регион был исследован в той же степени (карта 2), но большую часть работ вели ИИМК, ИА, МГУ, организации Саратовской области и понемногу — других регионов. Теперь же более 50 % исследований приходится на региональные организации, в том числе краеведческие. Основной объект — курганы в зонах строительства ОС. В то же время в регионе продолжает работу Поволжская экспедиция ИА, ГИМ и МГУ (Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Егоров, В.В. Дворниченко и др.), ИИМК (разведки палеолитических памятников — Н.Д. Праслов, раскопки курганов в зонах ОС — В.П. Шилов).

На базе двух вузов — университета и пединститута — возникает региональная школа в Самаре. Огромная заслуга в этом принадлежит Г.И. Матвеевой, воспитаннице пермской школы, и ее ученику И.Б. Васильеву (Археологи, 2002, с. 49; Агапов, Васильева, Кузьминых, 2006, с. 5–17). Самарский центр сейчас — один из крупнейших и наиболее активных в России, в том числе и по подготовке специалистов (рис. 11). Из малоисследованных область сразу переходит в число наиболее освоенных в археологическом отношении регионов России (карты 2, 3). Причем на работу региональных организаций, с учетом небольшой доли областного музея и ВООПИиК, приходится 92 % работ, в значительной степени новостроечных. Кроме того, самарские археологи уже тогда организуют экспедиции в других и не только сопредельных регионах (карты 8, 8а).

В 1975 г. первый ОЛ получил Оренбургский пединститут (теперь ГПУ). В регионе полевые работы производят также краеведческие музеи: Оренбургский (С.А. Попов) и Орский (С.Н. Заседателева). Пока только 30 % исследований приходится на долю организаций области. Однако формирование регионального центра начинается с конца 1970-х гг. благодаря выпускнице Самарского ГУ Н.Л. Моргуновой, ныне профессору Оренбургского ГПУ, которая не только сама много лет ведет полевые работы, но и воспитывает учеников (рис. 11). Таким образом, самарская школа дала импульс к началу формирования оренбургской. В 1964–1985 гг. степень исследованности региона не меняется. Подавляющее же количество экспедиций до конца 1980-х гг. проводили организации других регионов: ИА (с 1956 г.— К.Ф. Смирнов, Е.Е. Кузьмина, Г.Н. Матюшин), Самарский ГПИ (И.Б. Васильев, Р.С. Багаутдинов, В.Н. Зудина, О.В. Кузьмина и многие другие), ИИЯЛИ Башкирского НЦ АН (Н.А. Мажитов, В.А. Иванов и др.) и иные.

В 1954–1964 гг. Омская область находилась в числе наименее изученных регионов, причем подавляющее большинство исследований проведено Уральским и Томским университетами, ИА (карты 2, 7). В 1965–1984 гг. количество полевых работ резко увеличивается, регион сразу перемещается во вторую группу. Это происходит в связи с началом полевой деятельности Омского университета, с 1977 г. получившего даже большее количество ОЛ, чем Омский ГПИ (сейчас ГПУ) с 1961 г. Оба этих вуза активно привлекают студентов к самостоятельной полевой работе

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(рис. 11). Они выполняют пока всего 38 % всех полевых исследований в регионе (Е.М. Данченко, Б.А. Коников, И.Г. Глушков, А.И. Петров, А.Я. Труфанов и др.). В области по-прежнему работают ИА (В.А. Могильников, М.Ф. Косарев и др.), Томский ГУ (В.И. Матющенко) и, главным образом, УрГУ (В.Ф. Генинг, Л.Н. Корякова, В.И. Стефанов, Н.К. Стефанова и др.), но определенно можно считать, что формируется омская региональная школа.

Доля музеев сокращается особенно ощутимо: с 26,1 % в предыдущем периоде до 15,6 % (рис. 9,*3,4*). Они гораздо хуже (кроме центральных) обеспечены кадрами по сравнению с вузами, которые к тому же привлекают дополнительные силы – студентов и аспирантов. Поэтому музеи, как правило, не ведут больших новостроечных экспедиций. Исключения, конечно, есть. Следует назвать Азовский музей (Ростовская область), Краснодарский музей, ГМИНВ (Москва). Все это опять же работы на оросительных системах.

За счет работ по заявкам региональных отделений и Советов ВООПИиК растет доля негосударственных организаций (0,7 %). Доля органов охраны увеличилась в 6 раз (0,6 %), что, конечно, связано с новым законодательством. Чуть больше доля органов власти и администрации (0,7 %). Доля «прочих» уменьшилась довольно существенно (с 3,1 % до 2 %), поскольку выросло количество специалистов, и расширились возможности получения профильного образования. Государственные центры (до сего времени отсутствовавшая категория) представлены Северо-Кавказским научным центром высшей школы (0,1 %).

Несколько возросла доля реставрационных учреждений (1,9 %). В этом, очевидно, также проявляется положительный эффект принятия Закона 1978 г. Этих организаций довольно много, причем не только центральных (Всесоюзный научно-реставрационный комбинат, «Спецпроектреставрация» и др.), но и региональных (в Ленинграде, Владимире, Пскове, Рязани, Казани, Ярославле, Томске и ряде других регионов). Можно назвать специалистов в этой области, регулярно получавших ОЛ, и работавших в разных городах: М.Х. Алешковский, Л.А. Беляев, В.А. Буров, М.В. Фролов, Е.Л. Хворостова (Москва), Н.К. Стеценко (Ленинград), В.П. Глазов (Владимир), Л.С. Шавохин (Казань) и другие. Открытые листы на архитектурно-археологические работы выданы реставрационным организациям на 30 регионов, и не только центральной России, где это направление традиционно, но и на Астраханскую, Томскую области, республику Дагестан и иные.

Распределение форм ОЛ по организациям несколько изменилось (рис. 10,*4*). Во всех категориях видно существенное увеличение количества ОЛ формы 4, причем и в музеях, и в вузах таких работ почти вдвое больше, чем в Академии наук. Сказывается академическое пренебрежение к охранным формам ОЛ, о котором мы уже говорили, хотя и в Академии работы ведутся в значительной степени именно охранные (рис. 35, 36). Больше работ по ОЛ формы 1, то есть полноценных архитектурных раскопок, осуществляют реставрационные организации. «Прочие» и негосударственные организации стали больше вести работ по ОЛ формы 1 – тот же ВООПИиК привлекал специалистов, традиционно их получавших.

Активность региональных центров представлена на картах 8 и 8а. Как видно, она значительно возрастает, что не удивительно, поскольку крупные новостроечные проекты, как и научно-исследовательские программы, часто охватывают несколько регионов. Гораздо больше становится и археологических школ. По-прежнему, некоторые региональные коллективы работают только или в основном у себя, обеспечивая высокую степень исследованности своего региона (Ростовская, Тверская, Волгоградская области, Краснодарский, Ставропольский края и т. д.). Другие же, напротив, развивают полевую археологию в основном в других регионах, что не лучшим образом сказывается на собственной территории (Свердловская, Кемеровская области). Некоторые успевают всюду (Москва, Ленинград, Новосибирская, Самарская и Пермская области, республики Башкортостан и Татарстан).

Подсчет степени исследованности регионов дает 5 групп (рис. 46–50, карта 3). Работы проведены в 88 регионах. Доля наиболее исследованных (группа 1) остается прежней, то есть 18 %. Но состав несколько меняется (рис. 47). В эту категорию впервые попадают Псковская, Тюменская, Челябинская, Ленинградская и Самарская

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

области. В последнем случае скачок особенно ощутим. После завершения работ Куйбышевской экспедиции ИА в середине 1950-х гг. в исследованиях в Самарской (тогда Куйбышевской) области наступает спад, а самостоятельный центр еще не сложился. Зато с его возникновением регион занимает достойное место в общероссийском рейтинге.

Работы в Ленинградской области при наличии давних традиций, мощнейших профильных организаций (ИИМК, ГЭ, ЛГУ и др.), отличной обеспеченности специалистами и исключительной их активности до этого времени велись как-то вяло. Наверное, основным памятником, где они были постоянными, была Старая Ладога (В.И. Равдоникас). С 1948 г. на территории области проводились экспедиции Карельского филиала АН. Положительный сдвиг наступает с середины 1960-х гг. Начинаются раскопки ИИМК в Петрокрепости (В.И. Кильдюшевский, А.Н. Кирпичников), проводится много разведок. Большую роль начинают играть, кроме ИИМК и ГЭ, экспедиции ЛГУ, краеведческая деятельность в г. Тихвине (И.П. Крупейченко), работы реставрационных организаций. Вместе с тем очевидно, что до недавнего времени интенсивность изучения Ленинградской области не соответствовала возможностям. «Как региональный центр, Санкт-Петербург нуждается в совершенствовании организационно-технической базы» (Лебедев, 1995, с. 82). Возник парадокс: археологические силы Ленинграда – Санкт-Петербурга способствовали сложению региональных школ в Сибири и на Дальнем Востоке, но применительно к собственному региону были недостаточно активны. Этим и объясняется невысокий рейтинг Ленинградской области. Такое же явление, впрочем, наблюдается и в Свердловской области.

В Псковской области как раз с середины 1960-х гг. формируется региональная школа. До этого здесь работали экспедиции центральных учреждений: ГЭ, ИИМК и ИА. Экспедиции Москвы и Ленинграда не прекращаются и после середины 1960-х гг., но основной объем работ уже приходится не на них. Псковский центр составляют: пединститут (ОЛ с 1964 г.), музей-заповедник (основная активность с 1972 г.), Производственная группа по охране памятников (1971–1982 гг.) и другие, менее крупные региональные организации, в том числе реставрационные. С 1979 г. несколькими отрядами начинаются работы Псковской объединенной экспедиции ИА и Псковского музея-заповедника под общим руководством В.В. Седова, задача которой – проведение охранных раскопок в черте средневекового Пскова (Седов, Белецкий, 1986, с.76).

Именно в Пскове в рассматриваемый период работы на строительстве в городе оформляются в очень востребованный и распространенный теперь самостоятельный вид охранных работ. До этого времени их проведение в городах России носит эпизодический характер. Темпы жилищного и иного строительства в исторических городах начали расти раньше, но власти и строительные организации не видели необходимости в охране городского культурного слоя и выделении на это средств. Формирование нового менталитета – огромная заслуга псковских специалистов.

В группу лидеров переходит и Челябинская область, в которой формирование центра региональной археологии началось уже в предыдущий период. Это, как и в случае с Самарской, Оренбургской и Волгоградской областями, также происходит на базе вузов: Челябинского ГУ (Г.Б. Зданович, В.С. Мосин, А.Д. Таиров и др.) и ГПИ (Н.Б. Виноградов и др.). И хотя на долю региональных организаций, включая краеведческие, приходится только около 30 % исследований (меньше, чем в предыдущем периоде), можно говорить о региональном центре, генетически связанным со свердловской школой В.Ф. Генинга (Мельникова, 2003б, с. 137). Снижение доли работ региональных организаций свидетельствует не о слабой их активности, а о возрастании интереса со стороны других регионов. Высокую степень исследованности региона обеспечивают работы УрГУ (Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, О.Н. Корочкова, Н.А. Крутских, В.И. Стефанов, Т.Н. Чебакова и др.), ИА (Е.Е. Кузьмина, Г.Н. Матюшин), ИИМК (Л.Я. Крижевская).

В то же время из лидеров отныне выбывают Брянская, Смоленская и Ярославская области. Связано это с тем, что до сих пор интенсивность исследований обеспечивалась в основном центральными археологическими организациями Москвы и Ленинграда и реставрационными учреждениями (доля которых мала). Этих работ

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

по-прежнему много, исследуются памятники разных типов. Но при этом задействованы лишь немногие региональные учреждения и отдельные специалисты: в Брянской области это Брянский и Трубчевский краеведческие музеи (Ф.М. Заверняев, В.А. Падин); в Смоленской – Смоленский музей и пединститут (Е.А. Шмидт); в Ярославской – Ярославский музей, университет, отделения ВООПИиК (Т.Б. Ширихина, Ал.Ст. Смирнов, И.Л. Станкевич, Г.Н. Затеваева). Этого явно недостаточно. Собственные региональные школы не складываются, как представляется, по причине очень малого участия вузов или отсутствия такового. Вузы более мобильны за счет подготовки новых специалистов и практики студентов, а музеи ограничены штатом и средствами. Совершенно справедливо отмечена ведущая роль университетов в сложении региональных школ (Мельникова, 2003а, с. 33–34). За неимением их, ту же функцию, как мы уже показали на ряде примеров, выполняют и пединституты. Но в означенных регионах этого не происходит.

Менее интенсивно исследуется Дагестан, он из первой переходит сразу в третью группу. Хотя ИИАЭ ДНЦ АН продолжает регулярно вести полевые работы, это практически единственное профильное учреждение в республике, и доля его работ на фоне общего возрастания их количества в России не может быть большей. В дальнейшем это станет еще более ощутимо (карты 4, 5).

Несколько сокращаются работы в Свердловской области – основные силы археологов региона теперь перемещаются в Тюменскую область в связи с освоением нефтяных месторождений. Работы УрГУ составляют там половину всех полевых исследований. В этой же связи меняется рейтинг входящих в Тюменскую область национальных округов: Ханты-Мансийский АО, минуя промежуточные стадии, сразу из наименее исследованной группы перемещается во вторую, Ямало-Ненецкий – в третью (рис. 48, 49).

Можно говорить о региональной школе в Тюменской области опять же на базе вузов, хотя доля их работ пока менее 30 %. Это Тюменский ГУ (Л.А. Дрябина, А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, С.Ю. Пархимович и др.) и Тобольский ГПИ (И.А. Сыркина и др.). Кроме УрГУ в регионе работает ИА (М.Ф. Косарев, В.А. Могильников, В.Ф. Старков) и совсем немного – ИИМК, Омский и Томский университеты.

Постоянно в группе лидеров были и остаются: Московская, Тверская, Пермская, Новгородская, Воронежская, Ростовская области, республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский и Красноярский края. Но места их меняются (рис. 47). В связи с исключительным размахом строительства оросительных систем первые места прочно занимают Краснодарский край и Ростовская область. Как раз в этот период на базе достаточного количества профильных организаций региона складывается краснодарский археологический центр, в Ростовской области его формирование, начавшись ранее, завершается.

В Краснодаре образуется одна из самых сильных служб охраны памятников России, организация которой начинается с Производственной группы по охране памятников (как и в Пскове). Вместе с тем, много экспедиций в крае проводят организации других регионов (карты 8, 8а). Основная доля работ и количество экспедиций, кто бы их не проводил, приходится теперь уже не на античные памятники, хотя и там работают новостроечные экспедиции (крупнейшая из них – Анапская экспедиция ИА под руководством Е.М. Алексеевой), а на раскопки под ОС курганов и иных памятников. Ведущими региональными организациями становятся Кубанский университет (Н.В. Анфимов, А.М. Ждановский), Краснодарский музей-заповедник (В.А. Тарабанов, В.Н. Каминский и др.– в то время ОЛ по заявкам музея получают почти все археологи края). Есть и иные организации, работают также краеведы.

В Воронежской области формирование региональной школы началось в 1950-х гг. и связано с работами двух вузов: университета и пединститута. Большой вклад в этот процесс внесла А.Н. Москаленко, организовавшая археологическую специализацию в ВГУ (Пряхин, 1988). Полевые работы под ее руководством уже в 1954–1964 гг. составили треть всех исследований в области (остальное – работы ИА и ИИМК). В рассматриваемый период региональная школа полностью сложилась, на ее долю приходится 58 % всех работ в регионе. Кроме университета (В.И. Беседин, А.З. Винников, Ю.П. Матвеев, А.П. Медведев, А.Д. Пряхин и др.) и пединституту-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

та (В.В. Килейников, В.И. Погорелов, А.Т. Синюк) работает областной музей, краеведческие организации. Остальные исследования ведет ИА (Г.Е. Афанасьев, В.И. Гуляев, П.Д. Либеров, С.А. Плетнева, Б.Г. Тихонов и др.) и ИИМК (Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев, Л.М. Тарасов и др.). Значительна доля новостроечных работ.

В Красноярском крае продолжается строительство ГЭС и иных новостроечных объектов (в том числе ОС). В связи с этим в число наиболее исследованных регионов попадает и сопредельная Хакасия (рис. 47). Здесь уже заметна деятельность Хакасского регионального НИИ (Я.И. Сунчугашев). С 1950-х гг. ведет полевые работы Абаканский музей (Э.А. Севастьянова), но высокая степень исследованности обеспечивается работами ИА (М.А. Дэвлет, Л.П. Зяблин, И.Л. Кызласов); МГУ (Л.Р. Кызласов), ИИФФ (В.Е. Ларичев, Ю.С. Худяков и др.). Однако, главным образом, это деятельность ИИМК (З.А. Абрамова, С.Н. Астахов, С.А. Васильев, М.П. Грязнов, Н.Ф. Лисицын, Г.Е. Максименков, М.Н. Пшеницына, Я.А. Шер и многие другие), организующего новостроечные экспедиции и привлекающего для их проведения сибирских (В.И. Молодин, Н.Д. Оводов, Н.В. Полосьмак и др.) и московских археологов. Работают в республике также организации Красноярска и Кемерова.

Группы 2 и 3 – соответственно 19 регионов (22 %) и 22 региона (25 %) – также меняются по составу (рис. 48, 49). В группу 2 из пятой добавляются Якутия, республика Алтай, Ханты-Мансийский АО. Сюда же входят теперь Новосибирская, Саратовская, Кировская, Рязанская области, Ставропольский край. В то же время по некоторым регионам с ранее высоким рейтингом показатели снижаются. Так происходит, например, с Кемеровской областью, хотя там уже сложилась региональная школа, имеется университет, археологов и организаций стало больше. Правда, это регион высокой внешней активности, на которую, очевидно, и направлены силы (карта 8). В группе 2 неизменным остается рейтинг Волгоградской, Иркутской и Томской областей, республик Тувы и Удмуртии, Приморского края.

В центральной России к этой группе относится Рязанская область. Здесь также начинается становление собственного центра. В предыдущий период только треть работ выполнена региональными организациями, причем в основном из категории «прочие». Остальное – работы ИА (А.Л. Монгайт) и ГИМ (Т.Б. Попова, И.К. Цветкова, М.В. Фехнер). Теперь уже 26 % исследований проведено региональными археологами (А.Н. Гаврилов, М.М. Макаров, В.П. Челяпов и др.). Кроме пединститута и Рязанского музея очень активно Управление культуры, организовавшее более половины работ в области.

Ставропольский региональный центр практически сформировался уже в 1954–1964 гг., начало этому процессу было положено еще раньше. В рассматриваемый период школа укрепляется, причем важно, что значительную роль играют органы охраны памятников. Большое значение имели работы новостроечной Ставропольской экспедиции ИА (В.Г. Петренко, М.В. Андреева, В.Л. Державин, В.А. Кореняко, С.Н. Кореневский, Т.М. Мирошина, М.А. Романовская, В.С. Флеров и др.), иных экспедиций ИА (В.Б. Ковалевская, В.И. Марковин), ГИМ (М.П. Абрамова). Работают и иные организации: Чеченский ГУ (С.Н. Савенко), Карачаево-Черкесский НИИ (Х.Х. Биджиев) и другие. Отметим также деятельность музеев: Кисловодского, Пятигорского и Ставропольского (Г.Е. Афанасьев, Я.Б. Березин, А.В. Найденко, Н.А. Охонько, А.П. Рунич и др.). На долю региональных учреждений в это время приходится значительно меньше работ, чем в предыдущий период (только 31 %). Это не значит, что они менее активны, даже наоборот, просто больше участия иных регионов за счет новостроек, чего раньше не было.

Меняется по составу и группа 3, в которую переходят из группы 4 Хабаровский и Алтайский края, республика Коми, Архангельская и Астраханская области; из группы 2 – Вологодская и Нижегородская области, Чеченская республика, рейтинг которых в это время падает. В группе 3 не меняется рейтинг республик Карелии, Марий Эл, Мордовии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Оренбургской и Курганской областей.

В республике Коми и Алтайском крае в это время определенно можно говорить о сложении региональных школ. Уже в 1954–1964 гг. все ра-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

боты в республике Коми были проведены ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН (получает ОЛ с 1957 г.). В рассматриваемый период в полевые работы включились Сыктывкарский ГУ (с 1974 г.) и республиканский музей (с 1975 г.). Региональные организации вели полевые изыскания и за пределами республики. Хотя исследований не так много, возникла региональная школа, в составе которой работало чуть больше 20 археологов (Л.И. Ашихмина, Г.М. Буров, И.О. Васкул, В.И. Канивец, К.С. Королев, Э.С. Логинова, В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.С. Стоколос, Э.А. Савельева, Н.Н. Чеснокова и др.).

В Алтайском крае основное региональное учреждение – Алтайский университет (получает ОЛ с 1977 г., входит в число вузов, наиболее активных в привлечении студентов к самостоятельной работе – рис. 11). На него и ряд других региональных организаций приходится 60 % всех работ в регионе (М.Т. Абдулганеев, Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. и Н.Ю. Кунгуровы, А.Б. Шамшин и др.– около 30 исследователей). Из иных регионов в крае работали ИА (В.А. Могильников, Н.Л. Членова), ИИФФ (А.П. Окладников и др.), Омский и Томский университеты.

Исключительной активностью выделяется Новосибирская область, где как раз в этот период складывается региональная школа (52 % исследований в регионе выполнено организациями, там находящимися). Здесь работают пединститут (А.А. Адамов, А.П. Бородовский, В.А. Зах, А.В. Матвеев, В.И. Соболев, Т.Н. Троицкая и др.), в гораздо меньшей степени – областной краеведческий музей, «прочие» организации (Новосибирский дворец пионеров и т. д.). ИИФФ СО АН СССР, работающий во многих регионах Сибири, Дальнего Востока и иных, исследованиями в области занимается меньше (В.И. Молодин и др.). Может быть, поэтому в число лидеров по степени исследованности она не входит, но прогресс очень значительный – перемещение из четвертой группы во вторую (карты 2, 3).

Интересна ситуация в республике Саха (Якутия). Здесь возникает сразу несколько организаций, не только на 100 % обеспечивших работы в регионе, но организующих экспедиции за его пределами. С 1965 г. получает ОЛ Якутский ИЯЛИ СО АН (Н.В. Антипина, С.П. Кистенев, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, С.И. Эверестов и др.); с 1967 г.– Якутский ГУ (А.Н. Алексеев, Н.Д. Архипов, А.И. Глаголев, Н.Н. Кочмар, Н.М. Черосов и др.); с 1977 г.– республиканское министерство культуры (Ф.Ф. Васильев и др.) и республиканский музей (Л.Н. Жукова). Этот период – своего рода «звездный час», позже опять происходит спад (карты 4, 5).

Особенно заметно падают показатели в ряде регионов центра и юга России и в Среднем Поволжье: Ивановская, Калужская, Костромская, Орловская, Белгородская, Пензенская, Ульяновская области, республика Чувашия. Это объясняется тем, что в них не сложились самостоятельные центры, очень мало региональных организаций и специалистов, новостроечные работы практически не ведутся. Невелико и участие организаций центра и иных регионов. Указанные регионы перешли (и большинство там и останется) в группу 4. Она состоит из 25 регионов, составляющих 28 % от всех, где проводились исследования (рис. 50). Здесь неизменен рейтинг Чукотки, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Липецкой, Тамбовской и Тульской областей, зато появляются Калмыкия, Калининградская и Магаданская области, полевое изучение которых несколько активизировалось по сравнению с предыдущим периодом.

Наименее исследованы национальные округа: Корякский, Таймырский, Эвенкийский, Усть-Ордынский, Коми-Пермяцкий. Они составляют группу 5 (7 % от всех исследованных регионов). К этой же группе пока относится и город Ленинград, в черте которого полевые исследования только начались (А.Д. Грач). Открытые листы на территорию Агинского Бурятского АО не зафиксированы, хотя в дальнейшем, возможно, удастся выделить их из общей массы ОЛ, выданных на республику Бурятию.

Мы уже отмечали роль такого фактора, как промышленное освоение региона. Она очень хорошо видна при сравнении степени исследованности национальных автономий Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Рейтинг первых сразу поднимается с началом добычи на их территориях нефти и газа и организацией в связи с этим новостроечных экспедиций. Остальные до сих пор освоены крайне слабо.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Общие выводы таковы. В 1965–1984 гг. количество полевых исследований возрастает почти во всех регионах России. Этому способствует интенсификация подготовки специалистов и возникновение новых профильных организаций. В археологическом освоении ряда ранее недостаточно исследованных регионов огромна роль новостроечных экспедиций, которых становится во много раз больше, чем в предыдущее время. Полевыми исследованиями в зонах новостроек занимаются все категории организаций. Активизируется процесс формирования региональных школ там, где есть активные вузы, академические институты, региональные научно-исследовательские учреждения. Начинается «цепная реакция»: импульсом к возникновению археологических школ теперь служит не только контакт с центральными учреждениями, но и передача опыта между регионами.

Рассмотренный период, несмотря на нарастание кризисных явлений в государстве, для полевой археологии является стабильным временем. Формируется уровень возможностей регионов, определяемый рядом факторов, в числе которых: финансирование (бюджетное и хоздоговорное), обеспеченность кадрами и профильными организациями (то есть способность охватить определенный объем полевых работ), заинтересованность организаций других регионов в освоении региона.

4. Полевая археология в 1985–1991 годах

Сравнительно короткий период «перестройки» характеризуется, с одной стороны, активизацией полевых исследований, обусловленных развитием негосударственных инвестиций в связи с началом рыночных отношений, с другой — значительными трудностями в проведении полевых работ из-за начавшихся экономических сложностей (спад уровня производства, всеобщий дефицит товаров, рост цен). Начинаются экономические реформы, возникают коммерческие организации, хозяйствующие субъекты, заинтересованные в освоении земли (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 529–533). С их появлением возникают новые источники средств на полевые работы.

Вместе с тем, бюджетное финансирование науки сокращается, что не может не сказаться отрицательно на ее развитии. Новые государственные установки предполагают распространение хозрасчетной системы на научные исследования, что едва ли приемлемо для фундаментальных исследований. В Академии наук СССР вступает в силу новая планово-финансовая система. Археология, как и вся российская наука в этот период, переживает «перестройку» в своей области. Археологи вынуждены искать разные пути финансирования полевой и иной деятельности, что оказывается не так просто. И здесь исключительные возможности открывает охранная археология (Афанасьев, 1989б).

В начале рассматриваемого периода еще действует инерция предыдущего стабильного времени. Количество полевых исследований возрастает интенсивнее, чем в предыдущие годы, как и количество активных археологов (рис. 4, 6). Приток новых специалистов обеспечивается многими вузами. Потребности в учебных изданиях по археологии увеличиваются. Ведущую роль в их подготовке по-прежнему играет Московский университет.

В 1989 г. опубликован учебник Д.А. Авдусина «Основы археологии» (Авдусин, 1989), следующий после издания 1977 г., дополненный новыми материалами. Важная веха — издание учебника Ю.Л. Щаповой «Естественнонаучные методы в археологии» (Щапова, 1988), первого учебного пособия для студентов-археологов, разъясняющего сущность и принципы использования достижений естественных наук в археологических исследованиях. В 1987 г. появляется и учебник Г.А. Федорова-Давыдова «Статистические методы в археологии» (Федоров-Давыдов, 1987). Это направление, известное достаточно давно, в 1970-е гг. стало интенсивно развиваться. Мы уже упоминали методическую работу И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака и Я.А. Шера «Анализ археологических источников» (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975), сыгравшую большую роль в формировании нового мировоззрения археологов, по крайней мере, молодого на тот момент поколения. В рамках археологической специализации в вузах возникает соответствующий курс, отразившийся, наконец, в учебном пособии.

Все перечисленные книги представляют теоретические знания. В области полевой археоло-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гии наблюдается некоторое отставание. Нового переиздания классического учебника Д.А. Авдусина по полевой археологии после 1980 г. не последовало. Пособия для студентов, включающие разделы по этой дисциплине, все же появляются.

В 1989 г. издан учебник А.И. Мартынова и Я.А. Шера (Кемерово) «Методы археологического исследования». Он содержит главы, посвященные методике полевой археологии, написанные А.И. Мартыновым (Мартынов, Шер, 2002, с. 20–102). В них много важных указаний по организации экспедиций и проведению разведок, есть характеристика геофизических методов. Но при разметке и нивелировке кургана предлагается использовать рейки, уровень и компас (Мартынов, Шер, 1989, с. 57), в то время как для этого существует буссоль, да и нивелир археологам давно известен. Вспомним, что еще в 1934 г. в пособии А.А. Миллера даны обстоятельные разъяснения по применению геодезических приборов (Миллер, 1934, с. 181–192). А.И. Мартыновым никак не объяснен процесс замера глубин ни для могильников, ни для поселений. Глазомерная съемка памятника при разведке предлагается как наиболее приемлемая и доступная в связи с тем, что инструментальная съемка – поприще топографов. Это, конечно, так, но археологи уже давно освоили инструментальную съемку, по крайней мере, во многих экспедициях 1970–1980-х гг. она успешно применялась. Кроме того, при работах по землеотводам и для Земельного кадастра глазомерная съемка вообще не приемлема.

Таким образом, сам факт появления пособия по полевой археологии важен, но предлагаемая методика раскопок в некоторых аспектах проблематична. Что касается глав, написанных Я.А. Шером и посвященных статистическим и иным методам обработки археологического материала, они, безусловно, явились важной вехой в формировании современного мировоззрения и профессионального уровня специалистов-археологов.

Продолжается разработка полевых методик. ОПИ выпускает второй сборник «Методика полевых археологических исследований» (Методика, 1989). В 1986 г. одной из основных реставрационных организаций – объединением «Росреставрация» – издана инструкция «Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры (полевые исследования)» (Беляев, 1986). Еще одна работа такого плана – брошюра «Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике» (Датировка, 1986). Признанным специалистом в области полевого изучения наскальных изображений М.А. Дэвлет опубликована статья, которую можно считать пособием по этому виду работ (Дэвлет, 1990, с. 83–89). Она дает общие установки для этих специальных исследований.

Новые пособия появляются и для подводных исследований (разработки Института культуры). Теперь они более детализированы и включают оба вида полевых работ – раскопки и разведки (Окороков, Таскаев, 1988, 1989). Это тем более важно, что сфера применения подводных исследований ширится: с начала 1980-х гг. начинаются работы в акватории Финского залива (В.А. Тюленев), Невы (П.Е. Сорокин), в Архангельской (А.В. Окороков), Псковской (А.М. Микляев) областях, в Карелии (П.Е. Сорокин), в акватории Каспийского моря (А.А. Кудрявцев). Продолжаются подводные исследования в акватории Черного моря в районе Таманского полуострова (А.В. Кондрашев, В.Н. Таскаев, К.К. Шилик).

Появляются инструкции по взятию в поле образцов для анализов и определений методами естественных наук. В упомянутый выше методический сборник ОПИ 1989 г. включены две таких статьи (Кирьянова, 1989, с. 47–50; Мамонова, Романова, Харитонов, 1989, с. 50–84). Всесоюзным НИИ реставрации разработана инструкция по полевой консервации археологических находок для изделий из текстиля, металла, стекла (Полевая консервация, 1987). Это продолжало традиции Института археологических технологий ГАИМК, что тем более важно, поскольку утрата находок из-за неправильных действий при их извлечении и первичной очистке и даже из-за несоответствующей упаковки, к сожалению, не такая уж редкость. Не случайно, правила обращения с находками обсуждали классики российской археологии (Спицын, 1898; Самоквасов, 1908; Городцов, 1911).

Основным регламентирующим документом для данного периода является «Инструкция» к ОЛ, разработанная ОПИ в 1984 г. (Инструкция, 1984). В 1991 г. было принято новое «Положе-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ние», действовавшее в основном в течение следующего периода (Положение, 1991). Разъяснению содержания «Инструкции» 1984 г. посвящен ряд работ Д.Б. Шелова (Шелов, 1984, 1986, 1987). Это было необходимо, поскольку целый ряд ее пунктов явился новым для археологического сообщества, но при этом базировался на реалиях, еще не вошедших в его менталитет, а потому вызывающих иной раз непонимание. Именно с этого времени окончательно закрепился современный стандарт регламентации и оформления ОЛ.

Продолжалась реализация государственной программы мелиорации земель, принятой в 1966 г., как и строительство всевозможных нефте- и газопроводов, дорог и иных объектов. Сотни памятников подлежали уничтожению в ходе этих работ. Это требовало мобилизации сил многих учреждений археологического профиля для работы на новостройках. Теперь уже новостроечный опыт был достаточно велик, были отработаны не только полевые приемы и принципы организации экспедиций необходимого уровня, но и система отношений со строительными и иными хозяйствующими организациями.

Огромная роль здесь принадлежит отделу охранных раскопок ИА, созданному в 1972 г. Сотрудники отдела сами вели крупные экспедиции, кроме того, с 1978 г. все новостроечные экспедиции ИА, независимо от подразделения, были под контролем отдела (Смирнов А.С., 2004, с. 16; Сорокина, 2004б, с. 133–184). Отдел занимался не только проведением охранных работ, но и методикой их организации. Так, были определены примерные расценки археологических работ с учетом предварительного обследования, раскопок, камеральной обработки материалов и реставрации находок. Эти разработки начаты Ю.А. Красновым еще в 1970-х гг. (Краснов, 1989а). В 1980-е гг. они продолжались под руководством Г.Е. Афанасьева и были утверждены Президиумом АН СССР (Афанасьев, Каменецкий, Решетникова, 1986; Афанасьев, Решетникова, 1986; Афанасьев, Паромов, 1988; Афанасьев, Сорокин, 1988; Афанасьев, 1989а; Смирнов А.С., Афанасьев, Решетникова, 1987). В течение многих лет этими расценками широко пользовались российские археологи, они также полезны и сейчас как методическая основа учета соответствующих работ. Не менее важной была и разработка принципов археологического сопровождения строительных проектов, в основе которой лежало опережение строительства археологическим обследованием и раскопками (Смирнов А.С., 1989, 1990). Таким образом, складывалась теория охранной деятельности в России.

Масштабность охранных задач вполне осознавалась археологами. В 1980-х гг. ощущалась необходимость создания общего координационного центра по охранным работам, способного выстроить единую политику в этом направлении (Афанасьев, 1985, с. 6). Разработка системы быстрого, но тщательного и всестороннего исследования археологических памятников, «оптимальной методики полевых процедур» воспринималась как новая задача полевой археологии (Шелов, 1984, с. 10; Массон, 1985, с. 3).

В 1985 г. в Ленинграде состоялась научно-практическая конференция «Археологические исследования в зонах мелиорации» (АИЗМ, 1985). Выбор темы не случаен. Обозначилась связь между экономической политикой государства (программа мелиорации) и, казалось бы, далекой от нее областью науки – археологией, возникли проблемы, которые надо было обсудить и осмыслить. Благодаря массовым раскопкам, на которые никаких бюджетных средств не хватило бы, очень быстро пополнялась база археологических источников. Это ставило задачи их грамотной обработки и введения в научный оборот, в том числе и путем передачи коллекций в музеи для экспозиции.

Новая концепция отношения к охранным полевым работам связана с размахом новостроечных экспедиций в 1980-х гг. В результате новостроек появились новые научные возможности археологических исследований в целом (не только полевых) – например, реконструкция древних обществ в результате освоения больших массивов материала (Массон, 1985). Это несколько меняло традиционный взгляд академического сообщества на охранную археологию. В 1989 г. в Суздале прошел научно-практический семинар, посвященный научным, методическим и организационным вопросам, связанным с работами на новостройках (Новое..., 1989). В работе этого форума, как и конференции 1985 г., принимало

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

участие значительное количество археологов Москвы, Ленинграда и многих регионов. Все это свидетельствовало о значимости новостроечных полевых исследований и как комплекса охранных мероприятий, и как средства формирования источниковедческой базы.

Но имелись и отрицательные моменты. Ежегодный объем новостроечных работ до конца 1980-х гг. продолжал возрастать очень быстро. Еще в предшествующий период остро встал вопрос о том, как должным образом обработать непрерывно растущие коллекции. Крупные новостроечные экспедиции, работавшие на хоздоговорном финансировании, могли закладывать в смету расходы на камеральную обработку и реставрацию, но времени и сил не всегда хватало. Реставрационные лаборатории не справлялись с объемом материала.

Более всего обеспокоились сами археологи, работавшие в новостроечных экспедициях, особенно в центральных учреждениях ИА и ЛОИА. Возникала идея создания временных коллективов не только для проведения экспедиций, но и для обработки и издания коллекций с последующей передачей в их музей (Голенцов, 1989, с. 31). Но для этого требовались средства отдельно от полевых работ, что трудно закладывать в смету до сих пор, поскольку строительные организации полагают свои обязательства перед законом исполненными, профинансировав собственно раскопки или разведки. Справедливости ради надо сказать, что с коллекциями, полученными бюджетными экспедициями, дело иной раз обстояло еще хуже, поскольку средств на обработку было совсем мало, вместе с тем ежегодные работы пусть в небольшом объеме, но продолжались. Полученные коллекции оседали в научных и учебных учреждениях или сдавались в музей без должной обработки. Да и по другим причинам со сдачей коллекций возникали различные трудности (Кореняко, 2004; Сорокина, 2007).

Анализ текущего состояния дел в российской полевой археологии показывал, что большинство исследователей справляется со сроками и объемами новостроечных работ без методических огрехов, но есть примеры серьезных нарушений, например, использование землеройной техники при раскопках городищ. Для борьбы со злостными нарушениями методики и выявления случаев порчи памятника, для последующих ограничений работ археолога или лишения его права получения открытых листов ОПИ практиковал инспекционные поездки. Чтобы ликвидировать методическую безграмотность предлагалась стажировка у опытных исследователей (Шелов, 1981). Вспомним, что к тому же призывали еще члены ИАК.

Доля различных категорий организаций в полевых исследованиях периода показана на рис. 9,*5*. Продолжает сокращаться доля АН (с 37,8 % в 1965–1984 гг. до 32,6 % в рассматриваемый период), несмотря на возникновение новых крупных учреждений. В 1990 г. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР был преобразован в Объединенный Институт, в состав которого входил специализированный Институт археологии и этнографии под руководством академика А.П. Деревянко, генерального директора всего объединения (Институт, 2006, с. 8–10). В 1988 г. был образован Институт истории и археологии УрО АН — центральное академическое учреждение археологического профиля Уральского региона. В 1987 г. Удмуртский НИИ регионального подчинения преобразован в ИИЯЛ УрО АН.

Таким образом, самих академических учреждений меньше не стало, но наблюдается новая тенденция. В предыдущие периоды доля Академии сокращалась просто за счет возрастания активности и увеличения доли других категорий, прежде всего вузов, при этом количество полевых исследований не уменьшалась. Теперь же, особенно с 1989–1990 гг., сокращается именно объем работ Академии (да и остальных тоже). Причина — нарастание кризисных явлений в государстве, сокращение бюджетного финансирования, всеобщий дефицит, затрудняющий проведение экспедиций. Сворачиваются крупные новостроечные проекты, борьба за финансирование приводит к вытеснению центральных учреждений из регионов, тем более что там достаточно своих сильных организаций. Например, в это время очень существенно сокращается география работ отдела охранных раскопок ИА (Сорокина, 2004б, с. 180–183). Если кризис так отразился даже на хозрасчетных работах, что уж говорить о бюджетных.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сократилась по той же причине и доля региональных научно-исследовательских учреждений (с 4,5 % до 2,7 %), а также центральных и региональных реставрационных организаций (с 1,9 % до 1,3 %). А вот активность музеев (с 15,6 % до 18,5 %) и вузов (с 36,1 % до 38,9 %), напротив, возросла. Вузы вышли на первое место по общему количеству полевых исследований в России. Это пик их активности за весь послевоенный период. Такая картина наблюдается, возможно, потому, что эти категории, особенно не центральные, а региональные организации, быстрее перешли на небольшие хоздоговорные работы — на местах легче было их находить. К тому же вузы сохранили хоть и небольшое финансирование практики студентов, что тоже помогало им выживать.

Практически исчезли «прочие» организации (после принятия «Инструкции» 1984 г., провозгласившей прием заявок на ОЛ только от специализированных организаций). До этого наблюдался резкий рост темпов подготовки специалистов (рис. 6), поэтому в привлечении дополнительных сил нужда отпала, тем более что даже и вне новостроек объем работ в начале периода увеличился, и требования к их качеству и качеству отчета возросли.

Негосударственные организации поначалу даже более активны, чем в предыдущий период (0,8 % всех работ). Государство законодательно обозначило курс на свободу экономической деятельности. Это стимулировало создание коммерческих структур и инвестиции. Кроме ВООПИиК появляются и другие негосударственные организации, ведущие полевые работы. С 1990 г., например, начинается деятельность ТНИИР-Центра, который вскоре станет одним из основных производителей работ в Тверской области. С начала периода ВООПИиК довольно активно, причем иной раз в регионах, где другие категории не сильны, а степень исследованности невысокая (Белгородская, Ивановская, Орловская, Сахалинская, Ярославская области). Однако с середины 1980-х гг. Общество стало испытывать финансовые трудности, вложение средств в археологию практически прекратилось. Привлечением внебюджетных средств занимаются и государственные центры и объединения — категория, только появившаяся в конце предыдущего периода. Ее доля — 0,1 %.

В пять раз увеличилась доля органов охраны памятников — с 0,6 % до 3 %. Прошло достаточно лет с момента принятия российского охранного законодательства (1978 г.), за это время создалась структура охранных организаций, многие успешно наладили работу. В новых условиях повысилась ее эффективность. В ряде регионов были созданы производственные группы по охране памятников — основа системы будущих охранных организаций. Процесс имел и еще одну положительную сторону: в этих структурах, кроме чиновников, часто работали и профессионалы-археологи, то есть с одной стороны, это шаг к уменьшению вечного дефицита рабочих мест для специалистов этого профиля, с другой — контроль за состоянием археологического наследия становился более эффективным.

Параллельно активизировались и органы государственной власти, и администрация (Управления культуры). Их доля выросла более чем в два раза (с 0,7 % до 1,9 %). Это тоже следствие законодательных мероприятий. В некоторых регионах органы охраны и администрация начинают контролировать строительные работы, стремятся добиться соблюдения законодательства и проведения предварительных археологических исследований. Но у них часто нет опыта полевых работ, там заняты в основном молодые специалисты, ощутима нехватка кадров, а у музеев, вузов и научных учреждений — принципиально другие задачи. Необходим контакт. Лучше всего памятники охраняются в регионах, где он есть, например, в Псковской области и Краснодарском крае (Шелов, 1987, с. 19).

Охранные организации и органы государственной власти начинают, пусть и понемногу, проводить полевые работы и своими силами, и с привлечением специалистов из учреждений других категорий. Речь идет, разумеется, о новостройках. Такие процессы наблюдаются в Амурской, Архангельской, Астраханской, Брянской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Кемеровской, Курганской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Нижегородской, Новосибирской, Орловской, Пермской, Псковской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Тамбовской, Тульской, Тюменской, Ярославской

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

областях; Краснодарском, Красноярском, Приморском и Хабаровском краях; республиках Адыгее, Бурятии, Калмыкии, Карелии, Туве, Хакасии, Чечено-Ингушетии; г. Москве. Это почти половина регионов, на тот момент очень много. Впервые в России создаются предпосылки для реализации охранного законодательства средствами административного ресурса. Конечно, далеко не везде они материализуются в дальнейшем, но тогда был важен почин.

Распределение форм ОЛ по категориям организаций дает следующую картину (рис. 10,5). Увеличивается количество ОЛ формы 4 у всех категорий организаций, особенно у вузов, музеев и органов охраны памятников. Это лишний раз подтверждает вывод об активности и мобильности региональных организаций по сравнению с центральными, их преимущество в борьбе за хозрасчетное финансирование на местах. Академия наук также начинает вести больше хоздоговорных работ по форме 4. Но вспомним, что и ОЛ формы 1 все еще выдаются и на новостроечные экспедиции, так что реально количество ОЛ формы 4 должна быть больше. Количество разведок по ОЛ формы 2 в академических учреждениях заметно уменьшается, как и работ по форме 1, надо полагать, из-за прекращения большинства бюджетных экспедиций. В распределении форм практически ничего не меняется только у реставрационных организаций.

Несколько иначе организован подход к работе: раньше комплексные экспедиции собирались под эгидой ИА и ИИМК, теперь самостоятельно – по регионам. Это хорошо видно по деятельности многих академических и неакадемических организаций, особенно Сибири, Поволжья и Урала. Объем работ заставляет подбирать команды специалистов из многих регионов (карты 9, 9а).

Особенную внешнюю активность проявляют организации Сибирского отделения, прежде всего ИИФФ. Его работы охватывают многие регионы Сибири (кроме Иркутской области и национальных АО) и южные регионы Дальнего Востока. Во многом в результате работ ИИФФ в группу лидеров по степени исследованности вошла республика Алтай (рис. 52). Много работ вне своих регионов ведут и другие академические учреждения: ИИА УрО, ИИАЭ ДВО, академические институты в республиках Бурятии, Якутии, Коми, Карелии, Дагестане, Удмуртии.

Возрастают темпы расширения полевых исследований в связи с появлением элементов рыночной экономики, прежде всего, частных инвесторов, акционерных и иных обществ. В 1982–1984 гг. в ИА работали ежегодно по 20–22 новостроечные экспедиции. В 1986–1988 гг. их было уже ежегодно по 26–30 (Афанасьев, 1985, с. 2, 1989б, с. 7).

В 1985–1991 гг. полевые работы проводились во всех регионах. По степени исследованности выделяются пять групп (рис. 51–55, карта 4). Внешняя активность старых и новых региональных школ представлена на картах 9 и 9а. Количество исследований на регион резко возрастает. Максимум предыдущего периода – 25 исследований в год, максимум рассматриваемого – 46. Лидеры (группа 1, 11 регионов, 13 % от всех исследованных) имеют больший отрыв по этому показателю, поэтому часть регионов, где темпы роста количества исследований не так высоки и более близки к показателям предыдущего периода, вынужденно перемещается ниже, во вторую группу: Башкортостан, Ленинградская, Новгородская, Самарская, Тюменская, Челябинская области (рис. 53). Это не означает, что активность в них падает, она не меняется или даже несколько возрастает, но у других этот рост, прямо-таки стремительный, переходит в новое качество. Положение ряда регионов внутри первой группы несколько меняется, что не влияет на общий высокий показатель исследованности. По-прежнему в числе лидеров Краснодарский и Красноярский края, Ростовская, Воронежская, Московская, Тверская, Псковская, Пермская области, республики Хакасия и Татарстан. В Псковской области окончательно оформляется региональная школа, формирование которой началось еще в предыдущий период.

Особенно заметно увеличение количества работ по Краснодарскому краю – абсолютному лидеру среди регионов после выхода из состава РСФСР Крымской области, лишь в 1954–1964 гг. уступавшему по количеству исследований Московской области. Основная тематика исследований здесь – разновременные курганные и грун-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

товые могильники и поселения (в том числе меотские городища) в зонах ОС и иного строительства. Хотя работы на античных памятниках расширяются и тоже часто связаны с новостройками (ИА – Е.М. Алексеева, В.Д. Кузнецов, Э.Я. Николаева, Б.Г. Петерс и др.; ГМИИ – А.К. Коровина, Е.А. Савостина, С.И. Финогенова). Исследуется палеолит (работы ИИМК – Л.В. Голованова, В.П. Любин, В.Е. Щелинский). Почти 40 % работ выполняют региональные организации. Теперь это не только Краснодарский музей и Кубанский университет, но и Анапский, Новороссийский, Таманский и Туапсинский музеи, Производственная группа по охране памятников. Складывается плеяда краснодарских археологов (А.В. Дмитриев, А.М. Ждановский, О.Ф. Жупанин, В.Н. Каминский, А.В. Кондрашев, Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко, А.В. Пьянков, Б.А. Раев, В.А. Тарабанов, М.К. Тешев, И.В. Цокур, Н.Ф. Шевченко и многие другие). Всего в крае получают ОЛ свыше 30 археологов из региона.

В течение 20 лет, с начала 1970-х гг., как уже отмечалось, более всего экспедиций проводится в зонах новостроек, особенно на юге России. Здесь во второй половине 1980-х гг. продолжаются работы на ОС и планировке полей. Этим во многом и поддерживается высокая степень исследованности многих регионов, и не только первой группы. Помимо Краснодарского и Ставропольского краев, это также Ростовская и Волгоградская области. Пока еще многими отрядами работают крупные экспедиции ИА и ИИМК. Но к рубежу 1980–1990-х гг. начинают сказываться кризисные явления, сворачиваются крупные строительные проекты, обостряется борьба за финансирование. Многие экспедиции центра фактически прекращают работы.

В число лидеров вошла республика Алтай, где также проводилось много новостроечных работ (ГЭС, автодороги и иное строительство). Большая часть работ в регионе (33 %), как новостроечных, так и иных, проведена ИИФФ (ИАЭТ) СО АН (А.П. Деревянко, В.Д. Кубарев, В.И. Молодин, Ю.С. Худяков и др.). 30 % исследований приходится на учреждения Алтайского края, прежде всего, на Алтайский ГУ (Ю.Ф. Кирюшин, Ю.Т. Мамадаков, Н.Ф. Степанова и др.). Только 19 % работ выполнили региональные организации: Горно-Алтайский НИИЯЛИ, республиканский краеведческий музей, пединститут (С.М. Киреев, В.А. Кочеев, В.И. Соенов, А.С. Сурзаков, Л.М. Чевалков и др.). Остальные 18 % работ – результат деятельности Кемеровского, Новосибирского, Томского университетов, ИА, ГЭ, МГУ. Таким образом, высокий показатель достигнут далеко не собственными силами, но важен сам факт проявления активности региональных организаций.

В число наиболее исследованных регионов с первой половины 1960-х гг. вошла Тверская область, что обеспечивалось по преимуществу экспедициями московских учреждений. С 1983 по 1986 г. в регионе в зоне строительства Ржевского гидроузла работает Калининская экспедиция ИА под руководством Л.В. Кольцова (М.Г. Жилин, И.В. Исланова, М.Е. Смирнова, А.Н. Сорокин и др.). В ней участвуют многие организации и археологи Тверской области (Кольцов, Жилин, 1989; Сорокина, 2004б, с. 133–183). Эти исследования (как по заявкам ИА, так и региональных учреждений – ТГОМ и Тверской ГУ) составляют едва ли не половину работ в области в это время. Позже продолжает работы на новостроечных объектах вне городов Верхнемстинская экспедиция ИА (И.В. Исланова) опять же в контакте с тверскими археологами, а также некоторые полностью региональные экспедиции. Продолжает работы ИИМК (Г.В. Синицына, Д.И. Фоняков и др.), много производится архитектурно-археологических исследований (Н.В. Сапожников, А.М. Салимов, Е.Л. Хворостова). На долю тверских региональных организаций приходится несколько меньше работ в регионе, чем в предыдущий период (35 % вместо 37 %) именно за счет того, что множество заявок идет от ИА. Важным направлением становятся только начавшиеся работы тверских экспедиций на строительстве в исторических городах, прежде всего в самой Твери. Таким образом, закладывается основа будущего тверского регионального центра.

Группа 2 состоит из 21 региона – 24 % (рис. 53). Сюда впервые (и пока в последний раз) попала республика Адыгея. Этому способствовали работы экспедиции ГМИНВ (А.М. Лесков, Т.А. Габуев, К.А. Днепровский, Л.М. Носкова,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В.Р. Эрлих), ГЭ (А.Ю. Алексеев), ИИМК (Л.В. Голованова, А.Д. Резепкин, М.Б. Рысин, В.А. Трифонов и др.). Но главное – активизируются региональные учреждения: Адыгейский НИИ и республиканский музей. Экспедиции ведут региональные археологи П.У. Аутлев, Н.Г. Ловпаче, А.А. Нехаев, А.А. Сазонов, Ел. Н. Черных и др. Создаются предпосылки для становления регионального центра, чего, однако, к сожалению, не произошло.

В группу 2 ряд регионов входит по-прежнему. В Свердловской, Омской, Новосибирской, Волгоградской, Саратовской областях, Удмуртии и Приморском крае региональные центры сформировались давно. При учете большого исследовательского потенциала, значительная часть которого направлена на внешнюю активность, показатели по Свердловской и Новосибирской областям могли бы быть выше. С другой стороны, эта активность обеспечивает изучение регионов Поволжья, Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, которые сами пока не в состоянии обеспечить должный уровень. В некоторых регионах группы 2 (Ханты-Мансийский АО, Кировская, Ярославская области) археологических центров пока нет. Высокая степень исследованности обеспечивается работами организаций из других регионов.

В Рязанской области происходит процесс, типичный для многих регионов. С одной стороны, заканчивается формирование регионального центра, 40 % работ проведено организациями региона. С другой стороны, на общем фоне количество исследований сокращается почти вдвое по сравнению с предыдущим периодом. Оно вернется к показателям 1965–1984 г. в следующий период (рис. 59), но область перейдет в группу 3. Можно сказать, что определяется своего рода «потолок»: только наличие школы позволит сохранить некий уровень, но ее мощность недостаточна для интенсификации. Полевые исследования в области проводят пединститут и областной музей-заповедник. Но больше всего их приходится на долю областного Управления культуры – 32 %. Это, как мы увидим дальше, более характерно для периода 1992–2006 гг.

Важные изменения произошли в республике Коми. Этот регион давно полностью исследуется региональными организациями, которые и обеспечили заметный рост количества работ. В 1985–1991 гг. ОЛ были выданы 27 исследователям, на их долю приходится уже 68 % всех работ в регионе. Входит во вторую группу и Алтайский край, где, как и в Коми, региональный центр сформировался уже в предыдущий период, но общий рейтинг пока был невысоким из-за малой интенсивности работ. Из иных регионов в крае работали ИА (В.А. Могильников), ИИФФ (Ю.В. Гричан, А.П. Деревянко и др.), Кемеровский ГУ.

Работы в Вологодской области в 1965–1984 гг. вели практически полностью ИА (Л.А. Голубева, Н.А. Макаров, А.В. Никитин, С.В. Ошибкина), ГИМ (Н.В. Тухтина), НИИ Карельского и Коми НЦ АН, центральные реставрационные организации (П.М. Алешковский и др.) и некоторые другие учреждения. В 1985–1991 гг. ситуация резко меняется. Уже 56 % исследований выполняют региональные организации: Вологодский историко-художественный музей (И.Ф. Никитинский и др.), педуниверситет (А.Н. Башенькин, С.Ю. Васильев, М.В. Иванищева и др.), Дирекция по реставрации и использованию памятников истории и культуры (А.М. Иванищев), музеи г. Череповца (Н.В. Кондакова, А.В. Кудряшов). Определенно можно говорить о возникновении региональной школы. Вместе с тем продолжают работать и экспедиции центральных учреждений: ИА, ГИМ, реставрационных организаций.

Третья группа – среднеисследованные регионы. Их насчитывается 18 или 20 % (рис. 54). Наблюдаются те же процессы: сюда из второй группы предыдущего периода «проседают» регионы, активность которых меняется несущественно: Иркутская, Смоленская и Томская области, Тува и Якутия, Ставропольский край. Неизменно положение Астраханской, Читинской, Оренбургской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской областей, г. Москвы, республик Марий Эл и Северной Осетии. Вновь в группу 3 входят Мордовия, Ульяновская и Тульская области. Наиболее сильные и давно сложившиеся центры из перечисленных регионов в Иркутской и Томской областях. Окончательно формируется региональная школа в Оренбургской области. Несмотря на относительно слабую освоенность в отношении полевой археологии, в некоторых из регионов группы 3 складываются центры, напри-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мер, в Астраханской области. Именно это и позволяет сохранять уровень полевых исследований, не теряя рейтинга.

Уже в 1965–1984 гг. половину работ в Северной Осетии вели региональные организации: НИИ Владикавказского НЦ АН (В.А. Кузнецов, В.Х. Тменов), Северо-Осетинский ГУ (Н.И. Гиджрати, А.О. Наглер, В.Л. Ростунов и др.). Традиционно работали в регионе ГИМ (М.П. Абрамова, А.П. Мошинский), ИА (В.Б. Ковалевская, В.И. Марковин), ИИМК (В.П. Любин). В 1985–1991 гг. региональные археологи провели уже 60 % исследований. Кроме перечисленных организаций к полевым работам подключился республиканский музей (П.К. Козаев, Р.С. Сосранов и др).

Относительно неплохо обстоят дела в Читинской области. Забайкальский ГПУ выполняет 86 % полевых работ (С.Г. Васильев, Л.В. Екимова, И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев, М.В. Константинов и др.). Остальное приходится на Якутский ГУ (10 %) и Академию наук (4 %). Можно говорить о начале становления археологической школы, причем основная роль в этом процессе на данном этапе опять-таки принадлежит вузу.

В Поволжье формируются региональные школы в Мордовии, Марий Эл, Нижегородской области. Последняя ранее занимала более высокое место, но это достигалось за счет работ, выполняемых организациями из других регионов, прежде всего Москвы (ИА, ГИМ), Мордовии (Мордовский ГУ, региональный НИИЯЛИЭ), Марий Эл (Марийский ГУ). Сейчас более 50 % работ приходится на региональные организации: областное управление культуры, Археологическую службу (орган охраны), Городецкий и Арзамасский музеи, Нижегородский ГУ (Т.В. Гусева, З.С. Коновалова, В.И. Мартьянов, В.А. Флягин, Л.Д. Шакулова и др.).

Региональные организации в Мордовии и Марий Эл вели работы в других регионах уже в предыдущий период (карты 8, 8а). Эта традиционная для Поволжья внешняя активность сохраняется. В Мордовии ведущими организациями являются: региональный НИИ (В.В. Гришаков И.М. Петербургский, В.Н. Шитов и др.) и Мордовский ГУ (Н.А. Акимов, В.П. Вихляев и др.). В Марий ЭЛ организаций больше: Марийский НИИЯЛИ (В.В. и Т.Б. Никитины, Б.С. Соловьев, А.И. Шадрин и др.), Марийский ГУ (Ю.А. Зеленеев, В.С. Патрушев и др.), республиканский музей (С.В. Большов, В.В. Николаев).

В Тульской области половину работ пока ведут археологи Москвы: ГИМ (М.И. Гоняный, А.П. Мошинский, Н.Г. Недошивина, Б.А. Фоломеев, И.Л. Чернай) и в гораздо меньшей степени ИА (А.С. Смирнов и др.). Но быстро набирают вес тульские организации: Производственная группа по охране памятников, областной музей, пединститут (В.П. Гриценко, Ю.Г. Екимов, О.Н. Заидов, Р.В. Клянин, А.Н. Наумов и др.).

Особенно многочисленна группа 4. Это 26 регионов или 29 % (рис. 55). И здесь наблюдается появление регионов, рейтинг которых был выше на фоне меньшего количества работ в предыдущем периоде: Хабаровский край, республики Бурятия, Карачаево-Черкессия, Дагестан, Чеченская республика, Кемеровская, Курганская, Курская, Брянская области. Сейчас исследований даже немного больше, например, в Бурятии. Но все равно это очень мало по сравнению с лидирующей группой. И в этой группе рейтинг ряда регионов практически не меняется: Магаданская, Камчатская, Сахалинская, Амурская, Калининградская, Костромская, Ивановская, Пензенская, Липецкая, Тамбовская, Орловская, Белгородская, Калужская области, Чукотский АО, республика Калмыкия. Есть и весьма активные в прошлом школы: в Кемеровской области, Дагестане. В подавляющем же большинстве регионов центров нет, хотя в некоторых случаях предпосылки для этого были, но по разным причинам не реализовались.

Все-таки и здесь начинают формироваться свои, пусть и относительно слабые, центры, что очень важно, поскольку только за счет этого можно поддержать уровень развития полевой археологии в регионах. В Калмыкии 65 % работ — региональные: Калмыцкий ИИЯЛИ, Калмыцкий ГУ, республиканское Министерство культуры (С.М. Васюткин, П.М. Кольцов, М.А. Очир-Горяева, Е.В. Цуцкин). Практически все работы связаны с новостройками. Основания для региональной активности с начала 1960-х гг. были заложены новостроечными экспедициями Саратовского ГУ (И.В. Синицын), ИИМК (К.С. Лагоцкий, В.П. Шилов), позднее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ГИМ (Н.И. Шишлина), а также У.Э. Эрдниевым и Е.В. Шнайдштейн. В Липецкой области два вуза проводят 40 % работ (А.Н. Бессуднов, И.Е. Бирюков, Н.А. Тропин). В значительной степени в связи с деятельностью Деснинской экспедиции ИА активизируются археологи Калужской области (Б.В. Грудинкин, Г.А. Массалитина, О.Л. Прошкин).

Наименее исследованными остаются все те же национальные автономные округа Сибири, Еврейская АО, Корякский и Коми-Пермяцкий и Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область. Это группа 5, 12 регионов, 14 %. Сюда же входят Ингушетия (пока еще как часть Чечено-Ингушетии), Кабардино-Балкария и Чувашия. Исследований по Санкт-Петербургу мало не из-за недостаточной активности археологов, а из-за позднего характера памятников региона. Интерес к ним, особенно в связи с реставрацией и благоустройством, проявляется позже.

В части регионов ситуация по сравнению с предыдущим периодом выглядит хуже, например, в Чувашии. Это связано с тем, что тогда значительную часть работ в республике вела Чебоксарская экспедиция ИА под руководством Ю.А. Краснова (с 1968 по 1973 г.– строительство Чебоксарского водохранилища), ГИМ (Н.В. Трубникова), организации республик Татарстан и Марий ЭЛ. При этом собственно из Чувашии ОЛ получал только В.Ф. Каховский (Чувашский региональный НИИ). Соответственно, о школе речь не шла.

Пик успехов полевой археологии в рассмотренный период приходится на 1989–1990 гг. Это следствие инерции предыдущего долгого и стабильного периода. Уже с 1991 г. начинается спад экономической деятельности в стране и, соответственно, полевых работ (рис. 4). И для профильных учреждений, и для самих археологов начинается период выживания в новых условиях. Основная наблюдаемая тенденция состоит в следующем. С одной стороны, объем полевых работ практически всюду возрастает, с другой – далеко не все регионы могут выдержать такой темп, пропорционально наращивать количество исследований и сохранить должный уровень, тем более вырваться вперед. Во многих случаях происходит «проседание» вниз, хотя количество работ в регионе не уменьшается, а иногда и увеличивается. Такое бывало и раньше, но сейчас стало особенно заметно. Причина этого явления, как представляется, состоит в том же, что уже отмечалось в предыдущем разделе: сформировался определенный уровень возможностей регионов, своего рода «потолок». Если он не меняется под влиянием каких-либо обстоятельств, существенный рост произойти не может. Начинается отставание, что, конечно, нехорошо, так как страдают в первую очередь памятники, поскольку хозяйственное освоение территории идет быстрее, чем археологическое.

5. Полевая археология в 1992–2006 годах

Это время кардинальных перемен в политической и экономической жизни страны. После распада СССР возникает суверенная Россия. В 1992 г. наступает время экономических потрясений. Сказываются последствия отпуска цен в 1992 г. (реформы правительства Е.Т. Гайдара), резко снижается жизненный уровень населения. Еще хуже обстоит дело с падением объема производства, начавшимся уже в предыдущий период (Моряков, Федоров, Щетинов, 2003, с. 544–549). Особенно тяжелые периоды – середина 1990-х гг. и дефолт 1998 г.

В 1993 г. с принятием новой Конституции Российской Федерации меняется политическая ситуация. Регионы обретают собственную систему управления. Самостоятельными становятся те, которые раньше входили в состав других областей и краев (автономные республики, округа). Региональное законодательство, иной раз идущее вразрез с общегосударственным, не всегда благоприятно влияет на возможности организации полевых исследований. Большую самостоятельность приобретают органы государственной власти, администрация регионов и иные региональные организации. Обостряется жесткая конкуренция между центральными и региональными учреждениями за получение основных источников финансирования – хоздоговоров. В этих условиях проведение полевых работ резко сокращается (рис. 4). По количеству выданных в 1994 г. ОЛ происходит падение до уровня 1981 г. Фактически прекращается бюджетное финансирование полевых работ, других инвестиций мало (гранты, иностранные спонсоры, заинтересован-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ные в российском материале). Лучше выживают малобюджетные экспедиции.

Это трудное время и для совершенствования методики полевых исследований. Нет авторитетных обобщающих и обучающих работ, рассчитанных на общероссийское археологическое сообщество: ни учебников по полевой археологии, ни сборников инструкций, конкретизирующих способы исследования отдельных типов памятников, как это было сделано в 1980-е гг. по инициативе ОПИ (Методика, 1983, 1989). Это напоминает первые послевоенные годы, когда недостаток общих разработок вынужденно компенсировался частными статьями.

Так, методическим вопросам, в том числе и по полевой деятельности, была посвящена прошедшая в 1992 г. в Липецке конференция (Теория, 1992). Лишь небольшое количество докладов можно считать собственно методическими, носящими общий характер и обучающими приемам полевых работ, хотя тезисная форма для этого, разумеется, совершенно не подходит. Остальные — изложение личного опыта авторов, накопленного при работе на какой-либо группе памятников, что само по себе хорошо, но в качестве общей методической разработки должно пройти серьезную апробацию. То же можно сказать и о множестве посвященных разным методикам статей в других изданиях, количество которых постоянно растет.

В 1996 и 2000 годах появляются новые издания учебника А.И. Мартынова «Археология» (Мартынов, 1996, 2000), первое издание которого в 1973 г. вызвало резкую критику ведущих специалистов (Даркевич, Краснов, Косарев, Мелюкова, Мошкова, Шелов, 1976). По сравнению с 1973 г. объем увеличился в 1,5 раза, были внесены исправления и дополнения. Теперь учебник предназначен уже не только для педвузов. Все-таки вызывает некоторое удивление аннотация к изданию 1996 г., в которой сказано, что это «первая книга по археологии Евразии от палеолита до средневековья» (Мартынов, 1996, с. 2), в то время как соответствующие разделы присутствовали уже в 1960–1970-е гг. в учебниках Д.А. Авдусина (Авдусин, 1967, 1977).

Кафедрой археологии МГУ с привлечением специалистов ИА под редакцией академика В.Л. Янина в 2006 г. выпущен учебник «Археология» для студентов исторических факультетов. В нем учтены новейшие достижения и концепции археологической науки (Археология, 2006). В 2005 г. состоялось следующее издание учебника А.И. Мартынова «Археология». Но при этом обозначилась новая проблема, впрочем, типичная для нынешнего времени — стоимость его практически недоступна не только для студентов, но и для преподавателей (Мельникова, 2006, с. 439). Это же, к сожалению, относится и к упомянутому учебнику МГУ, и к значительному количеству изданий профессиональной литературы. В то же время учебных пособий не хватает. Проблемы профессионального археологического образования в России в настоящее время обсуждались на Всероссийском археологическом съезде в 2006 г. (Голдина, Черных, 2006; Мельникова, 2006).

По полевой археологии новых учебных изданий нет. В 2002 г. переиздан (с 1989 г.) без изменений учебник А.И. Мартынова и Я.А. Шера (Кемерово) «Методы археологического исследования» (Мартынов, Шер, 2002). Уже говорилось о некоторых методических указаниях в разделе по полевым методикам, вызывавшим удивление в 1989 г. и тем более странным по прошествии 13 лет. Краткое пособие Б.В. Каховского (Чувашия) также отражает потребность в методических установках для обучения студентов (Каховский, 1992). Оно основано на опыте раскопок автора в Чувашии. В нем объяснено, как работает нивелир, но ничего не сказано о том, где должен быть репер и от какой точки брать замеры глубин. Такие пособия в определенных, хорошо проработанных частях весьма полезны, но далеко не полны.

Продолжается издание методических пособий в области применения естественных наук. В 2000 г. издано комплексное «Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений» (Руководство, 2000). В сборнике содержатся как результаты конкретных научных исследований, так и описание методик исследований и взятия анализов для них: геохронологические, палеоботанические, палеозоологические, почвенно-литологические, почвенно-геохимические анализы. Это совместная разработка Института географии РАН, ИА, кафедры археологии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

МГУ. В конце 1990 – 2000-х гг. вышли три сборника серии «Естественнонаучные методы в полевой археологии», в них содержатся полезные методические статьи по почвенному анализу и работе с археологическим текстилем (Детюк, Тараненко, 1997; Елкина, Станюкович, 2000). Там же помещена статья М.Г. Жилина по методике раскопок многослойных торфяниковых поселений, которым раньше была посвящена памятка А.Я. Брюсова (Брюсов, 1963: Жилин, 1997).

Развиваются специальные методики. В 1994 г. появилась брошюра В.Н. Таскаева «Методика проведения подводных археологических работ» (Таскаев В.Н, 1994), продолжающая издания 1980-х гг. В это время множится и количество таких исследований помимо начавшихся ранее. В акватории Балтийского моря работает Военно-морской музей (И.А. Плюснин) и Общество «Память Балтики» (К.А. Шопотов). А.В. Степанов исследует р. Волхов у Новгорода. На Черном море начинают подводные работы А.Г. Васильев (с 2000 г.) и В.Д. Кузнецов (с 2006 г.).

Отдельным направлением полевой археологии является исследование петроглифов. Методический раздел по работе с наскальными изображениями имеется в пособии Я.А. Шера по изучению первобытного искусства (Шер, 2006, с. 128–164), по охвату материала скорее относящемуся к учебникам.

С 1990-х гг. в археологии все более активно используется спутниковая навигация (GPS). Благодаря этому получаются точные инструментальные топографические планы и привязки памятников. Но снятие и представление в отчете инструментального плана даже без GPS не всегда выполняется. Это тем более печально, что в современных условиях памятники археологии должны быть привязаны к Земельному кадастру, что обеспечит выведение занимаемых ими земель из хозяйственного оборота и будет способствовать их сохранению. Опыт проведения общероссийской инвентаризации (с 1992 г.) и мониторинга (с 2001 г.) показывает, насколько сложно, а иногда невозможно найти и идентифицировать ранее открытый памятник по старым планам и привязкам.

Еще одним важным направлением, позволяющим получить новые данные о памятниках, является аэрокосмическое зондирование. На аэрофотоснимках видны не только памятники, но и дороги, границы полей и иные особенности древнего ландшафта. Следует отметить работы в этом направлении, проводимые группой АГИС под руководством Д.С. Коробова, созданной в ИА РАН в 2001 г. С 2003 г. прошло пять совещаний по теме «Археология и геоинформатика», в которых с каждым годом принимало участие все больше археологов из разных регионов.

Прогрессивной чертой следует считать использование компьютера при написании отчета. Во-первых, стало гораздо легче обрабатывать полевую документацию, особенно по масштабным исследованиям. Компьютерная графика позволяет делать более качественные чертежи – отпала необходимость в перебелке на кальку с последующим ее фотографированием, как это делалось в 1970–1980-е гг. Сейчас это полный анахронизм, а тогда был высокий уровень: значительная часть отчетов содержала просто вклеенные кальки или миллиметровки. Во-вторых, в отчет помещаются статистические таблицы – первичный подсчет материала, дающий основу для последующих научных выводов. В-третьих, приложение к отчету электронной копии обеспечивает дополнительную возможность сохранить его как документ – бумажные носители подвержены износу. Правда, по опыту ОПИ видно, что нередки случаи, когда за прекрасным оформлением скрывается ущербное содержание отчета и даже методическое несовершенство самих исследований, в нем представленных. Но это уже вопрос умения и профессиональной этики археологов. В области качественного оформления графической и текстовой части отчета появились свои образцы, многие организации ежегодно представляют в ОПИ отчеты высокого уровня по содержанию и форме.

Основными регламентирующими документами в этот период являются «Положения» об ОЛ, принятые в 1991 и 2001 гг. (Положения, 1991, 2001). Это те же «инструкции», так как никаких общих правоустанавливающих пунктов применительно к новым явлениям в них нет, хотя они и были нужны. Особенно это относится к «Положению» 2001 г., поскольку изменения политических и экономических реалий к тому времени уже давно обозначились, и требовалось приспо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

собление к ним археологической практики. Изменились, например, формы собственности, взаимоотношения с региональной властью. Все это ставило перед археологами новые задачи и проблемы, требующие разъяснения, чего, однако, не произошло.

В 2002 г. был принят Закон РФ № 73 «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», согласно которому «Положение» об ОЛ возводится в ранг подзаконных актов, так же, как и «Положения» о едином государственном реестре объектов культурного наследия и об историко-культурной экспертизе. Пока, однако, таковые акты отсутствуют. Ситуация с практической реализацией статей Закона продолжает оставаться неясной. О том, насколько назрели проблемы охраны культурного наследия вообще и археологического в частности, свидетельствует тот факт, что для их обсуждения начали собираться всероссийские съезды органов охраны — совершенно новая инициатива Министерства культуры РФ. Первый съезд органов охраны состоялся в 2003 г. под Москвой, на нем присутствовали представители более 80 субъектов Федерации, поднявшие массу вопросов относительно археологических памятников. Напомним, что археологические съезды не собирались с 1914 по 2006 г., последнее общегосударственное совещание, посвященное археологическому наследию в целом, а не конкретным научным результатам и проблемам, прошло в 1945 г.

Тем более отрадно возрождение традиции проведения археологических съездов, посвященных не только проблемам охраны культурного наследия, но и научным достижениям. Инициатором выступила Российская академия наук. В ноябре 2006 г. в Новосибирске состоялся Всероссийский археологический съезд по теме «Современные проблемы археологии России». В его работе приняли участие около 350 археологов, представлявших 80 учреждений различных категорий из 40 городов России (Гайдуков, Шуньков, 2007, с. 176).

Прописывание в Законе № 73 необходимости ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия предполагает инвентаризацию и мониторинг состояния памятников археологии. Эта работа делалась уже в начале 1990-х гг. на основании Постановления Совета Министров РСФСР «О неотложных мерах по сохранению национального культурного и природного наследия народов РСФСР» № 447–1, принятого в 1990 г. Работы были профинансированы из госбюджета уже после распада СССР. В 1993 г. в регионах прошли интенсивные разведки. Работы по инвентаризации соста7вили значительную часть разведочных полевых исследований первой половины 1990-х гг. Идут такие работы и сейчас, хотя средств на них выделяется очень мало.

В 1995 г. началась реализация федеральной программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации», проводимой Министерством культуры РФ и рассчитанной до 2000 г. Проекты исследований в ее рамках во многом опирались на результаты инвентаризации 1993 г. Перспектива государственного финансирования сразу подняла активность, в регионах были составлены пятилетние планы работ, задействованы кадры. После самого тяжелого 1994 г. сразу увеличилось количество полевых изысканий (рис. 4). Однако уже с 1996 г. финансирование программы прекратилось. Полевые исследования в этом году начались еще с надеждой на его продолжение, поэтому их оказалось даже больше, чем годом ранее, но заканчивались они уже на средства, добытые из разных источников. Практическое исполнение федеральной программы по договору с Министерством культуры РФ координировалось отделом охранных раскопок ИА, который собирал и проводил экспертную оценку составленных в регионах программ исследований и кратких отчетов (полные представлялись в ОПИ). Финансирование распределялось по заявкам регионов пропорционально выделенным из госбюджета средствам.

Польза от фактически несостоявшейся федеральной программы, помимо общего оживления полевой археологической деятельности, состояла еще и в том, что впервые четко выявились разные возможности регионов: количество действующих археологов, учреждений, ведущих работы, их потенциал, состояние учета и охраны памятников. Все эти показатели определяют развитие полевой археологии и сейчас. Еще один результат — составление перспективного плана ис-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

следований в масштабах России с учетом приоритета охранной археологии, то есть осознание задач полевой археологии в целом. Напомним, что до ВОВ и в первом периоде после нее (конец 1940 – середина 1950-х гг.) полевые работы были плановыми, так как полностью зависели от государственного финансирования. Развернутый общесоюзный план полевых исследований после ВОВ был принят в 1945 г. (Итоги, 1945).

За десятилетия положение изменилось. Археологи и профильные организации постепенно перешли к бессистемному поиску объектов полевых исследований, исходя из двух обозначенных нами посылок: личного научного интереса и производственной необходимости (охранная археология), причем первое еще и в 1980-е гг. считалось приоритетным. Отсюда и преобладание раскопок над разведками (рис. 8), хотя для сохранения памятников нужнее именно разведки. Третий результат несостоявшейся программы состоит в том, что после фактического ее провала начался целенаправленный поиск средств для решения поставленных задач. Именно с этого времени археологи стали использовать, так сказать, «малые формы», то есть работать по небольшим хоздоговорам, «точечным» землеотводам (прокладка и реконструкция коммуникаций, городская и иная застройка), проявляя большую заинтересованность и активность в их изыскании. Выигрывают регионы, в которых органы охраны памятников и профильные организации активны, способны заставить хозяйствующие субъекты провести положенное по закону финансирование археологических работ, налаживают контакт с региональной администрацией для обеспечения контроля за их деятельностью.

Доли категорий организаций в полевых исследованиях в рассматриваемый период по сравнению с предыдущим меняются резко и существенно (рис. 9,*б*). Количество работ Академии наук еще больше сокращается – с 32,6 % до 23,3 % от общего числа исследований. Это связано с прекращением бюджетного финансирования и конкуренцией академических учреждений с региональными школами, роль которых в условиях политической самостоятельности субъектов РФ возрастает. Новые государственные и негосударственные организации возникают очень быстро, активизируются уже существующие (хотя и не все). В связи с этим сокращаются возможности центральных академических учреждений проводить работы во многих регионах. Впрочем, это относится и к центральным музеям и вузам. Но дело не только в борьбе за финансирование. В предыдущих разделах мы показали процесс зарождения и развития многих региональных школ. Давно прошли времена, когда основную массу экспедиций организовывали учреждения центра. Сейчас в большинстве регионов свои возможности, иногда значительно большие. Хватает и региональных специалистов-археологов, и профильных учреждений (хотя от реальной потребности осуществления контроля за археологическим наследием в такой огромной стране эти показатели, конечно, отстают очень сильно). Возрастает активность институтов Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений и некоторых региональных центров РАН, например, Карельского, не говоря уже об организациях других категорий.

Почти вдвое увеличивается доля региональных научно-исследовательских учреждений вне системы РАН (старых и новых) – с 2,7 % до 5,1 %. Имеются в виду, в первую очередь, институты гуманитарных наук в национальных республиках. Во многих регионах это давно и хорошо работающие организации (Марий Эл, Мордовия и т. д.). Но в это время появляется и ряд новых региональных научных институтов. Иногда это связано с деятельностью национальной Академии наук, например, в Татарстане. С 1946 по 1991 г. до 40 % полевых работ в регионе вел ИЯЛИИ Казанского НЦ АН. С 1997 г. 45 % работ ведет Институт истории АН Татарстана. Эти данные не полны, работ, наверное, больше, и начались они раньше, но долгое время, как мы уже отмечали, по политических причинам далеко не все татарские археологи запрашивали ОЛ в ОПИ. При некоторых вузах возникли научные институты, проводящие полевые исследования: Северо-Осетинский, Волгоградский, Тюменский, Дальневосточный, Кубанский, Санкт-Петербургский университеты. К этой категории относятся и иные учреждения.

Выросла с 18,5 % до 20,2 % доля музеев. Они ищут возможности вести лучше оплачиваемые хоздоговорные работы. У нас нет данных по увеличению общего количества музеев в России по

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сравнению с предыдущим периодом, но открытые листы получают в полтора раза больше музейных учреждений, чем раньше. Это как раз и свидетельствует о поисках путей выживания в кризисный период. Работают и крупнейшие центральные музеи страны (ГЭ, ГИМ, ГМИНВ и др.), областные и республиканские музеи и заповедники, районные и городские музеи. Доля вузов падает с 38,9 % до 24,9 %. Это не означает уменьшения активности: вузы обязательно проводят экспедиции для практики студентов. Но их теснят другие категории, к настоящему времени вполне приспособившиеся к новым условиям.

Особенно ощутимо усиливается доля органов охраны памятников – с 3 % сразу до 19,4 %. Их положение, конечно, зависит от позиции региональной власти, оказывающей поддержку или противодействующей. В ряде регионов (Вологодская, Воронежская, Иркутская, Ростовская области, Краснодарский край и т. д.) органы охраны работают давно и успешно. Именно они отвечают за согласование землепользования, определение ущерба памятникам археологии, приостановку незаконной хозяйственной и иной деятельности. Такая высокая доля не означает, что в органах охраны очень много специалистов. Но важно, что они контролируют (или во всяком случае пытаются это делать) состояние объектов культурного наследия, стоящих на государственной охране, проводят полевые исследования если не своими силами, то с привлечением иных организаций (это видно по заявкам в ОПИ). Позиция органов власти и администрации меняется не так существенно (1,9 % в 1985–1991 гг. и 1, 4 % в 1992–2006 гг.).

Интересен рост количества государственных центров, объединений и негосударственных организаций, занимающихся полевыми исследованиями – 0,7 % и 4,4 % соответственно (ранее 0,1 % и 0,8 %). Последние особенно активны. Деятельность их можно оценивать по-разному. Среди них есть отлично налаженные, обеспеченные квалифицированными специалистами, производящие работы на высоком методическом уровне и представляющие в ОПИ прекрасные отчеты. Есть и «однодневки», имеющие целью исключительно добывание денег без должного качества полевых и камеральных работ. Впрочем, то же можно сказать и про государственные организации, в том числе давно известные. Нужна жесткая система контроля, направленная на отбор организаций, способных вести полевые работы на высоком уровне.

Доли реставрационных и «прочих» организаций незначительны. Последнюю категорию сейчас представляют всего 6 организаций: национальные парки, не являющиеся музеями-заповедниками, но имеющие на своей территории памятники археологии, муниципальные музейно-выставочные комплексы в небольших городах. По их заявкам работают специалисты-археологи.

Распределение работ по форме ОЛ между категориями организаций тоже существенно изменилось (рис. 10,*б*) и отражает, прежде всего, перераспределение долей в целом. Представляется, что это связано с общей интенсификацией землепользования в постперестроечное время (исключая, конечно, кризисные годы – середину 1990-х гг.). Большинство работ региональных научных учреждений, музеев, вузов, органов охраны, негосударственных организаций более всего носят охранный характер, преобладает форма 4 (см. также рис. 7). Растет по тем же причинам и доля разведочных работ, по действующему законодательству необходимых перед строительной деятельностью. Возрастает и ответственность исследователя, так как разрешение на использование территории дается по результатам разведочных работ сообразно наличию или отсутствию археологических памятников и после их раскопок. Форма 1 доминирует только в системе РАН. Вузы получают таких ОЛ почти поровну с разведками формы 2. ОЛ формы 3 больше всего, как обычно, в вузах, но много и в органах охраны (это работы по мониторингу памятников).

На рис. 56–60 и карте 5 отражена степень исследованности регионов в 1992–2006 гг. Внешняя активность представлена на картах 10 и 10а. Образуется пять групп. Общее количество исследуемых регионов к 2006 г. сократилось. Опять же в связи с политическими событиями прекратились полевые исследования в Чеченской республике и Ингушетии. Всего два ОЛ в 1992 и 2005 г. были выданы на работы в Чечне и шесть – на Ингушетию (1996, 2003–2006 гг.). Интенсифи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

кация полевых работ привела к увеличению максимума ОЛ на регион – с 46 (в 1985–1991 гг.) до 60. Соответственно, увеличилась нагрузка на археологов – некоторые отрабатывают по 5–6 ОЛ в год (при выдаче их, разумеется, учитывается качество исследований). Становятся нормой круглогодичные исследования, как разведки, так и раскопки. Сомнения в их полноценности иной раз, конечно, оправданы, поскольку существует определенная технология их проведения, требующая благоприятных условий, прежде всего, отсутствия снежного покрова. Но строительство разных объектов идет независимо от археологической специфики, остановить его даже на короткое время бывает невозможно, а оставлять памятники без предварительного изучения никак нельзя.

Учитывать полные данные по некоторым регионам пока трудно, поскольку большую часть периода региональные организации республик Татарстан, Саха (Якутия) и Алтай по причинам политического характера ОЛ не запрашивали. Невозможность сравнения сильно понижает их некогда высокий рейтинг, но мы фиксируем то место, которое они занимают. Теперь это третья (Татарстан и Алтай) и четвертая группы (Якутия). В Татарстане региональная школа возникла еще на рубеже 1950–1960-х гг. В настоящее время в республике работает множество археологов и значительное количество региональных организаций всех основных категорий (Археологи, 2002).

В республике Саха (Якутии) региональный центр, активный, но не очень мощный в силу малого количества организаций и археологов на такую огромную территорию, начал формироваться в 1965–1984 гг. (карты 3, 8), что обеспечило на то время высокий рейтинг. При общей интенсификации полевых исследований последующего периода удержать темпы малыми силами оказалось невозможным, тем более в условиях кризиса 1990-х гг. Работы сократились до границ региона, позиции утерялись. Тем не менее, исследования в республике проводят в основном региональные организации: Якутский ГУ, Институт проблем малочисленных народов Севера Якутского НЦ СО РАН и ряд других (В.М. Дьяконов, П.С. Кнуренко, А.Д. Степанов, С.И. Эверестов и др.). Из внешних учреждений несколько лет более других работает ИИМК (В.В. Питулько).

В отличие от Татарстана и Якутии, в республике Алтай региональная школа не сложилась, ранее высокий рейтинг поддерживался за счет работ организаций других регионов, количество которых в условиях общего кризиса вынужденно сократилось. Говорить о центре сейчас тем более трудно, так как данных мало. Основное профильное учреждение региона – Горно-Алтайский ГУ (Т.А. Вдовина, В.И. Соенов, С.В. Трифанова и др.).

Группа самых исследованных регионов – от 60 до 32 ОЛ в год – становится более компактной, отрыв от остальных очень существенный. Первую группу и, к сожалению, меньшую составляют всего 5 регионов, 6 % от числа исследованных за период (рис. 56, 57). Новое в том, что сюда теперь входит Ханты-Мансийский АО, а первое место прочно занимает Тверская область. Краснодарский край, Ростовская и Московская области сохраняют лидирующие позиции в российской полевой археологии с 1950-х гг.

Во всех регионах группы идет активная хозяйственная деятельность с крупными вложениями в археологию, что приводит к интенсификации работ региональных археологов (запрашивается по нескольку ОЛ в год) или к межрегиональному сотрудничеству. Так, в Краснодарском крае аварийно-спасательные работы ведут исследователи из Ростова-на-Дону; к работам по трассе газопровода «Ямал-Европа», помимо московских, привлекались археологи из многих других регионов. Прогресс, и не только в этой группе, также обусловлен развитием городской археологии в связи с интенсивной реконструкцией больших и малых исторических городов. Отрадно, что исследованию подвергаются слои XVII–XVIII и даже XIX в., ранее считавшиеся «неинтересными» по традиционным археологическим меркам. Особенно интенсивны такие работы в Твери, Москве, Пскове, Нижнем Новгороде и малых городах соответствующих областей. В регионах – постоянных лидерах, помимо весьма действенных охранных служб, имеются многочисленные региональные археологические учреждения всех категорий, количество которых неуклонно растет.

В Ханты-Мансийском АО до недавнего времени большую часть работ проводили археологи

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в основном из Екатеринбурга: УрГУ, ИИА УрО РАН, негосударственная организация «Авком-Наследие» и ряд других учреждений (М.Ю. Баранов, Г.В. Бельтикова, Е.М. Беспрозванный, А.Н. Бессмертных, В.А. Борзунов, А.П. Зыков, С.Ю. Каменский, С.Ф. Кокшаров, О.Н. Корочкова, Л.Л. Косинская, В.М. Морозов, А.А. Погодин, В.И. Стефанов, А.Е. Цеменков, Ю.П. Чемякин и многие другие). Работали и археологи Тюменской области (ИПОС СО РАН – В.А. Зах и др.). В 1985–1991 гг. не было ни одной работы, проведенной региональной организацией, рейтинг же стал высоким, как только началось освоение месторождений нефти (карты 3, 4).

В 1992–2006 гг. половина исследований в округе была выполнена уже региональными организациями, начавшими запрашивать ОЛ лишь с середины 1990-х гг. Это Центр культурного наследия Нефтьюганского района, Ханты-Мансийский музей природы и человека, музей и университет в Сургуте, Служба главного инспектора округа по культурному наследию, НПЦ по охране памятников, центр «Барсова гора» (Сургут), иные организации (В.А. Арефьев, Г.В. Визгалов, С.А. Гусев, Л.В. Ивасько, К.Г. Карачаров, О.В. Кардаш, А.Н. Кондрашов, В.Н. Логвин, С.А. Мызников, С.Ю. Пархимович, М.Ю. Селянина, А.В. Соколков, С.А. Терехин, О.Н. Череватов, Н.В. Шатунов, Я.А. Яковлев и др.). При таких показателях можно говорить о формировании региональной школы. Основная роль в этом принадлежит органам охраны и региональной администрации разных уровней. Им удалось наладить контакт с хозяйствующими субъектами, организовать отслеживание строительных работ и обязательное финансирование охранных мероприятий, задействовать археологов, в том числе из других регионов. Это первый случай, когда центр возник именно их усилиями (хотя предпосылки были, конечно, заложены раньше работами научных школ других регионов, в первую очередь свердловской). Органы охраны Ханты-Мансийского округа – одни из лучших в России.

Группы 2 (20 регионов, 22 %, от 24 до 14 исследований в год) и 3 (29 регионов, 33 %, от 13 до 7 исследований в год) достаточно однородны. Рейтинг ряда регионов повышается (рис. 58, 59). Наиболее характерные примеры следующие: Нижегородская область (в основном за счет прекрасно организованных региональными учреждениями раскопок на городских новостройках), Калининградская область (за счет активной работы Деснинской экспедиций ИА, а также региональных организаций), Ямало-Ненецкий АО (за счет наличия хоздоговорных работ, выполняемых УрГУ, ИПОС, ИИА УрО, организациями Ханты-Мансийского АО и, в меньшей пока степени, региональными). Таким образом, улучшение ситуации в перечисленных регионах прямо связано с охранной археологией.

В Калининградской области отмечается следующее соотношение: 59 % исследований проведено ИА (причем 17 % – калининградскими археологами по заявкам ИА, большей частью в составе Деснинской экспедиции до 2005 г.), 37 % – региональными организациями, 3 % – ИИМК. Итого 54 % работ выполнено археологами области. Это позволяет говорить об археологическом центре.

В Нижегородской области археологический центр начал формироваться уже в предыдущий период. Теперь организации области выполняют 92 % работ (8 % – ИА, учреждения Самарской области, Мордовии и Марий Эл). Работают Арзамасский ГПИ (В.Н. Мартьянов), Нижегородский музей-заповедник, Нижегородский ГПУ, органы охраны, учреждения администрации разных уровней (И.С. Аникин, Д.А. Антонов, И.В. Ануфриева, А.В. Гонозов, Н.И. Грибов, Т.В. Гусева, И.О. Еремин, Н.В. Иванова, А.Н. Кикеев, И.А. Очеретин и др.). Интересно, что более 60 % полевых исследований организовано именно охранными и административными органами. Это второй случай (после Ханты-Мансийского АО), когда этим категориям принадлежит ведущая созидательная роль.

Из развитых регионов понижается рейтинг Красноярского края, Псковской области и особенно – Хакасии. Наблюдается новое явление, очевидно, обусловленное общегосударственной кризисной ситуацией. Если раньше имело место «проседание» в нижние слои за счет общей интенсификации полевых изысканий в России, если потенциал региона вовремя не увеличивался пропорционально новым темпам, то теперь сокращается количество исследований, то

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

есть уменьшается именно потенциал. Так, в 1985–1991 гг. в Хакассии проводилось 22 исследования в год, в 1992–2006 гг.– только 14; в Псковской области сооытветственно – 23 и 16; в Красноярском крае – 29 и 22.

В Хакасии можно отметить начало сложения регионального центра. Предпосылки к тому были заложены с 1960-х гг. экспедициями ИИМК, МГУ, Новосибирского ГУ, ИИФФ. Теперь происходит «перестройка» на собственные ресурсы. Сейчас работает достаточное количество региональных организаций: Абаканский пединститут, Минусинский и Хакасский республиканский музеи, Археологическая служба при МК республики (орган охраны), научно-исследовательское учреждение «Хакасская археологическая экспедиция», Хакасский НИИЯЛИ (П.Б. Амзараков, А.И. Готлиб, Е.Н. Данькин, В.С. Зубков, Э.Н. Киргинеков, К.Г. Котожеков, В.А. Минор, М.Л. Подольский, А.И. Поселянин, В.В. Тараканов и др.). На их долю приходится 59 % всех полевых исследований в регионе, причем более половины организованы органом охраны. Остальные (41 %) обеспечиваются экспедициями ИАЭТ (всего 6 ОЛ за период), ГЭ (С.В. Морозов, С.В. Панкова), ИА (И.Л. Кызласов) и, главным образом, ИИМК (Н.А. Боковенко, Н.Ю. Кузьмин, И.П. Лазаретов, М.Н. Пшеницына и др.). Это еще один пример, когда центр формируется в значительной степени благодаря охранной службе.

Подобный же процесс отмечается в Читинской области. Сложение центра началось раньше, основную роль в этом играл вуз – Забайкальский ГПУ. Теперь же этот процесс завершился. Из 87 % работ, выполненных региональными учреждениями, 62 % организованы Центром по сохранению историко-культурного наследия Читинской области. ИИАЭ ДВО (А.Р. Артемьев) провел 13 % исследований. Опять же наблюдается ведущая роль охранных организаций.

Это же можно сказать о Рязанской и Астраханской областях, где органы охраны организуют, соответственно, 55 % из 57 % и 44 % из 66 % работ региональных организаций.

Очень значителен прогресс в Липецкой области. Здесь складывается центр полевой археологии на базе Липецкого ГПУ, Елецкого ГУ и органа охраны. Региональные исследователи обеспечивают 88 % полевых работ (в 1985–1991 гг.– только 40 %).

Некоторые регионы из группы 4 (28 регионов, 30 %, от 6 до 1 исследования в год) показывают очень слабый прогресс с 1980 по 2006 г.: Чукотский АО, Чувашия, Тамбовская область. Иные регрессируют по сравнению с предыдущими периодами: Кабардино-Балкария, Ульяновская, Пензенская, Магаданская, Белгородская области. Относительно республики Калмыкия судить определенно нельзя: по имеющимся данным, работы там ведутся достаточно интенсивно, но в нарушение законодательства, без ОЛ. И все же некоторые регионы развиваются, хотя отставание, конечно, огромное. Это Амурская, Курганская, Костромская, Сахалинская области (рис. 60).

Группу 5 составляют 7 регионов – 9 %: Корякский, Таймырский, Эвенкийский, Агинский Бурятский АО, Магаданская область, Чеченская республика и Ингушетия. В этих субъектах РФ проведено всего от 9 до 2 исследований за весь период. Близка к ним и некоторая часть группы 4 – регионы, где в год проводится 1–2 исследования. По современным меркам, это ничтожно мало.

В 1992–2006 гг. происходит резкое увеличение доли органов охраны в проведении полевых работ, возрастание их роли не только в организации полевой деятельности и контроле за ней, но и в формировании региональных археологических школ (центров). Появилось много новых организаций. Одна из наиболее налаженных археологических организаций России – ГУП «Наследие» Ставропольского края (под руководством А.Б. Белинского), полностью контролирующее ситуацию в регионе. Хорошо работают охранные службы Хакасии, Нижегородской, Читинской области. Ранее мы отмечали и иные регионы, где их активность высока.

Несмотря на экономические и организационные трудности середины 1990-х гг., количество полевых работ в России возрастает, продолжается процесс формирования и развития региональных школ. Но еще явственней становится разница в уровне возможностей регионов. Меняется и степень участия в полевой деятельности разных категорий организаций. Основной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

же особенностью периода является изменение традиционных форм существования полевой археологии, необходимость приспособиться к новым экономическим и политическим реалиям, как никогда ранее влияющим на возможности проведения исследований.

* * *

Мы рассмотрели процесс развития полевых исследований по пяти отрезкам послевоенного периода. Это позволило детализировать общие тенденции, проследить изменения структуры самих работ и роли проводящих их организаций разных категорий. Определение показателей степени исследованности по каждому региону в определенный период позволило составить рейтинг и проследить его изменения по периодам. Наглядные результаты дало картографирование как групп регионов, так и так и межрегиональных связей. Для каждого периода приведены основные документы, регламентирующие полевые исследования, в том числе – государственные постановления и законы, а также отмечена основная литература, содержащая методические установки. Можно сделать ряд выводов.

Особенности экономической деятельности государства в разные периоды определяли развитие и приоритетность различных полевых работ по видам (разведки, раскопки), по характеру (бюджетные, новостроечные), по географическому распределению (более и менее исследованные регионы).

В начале послевоенного периода полевые исследования по всей России из-за недостатка специалистов в регионах проводятся учреждениями Москвы и Ленинграда: ИА, ИИМК, ГИМ, ГЭ, МГУ и рядом других. Впоследствии эти контакты продолжаются и способствуют образованию многих центров региональной археологии. Но по мере образования и укрепления археологических школ все большую роль начинают играть региональные учреждения, их доля в полевом исследовании региона становится все более ощутимой.

Формирование школы – сложный процесс, занимающий десятилетия и обусловленный многими факторами. Начало его знаменуется активизацией какого-либо учреждения, иногда даже и одного исследователя. Важно, чтобы своевременно подключились другие региональные специалисты организации. В 1946–1953 гг. это по преимуществу музеи и академические институты. Далее наблюдается все большее участие вузов, количество которых растет, и в 1985–1991 гг. эта категория становится доминирующей.

Именно вузы (университеты и пединституты) чаще всего становятся основной движущей силой в процессе образования региональных центров. Их недостаточная активность иногда становится причиной отсутствия таковых. Это связано с тем, что вузы не только готовят региональных специалистов, то есть создают условия для будущих работ, но и значительно выигрывают, расширяя текущие полевые исследования за счет привлечения студентов и аспирантов. В то же время музеи и институты (регионального подчинения и академические) связаны штатным расписанием, их возможности более ограничены.

Появляются новые категории организаций. Органы охраны памятников практически отсутствовали до 1970-х гг. Их роль особенно значимо выросла в 1992–2006 гг. Они проводят работы как самостоятельно, так и с привлечением иных региональных организаций. В некоторых регионах именно они становятся основным организатором полевых исследований и способствуют формированию региональных центров.

В течение всего послевоенного времени возрастает объем полевых работ. Увеличивается максимум ежегодного количества исследований в регионах: от 14 в 1946–1953 гг. до 60 в 1992–2006 г. Высокая степень исследованности региона может обеспечиваться как работами организаций иных регионов, так и собственными усилиями региональных археологов.

Ряд регионов постоянно удерживают лидерство: Краснодарский край, Ростовская, Московская области. Положение иных меняется – одни входят в группу лидирующих (Тверская область, Ханты-Мансийский АО), рейтинг других понижается или колеблется. Ясно, что способность сохранить достаточно высокий уровень можно только там, где сформировались региональные археологические школы. Поддерживать его за счет интереса организаций из других регионов можно исключительно до определен-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ного времени. Таким рубежом стал период с середины 1970-х по середину 1980-х гг., после которого в связи с «перестройкой» существенно изменились условия проведения полевых работ. Приспособиться к ним, а тем более к последующим экономическим потрясениям, смогли только региональные центры, обеспеченные собственными организациями и специалистами. Они, к сожалению, есть не везде. Это неизбежно ведет к застою и отставанию.

Первоначальный импульс к сложению школ обычно следует извне. В 1940–1950-х гг. это работы организаций и специалистов центра во многих регионах. Потом, с 1960-х гг., начинается «цепная реакция». Пермская школа способствует образованию других школ в Волго-Уралье. Свердловская школа, в свою очередь, способствует образованию центров в Челябинской области, Ханты-Мансийском АО и иных. Новосибирский центр активизирует процесс на Дальнем Востоке.

Совсем не обязательно, чтобы региональные археологи и организации выполняли большую часть работ в своем регионе. Это иногда и невозможно, если объем полевых исследований резко увеличивается, например, в связи с новостроечными проектами. Главное, чтобы центр работал стабильно и динамично развивался, пополнялся новыми специалистами, не замыкался в рамках одних и тех же интересов и направлений исследований.

Наблюдаются разные модели развития регионов.

1. Регион обеспечен специалистами, насыщен организациями археологического профиля и источниками финансирования и все время продолжает динамично развиваться, наращивая темпы полевых исследований согласно потребностям времени. В этом случае его рейтинг, к какой бы группе он не относился, существенно не меняется или даже поднимается (например, Московская, Пермская, Воронежская, Ростовская области).

2. В ходе сложения школы достигается определенный «потолок» ее возможностей. Если перечисленные выше показатели остаются долгое время неизменными, начинается «проседание», рейтинг понижается, хотя исследований стало не меньше. Их может быть и больше, но недостаточно в современных условиях по сравнению с другими (например, Иркутская, Рязанская области, Дагестан).

3. Создаются предпосылки становления школы. Этот процесс даже начинается, но по каким-либо причинам останавливается. В этом случае рейтинг неизбежно и быстро падает (например, республики Адыгея, Карачаево-Черкессия, Смоленская область).

4. Условия формирования школы отсутствуют. Регион находится вне сферы интересов организаций из других регионов. Рейтинг неизбежно будет очень низким (наименее исследованные регионы в каждом периоде).

Некоторые региональные археологические центры заняты исследованиями исключительно или преимущественно на своей территории (Иркутская, Ростовская, Псковская области и иные). Возможно и такое явление, как преобладание внешней активности над внутренней. В этом случае сам регион, где находится центр, исследован в меньшей степени, не пропорционально возможностям сильной школы (Ленинградская, Новосибирская, Свердловская области и иные).

В целом доля хорошо исследованных регионов растет. Тем не менее, вряд ли можно считать общую картину удовлетворительной, поскольку в малоисследованных регионах находятся тысячи уже известных памятников и, естественно, огромное количество пока не открытых. В некоторых к лучшему ничего не меняется на протяжении всего послевоенного периода. Стабильно плохо в течение всего времени обстоит дело в ряде национальных автономий: Агинский Бурятский, Таймырский, Эвенкийский, Ненецкий, Корякский, Усть-Ордынский округа, Еврейская АО. Немногим лучше – в Архангельской, Камчатской, Костромской, Мурманской, Орловской, Пензенской, Сахалинской, Тамбовской, Ульяновской областях, республиках Адыгее, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Чувашии. Археологов там мало, охранные службы малоэффективны, региональные центры не сложились. В Белгородской, Брянской, Ивановской, Кировской, Смоленской, Ярославской областях некоторая активность связана в основном с работами центральных учреждений и организаций из других регионов, хотя некогда их рейтинг был неплохим. Своих школ, по сути, тоже нет.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Нарушая установленные хронологические рамки, отметим, что в 2007–2008 гг. в связи с перспективой новостроечных проектов начала проявляться некоторая активность в Костромской области, Чувашии, Еврейской АО.

На всем протяжении периода с 1946 по 2006 г. огромную роль играла полевая археология на новостройках. Невиданными ранее темпами расширялась источниковедческая база науки, отрабатывались методики. Открывались новые типы памятников, археологические культуры, осваивались разведками огромные территории. Все категории организаций с середины 1990-х гг. участвуют в новостроечных работах, как в раскопках, так и в разведках по землеотводам. С одной стороны, это позволяет иметь средства на содержание и научные исследования, с другой – способствует сохранению археологического наследия.

Еще один аспект – роль охранной археологии в становлении региональных школ. Опыт показывает, что при наличии новостроечных проектов, захватывающих регион, процесс формирования археологического центра резко ускоряется. Так, строительство ГЭС в 1950–1960 гг. явилось стимулом к развитию поволжской и сибирской археологии. То же можно сказать об оросительных системах по отношению к археологическим школам регионов Юга России и освоении месторождений природного топлива применительно к формированию школ Уральского округа в 1965–1984 гг.

В России в целом наблюдается постоянный прогресс в развитии полевой археологии, видна ее востребованность, несмотря на общие экономические сложности и внутренние проблемы науки вообще и археологии в частности.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Заключение

Подведем некоторые итоги. В предлагаемой читателю работе мы постарались обозначить преемственность представлений о нормах полевой археологии с середины XIX в., постепенное формирование понимания значимости научной составляющей системы выдачи открытых листов, важности квалификационной оценки для регламентации полевых работ и предотвращения нанесения ущерба памятнику под видом квалифицированных раскопок. Мы также попытались показать, что принятие очередных нормативных документов («инструкций» и «положений») является следствием развития полевой археологии, имеет внутреннюю логику, обусловлено определенными явлениями в развитии общества и науки, которые нуждаются в осмыслении, закреплении или отторжении.

Наблюдения о состоянии полевой археологии в России в послевоенный период весьма информативны. Они подтверждают интуитивно улавливаемые тенденции, определяют закономерности. Основной источник, впервые введенный в научный оборот,— архивные документы и текущая документация отдела полевых исследований ИА РАН с 1946 по 2006 г. Обилие данных не давало возможности провести достаточно полный анализ по многим показателям до создания мощной информационно-поисковой системы. Отметим некоторые прогнозируемые перспективы работы с системой «@Археология» общего и частного свойства:

- Возможность быстрого получения информации, характеризующей деятельность археологов и организаций археологического профиля, что должно привести к более обоснованной регламентации полевых работ.
- Возможность обмена информацией на любом расстоянии (в пределах согласованного доступа), работа на неограниченном количестве рабочих мест.
- Глубокое изучение процессов, связанных с полевыми исследованиями в историческом, качественном, количественном и иных аспектах.
- Ведение предусмотренного законодательством единого государственного реестра в части археологического наследия.
- Облегчение практической работы ОПИ по ведению документации, дальнейшее совершенствование документооборота по регламентации полевых работ.
- Систематизация архивных материалов (например, научных отчетов по полевым исследованиям), обеспечение легкого и быстрого поиска информации по памятникам археологии.
- Информационное обслуживание общероссийских и иных программ по исследованию археологических памятников.

Очевидно, что возможности этим не исчерпываются. Представляется, что разработанная для развития научного подхода к регламентации археологических раскопок и разведок, информационная система «@Археология» является вехой в развитии археологической науки в России в целом.

Приведенный анализ показывает, как обстоит дело с полевыми исследованиями в регионах, где имеются несомненные достижения или пробелы. Главный итог, на наш взгляд, состоит в том, что в начале XXI века наметился количественный и, в некоторых аспектах, качественный рост полевых исследований в России. В связи с общим оживлением в экономической сфере увеличивается объем работ, укрепляются позиции органов охраны археологических памятников, активизируется деятельность организаций археологического профиля разных категорий, идет приток молодых специалистов. Все большее значение приобретает выявление новых памятников, развивается охранная археология.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Можно констатировать, что сложился прогрессивный подход к полевым исследованиям, в основе которого:

- Приоритет концепции сохранения памятника перед раскопками, полностью или частично его уничтожающими.
- Повышение внимания к охранным работам.
- Отработка способов предотвращения гибели памятника без предварительного исследования, то есть налаживание контактов с властями и строительными организациями, развитие охранных методик.
- Понимание значения охранных исследований для развития науки.

Масштабные исследования многих памятников, а, стало быть, исторических периодов и культур, оказались возможными только благодаря их грядущему разрушению в ходе строительства. Достаточно вспомнить массовые раскопки степных курганов при строительстве оросительных систем. В этой связи необходимо подчеркнуть недопустимость разделения археологии на чисто академическую науку и охранную деятельность, ибо первое невозможно без второго.

Однако нельзя сказать, что в России должным образом налажена система сохранения археологического наследия. Как мы видели, многие регионы обследованы в высшей степени недостаточно. Иной раз памятники археологии попадают сначала в поле зрения грабителей, а потом уже – археологов. При наличии «белых пятен» неизбежно и разрушение в ходе реализации строительных проектов: хозяйственное освоение регионов идет гораздо быстрее археологического.

К сожалению, преобладающим видом полевой археологической деятельности до сих пор являются раскопки, а не разведки. Это не дает возможности своевременно выявлять памятники и поставить их на государственную охрану. Такое положение, как представляется, в значительной степени обусловлено состоянием региональных органов охраны. Во многих регионах гораздо более полная информация о состоянии археологического наследия находится не у них, а у других региональных учреждений, научных и образовательных, давно ведущих археологические работы и, таким образом, осуществляющих археологический мониторинг. При этом в силу местных конфликтов или иных причин продуктивная связь между археологическими организациями региона отсутствует вообще или действует плохо.

Очень мешает отсутствие единых нормативных документов именно по памятникам археологии: принципы установления охранных зон, методика расчета, взыскания ущерба и т. д. Они разнятся по регионам, если вообще существуют. Дело осложняется и отсутствием четкой, общей для всех регионов вертикали власти в структуре органов охраны. Это обуславливает разнобой в принципах и методах работы, не дает возможности создать единый стандарт учета информации. Правда, следует отметить, что в советском и российском законодательстве охрана памятников была прописана, хотя осуществление этих мероприятий всегда оставляло желать лучшего. До советского периода подобное законодательство в России так и не было принято по целому ряду причин.

В своей работе мы также пытались показать, что многие идеи и концепции в области полевой археологии и ее регламентации возникли давно и явились плодом коллективных усилий археологов XIX – начала XX столетия. Их появление не случайно, а обусловлено развитием и археологии как науки, и представлений о необходимости охраны археологических памятников. Некоторые методические разработки того времени также не устарели и были впоследствии восприняты советской археологией, хотя долгое время такая преемственность отрицалась.

В довоенный период началось сложное административное переустройство организационных основ полевой археологии, сопровождавшееся противостоянием государственных органов и научных учреждений. Не без труда выработанная в конце XIX в. централизованная система государственной регламентации и контроля за исследованиями оказалась под угрозой уничтожения. Это привело бы к катастрофическим последствиям для археологического наследия. Благодаря усилиям ГАИМК – основного в то время археологического учреждения страны – удалось отстоять научную основу системы выдачи открытых листов, что и было закреплено законодательно. Россия была и осталось первой в мире страной, где учет

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

полевых археологических изысканий и контроль за их проведением налажен в государственном масштабе на протяжении более 120 лет.

Представляется, что проведенный анализ структуры и динамики полевых исследований в России за период 1946–2006 гг. будет способствовать лучшему пониманию процессов и выработке оптимальной стратегии и тактики в деле сохранения археологического наследия России.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

По всеподданейшему докладу о дополнительных правилах для археологических розысканий около Керчи и о прибавке на сей предмет 1500 рублей / РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179.

О назначении генерал-адъютанта графа С.Г. Строганова заведующим археологическими розысканиями и об учреждении Археологической комиссии / РА ИИМК, 1856–1857, ф. 14, д. 1.

О средствах к производству археологических розысканий около Керчи и об инструкциях, по которым производить розыскания / РА ИИМК, 1857–1859, ф. 14, д. 6.

Об учреждении Императорской археологической комиссии / РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1.

О приглашении инженерного ведомства и Управления путями сообщения к содействию Археологической комиссии в сохранении древних памятников зодчества, проведении дорог и т.д. / РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 26.

О приглашении статистических Комитетов к участию в исследовании и сохранении отечественных древностей / РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27.

Об организации охраны памятников древностей в России / РА ИИМК, 1882, ф. 1, д. 52.

Переписка с Министерством государственного имущества о высылке выработанных последним правил о сохранении древности / РА ИИМК, 1885, ф. 1, д. 11.

О сношениях с Министерством внутренних дел и ведомством св. Синода по поводу недопущения к производству раскопок лиц, не имеющих на то разрешения от комиссии / РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50.

Об установлении необходимого порядка в деле собирания и охранения древностей / РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69.

О выдаче Археологическому Институту ОЛ на право производства раскопок / РА ИИМК, 1889, ф. 1, д. 40.

Опись 1 дел ИАК за 1889–1904 гг. РА ИИМК.

О выработке правил разрешения производства раскопок на землях казенных, общественных и подведомственных разным учреждениям / РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200.

О составлении руководства для проведения исторических розысканий / РА ИИМК, 1894, ф. 1, д. 161.

Положение о Российской археологической комиссии 1859 года с изменениями и дополнительными распоряжениями по 1917 г. / РА ИИМК, 1917, ф. 1, д. 71.

О реорганизации Археологической комиссии / РА ИИМК, 1918, ф. 1, д. 20.

Об утверждении в Петрограде РАИМК / РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 1.

Об организации Института археологической технологии / РА ИИМК, 1919, ф.2, д. № 31.

Декрет СНК о Российской Академии истории материальной культуры / РА ИИМК, 1919, д. 47.

Проекты правил производства раскопок, исследования и хранения исторических и историко-художественных предметов, ремонта и реставрации памятников в пределах РСФСР / РА ИИМК, 1919, ф. 2, д. 37.

Протоколы заседаний по установлению взаимоотношений Археологического отдела с РА ИМК и переписка по вопросу взаимоотношений с Главмузеем о Реставрационной мастерской и об охране и реставрации памятников / РА ИИМК, 1920, ф. 2, д. 57.

Комиссия по раскопкам РАИМК. Протоколы заседаний / РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 29.

О порядке выдачи разрешений на право производства раскопок / РА ИИМК, 1923, ф. 2, оп. 1, д. 71.

Установление порядка выдачи разрешений на право производства раскопок / РА ИИМК, 1924, ф. 2, оп. 1, д. 98.

О порядке выдачи разрешений на право производства раскопок и разведок / РА ИИМК, 1927, ф. 2, оп. 1, д. 95.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Раскопочная комиссия о выдаче открытых листов / РА ИИМК, 1933, ф. 2, д. 132.

Кафедра методики и техники полевых исследований Сектора полевых исследований в 1934 г. / РА ИИМК, 1934, ф. 2, д. 72.

Руководящие постановления и распоряжения правительственных органов». РА ИИМК, 1935, ф. 2, д. 1.

Формы Открытых листов и текст Инструкции по охране памятников / РА ИИМК, 1934–1937, ф. 2, оп. 7, д. 9.

Организация археологического Комитета / РА ИИМК, 1938–1939, ф. 2, оп. 7, д. 8.

Книги регистрации выдачи открытых листов в 1946–2006 гг. / Архив ОПИ ИА РАН.

Книги регистрации поступления научных отчетов о полевых исследованиях в 1947–1948 гг. и 1958–2007 гг. / Архив ОПИ ИА РАН.

Картотека исследователей. 1946–2006 гг. / Архив ОПИ ИА РАН.

Картотека организаций. 1946–2006 гг. / Архив ОПИ ИА РАН.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Литература

Авдусин Д.А., 1959. Археологические разведки и раскопки. М.

Авдусин Д.А., 1967, 1977. Археология СССР. 1-е, 2-е изд. М.

Авдусин Д.А., 1972, 1980. Полевая археология СССР. 1-е, 2-е изд. М.

Авдусин Д.А., 1989. Основы археологии. М.

Агапов С.А., Васильева И.Н., Кузьминых С.В., 2006. Игорь Борисович Васильев: основные вехи жизненного и научного пути // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара.

Александрова М.В., 1989. Сектор охранных раскопок в 1985–1986 гг. // КСИА. Вып. 196.

Александрова М.В., 1993. Работа отдела охранных раскопок Института археологии в 1987–1990 гг. // КСИА. Вып. 210.

Алексеева Е.М., 1986. Анапская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Алексеева Е.М., 1989. Раскопки античного города // Методы полевых археологических исследований. Л.

Алексеева Е.М., 2004. Анапская экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Алекшин В.А., 1980. Научные совещания, сессии, симпозиумы, конференции, пленумы ГАИМК-ИИМК – Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163.

Андреева М.В., Сорокина И.А., Джаникян Г.Г., 1996. ARL-TREE/TUMULUS/ Проект основы банка данных по материалам раскопок степных курганов // Компьютеры в археологии: Опыт компьютерной обработки археологических материалов. Материалы конференции. (Москва, 1993). М.

Археологи Волго-Уральского региона. Уфа. 2002.

Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации // Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Археологические открытия 1965 года. 1966. М.

Археологические открытия 1966 года. 1967. М.

Археологические открытия 1967 года. 1968. М.

Археологические открытия 1968 года. 1969. М.

Археологические открытия 1969 года. 1970. М.

Археологические открытия 1970 года. 1971. М.

Археологические открытия 1971 года. 1972. М.

Археологические открытия 1972 года. 1973. М.

Археологические открытия 1973 года. 1974. М.

Археологические открытия 1974 года. 1975. М.

Археологические открытия 1975 года. 1976. М.

Археологические открытия 1976 года. 1977. М.

Археологические открытия 1977 года. 1978. М.

Археологические открытия 1978 года. 1979. М.

Археологические открытия 1979 года. 1980. М.

Археологические открытия 1980 года. 1981. М.

Археологические открытия 1981 года. 1982. М.

Археологические открытия 1982 года. 1984. М.

Археологические открытия 1983 года. 1985. М.

Археологические открытия 1984 года. 1986. М.

Археологические открытия 1985 года. 1987. М.

Археологические открытия 1986 года. 1988. М.

Археологические открытия 1993 года. 1994. М.

Археологические открытия 1994 года. 1995. М.

Археологические открытия 1995 года. 1996. М.

Археологические открытия 1996 года. 1997. М.

Археологические открытия 1997 года. 1999. М.

Археологические открытия 1998 года. 2000. М.

Археологические открытия 1999 года. 2001. М.

Археологические открытия 2000 года. 2001. М.

Археологические открытия 2001 года. 2002. М.

Археологические открытия 2002 года. 2003. М.

Археологические открытия 2003 года. 2004. М.

Археологические открытия 2004 года. 2005. М.

Археологические открытия 2005 года. 2007. М.

Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР: 1919–1956 гг. 1962. М.

Археология. 2006. М.

Археология в Ростовском университете (1915–2005 гг.). 2005. Ростов-на-Дону.

Археология Урала и Западной Сибири. 2005. Екатеринбург.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Арциховский А.В., 1947. Введение в археологию. М.

Арциховский А.В., 1954, 1955. Основы археологии. 1-е, 2-е изд. М.

Атлас мира, 1954. Т. 1. М.

Атлас мира, 1999. М.

Афанасьев Г.Е., 1985. Перспективы работ сектора охранных раскопок Института археологии РАН в зонах мелиоративного строительства РСФСР // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Афанасьев Г.Е., Александрова М.В., 1986. Сектор охранных раскопок в 1982–1984 гг. // КСИА. Вып. 188.

Афанасьев Г.Е., Каменецкий И.С., Решетникова Н.Ш., 1986. Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического обследования грунтовых могильников, разрушающихся при производстве различных строительных работ. М.

Афанасьев Г.Е., Решетникова Н.Ш., 1986. Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического обследования степных курганов, разрушающихся при производстве различных строительных работ. М.

Афанасьев Г.Е., Паромов Я.М., 1988. Методические указания к определению стоимости и временные расценки проведения сплошной археологической разведки в зонах мелиоративных, новостроечных и иных землеустроительных работ (на примере Таманского полуострова). М.

Афанасьев Г.Е., Сорокин А.Н., 1988. Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического исследования мезолитических поселений, разрушающихся при производстве различных строительных работ. М.

Афанасьев Г.Е., 1989а. Порядок оформления договоров на проведение Институтом археологии АН СССР охранных археологических работ и принципы расчета договорной цены. М.

Афанасьев Г.Е., 1989б. Охрана памятников истории и культуры в зонах новостроек РСФСР и новая планово-финансовая система в Академии наук СССР // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Афанасьев Г.Е., Андреева М.В., Смирнов А.С., 1993. К концепции охранных археологических работ в Российской Федерации // КСИА. Вып. 210.

Афанасьев Г.Е., Джаникян Г.Г., Сорокина И.А., Эрлих В.Р., 2001. Полнотекстовая и картинно-графическая база данных для описания археологических памятников SITE // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок. М.

Афанасьев Г.Е., Веденин Ю.А., Гусев С.В., Загорулько А.В., Смирнов А.С., Сорокина И.А., Шульгин П.М., 2001. Оценка стоимости ущерба, нанесенного памятникам археологии (методические и методологические проблемы) // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Тезисы конференции (Москва, 2001). М.

Бадер О.Н., 1938. Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М.

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пособие для начинающих историков и краеведов. Молотов.

Бадер О.Н., 1953. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // Уч. зап. ПГУ. Т. IX. Вып. 3. Молотов.

Бадер О.Н., 1956. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 гг. // Уч. зап. ПГУ. Т. X I. Вып. 3. Молотов.

Бадер О.Н., Оборин В.А., 1960. Очерк работ КАЭ в 1955 и 1956 гг. // Труды КАЭ. Вып. 3. Пермь.

Бадер О.Н., 1960. Камская археологическая экспедиция в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 78.

Бадер О.Н., 1961а. Камская археологическая экспедиция в 1958 г. // КСИИМК. Вып. 85.

Бадер О.Н., 1961б. Воткинская археологическая экспедиция // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции. Вып. 2. М.

Бадер О.Н., 1972а. Работы Нижнекамской экспедиции в системе археологических исследований на Камских новостройках // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Бадер О.Н., 1972б. Археологическое изучение зоны строительства Нижнекамской гидроэлектростанции и работы Нижнекамской экспедиции в 1968–1969 гг. // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.

Базы данных в археологии. 1995. М.

Беляев Л.А., 1986. Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры (полевые исследования). М.

Блаватский В.Д., 1965. Техника подводных археологических работ // Археология и естественные науки. М.

Блаватский В.Д., 1967. Античная полевая археология. М.

Бестужев Г.Н., Избицер Е.В., Трифонов В.А., 1985. Работы Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в зонах мелиорации (1978–1984 гг.) // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Бойко А.Л., 2000. Из истории методики полевых исследований в дореволюционной России // Донская археология. № 2. Ростов-на-Дону.

Борисковский П.И., 1980. Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163.

Братченко С.Н., 1985. Некоторые итоги и проблемы исследования курганов // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Брюсов Я.А., 1963. Методы раскопок торфяниковых стоянок. М.

Булатов Н.М., 1989. Охрана памятников археологии на территории планируемых строек // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Бунатян Е.П., Генинг В.Ф., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1989. ИПС –информационно-поисковая система по погребальным памятникам. Ч. I. Киев.

Бунатян Е.П., 1994. Памяти Владимира Федоровича Генинга // РА. № 3.

Быковский С.Н., 1931. О классовых корнях старой археологии // ИГАИМК. № 9–10.

Быковский С.Н., 1934. Предисловие // Миллер А.А. Археологические разведки. Л.

Васильев С.А., 2005. АИС Археограф: система описания археологических памятников и вывода данных в ГИС // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ материалов. Ижевск.

Васильева Р.В., Длужневская Г.В., 1989. Из истории охраны памятников и археологической службы в СССР // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Васильева Р.В., 2000. Главное археологическое учреждение царской России. Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2. СПб.

Веселовский Н.И., 1900. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.

Волков В.В., 1980. Институт археологии АН СССР в 50–70 годах // КСИА. Вып. 163.

Воронин К.В., 2004. Межрегиональная археологическая экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Воронин Н.Н., 1951. Некоторые вопросы методики археологических раскопок древнерусского города // КСИИМК. Вып. 38.

Всероссийское археолого-этнографическое совещание. 1932. // СГАИМК. № 7–8.

Гайдуков П.Г., Шуньков М.В., 2007. Всероссийский археологический съезд в Новосибирске // СА. № 3.

Галкин Л.Л., 2004. Средневолжская новостроечная экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская (Донская) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.

Гей А.Н., 1989. О концепции деятельности новостроечных подразделений в системе научного учреждения // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Гей А.Н., 2004. Северо-Кавказская экспедиция

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ИА АН СССР // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Генинг В.Ф., 1982а. Из истории советской археологии 20-х годов // Теория и методы археологических исследований. Киев.

Генинг В.Ф., 1982б. Очерки по истории советской археологии. Киев.

Голенцов А.С., 1989. К вопросу о приоритете в археологических полевых исследованиях // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 2006. Проблемы провинциальной вузовской археологии (на примере Урало-Поволжья). // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (2006, Новосибирск). Т. II. Новосибирск.

Голубева Л. А., 1947. Как обследовать археологические памятники. М.

Городцов В.А., 1911. Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. Составлено С.И. Фляхом по лекциям В.А. Городцова. М.

Городцов В.А., 1914. Руководство для археологических раскопок. М.

Государственная охрана памятников истории и культуры в России. Обзор существующей структуры управления в сфере охраны объектов культурного наследия. 2002. М.

Грач А.Д., 1966. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // АО 1965 г. М.

Грач А.Д., 1969. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА. Вып. 118.

Грязнов М.П., 1961. Памятка по раскопкам грунтовых могильников. Л.

Грязнов М.П., 1965. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100.

Грязнов М.П., 1966. Работы Красноярской экспедиции // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. на сессии Отделения истории и пленуме ИА и ИЭ АН СССР. М.

Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) // РА. № 3.

Гусев С.В., 2001. Формат геоинформационного описания памятников археологии. // Культура: политика модернизации. Вып.2. Псков-М.

Даркевич В.П., Краснов Ю.А., Косарев М.Ф., Мелюкова А.И., Мошкова М.Г., Шелов Д.Б., 1976. Рецензия на кн. А.И. Мартынова «Археология СССР», М., 1973 // СА. № 1.

Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике». 1986. М.

Детюк А.Н., Тараненко Н.П., 1997. Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 1. М.

Дэвлет М.А., 1969. Археологические изучения южной Сибири в годы советской власти // КСИА. Вып. 118.

Дэвлет М.А., 1990. О методике полевого изучения наскальных изображений //КСИА. Вып. 202.

Евдокимов В.В., 2005. Учитель, пред именем твоим... // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.

Евтюхова Л.А., 1953. О некоторых вопросах современной археологической методики в СССР // КСММИК. Вып. 50.

Елкина И.Н., Станюкович А.К., 2000. Полевая консервация, реставрация и исследование археологического текстиля // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 3. М.

Жебелев С.А., 1923. Введение в археологию. История археологического знания. Ч. I. Петроград.

Жилин М.Г., 1997. Методика раскопок многослойных торфяниковых поселений // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 1. М.

Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. 2002. Екатеринбург.

Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 15.12.1978 г. в ред. от 18.01. 1985 г.

Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» № 5351–1 от 9.07.1993 г. в ред. от 19.07.1995 г. № 110–ФЗ и 20.07.2004 г. № 72–ФЗ.

Записка для обозрения русских древностей. 1851. СПб.

Иванов Л.Б., 2006. Проблема авторских прав в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

археологии (юридические аспекты) // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов.

Институт археологии: история и современность. 2000а. М.

Институт археологии сегодня. 2000б. М.

Институт археологии и этнографии. 2006. Новосибирск.

Инструкция для научного исследования курганов и дополнения к ней А.П. Богданова. 1987. // Протоколы заседаний комитета по устройству антропологической выставки. ИОЛЕАЭ. № 24.

Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов // Труды III АС. Киев. Т. 1. 1878.

Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических (палеоэтнологических) раскопок. 1927. М.

Инструкция к открытому листу на право производства археологических исследований. 1939. М.- Л.

Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических раскопок и разведок. 1949. М.-Л.

Инструкция к открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. 1958. М.

Инструкция к «Открытому листу» на право производства археологических раскопок и разведок». 1963. М.

Инструкция к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии Академии наук СССР. 1984. М.

Инструкция о порядке составления отчета об археологических исследованиях. 2004. Ханты-Мансийск.

Инструкция по взятию зерен культурных растений при археологических раскопках. 1951. М.

Итоги и перспективы развития советской археологии (материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). 1945. М.

Казакова Л.М., Кияшко В.Я., 1985. Археологические работы на новостройках Ростовской области в одиннадцатой пятилетке // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Казакова Л.М., 1995. Археологические экспедиции в Ростовской области 1949–1970 гг. // Донские древности. Вып. 4. Азов.

Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А., 1975. Анализ археологических источников. М.

Каменецкий И.С., 1983. Код для описания погребального обряда. Ч. 1 // Древности Дона. М.

Каменецкий И.С., 1986. Код для описания погребального обряда. Ч. 2 // Археологические открытия на новостройках. Вып.1. М.

Капошина С.И., 1962. Памятники эпохи бронзы и сарматского времени на Нижнем Дону // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. на сессии Отделения истории и пленуме ИА и ИЭ АН СССР. М.

Капошина С.И., 1963. Курганы сарматской знати на Нижнем Дону // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. на сессии Отделения истории и пленуме ИА и ИЭ АН СССР. М.

Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П., 2000. Охрана культурного наследия России: XVII–XX вв. Т. I. М.

Каховский Б.В., 1992. Методика полевых археологических исследований. Методические указания к полевой практике студентов. Чебоксары.

Кирьянова Н.А., 1989. Отбор образцов зерен и семян для агробиологического анализа // Методика полевых археологических исследований. Л.

Китова Л.Ю., 2007. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск.

Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.

Кольцов Л.В., 1983. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. М.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г., 1989. Итоги работ Калининской экспедиции в 1984–1985 г. // КСИА. Вып. 196.

Компьютеры в археологии. 1996. // Опыт компьютерной обработки археологических материалов: Материалы конференции. (Москва, 1993). М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кореневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А., 1986. Работы Ставропольской экспедиции // КСИА. Вып. 188.

Кореневский С.Н., 2004. Ставропольская экспедиция Института археологии // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Кореняко В.А., 2004 Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии. М.

Коровкин Ф.П., 1947. Спутник юного туриста в археологической разведке. М.

Краснов Ю.А., 1980. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // КСИА. Вып. 163.

Краснов Ю.А., 1989а. Обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительных работ // Древности Ставрополья. М.

Краснов Ю.А., 1989б. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. Л.

Крупнов Е.И., 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. 55.

Куликова О.П., 1985. Археологические исследования в Краснодарском крае в связи с народнохозяйственным строительством // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Кузьмин Ю.В., 1989. О повышении научного значения археологических работ на новостройках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии: 1700–1917 гг. СПб.

Лебедев Г.С., 1995. Петербург как центр региональной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.

Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В., 1986. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Лисицын Н.Ф., 1989. К изучению памятников эпохи камня на новостройках южной Сибири // КСИА. Вып. 196.

Лисицына Н.К., 1951. Археологические исследования в РСФСР в 1949 г. // КСИИМК. Вып. 38.

Лисицына Н.К., 1952. Археологические исследования в РСФСР в 1950 г. // КСИИМК. Вып. 44.

Лисицына Н.К., 1953. Археологические исследования в РСФСР в 1951 г. // КСИИМК. Вып. 52.

Лисицына Н.К., 1955. Археологические исследования в РСФСР в 1952 г. // КСИИМК. Вып. 58.

Лисицына Н.К., 1956а. Археологические исследования в РСФСР в 1953 г. // КСИИМК. Вып. 61.

Лисицына Н.К., 1956б. Археологические исследования в РСФСР в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 66.

Лисицына Н.К., 1957. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г. // СА. № 2.

Лисицына Н.К., 1958а. Археологические исследования в РСФСР в 1955 г. // КСИИМК. Вып. 72.

Лисицына Н.К., 1958б. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1957 г. // СА. № 2.

Лисицына Н.К., 1959а. Археологические исследования в РСФСР в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 77.

Лисицына Н.К., 1959б. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1958 г. // СА. № 2.

Лисицына Н.К., 1960. Полевые археологические исследования Института археологии АН СССР в 1959 г. // СА. № 2.

Лисицына Н.К., 1961. Археологические исследования в РСФСР в 1957–1958 гг. // КСИИМК. Вып. 86.

Лисицына Н.К., 1962а. Полевые археологические исследования в РСФСР в 1960 г. // СА. № 4.

Лисицына Н.К., 1962б. Археологические исследования в РСФСР в 1959 г. // КСИИМК. Вып. 90.

Лисицына Н.К., 1965. Полевые археологические исследования в РСФСР в 1961–1962 гг. // СА. № 1.

Лисицына Н.К., 1970. Открытия и находки 1968–1969 гг. // История СССР. № 5.

Лисицына Н.К., 1972. Открытия и находки // История СССР. № 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Лисицына Н.К., 1980. Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163.

Лопатин Н.В., Хмелевский А.Н., 1998. Проект автоматизированной информационной системы «Археологические исследования в России» (АИС ПОЛИСС) // Естественнонаучные методы в полевой археологии. Вып. 2. М.

Макаров Н.А., 2004. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России. М.

Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.

Мартынов А.И., 1973, 1982. Археология СССР. 1-е; 2-е изд. М.

Мартынов А.И., 1996, 2000. Археология. 3-е; 4-е изд. М.

Мартынов А.И., Шер Я.А., 1989, 2002. Методы археологического исследования. 1-е; 2-е изд. М.

Массон В.М., 1985. Исследования на новостройках — новая функция советской археологической науки // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Матющенко В.И., 2001. Триста лет истории сибирской археологии. Т. 1, 2. Омск.

Мельникова О.М., 2003а. Пермская научная археологическая школа О.Н. Бадера (1946–1955 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2003б. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск.

Мельникова О.М., 2006. Проблемы высшего профессионального археологического образования в университетах России // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (2006, Новосибирск). Т. II. Новосибирск.

Мерперт Н.Я., 1952. К методике раскопок степных курганов Поволжья // КСММИК. Вып. 47.

Мерперт Н.Я., Смирнов К.Ф., 1961. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС (к итогам работ экспедиции 1951–1957 гг.) // КСИА. Вып. 84.

Мерперт Н.Я., 1992. К публикации письма В.Г. Чайлда // СА. № 4.

Мерперт Н.Я., 1995. Введение // Антология советской археологии (1917–1933). Т. 1. М.

Мерперт Н.Я., 1999. Из истории Института археологии (к 80–летию его учреждения) // РА. № 2.

Методика полевых археологических исследований. 1983. М.

Методика полевых археологических исследований. 1989. Л.

Методы естественных и технических наук в археологии. Тезисы докладов. 1963. М.

Миллер А.А., 1934. Археологические разведки // ИГАИМК. Вып. 83.

Монгайт А.Л., 1955. Археология в СССР. М.

Монгайт А.Л., 1963. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. № 4.

Моряков В.И., Федоров В.А., Щетинов Ю.А., 2003. История России. 5-е изд. М.

Мунчаев Р.М., 1999. Институт археологии сегодня // РА. № 2.

Мунчаев Р.М., 2000. Введение // Институт археологии сегодня. М.

Мунчаев Р.М., 2004. Институт археологии РАН и развитие охранной археологии в России // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Мунчаев Р.М., Пятых Г.Г., 2004. Дагестанская экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Мусин А.Е., 2004. Церковная археология в России второй половины XIX — начала XX в. и ее место в системе отечественной археологии и охраны культурного наследия // Невский археолого-историографический сборник. СПб.

Нигматуллин Р.А., Смирнов А.С., 2004. Деснинская экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. 1989. // Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Обыденнова Г.Т., 2002. Очерк истории Урало-Поволжской археологии первой половины XX столетия. Уфа.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Окороков А.В., Таскаев В.Н., 1988. Подводная разведка памятников истории и культуры. М.

Окороков А.В., Таскаев В.Н. 1989. Подводные раскопки памятников истории и культуры. М.

Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII – начало XX в. Сборник документов. 1978. М.

Охрана памятников истории и культуры: 1917–1968 гг. Сборник документов. 1973. М.

Паромов Я.М., 2004. Краткий обзор новостроечных и хоздоговорных исследований на Таманском полуострове // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Перечень реквизитов описания объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. 2001. М.

Пескарева К.М., 1980. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. Вып. 163.

Пескарева К.М., Владимирова Т.Т., 1980. Рукописные архивы Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163.

Пескарева К.М., Рябинин Е.А., 1984. Первое государственное учреждение отечественной археологии // СА. № 4.

Петерс Б.Г., 1965. О приемах и методике подводных археологических разведок // Археология и естественные науки. М.

Платонова Н.И., 1989. Российская академия истории материальной культуры – этапы становления. 1918 – 1919 гг. // СА. № 4.

Платонова Н.И., 1991. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.

Плетнева С.А., 1983. Раскопки бескурганных могильников средневековых кочевников // Методика полевых археологических исследований. М.

Полевая консервация археологических находок (текстиль, металл, стекло). 1987. М.

Положение об охране и использовании памятников истории и культуры от 16. 09. 1982 г. // Законодательство Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Екатеринбург, 2002.

Положение об Открытых листах на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. 1991. М.

Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах. 2001. М.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКПб «О преподавании гражданской истории в школах СССР». 1934. // ПИДО. № 6.

Правила представления отчетов по «Открытым листам». 1978. М.

Проект закона об охране древних памятников в России. 1911. М.

Пряхин А.Д., 1986. История советской археологии. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1988. Археология... Наследие. Воронеж.

Пряхин А.Д., 2005. История отечественной археологии. Русская дореволюционная археология. Ч. I. Воронеж.

Рабинович М.Г., 1951. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. Вып. 38.

Равдоникас В.И., 1930. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Т. 7. Вып. 3–4.

Раппопорт П.А., 1961. Памятка по обмерам архитектурных сооружений при археологических раскопках. Л.

Раппопорт П.А., 1983. Обмер архитектурных сооружений при археологических раскопках // Методика археологических исследований. М.

Резолюция сессии отделения истории и философии АН СССР и пленума ИИМК АН СССР, посвященных итогам полевых исследований за 1946–1950 гг. 1952. // КСИИМК. Вып. 44.

Розенфельд Р.Л., 1983. Разведки и раскопки памятников железного века в лесной полосе Европейской части СССР // Методика полевых археологических исследований. М.

Российская академия наук. 2007. Ч.II. М.

Руководство к производству археологических раскопок и хранение добываемых при раскопках предметов древности (пер. с нем.). 1898. СПб.

Руководство по изучению палеоэкологии культурных слоев древних поселений. 2000. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Савинов Д.Г., 1985. Археологические работы ЛОИА АН СССР на новостройках одиннадцатой пятилетки // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы интенсификации. Тезисы научно-практической конференции (Ленинград, 1985). Л.

Самойлович Н.Г., 2004. Волго-Окская экспедиция ИА РАН. // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Самоквасов Д.Я., 1878. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава.

Самоквасов Д.Я., 1908. Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М.

Сборник инструкций по взятию образцов для анализа археологических материалов методами естественных наук. 1960. М.

Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. 2001. Екатеринбург.

Седов В.В., 1983. Раскопки славянских курганов и жальников // Методика полевых археологических исследований. М.

Седов В.В., Белецкий С.В., 1986. Псковская экспедиция в 1980–1984 гг. // КСИА. Вып. 188.

Синицын И.В., 1953. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС // КСМИИК. Вып. 50.

Синицын И.В., 1954. Археологические исследования Заволжского отряда Сталинградской экспедиции // КСИИМК. Вып. 55.

Смирнов А.П., 1947. Обзор археологических исследований в РСФСР в 1945 г. // КСИИМК. Вып. XVII.

Смирнов А.П., 1952. Археологические исследования 1950 г. в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // КСИИМК. Вып. 44.

Смирнов А.П., 1953. Итоги исследований в зоне строительства Куйбышевской ГЭС // КСММИК. Вып. 50.

Смирнов А.П., 1954а. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках // КСИИМК. Вып. 55.

Смирнов А.П., 1954б. Работы Куйбышевской экспедиции // Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г. М.

Смирнов А.С., 1986. Деснинская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Смирнов А.С., Афанасьев Г.Е., Решетникова Н.Ш., 1987. Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического исследования неолитических поселений, разрушаемых при производстве различных строительных работ. М.

Смирнов А.С., 1989. Вопросы организации новостроечных работ // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы научно-практического семинара (Суздаль, 1989). М.

Смирнов А.С., Сорокин А.Н., 1989. Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196.

Смирнов А.С., 1990. Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства. М.

Смирнов А.С., 2004. История отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Смирнов А.С., Сорокина И.А., 2000. Разработка методических указаний оценки ущерба, нанесенного памятникам археологии. Рукопись. М.

Смирнов А.С., Энговатова А.В., 2004. Роль отдела в разработке теории охранной деятельности // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Смирнов А.С., 2005. Новостройки и археологическая наука // СА. № 1.

Смирнова М.Е., 2004. Западнобалтская экспедиция // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Советский энциклопедический словарь. 1983. М.

Сокровища курганов Адыгеи. 1985. М.

Сорокина И.А., 1992. Применение банка данных «TUMULUS» для описания и исследования погребального обряда и инвентаря срубной культурно-исторической общности // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы конференции. (Липецк, 1992). Липецк.

Сорокина И.А., Седов В.В., Хмелевский А.Н., Джаникян Г.Г., Меснянкина С.В., 2001а.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

BASE-INFO. Автоматизированная информационная система по регламентации археологических раскопок и разведок на территории России // Практика и теория археологических исследований. М.

Сорокина И.А. 2001б. Опыт выставочной деятельности Института археологии РАН // Альманах-2000. Музеи Российской академии наук. М.

Сорокина И.А., Минина Е.Л., 2002а. Археология и геология – археологические коллекции в выставочной деятельности геологического музея // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук. М.

Сорокина И.А., 2002б. Полевая археология в России на современном этапе: итоги и перспективы // СА. № 4.

Сорокина И.А., 2004а. Выставочная деятельность отдела охранных раскопок // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Сорокина И.А., 2004б. Полевая деятельность отдела охранных раскопок // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Сорокина И.А., 2007а. Археологические коллекции: формирование, хранение, изучение // Альманах-2005. Музеи Российской академии наук. М.

Сорокина И.А., 2007б. Информационно-поисковая система «@Археология» и возможности ее использования для изучения полевых исследований в Волго-Уралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург.

Спицын А.А., 1895. Производство археологических раскопок. СПб.

Спицын А.А. 1898. Разбор, обработка и издание археологического материала // ЗРАО. Т.Х.

Спицын А.А., 1908. Археологические разведки. СПб.

Спицын А.А., 1910. Археологические раскопки. СПб.

Спицын А.А., 1927. Разведки памятников материальной культуры. Л.

Стефанова Н.К., Борзунов В.А., 2002. Археология таежного Обь-Иртышья. Екатеринбург.

Столяр А.Д., 1953. Опыт применения землеройных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950–1951 гг. // КСММИК. Вып. 50.

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. 1977. М.

Таскаев В.Н., 1994. Методика проведения подводных археологических работ. М.

Телегін Д.Я., Братченко С.Н., 1974. Розкопки курганів епохи бронзы за допомогою механізмів // Археологія. Вып. 13.

Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. 1992. // Тезисы конференции (Липецк, 1992). Липецк.

Тихонов И.Л., 2003. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб.

Тихонов И.Л., 2004. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник. СПб.

Тихонов Н.П., 1931. О консервации объектов при раскопках // СГАИМК, № 4–5.

Тихонов Н.П., 1932. Фотография в полевой работе. Л.

Труды III Археологического съезда. Т. I. 1878. Киев.

Труды XIV Археологического съезда. Т. III. 1911. М.

Труды XV Археологического съезда. Т. I. 1911. М.

Тункина И.В., 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб.

Устав Государственной академии истории материальной культуры. 1926. Л.

Учебный атлас мира. 1980. М.

Фармаковский Б.В., 1921. К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Петроград.

Фармаковский М.В., 1947. Консервация и реставрация музейных коллекций. М.

Федеральный закон Российской Федерации «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 24.06.1996.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 24.05.2002.

Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Итоги пятилетних работ Поволжской экспедиции на новостройках и некоторые вопросы археологии Повол-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

жья // Новейшие достижения советских археологов. Тезисы конференции. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1987. Статистические методы в археологии. М.

Формозов А.А., 1994. О периодизации истории отечественной археологии // СА. № 4.

Формозов А.А., 1995. Археология на страницах журнала Министерства внутренних дел. 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.

Формозов А.А., 2004. Русские археологи в период тоталитаризма. М.

Хартия по охране и использованию археологического наследия, принятая в 1990 г. IX Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Лозанне. 1991. // СА. №3.

Худяков М.Г., 1933. Дореволюционная археология на службе эксплуататорских классов. Л.

Цуцкин Е.В., 1985. Археологические исследования в Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста.

Черных Е.Н., 2000. Лаборатория естественнонаучных методов // Институт археологии сегодня. М.

Шавкунов Э.В., 2001. Как создавался наш Институт // Россия и АТР. № 2. Владивосток.

Шелов Д.Б., 1947. Обзор полевых археологических исследований в ИИМК в 1946 г. // ВДИ. № 1 (19).

Шелов Д.Б., 1949. Полевые археологические исследования в 1948 г. // ВДИ. № 2 (28).

Шелов Д.Б., 1950. Сессия ОИФ и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1949 г. // ВДИ. № 3.

Шелов Д.Б., 1951. Итоги археологических исследований в 1946–1950 гг. // Вестник академии наук СССР. № 8.

Шелов Д.Б. 1953а. Научные и организационные задачи советской археологии в свете решений XIX съезда КПСС // СА. Т. XVIII.

Шелов Д.Б., 1953б. Археологические экспедиции ИИМК в 1953 г. // Вопросы истории. № 9.

Шелов Д.Б., 1981. За высокое качество полевых археологических исследований // СА. № 1.

Шелов Д.Б., 1984. Полевая археология и охрана археологических памятников // СА. № 1.

Шелов Д.Б., 1986. К методике полевых археологических исследований // СА. № 2.

Шелов Д.Б., 1987. Сохранность памятников археологии и полевые археологические исследования // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М.

Шелов Д.Б., 1991а. 70 лет Институту археологии // Археология и социальный прогресс. Вып. 1. М.

Шелов Д.Б., 1991б. Василий Алексеевич Городцов и полевая археология // Проблемы изучения древних культур Евразии. М.

Шер Я.А., 1999. О состоянии археологии в России (продолжение полемики) // РА. № 1.

Шер Я.А., 2006. Первобытное искусство. Кемерово.

Щавелев С.П., 1991. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М.

Щапова Ю.Л., 1988. Естественнонаучные методы в археологии. М.

Щеглов А.Н., 1983. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем // Методика полевых археологических исследований. М.

Энговатова А.В., Сидоров В.В., 2004. Подмосковная экспедиция в 1987–2002 гг. // Тридцать лет отделу охранных раскопок. Тула.

Янишевский Б.Е., Киселев Д.И., 1996. База данных памятников археологии GRAVE. Опыт и перспектива применения // Компьютеры в археологии: Опыт компьютерной обработки археологических материалов. Материалы конференции. (Москва, 1993). М.

Andreeva M.V, Dzhanikyan. G.G., Sorokina I.A., 1987. ARL-Tree/ Tumulus: Project for Establishing a Database on Materials from Excavations of Stepp-Land Tumuli and it's Practical Application // World Archaeological Bulletin.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Список сокращений

АИЗМ – Археологические исследования в зонах мелиорации. Л.
АИС – автоматическая информационно-поисковая система
АН – Академия наук
АО – автономная область
АО – автономный округ
АО – Археологические открытия. М.
АС – археологический съезд
АССР – автономная советская социалистическая республика
АТЕ – административно-территориальная единица
АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭ – Археологические экспедиции. М.
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВОВ – Великая Отечественная война
ВООПИиК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВОЛС – волоконно-оптическая линия связи
ВЦИК – Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИВЦ – Главный вычислительный центр Министерства культуры РСФСР
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока
ГУ – государственный университет
ГПИ – государственный педагогический институт
ГПУ – государственный педагогический университет
ГУП – государственное унитарное предприятие
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВО – Дальневосточное отделение РАН (АН СССР)
ДГУ – Дальневосточный государственный университет
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА – Институт археологии
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИА УрО – Институт истории и археологии Уральского отделения
ИИАЭ ДВО – Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения
ИИАЭ ДНЦ – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного центра
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии
ИИЯЛ (ИЯЛИ) – Институт истории, языка и литературы (Институт языка, литературы и истории)
ИКОМОС (ICOMOS) – Международный Совет по охране памятников и достопримечательных мест
ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИПОС – Институт проблем освоения Севера
ИПС – информационно-поисковая система
ИЭ – Институт этнографии АН СССР
КАЭ – Камская археологическая экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
ЛОИИМК – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
ЛОИЭ – Ленинградское отделение Института этнографии
МАО – Московское археологическое общество
МГПИ – Московский государственный педагогический институт
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МК – Министерство культуры
МОИИМК – Московское отделение Института истории материальной культуры
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НИИ – научно-исследовательский институт
НПО – научно-производственное объединение
НПЦ – научно-производственный центр
НЦ – научный центр
ОЛ – открытый лист
ООИД – Одесское общество истории и древностей
ОПИ – отдел полевых исследований
ОС – оросительная система
ПГУ – Пермский государственный университет
ПНИАЛ УрГУ – Проблемная научно-исследовательская лаборатория УрГУ
РА – Российская археология
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры
РАК – Российская археологическая комиссия
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РАО – Русское археологическое общество
РГАК – Российская государственная археологическая комиссия
РНИИКиПН – Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РОНО – районный отдел народного образования
РФ – Российская Федерация
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология. М.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СЗфНИИКиПН – Северо-Западный филиал научно-исследовательского института культурного и природного наследия
СНК – Совет народных комиссаров
СО – Сибирское отделение РАН (АН СССР)
СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СУБД – система управления базами данных
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТНИИР-Центр – Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО – Уральское отделение РАН (АН СССР)
ФНМС – Федеральный научно-методический совет
ФОН – факультет общественных наук
ЦК ВКПб – Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

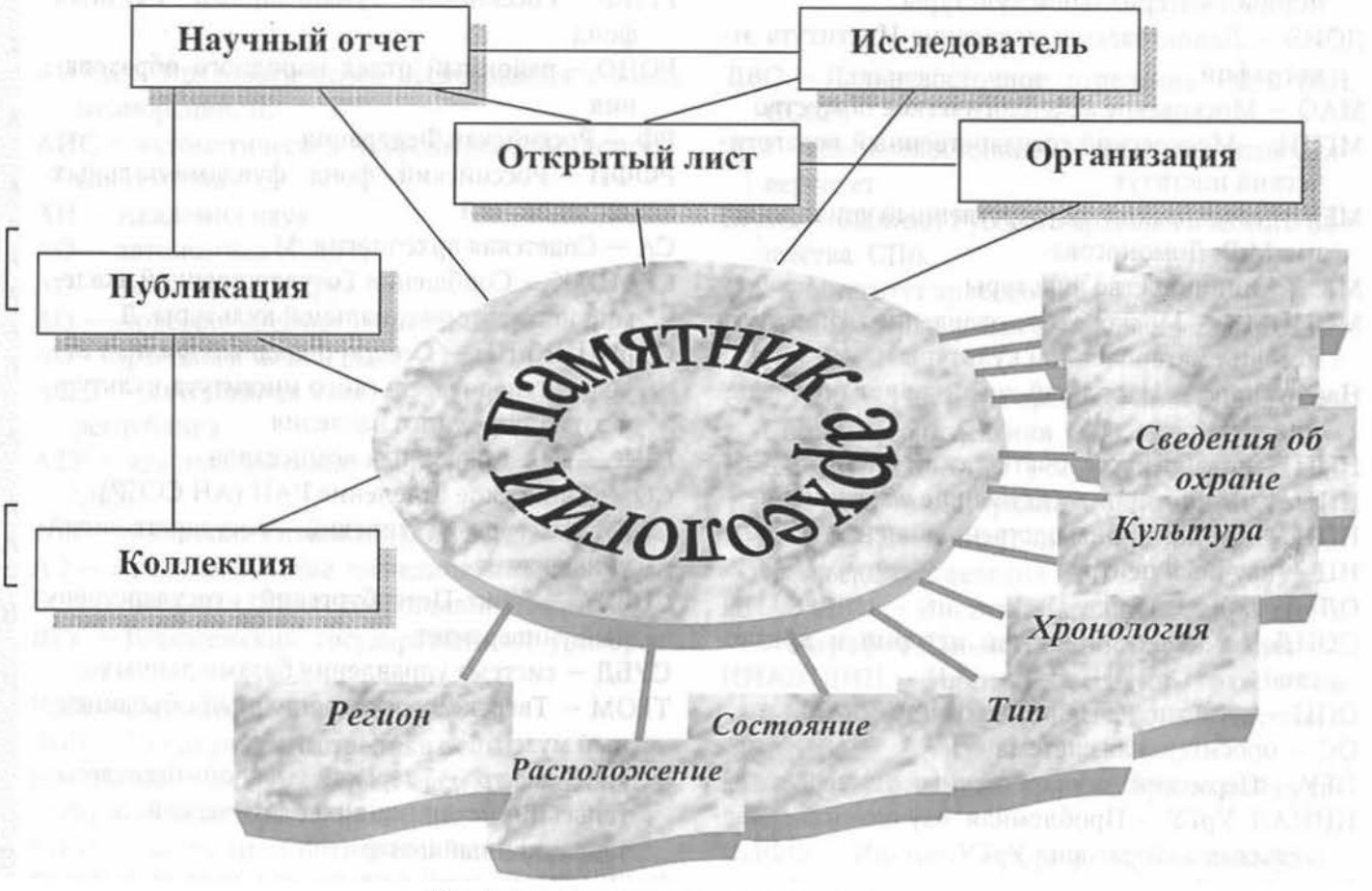

Рис. 1. Атрибуты памятника археологии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

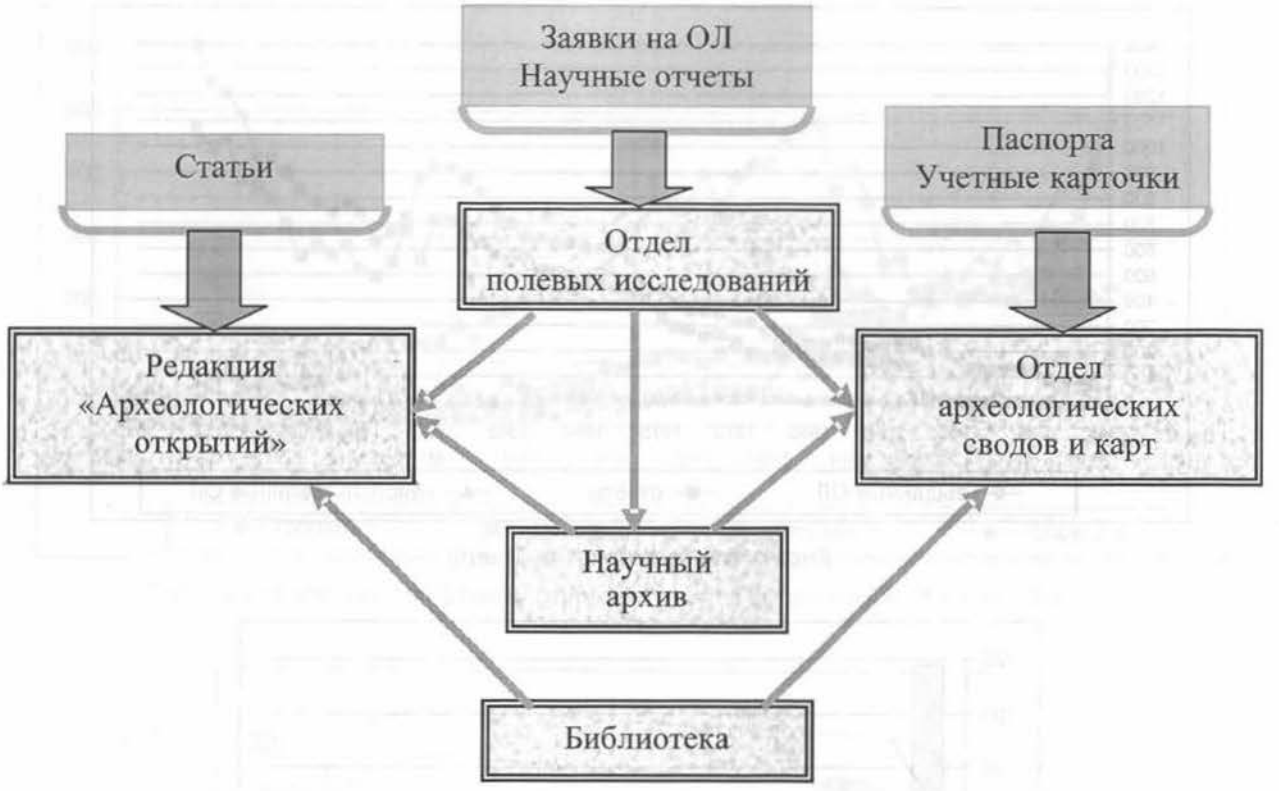

Рис. 2. Потоки информации, поступающие в Институт археологии РАН

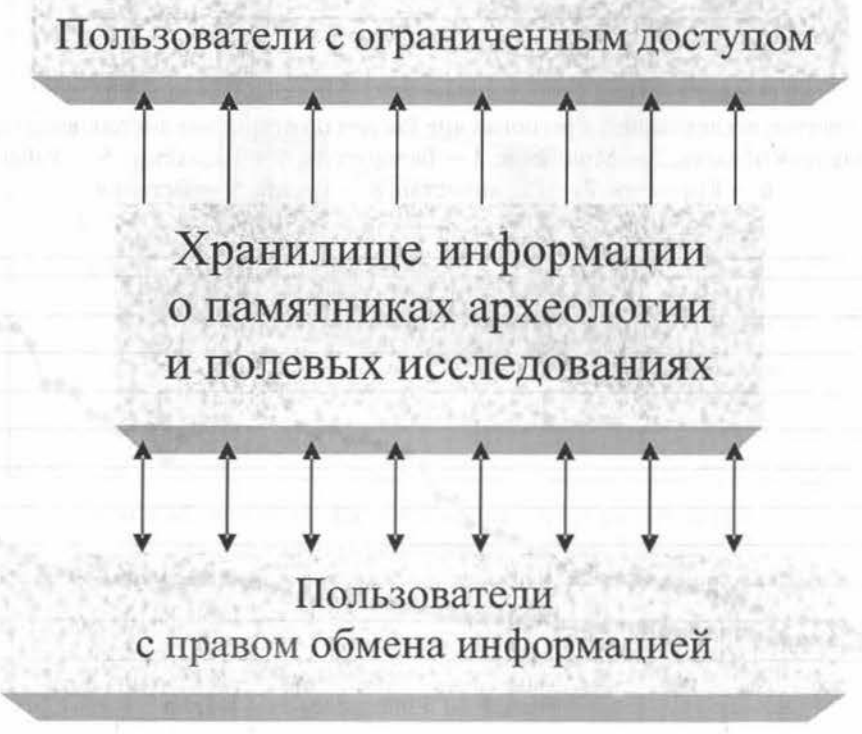

Рис. 3. Схема пользования единым хранилищем информации
о памятниках археологии и полевых исследованиях

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

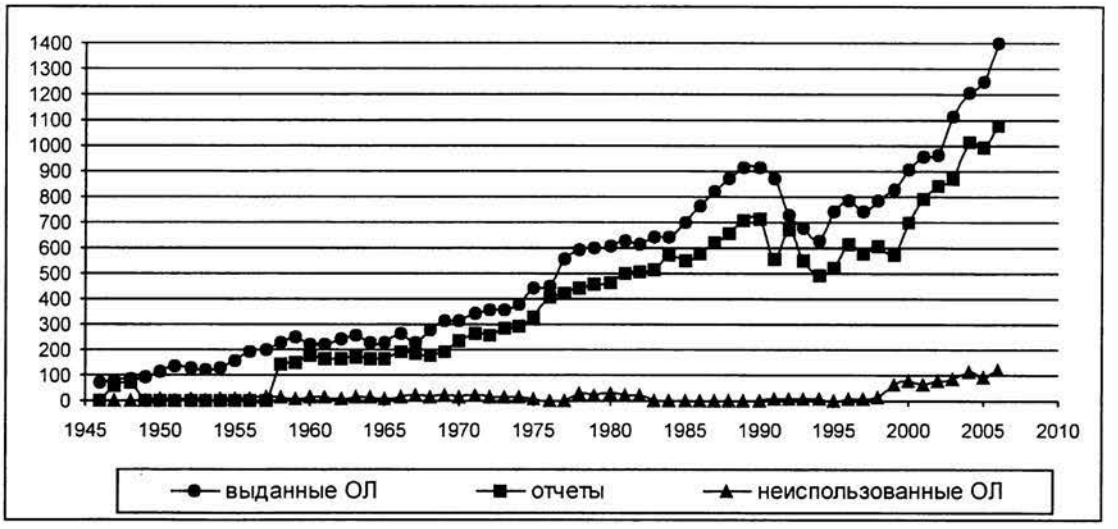

Рис. 4. Открытые листы и отчеты

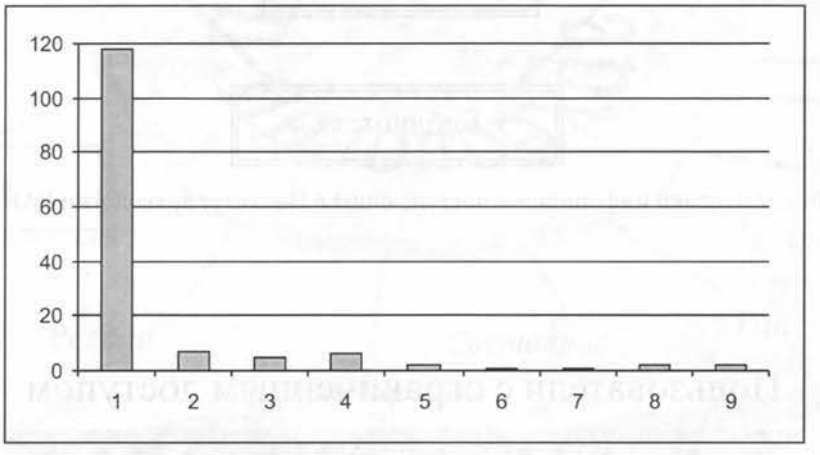

Рис. 5. Количество исследований в регионах вне России по открытым листам, выданным ОПИ.
1 – Крымская область; 2 – Молдавия; 3 – Белоруссия; 4 – Казахстан; 5 – Узбекистан;
6 – Киргизия; 7 – Таджикистан; 8 – Грузия; 9 – Эстония

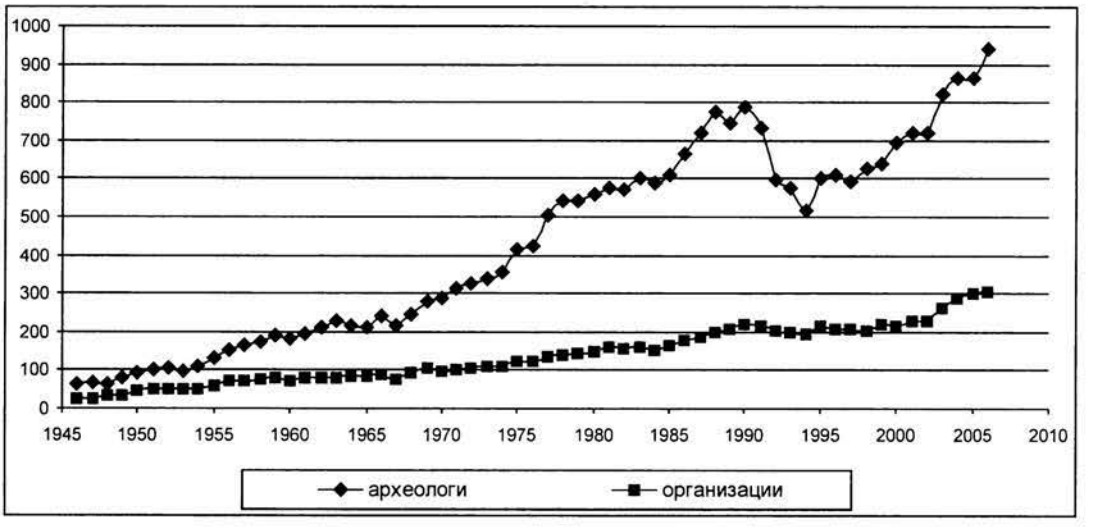

Рис. 6. Археологи и организации, проводившие полевые исследования в 1946–2006 гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

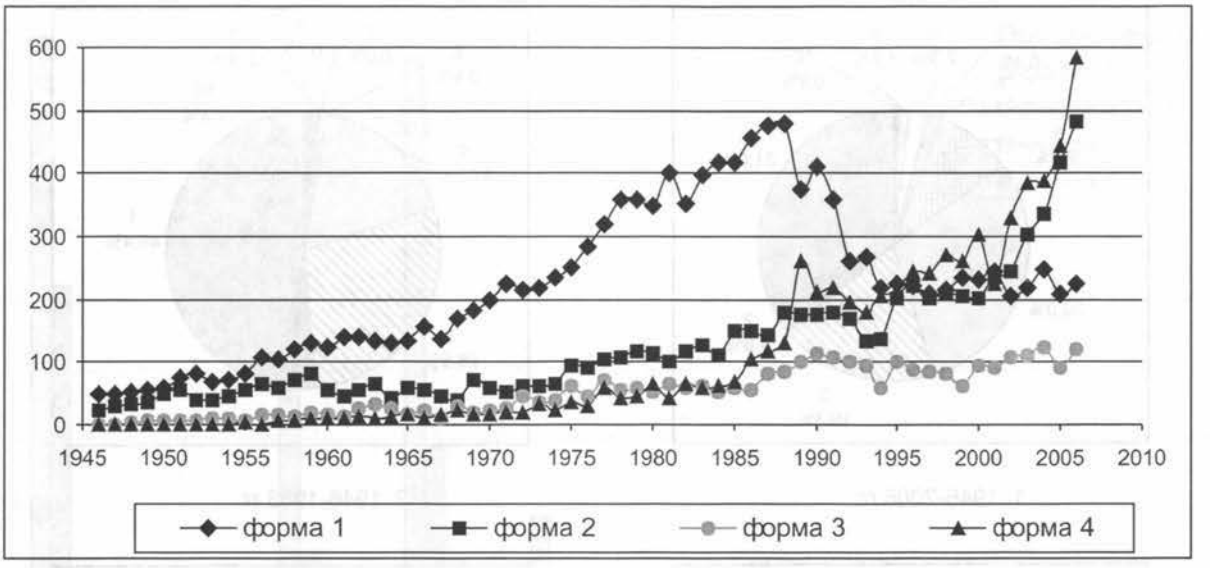

Рис. 7. Распределение по формам открытых листов, выданных ОПИ в 1946–2006 гг.

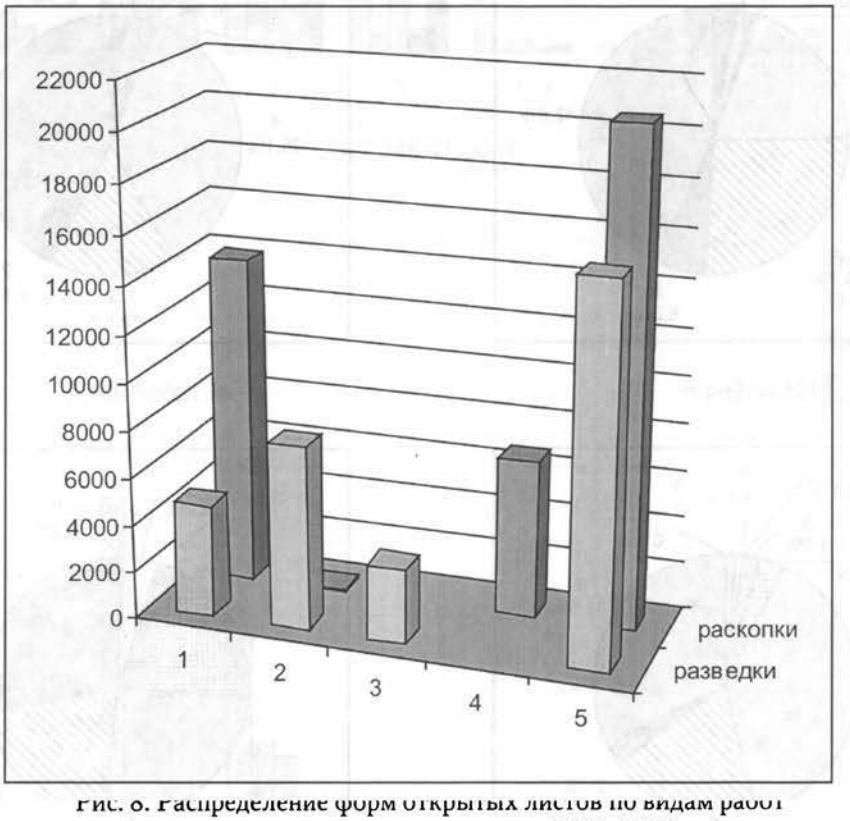

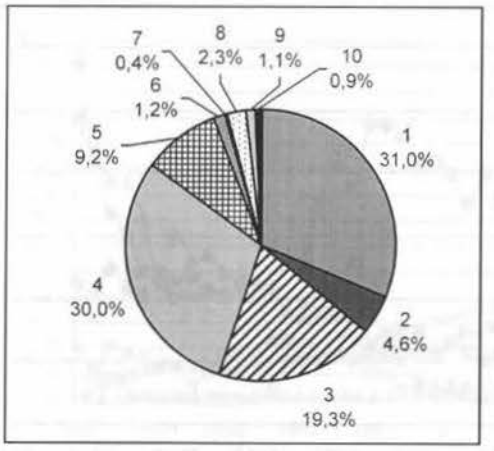
Рис. 8. Распределение форм открытых листов по видам работ
(по записям в книгах регистрации за 1946–2006 гг.).

1 – форма 1; 2 – форма 2; 3 – форма 3; 4 – форма 4; 5 – общее количество работ.

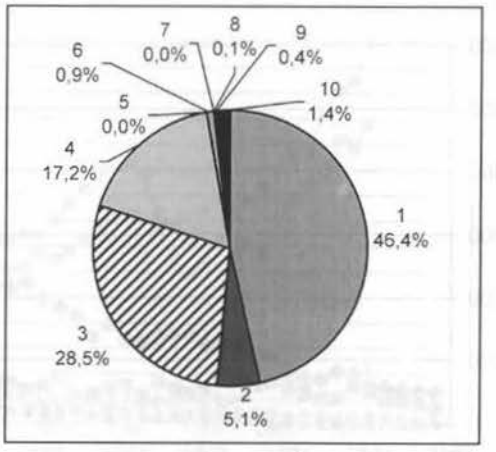
разведки: форма 1 – «раскопки и разведки»
форма 2 – «разведки», «разведки и раскопки с ограничением»
форма 3 – «разведки»

раскопки: форма 1 – «раскопки и разведки»
форма 1 – «раскопки»
форма 2 – «разведки и раскопки с ограничением»
форма 4 – «охранное обследование и раскопки»

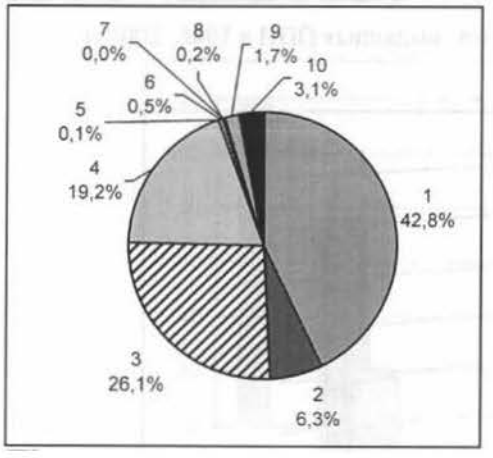
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

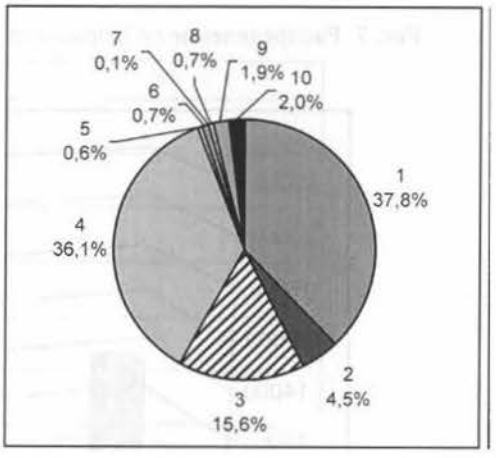
1. 1946-2006 гг.

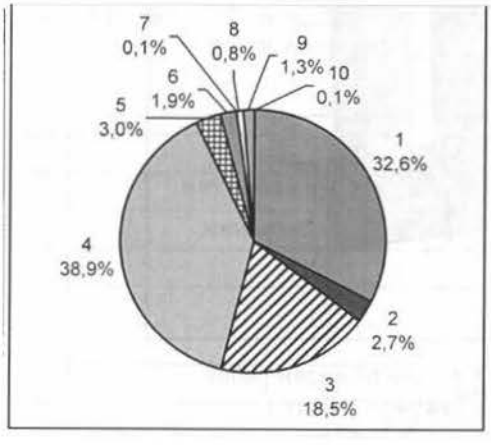
2. 1946-1953 гг.

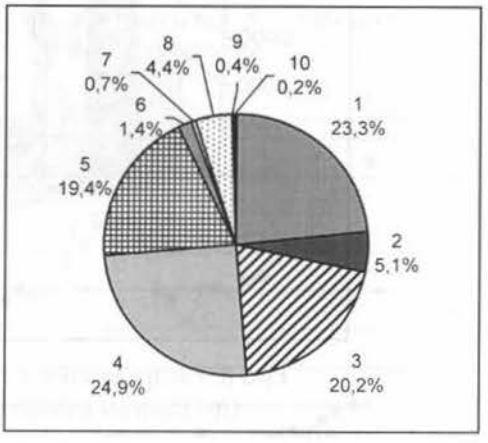
3. 1954-1964 гг.

4. 1965-1984 гг.

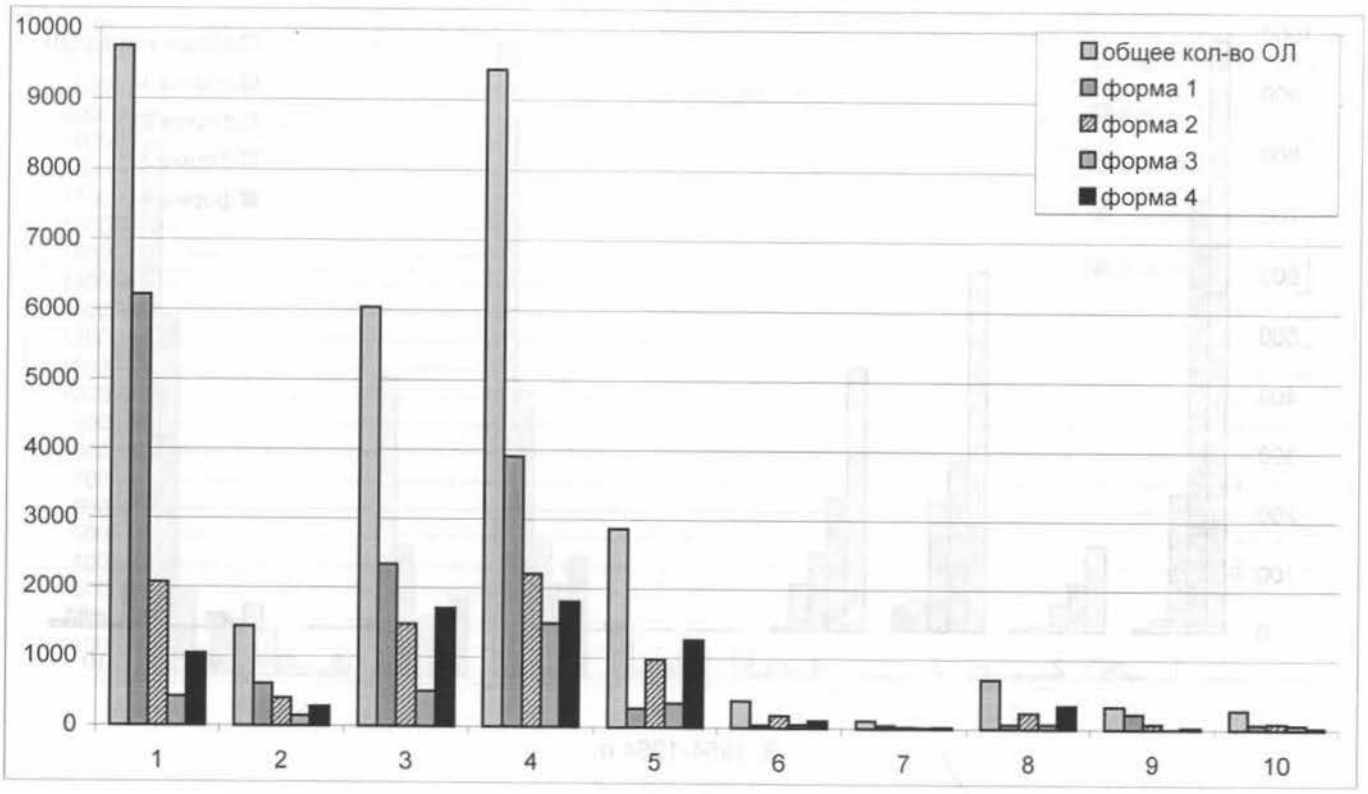
5. 1985-1991 гг.

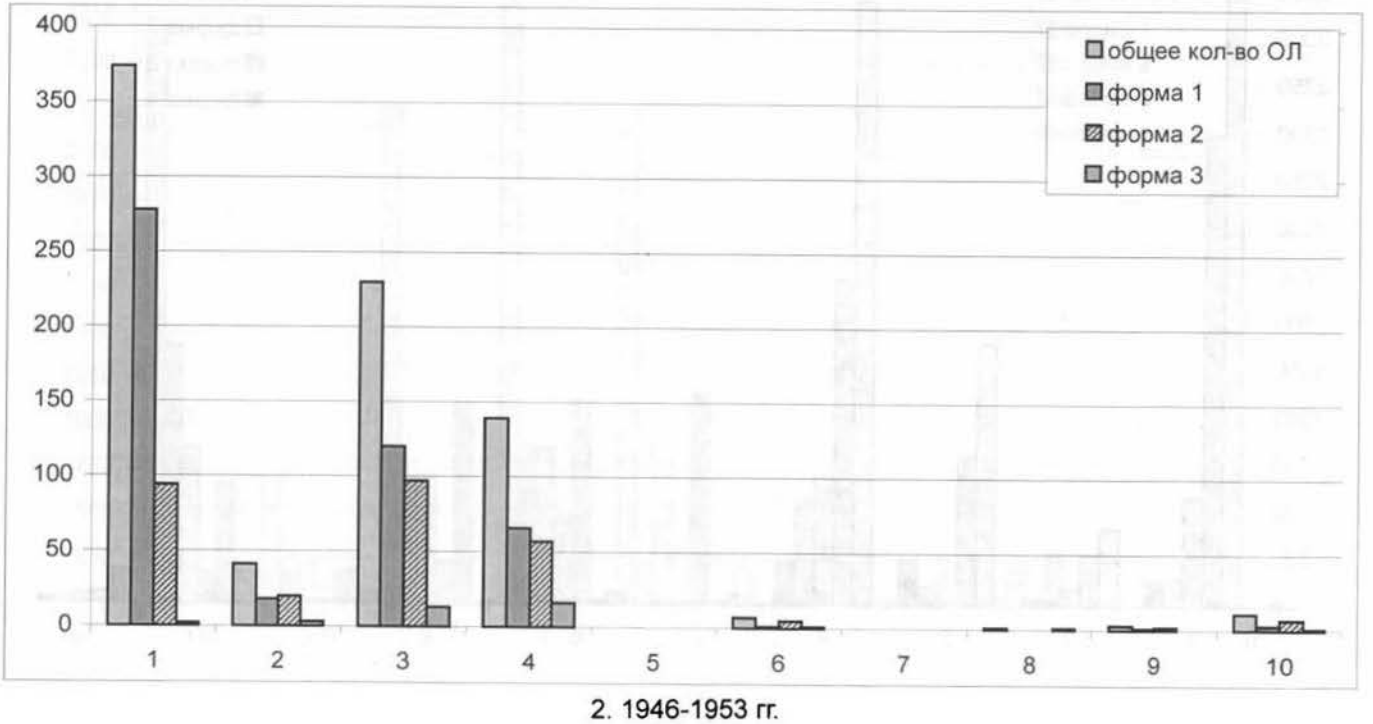
6. 1992-2006 гг.

Рис. 9. Доли организаций разных категорий в полевых исследованиях в России.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

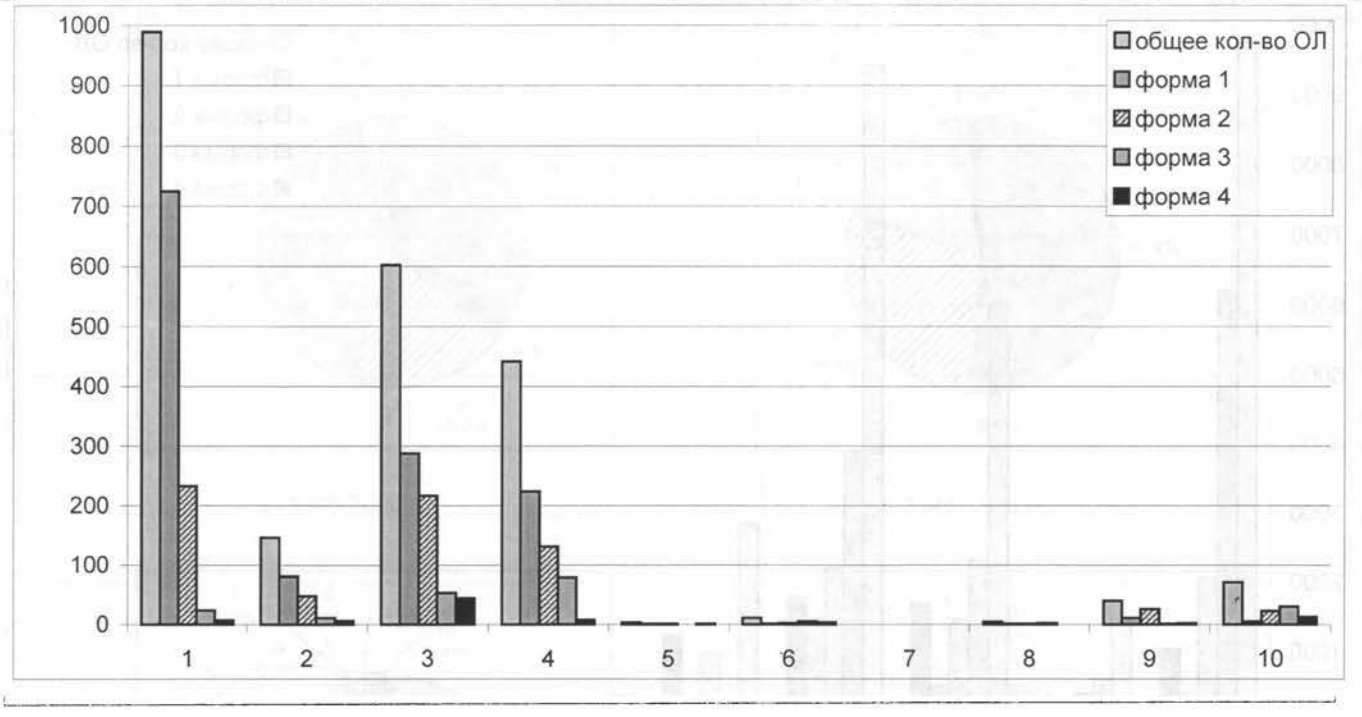
1. 1946-2006 гг.

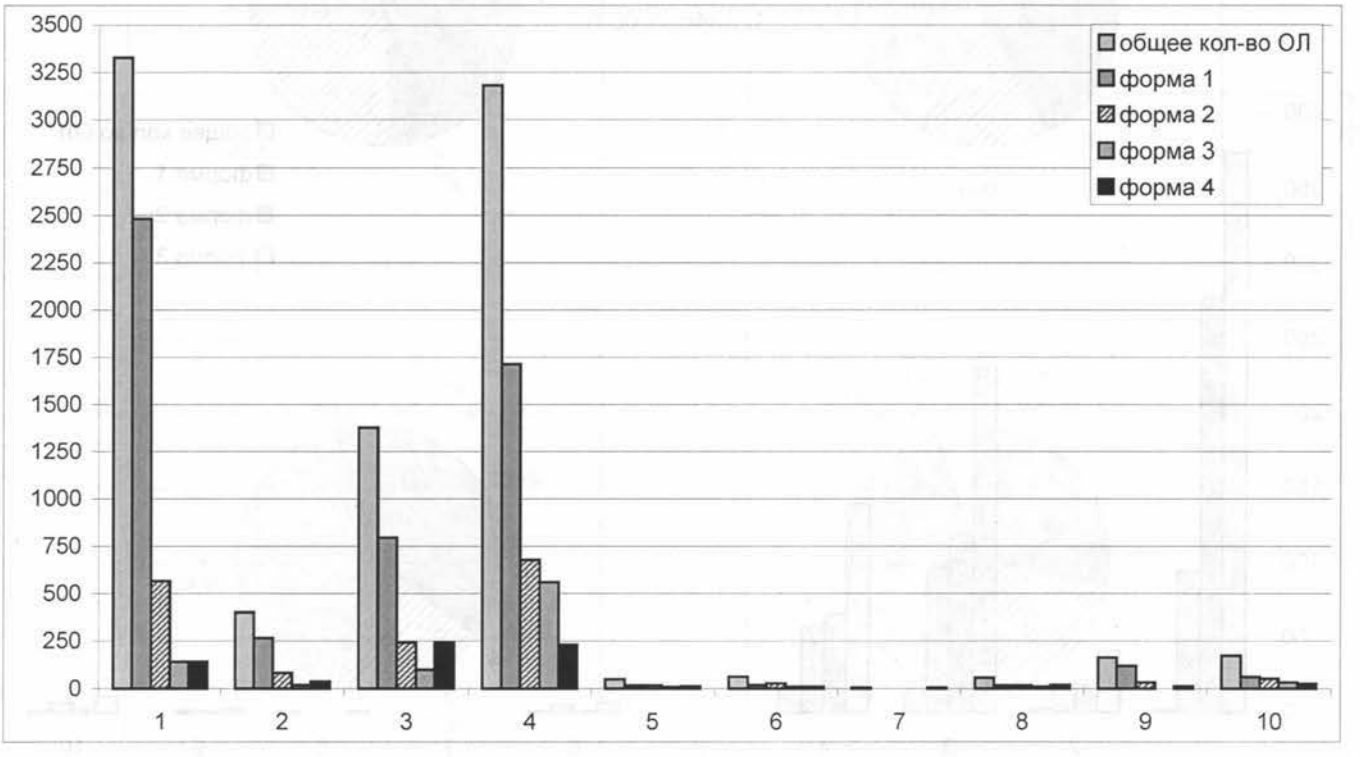
2. 1946-1953 гг.

Рис. 10. Распределение форм открытых листов по категориям организаций.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи; 4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация; 7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

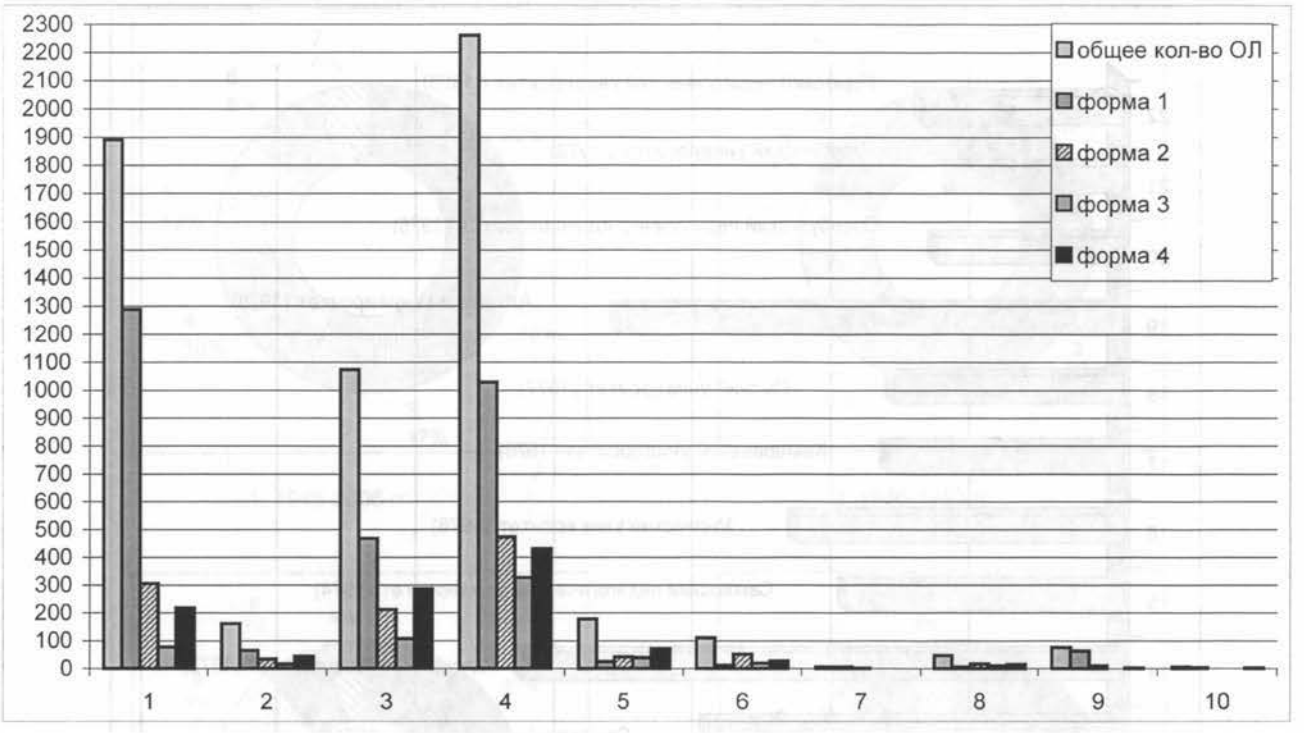
3. 1954-1964 гг.

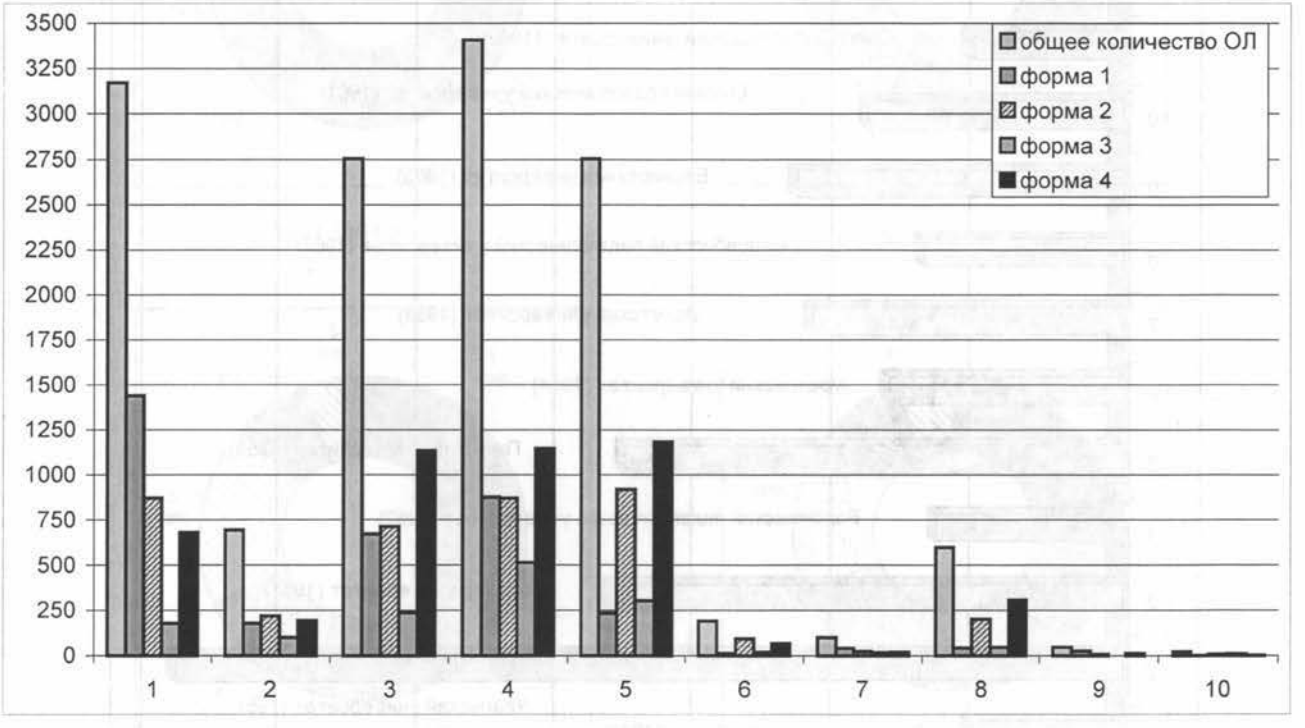
4. 1965-1984 гг.

Рис. 10. Распределение форм открытых листов по категориям организаций.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

5. 1985-1991 гг.

6. 1992-2006 гг.

Рис. 10. Распределение форм открытых листов по категориям организаций.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи; 4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация; 7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

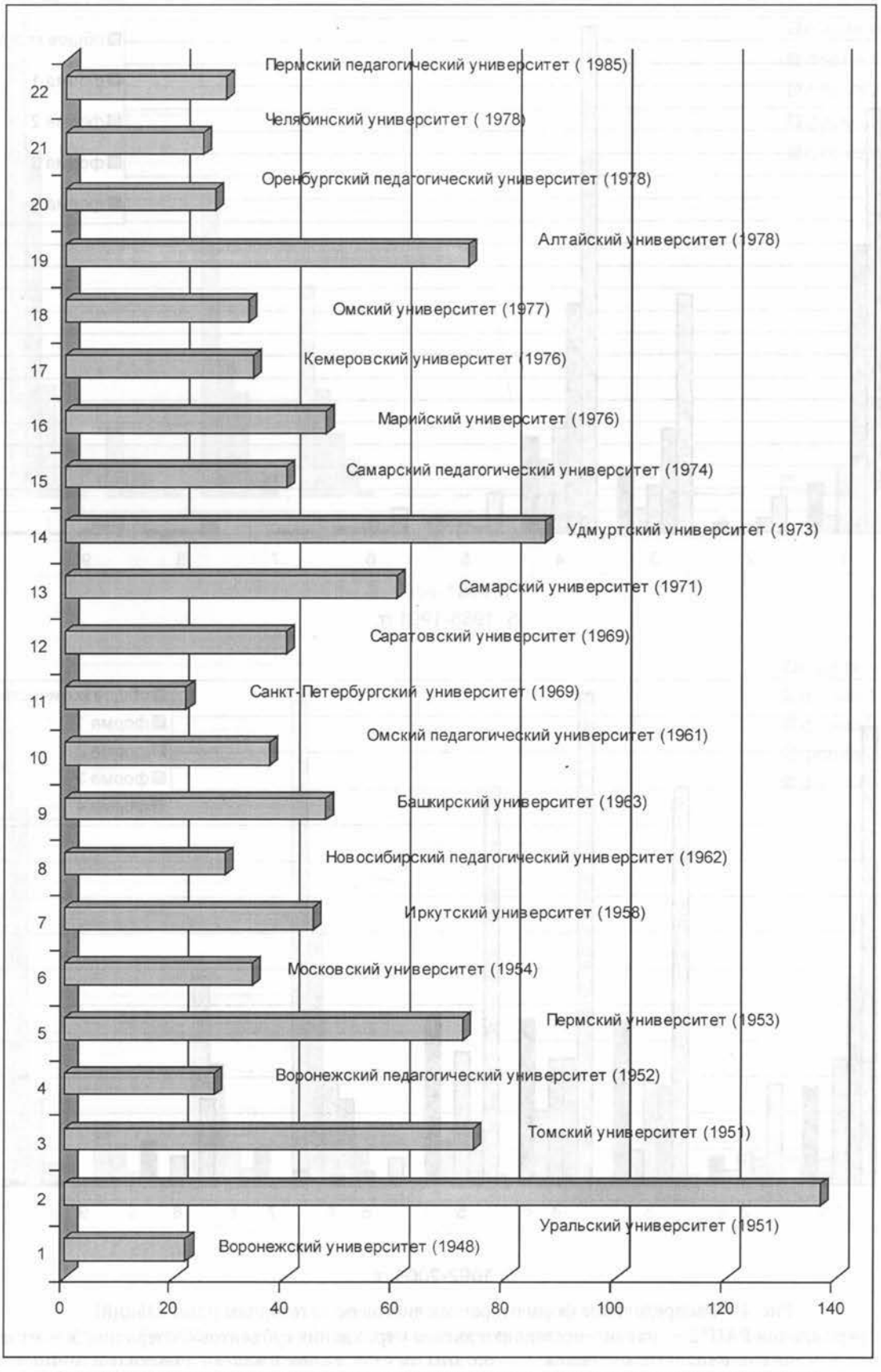
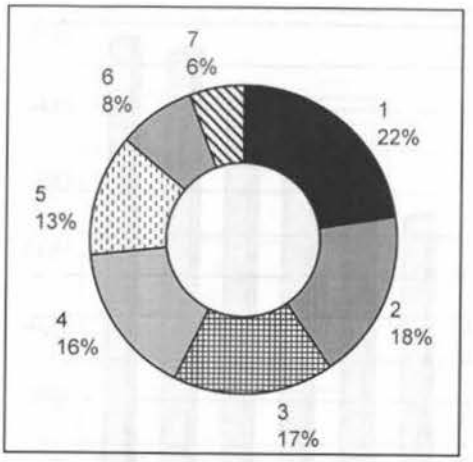
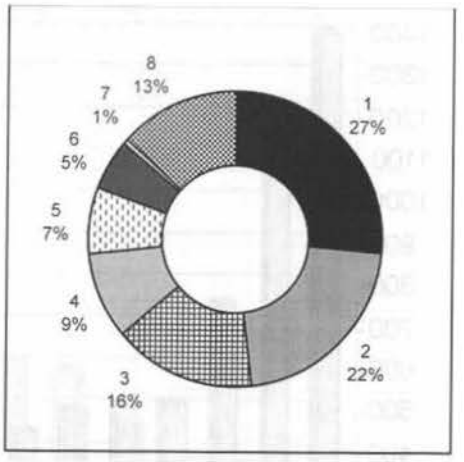

Рис. 11. Полевая подготовка молодых специалистов. Количество открытых листов формы 3 в вузах России (в скобках указан год получения первого ОЛ формы 3)

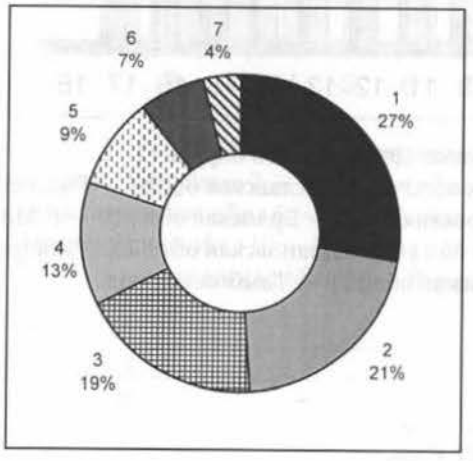
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

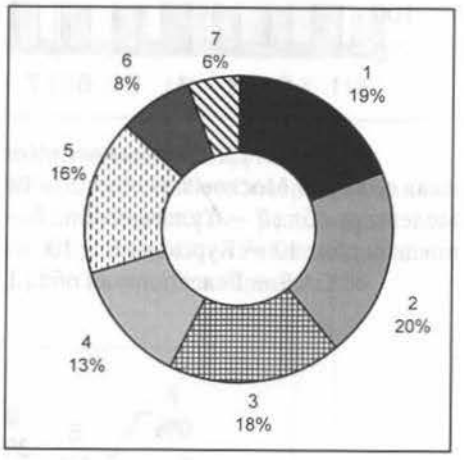
1. 1946-2006 гг.

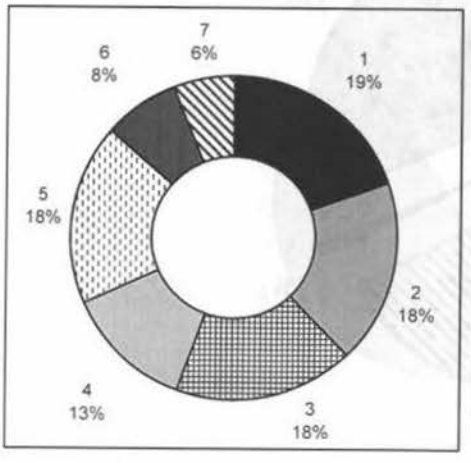
2. 1946-1953 гг.

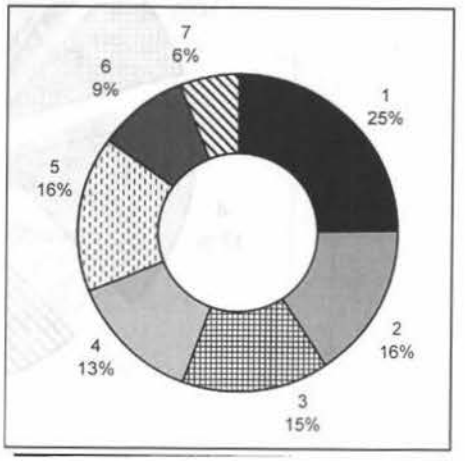
3. 1954-1964 гг.

4. 1965-1984 гг.

5. 1985-1991 гг.

6. 1992-2006 гг.

Рис. 12. Полевые исследования в России (по федеральным округам).
1 – Центральный округ; 2 – Приволжский округ; 3 – Южный округ;
4 – Сибирский округ; 5 – Северо-Западный округ; 6 – Уральский округ;
7 – Дальневосточный округ; 8 – Крымская область

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

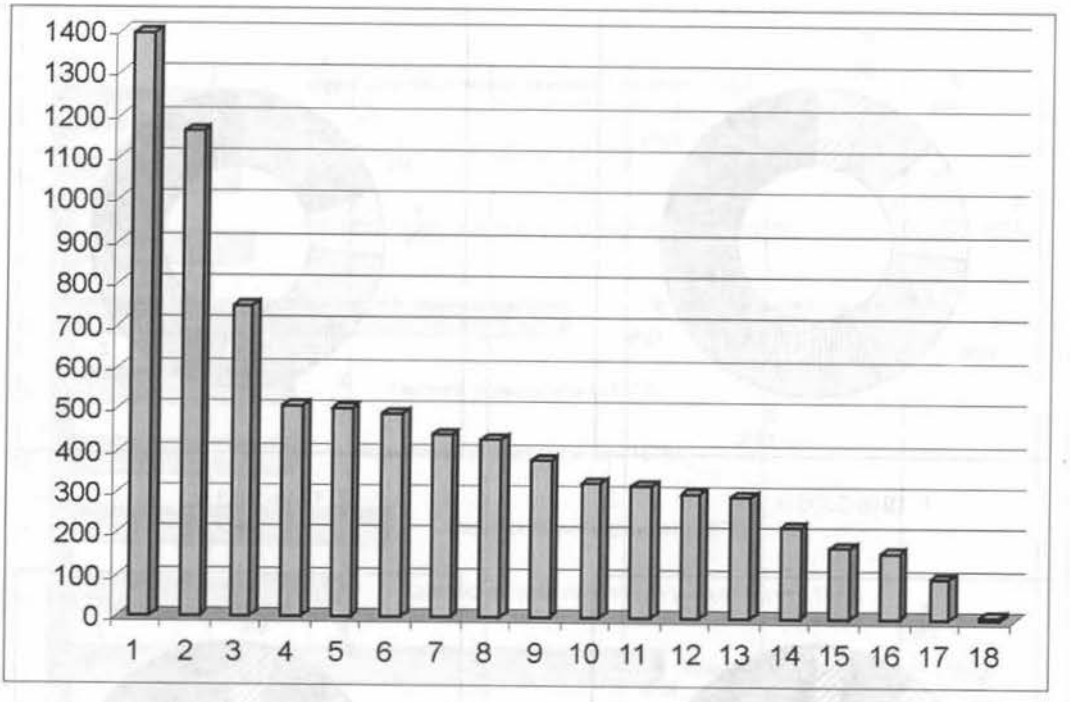

Рис. 13. Полевые исследования регионов Центрального округа.
1 — Тверская обл.; 2 — Московская обл.; 3 — Воронежская обл.; 4 — Ярославская обл.; 5 — Рязанская обл.; 6 — Смоленская обл.; 7 — Тульская обл.; 8 — Владимирская обл.; 9 — Брянская обл.; 10 — г. Москва; 11 — Липецкая обл.; 12 — Курская обл.; 13 — Калужская обл.; 14 — Ивановская обл.; 15 — Костромская обл.; 16 — Белгородская обл.; 17 — Орловская обл.; 18 — Тамбовская обл.

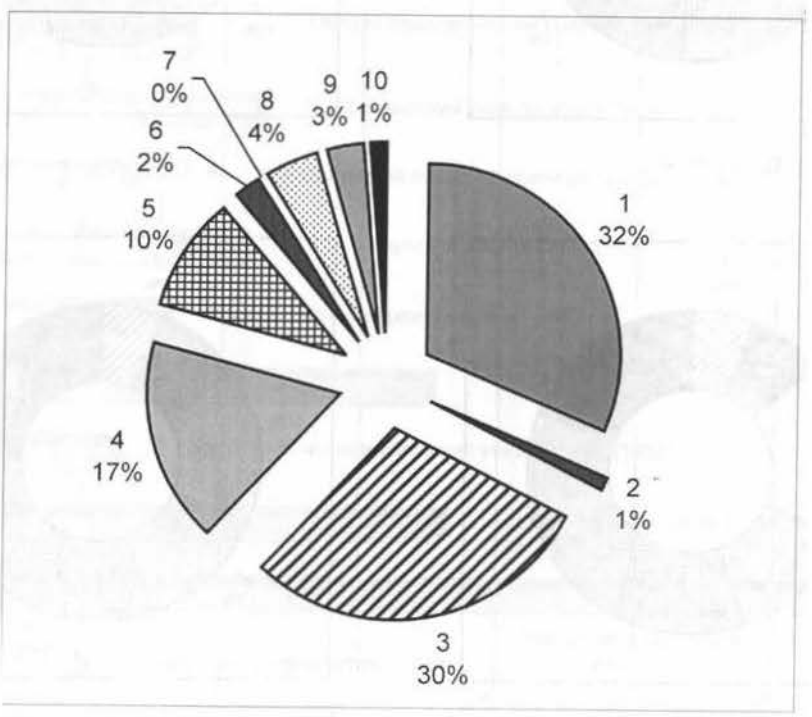

Рис. 14. Доли категорий организаций в исследовании регионов Центрального округа.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи; 4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация; 7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

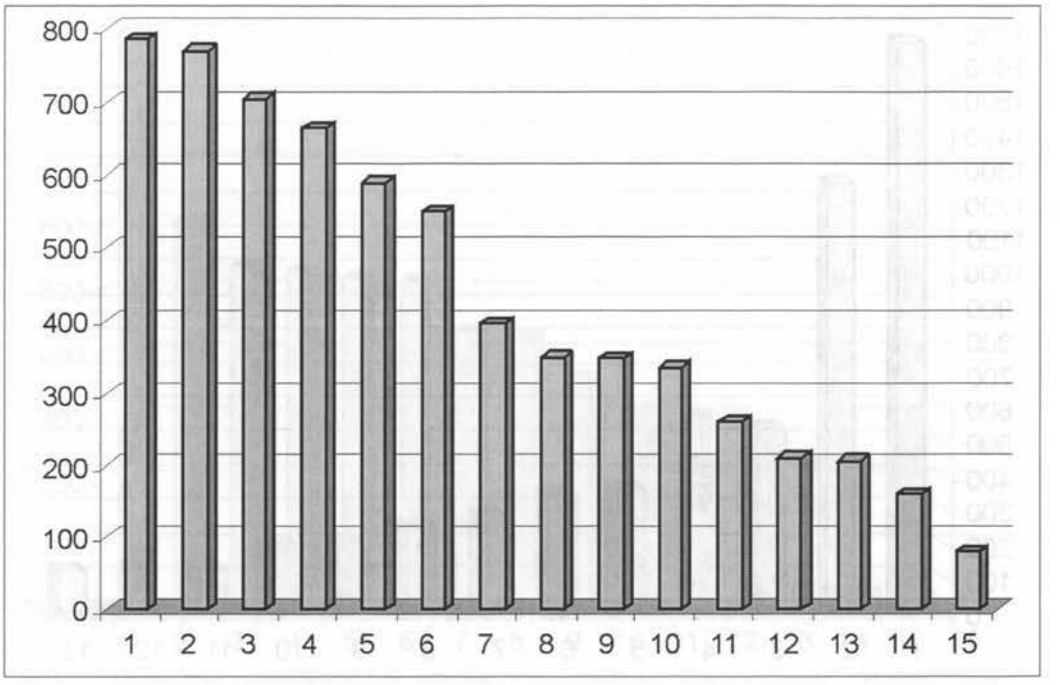

Рис. 15. Полевые исследования регионов Приволжского округа.
1 — респ. Татарстан; 2 — Пермская обл.; 3 — респ. Башкортостан; 4 — Самарская обл.; 5 — Нижегородская обл.; 6 — Саратовская обл.; 7 — Удмуртская респ.; 8 — респ. Марий Эл; 9 — Оренбургская обл.; 10 — Кировская обл.; 11 — респ. Мордовия; 12 — Ульяновская обл.; 13 — Пензенская обл.; 14 — Чувашская респ.; 15 — Коми-Пермяцкий АО

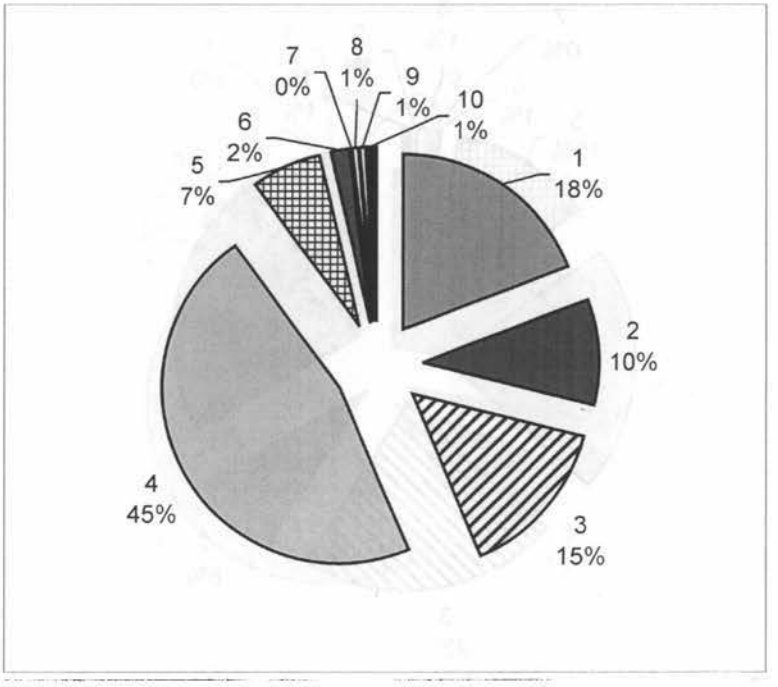

Рис. 16. Доли категорий организаций в исследовании регионов Приволжского округа.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи; 4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация; 7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

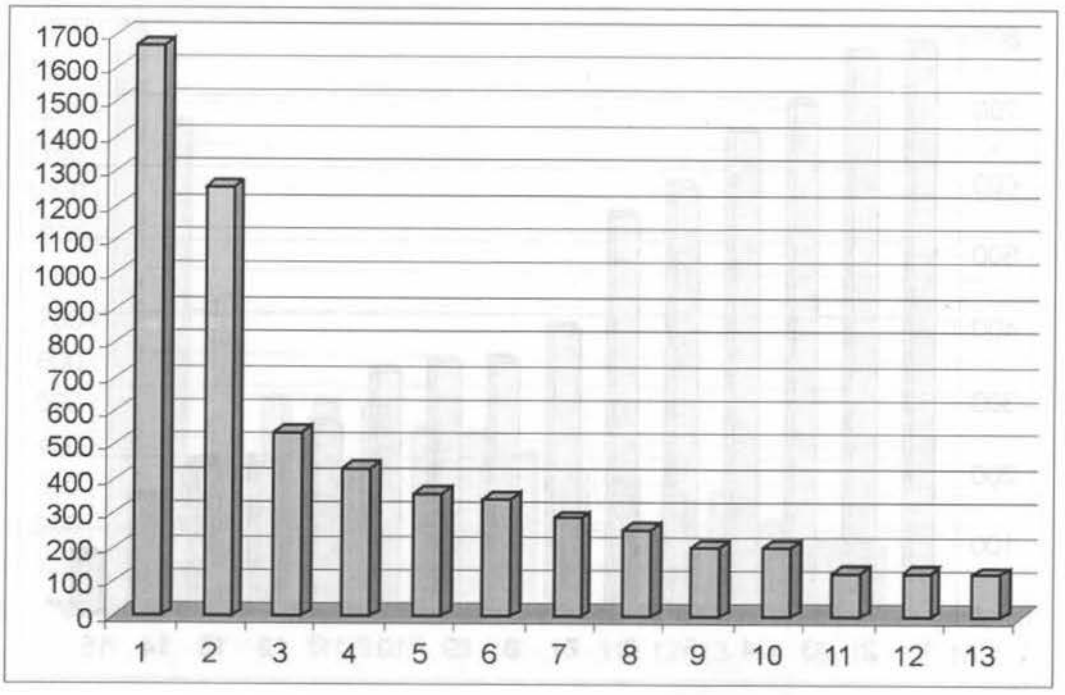

Рис. 17. Полевые исследования регионов Южного округа.
1 – Краснодарский край; 2 – Ростовская обл.; 3 – Волгоградская обл.; 4 – Ставропольский край; 5 – Астраханская обл.; 6 – респ. Северная Осетия; 7 – респ. Дагестан; 8 – респ. Адыгея; 9 – Карачаево-Черкесская респ; 10 – Чеченская респ.; 11 – Кабардино-Балкарская респ.; 12 – респ. Калмыкия; 13 – респ. Ингушетия

Рис. 18. Доли категорий организаций в исследовании регионов Южного округа.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

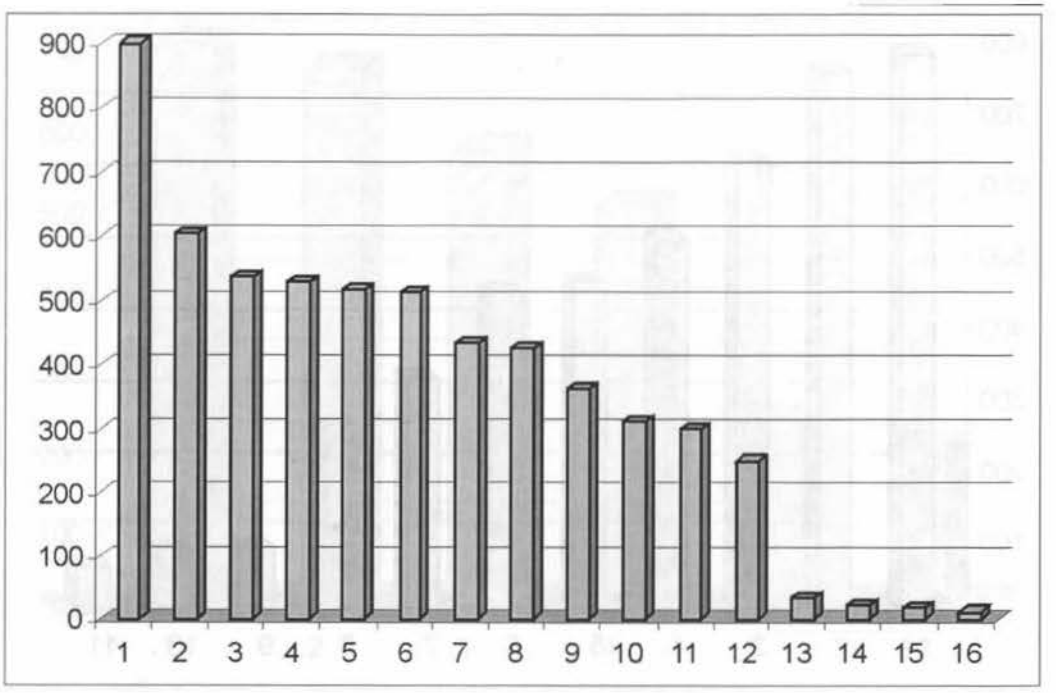

Рис. 19. Полевые исследования регионов Сибирского округа.
1 – Красноярский край; 2 – респ. Хакасия; 3 – Алтайский край; 4 – Омская обл.; 5 – Новосибирская обл.; 6 – Иркутская обл.; 7 – Томская обл.; 8 – респ. Алтай; 9 – респ. Тува; 10 – Кемеровская обл.; 11 – Читинская обл.; 12 – респ. Бурятия; 13 – Усть-Ордынский Бурятский АО; 14 – Таймырский АО; 15 – Эвенкийский АО; 16 – Агинский Бурятский АО

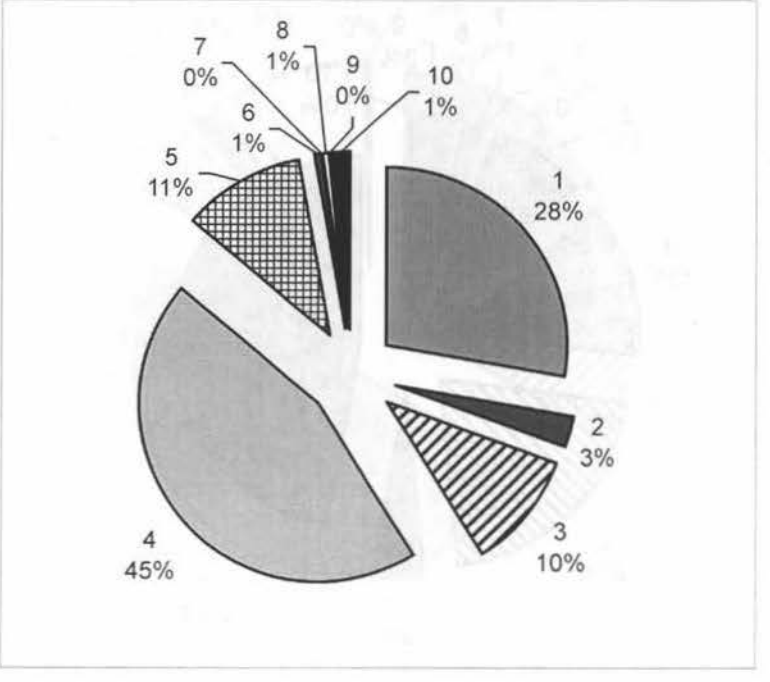

Рис. 20. Доли категорий организаций в исследовании регионов Сибирского округа.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

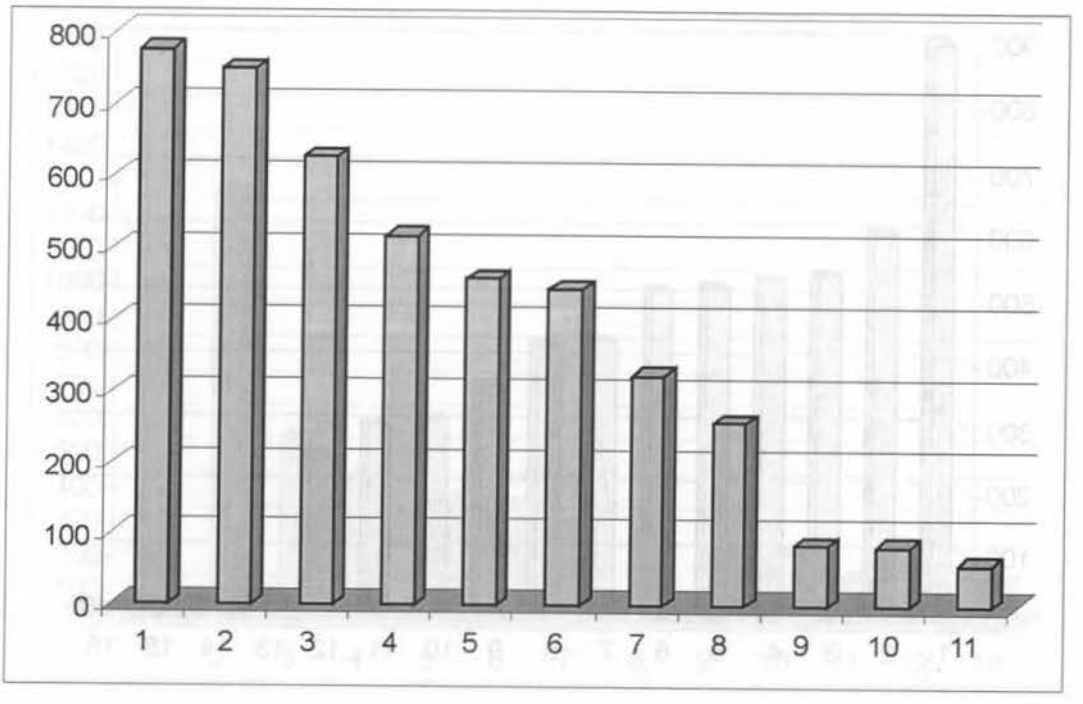

Рис. 21. Полевые исследования регионов Северо-Западного округа.
1 – Новгородская обл.; 2 – Псковская обл.; 3 – Ленинградская обл.; 4 – Вологодская обл.; 5 – респ. Карелия; 6 – респ. Коми; 7 – Архангельская обл.; 8 – Калининградская обл.; 9 – Мурманская обл.; 10 – Ненецкий АО; 11 – г. Санкт-Петербург

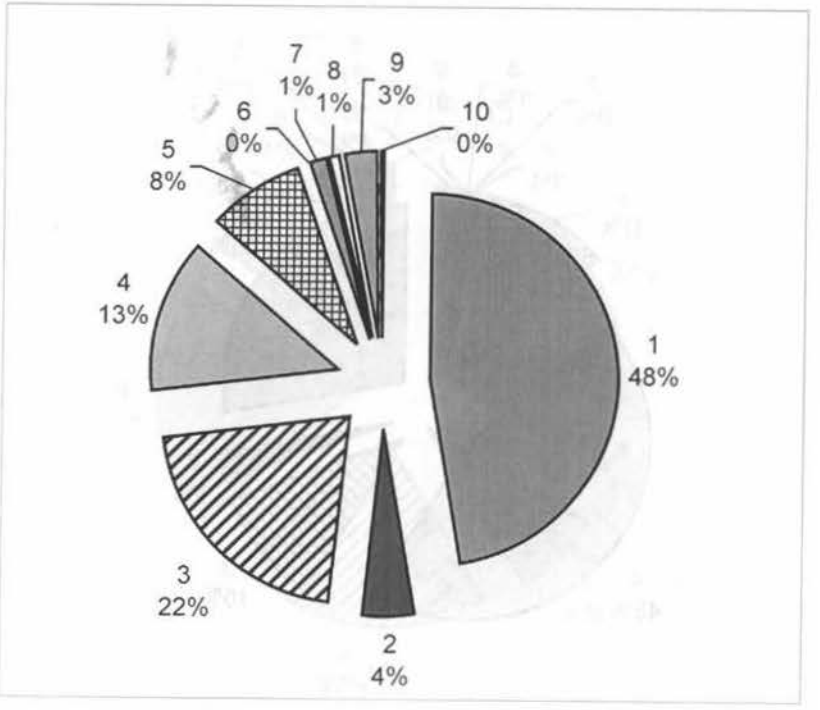

Рис. 22. Доли категорий организаций в исследовании регионов Северо-Западного округа.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

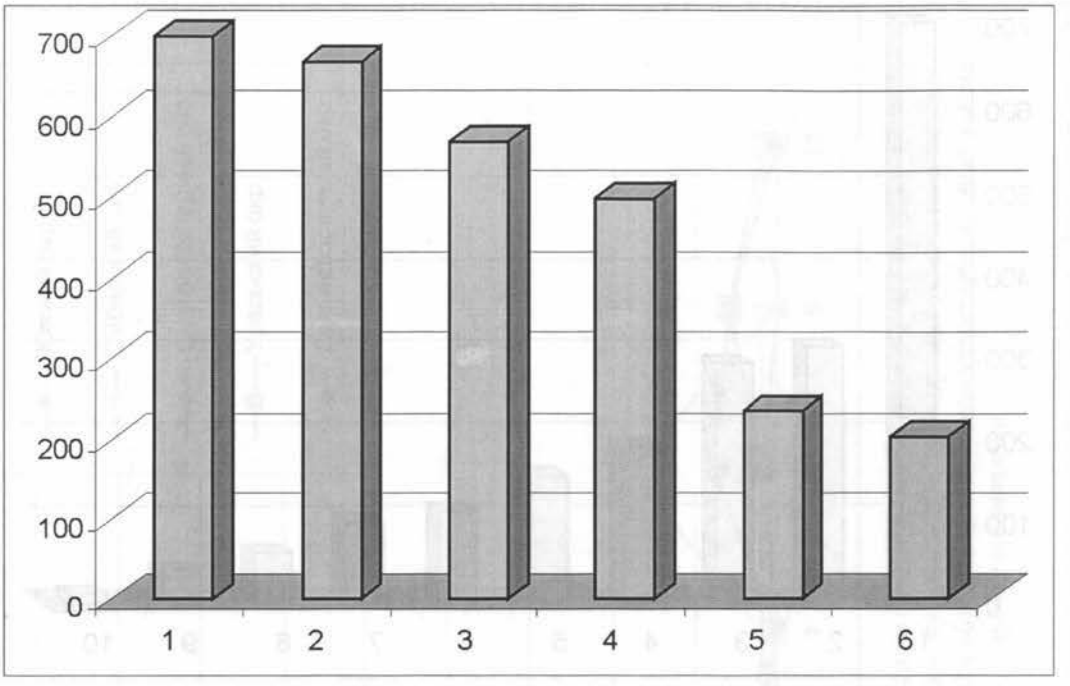

Рис. 23. Полевые исследования регионов Уральского округа.
1 — Ханты-Мансийский АО; 2 — Тюменская обл.; 3 — Челябинская обл.;
4 — Свердловская обл.; 5 — Курганская обл.; 6 — Ямало-Ненецкий АО

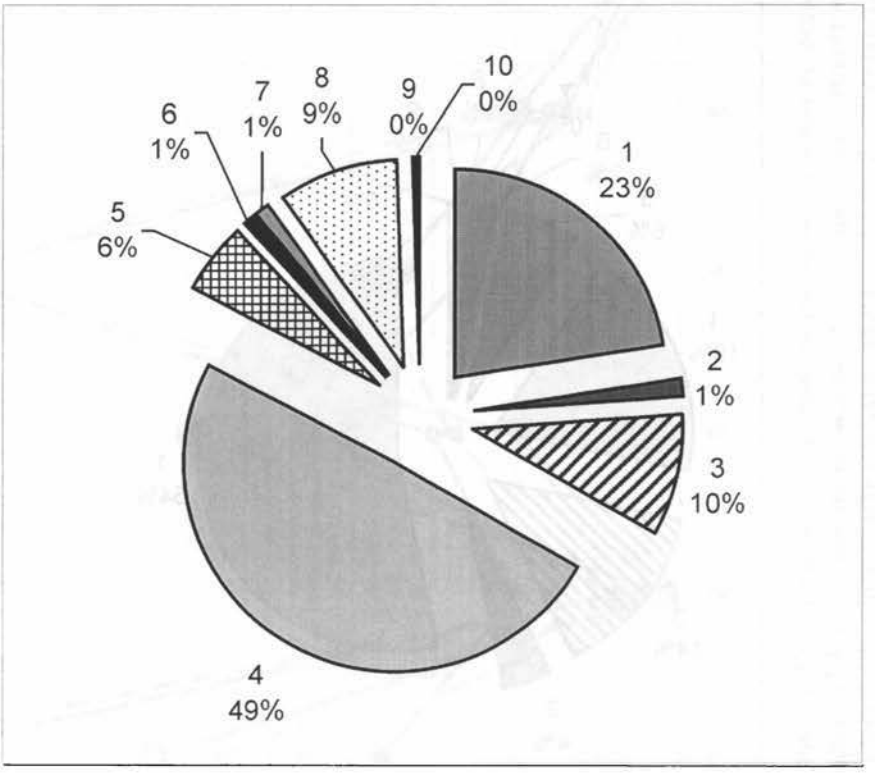

Рис. 24. Доли категорий организаций в исследовании регионов Уральского округа.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи;
4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация;
7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

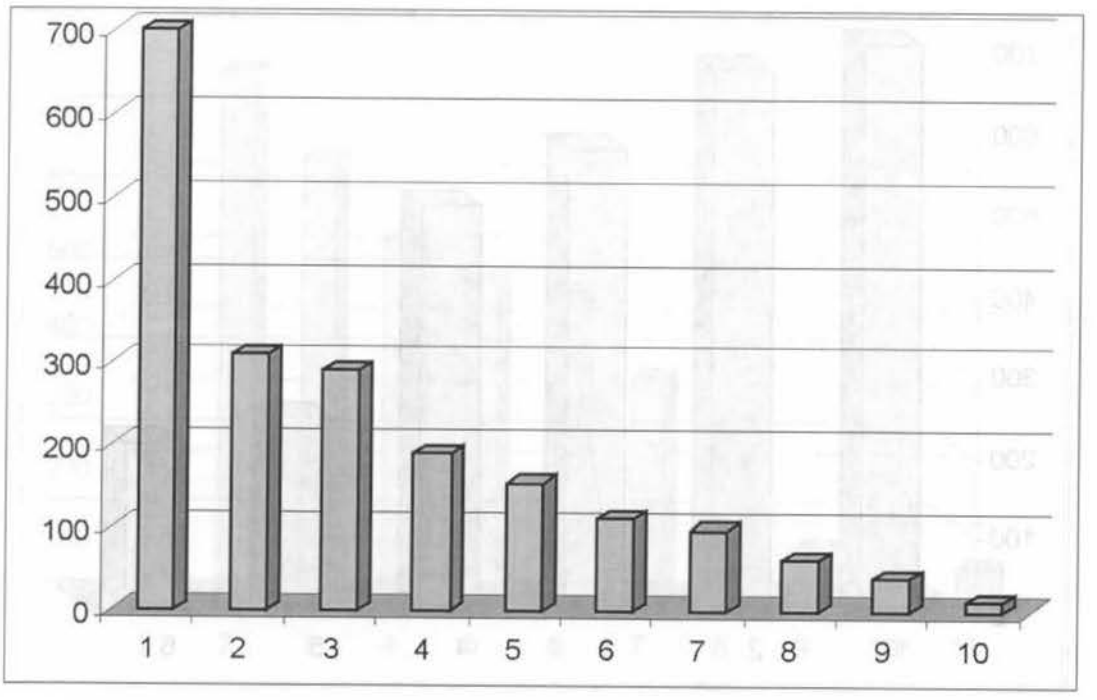

Рис. 25. Полевые исследования регионов Дальневосточного округа.
1 – Приморский край; 2 – Хабаровский край; 3 – респ. Саха (Якутия); 4 – Сахалинская обл.; 5 – Амурская обл.; 6 – Чукотский АО; 7 – Камчатская обл.; 8 – Магаданская обл.; 9 – Еврейская АО; 10 – Корякский АО

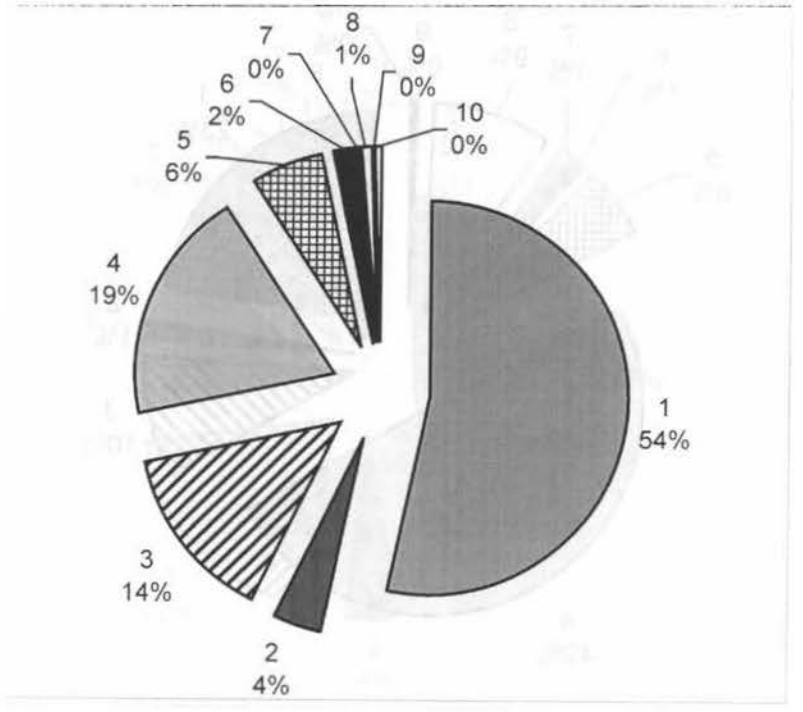

Рис. 26. Доли категорий организаций в исследовании регионов Дальневосточного округа.
1 – учреждения РАН; 2 – научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 – музеи; 4 – вузы; 5 – органы охраны памятников; 6 – органы государственной власти и местная администрация; 7 – государственные центры и объединения; 8 – негосударственные организации; 9 – специализированные реставрационные организации; 10 – прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

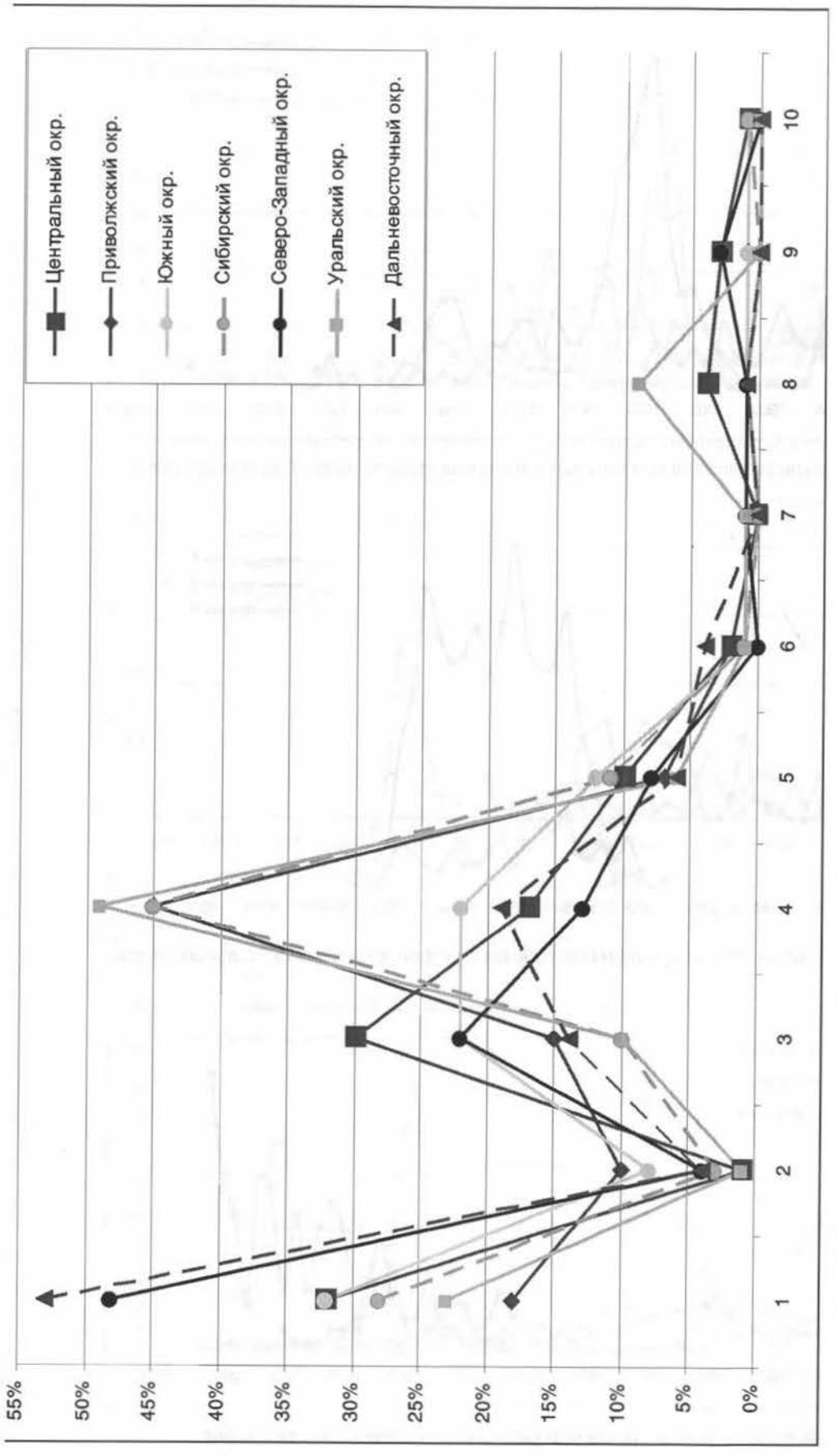

Рис. 27. Участие разных категорий организаций в полевых исследованиях в России по федеральным округам в 1946–2006 гг.
1 — учреждения РАН; 2 — научно-исследовательские учреждения субъектов Федерации; 3 — музеи; 4 — вузы; 5 — органы охраны памятников; 6 — органы государственной власти и местная администрация; 7 — государственные центры и объединения; 8 — негосударственные организации; 9 — специализированные реставрационные организации; 10 — прочие организации

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

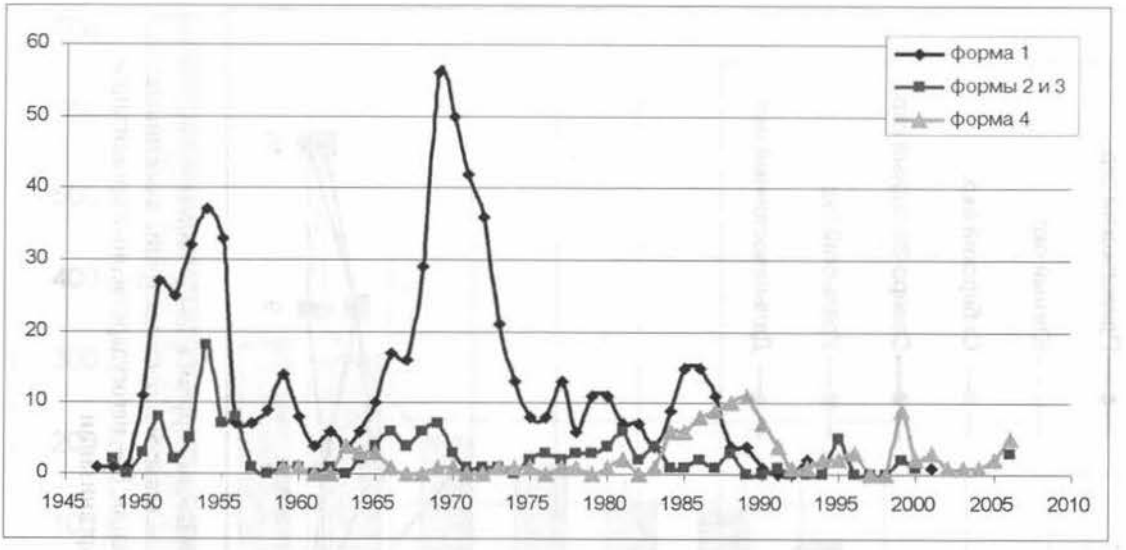

Рис. 28. Формы открытых листов при полевых работах на строительстве ГЭС и гидроузлов

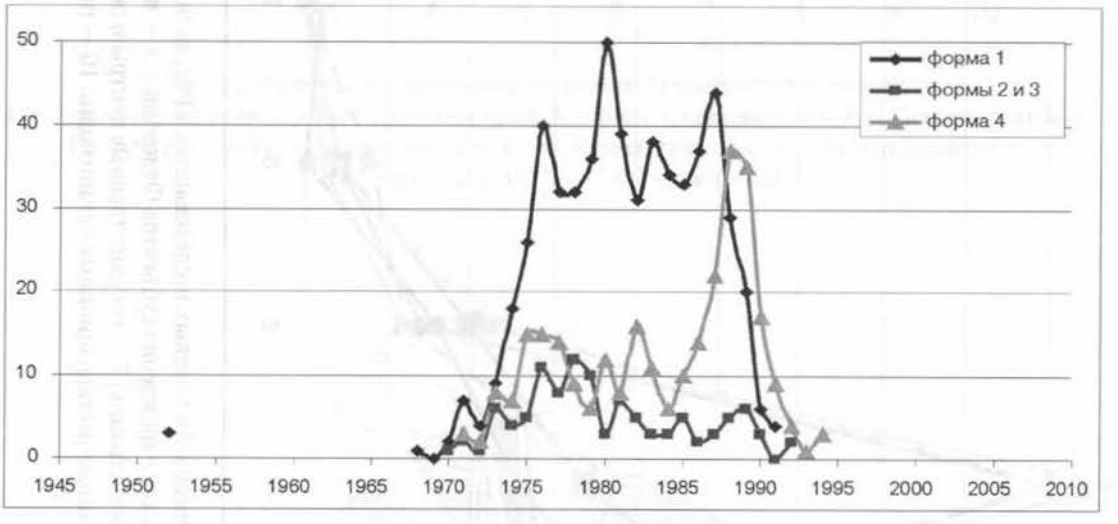

Рис. 29. Формы открытых листов при полевых работах на строительстве оросительных систем

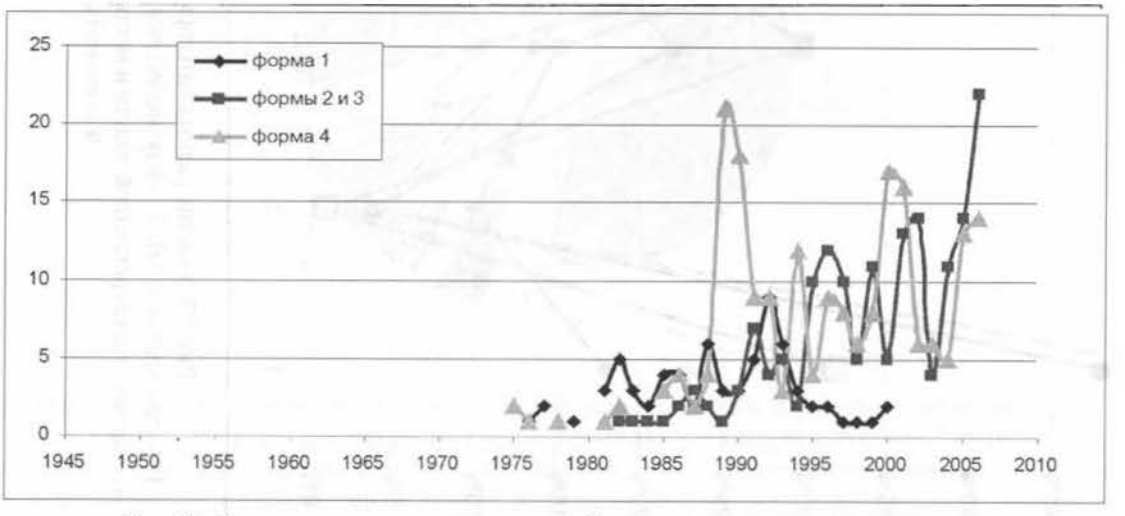

Рис. 30. Формы открытых листов при работах на строительстве автодорог

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

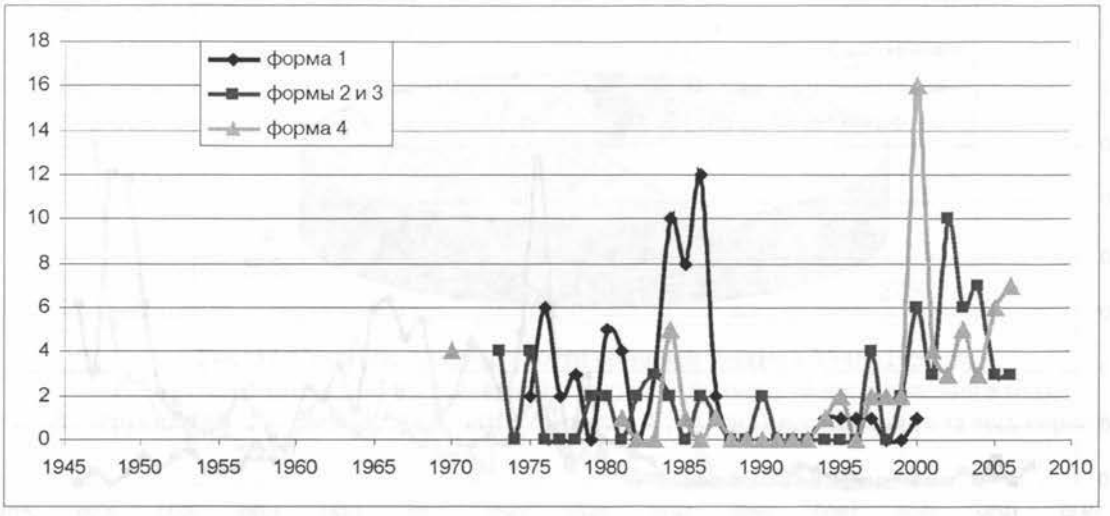

Рис. 31. Формы открытых листов при работах при строительстве нефтепроводов

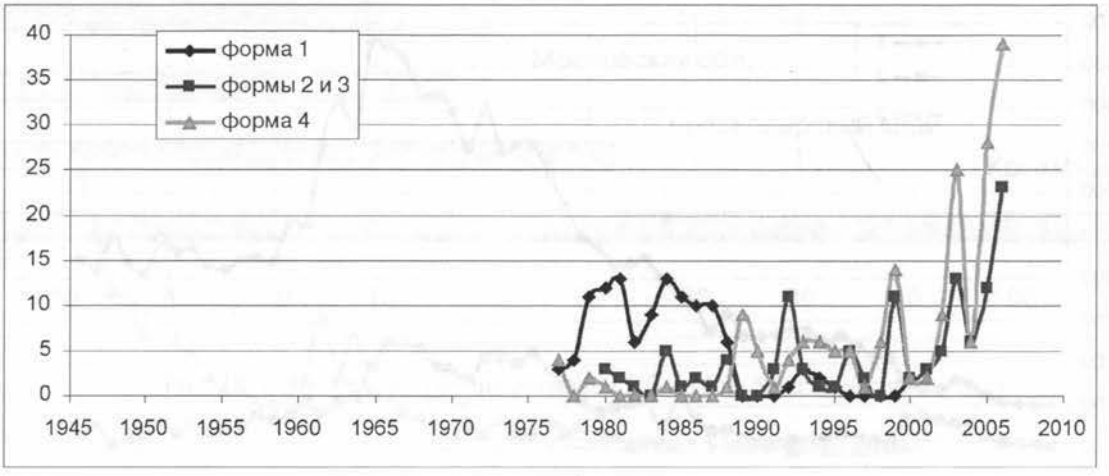

Рис. 32. Формы открытых листов при работах на строительстве газопроводов

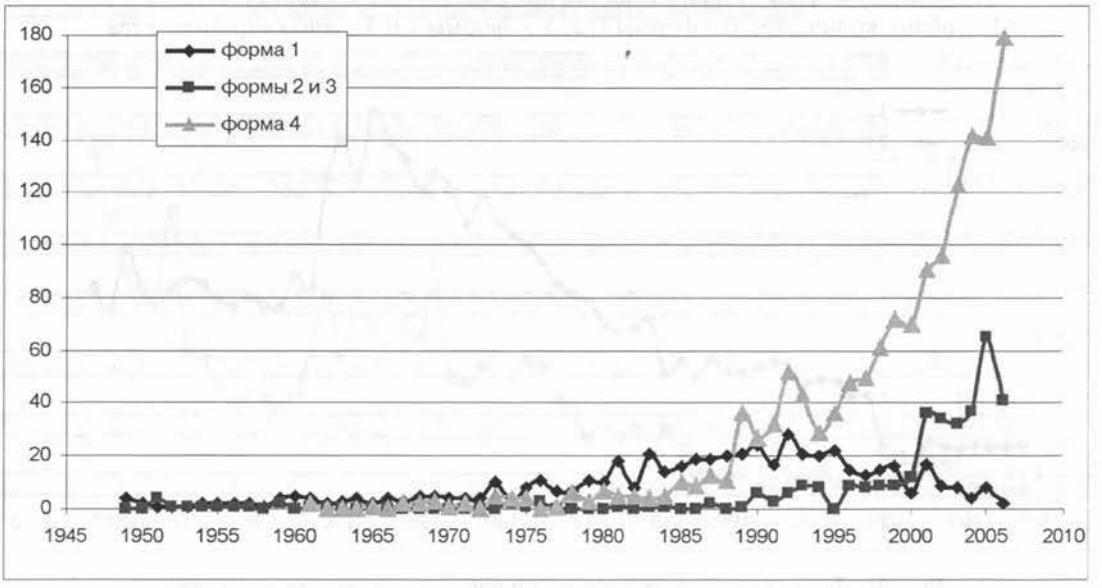

Рис. 33. Формы открытых листов при работах на строительстве в городах

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

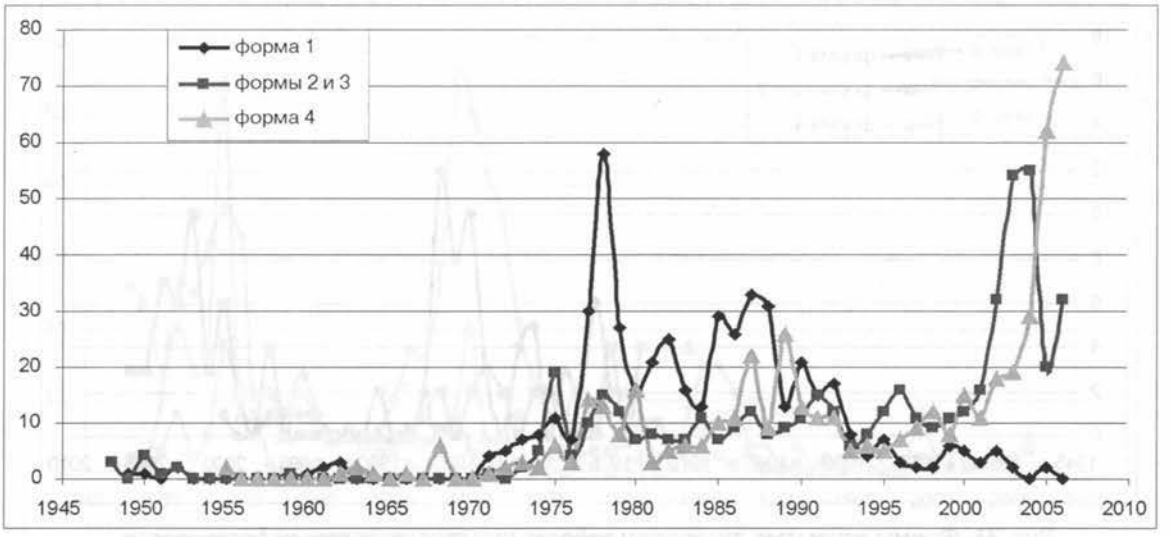

Рис. 34. Формы открытых листов при работах на строительстве вне городов

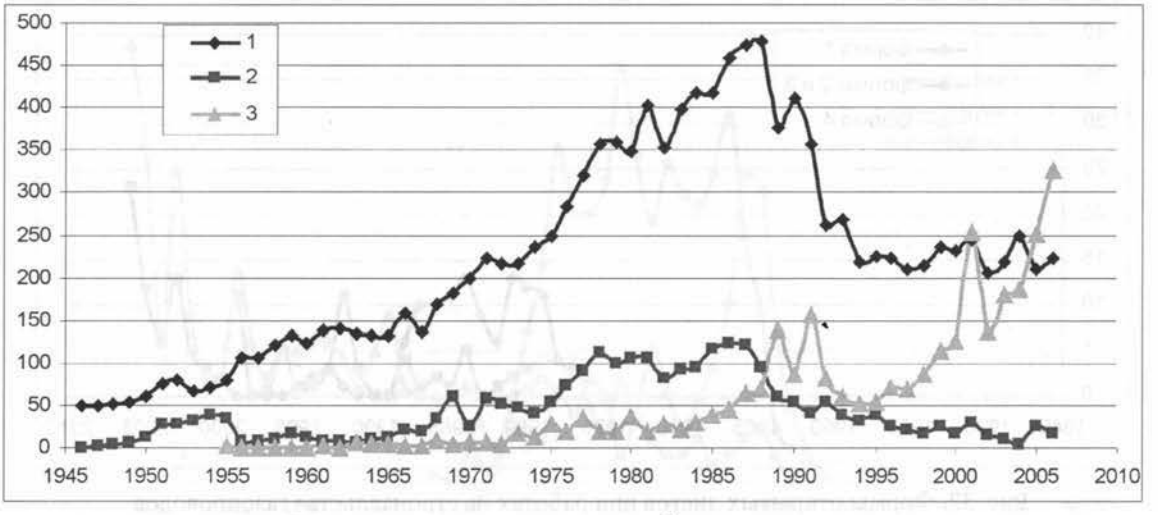

Рис. 35. Формы открытых листов при работах в зоне строительства.
1 – общее количество ОЛ формы 1; 2, 3 – формы 1 и 4 в зонах строительства

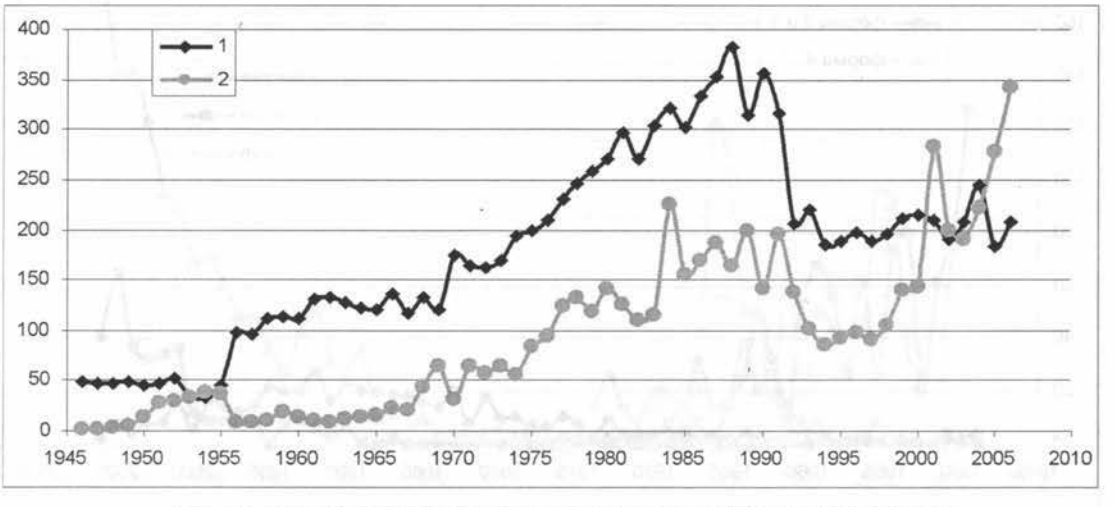

Рис. 36. Формы открытых листов при работах в зоне строительства.
1 – форма 1 вне зон строительства; 2 – работы в зонах строительства (формы 1 и 4)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

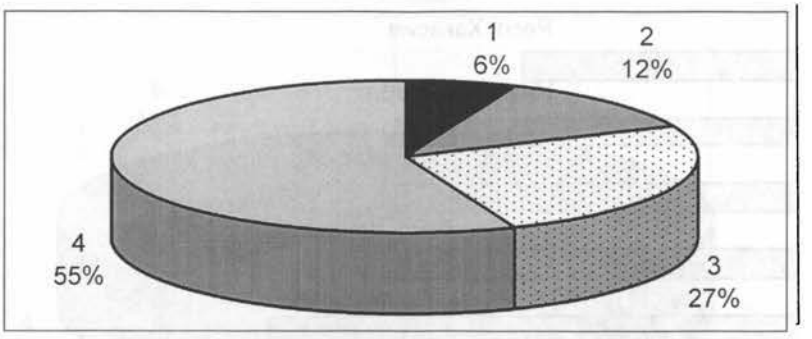

Рис. 37. Степень исследованности регионов России в 1946–1953 гг.
1 – группа 1 (от 14 до 5 исследований в год); 2 – группа 2 (3 исследования в год);
3 – группа 3 (1–2 исследования в год); 4 – группа 4 (от 7 до 1 исследования за весь период)

Рис. 38. 1946–1953 гг. Группа регионов 1 (от 14 до 5 исследований в год)

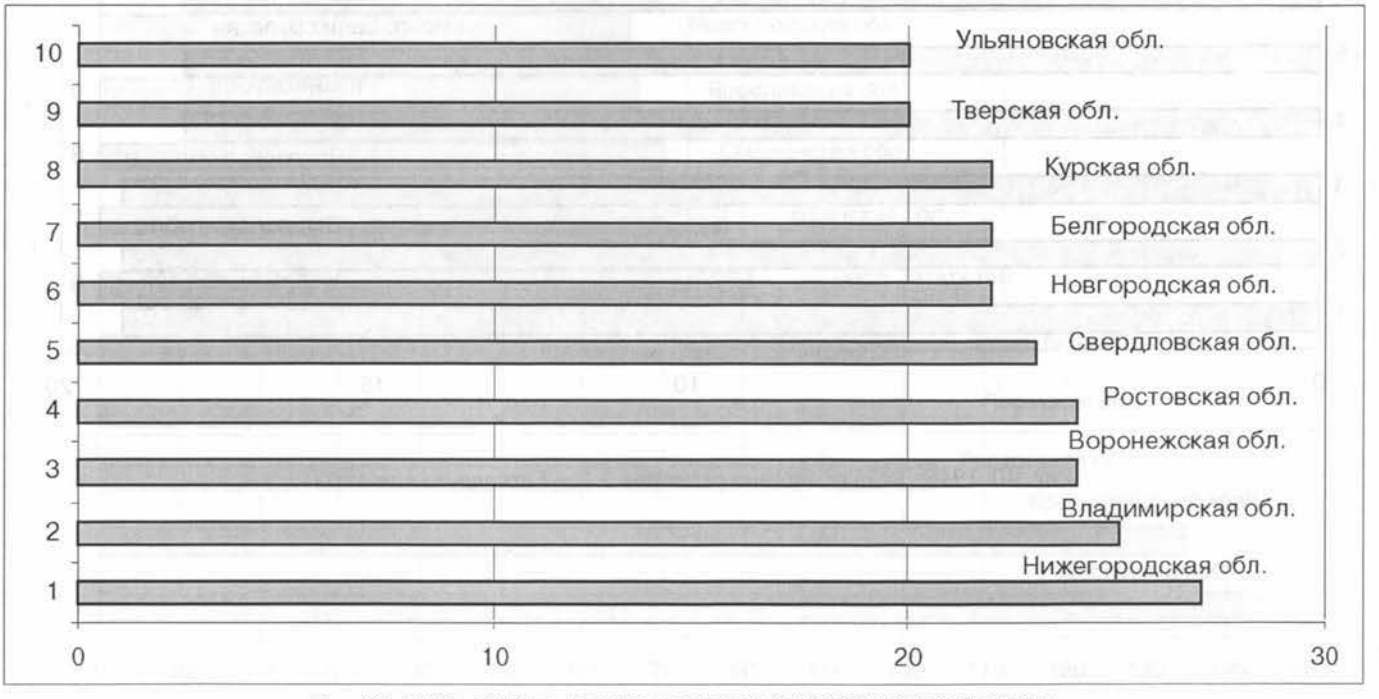

Рис. 39. 1946–1953 гг. Группа регионов 2 (3 исследования в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

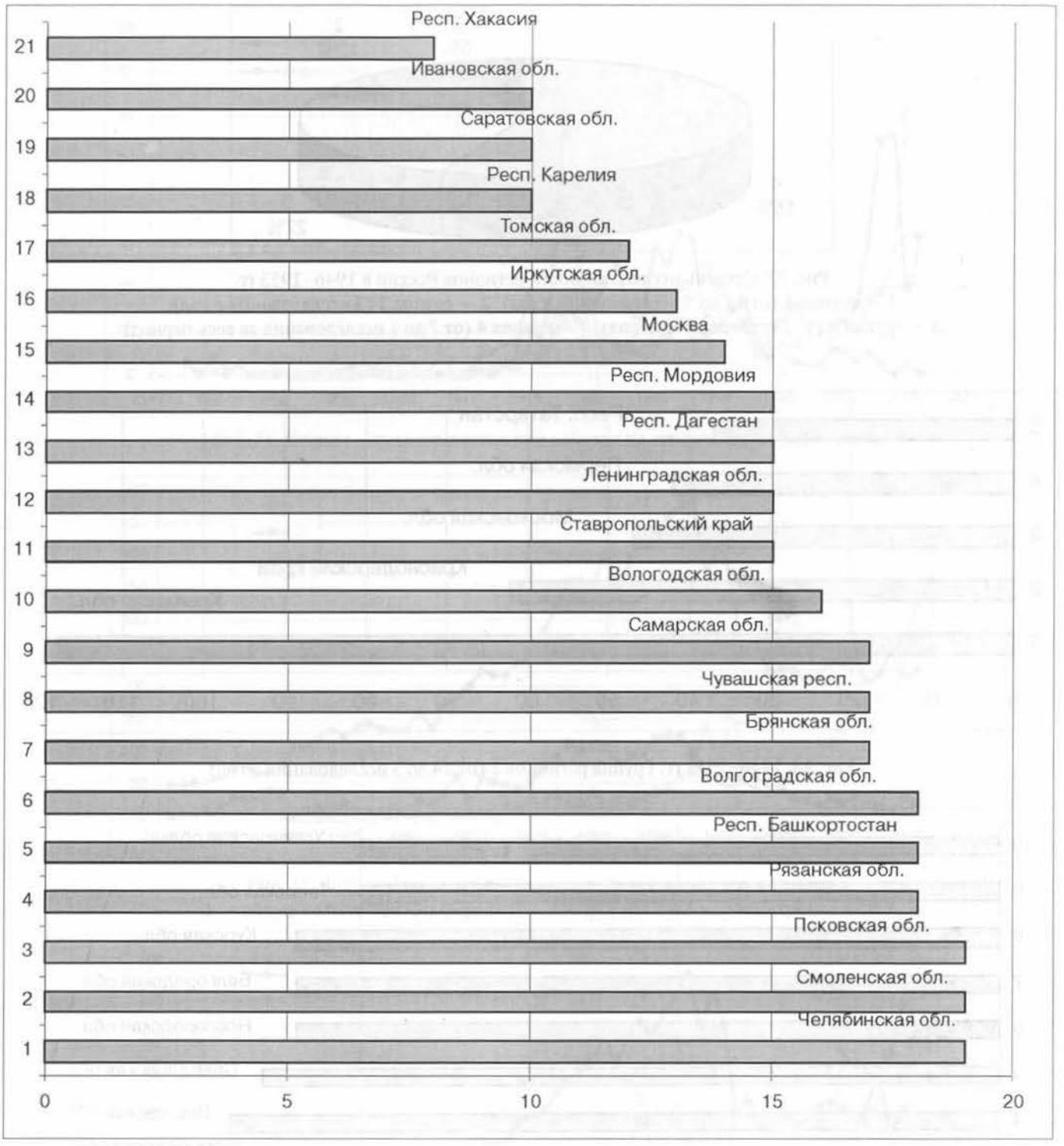

Рис. 40. 1946–1953 гг. Группа регионов 3 (1–2 исследования в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

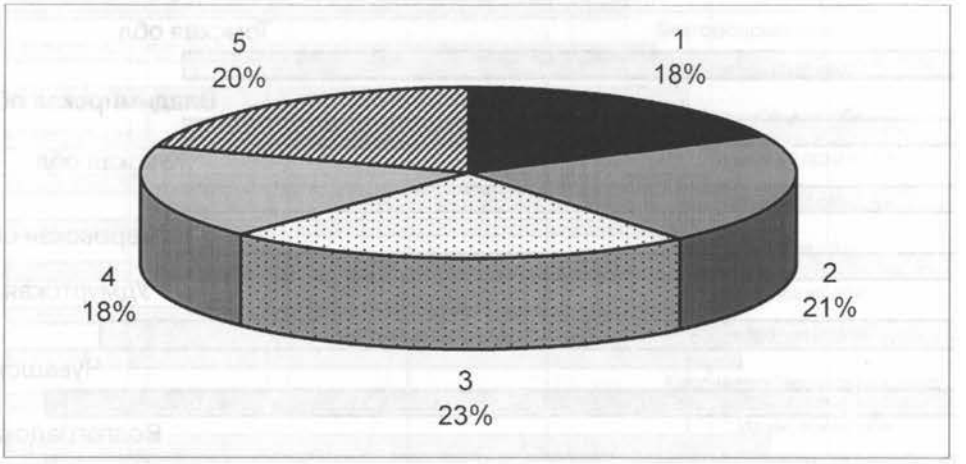

Рис. 41. Степень исследованности регионов России в 1954–1965 гг.
1 – группа 1 (от 13 до 5 исследований в год); 2 – группа 2 (3–4 исследования в год); 3 – группа 3 (2 – не более 3 исследований в год); 4 – группа 4 (1 – не более 2 исследований в год); 5 – группа 5 (от 9 до 1 исследования за весь период)

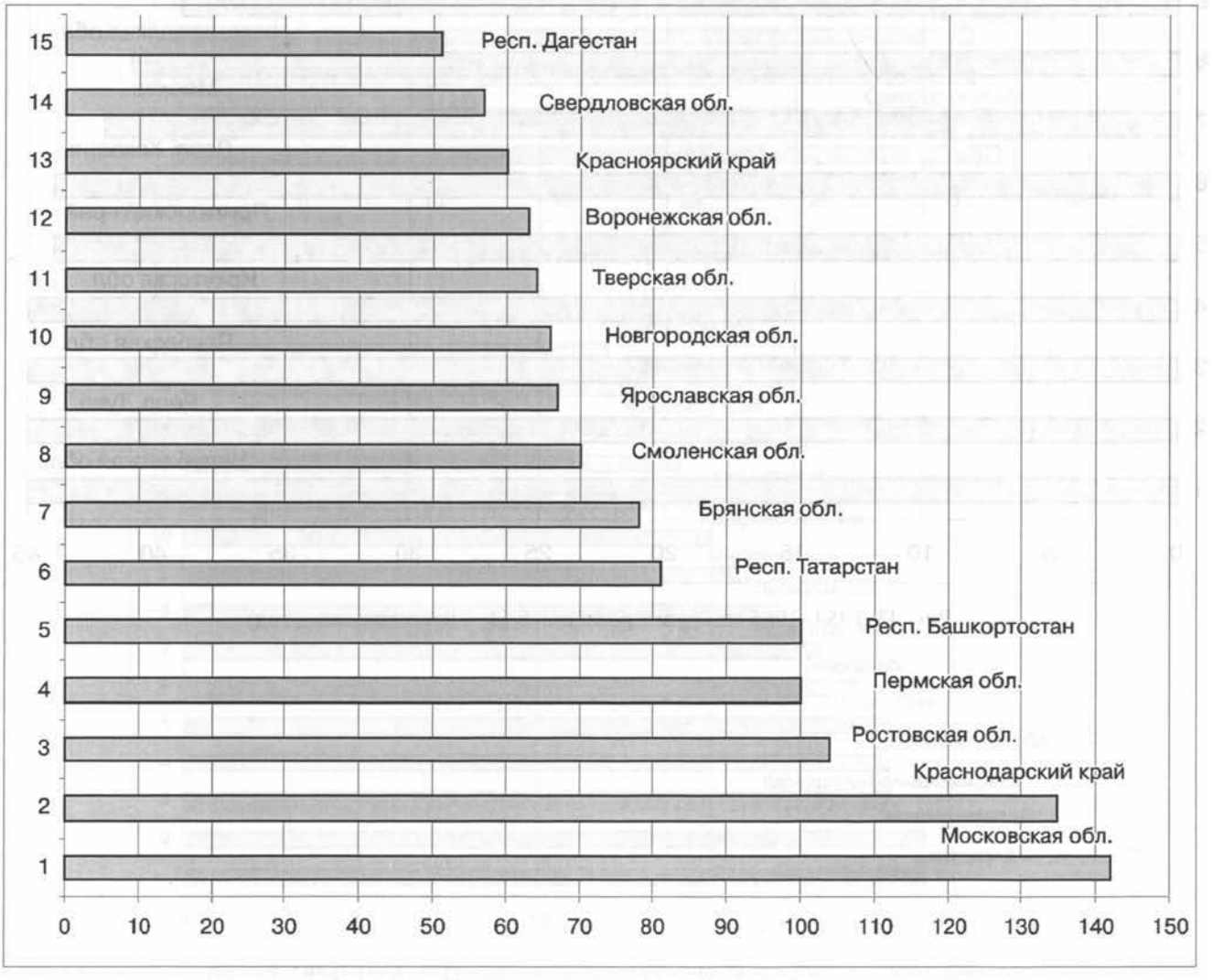

Рис. 42. 1954–1965 гг. Группа регионов 1 (от 13 до 5 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

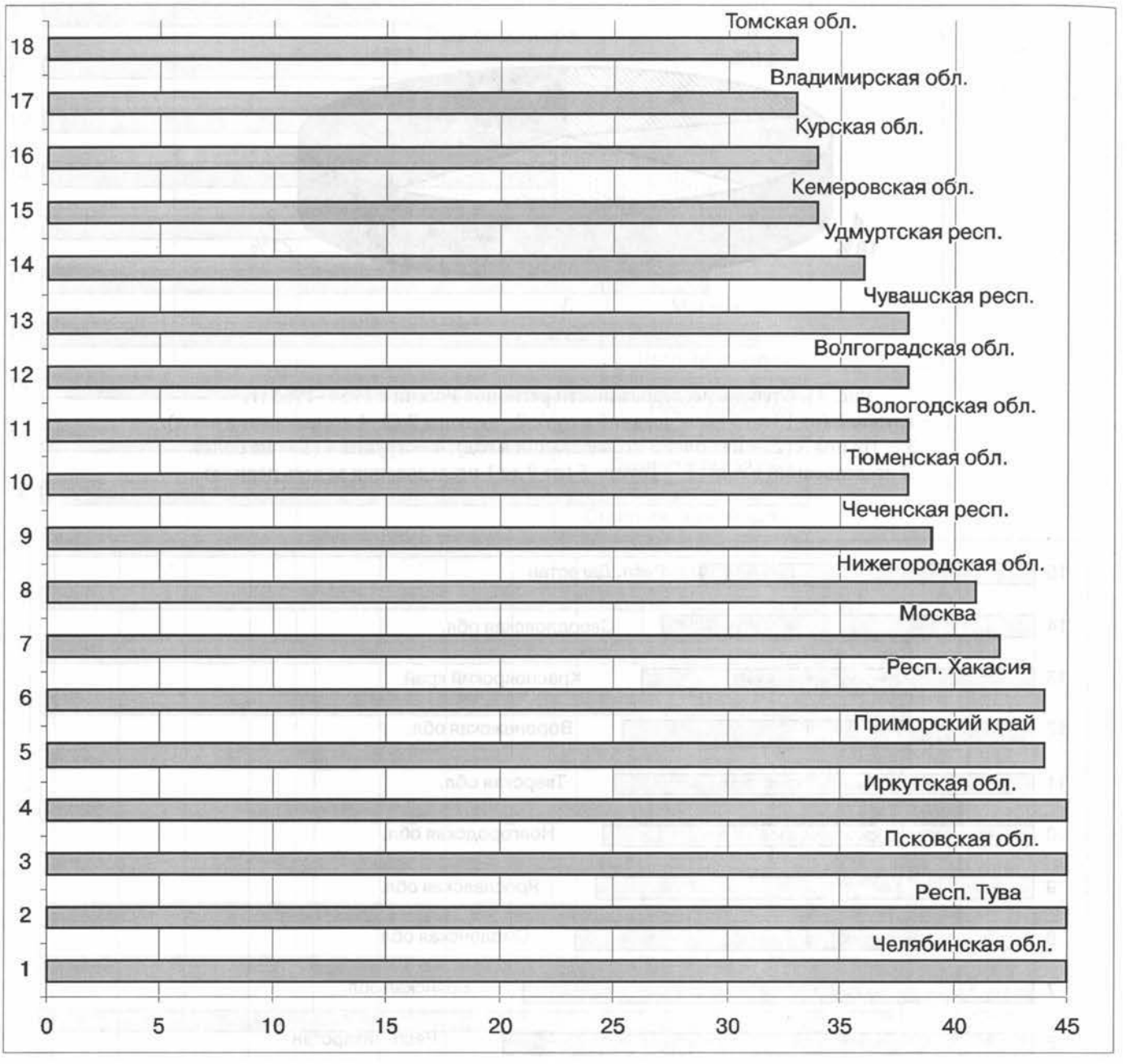

Рис. 43. 1954–1965 гг. Группа регионов 2 (3–4 исследования в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

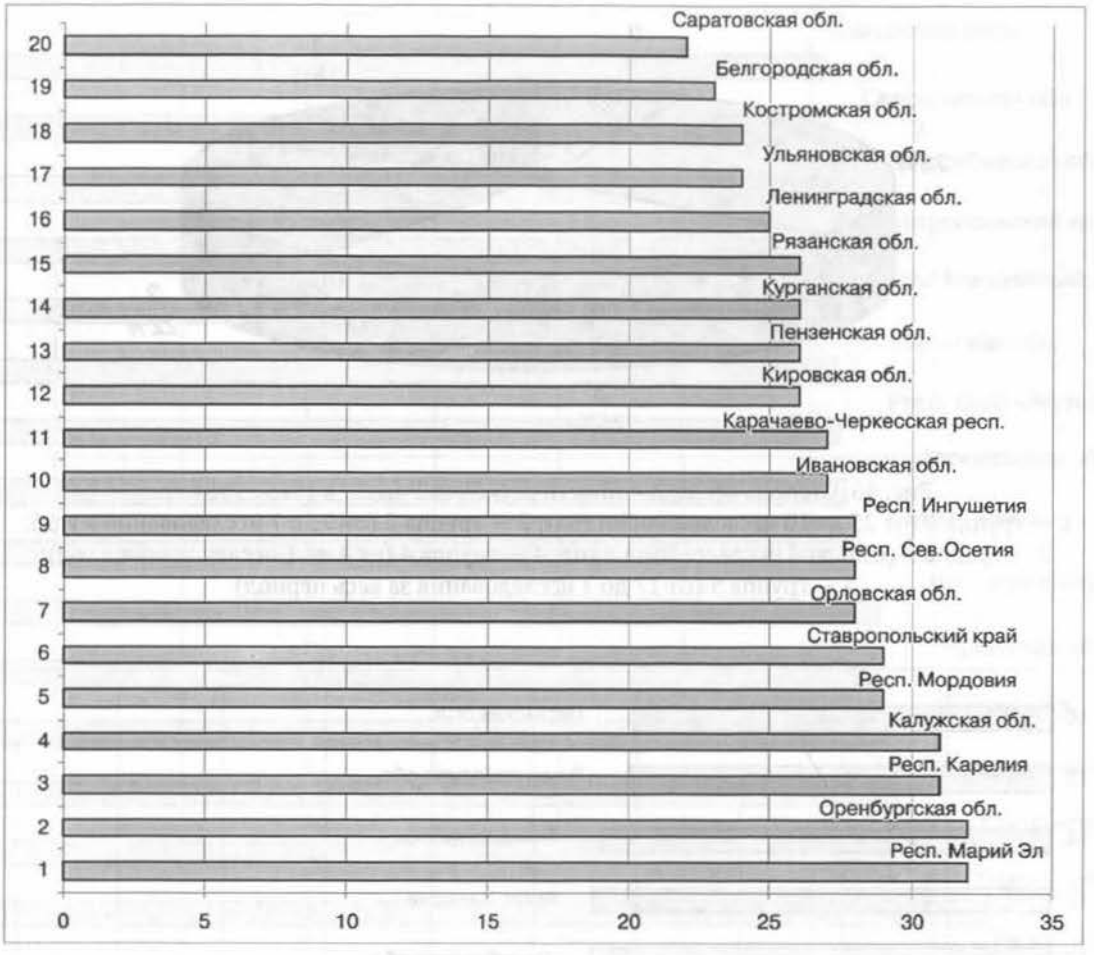

Рис. 44. 1954–1965 гг. Группа регионов 3 (2 — не более 3 исследований в год)

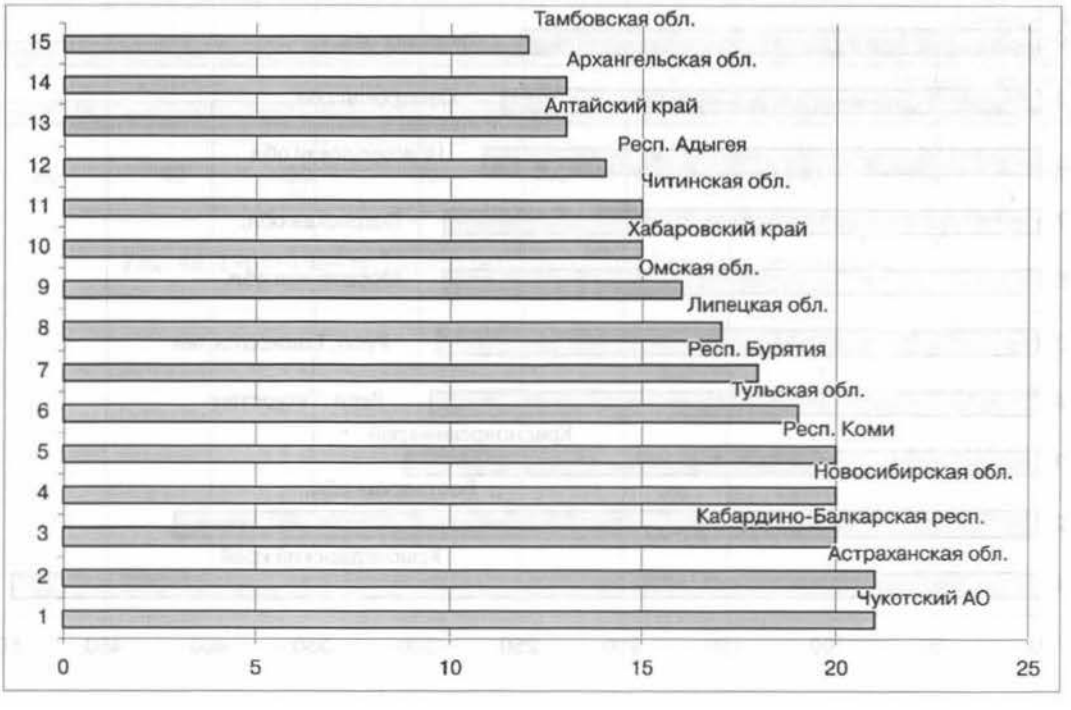

Рис. 45. 1954–1964 гг. Группа регионов 4 (1 — не более 2 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

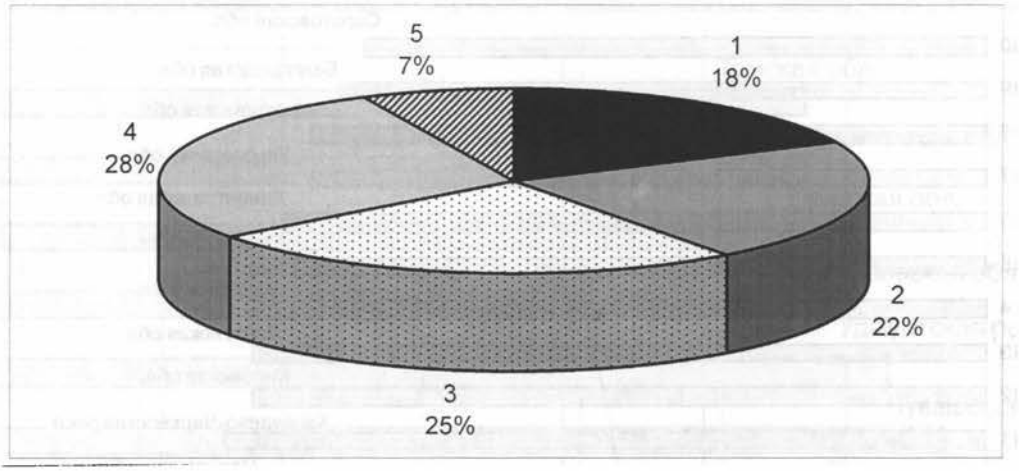

Рис. 46. Степень исследованности регионов России в 1965–1984 гг.
1 – группа 1 (от 25 до 10 исследований в год); 2 – группа 2 (от 9 до 7 исследований в год);
3 – группа 3 (от 6 до 4 исследований в год; 4 – группа 4 (от 4 до 1 исследования в год);
5 – группа 5 (от 17 до 1 исследования за весь период)

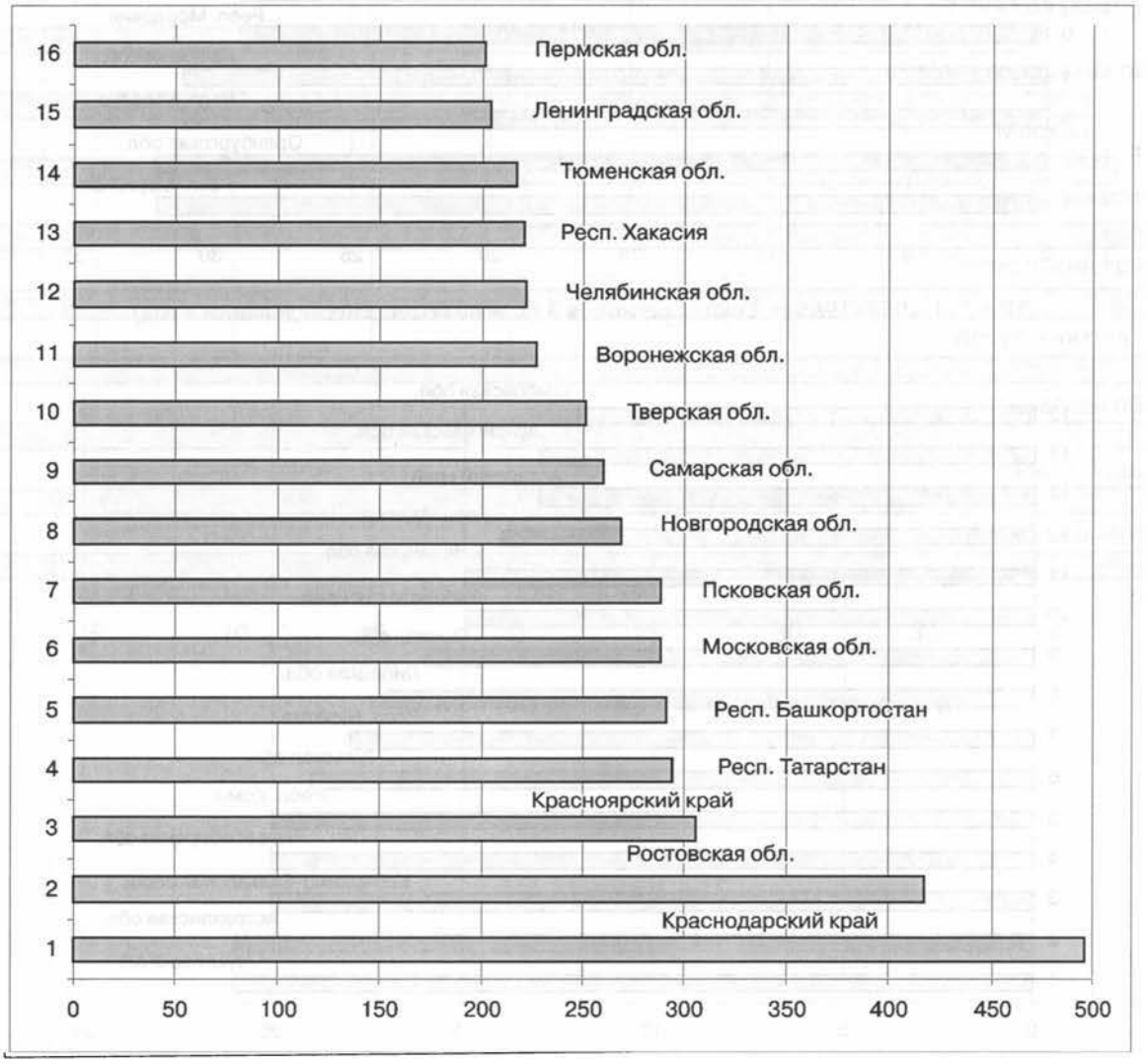

Рис. 47. 1965–1984 гг. Группа регионов 1 (от 25 до 10 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

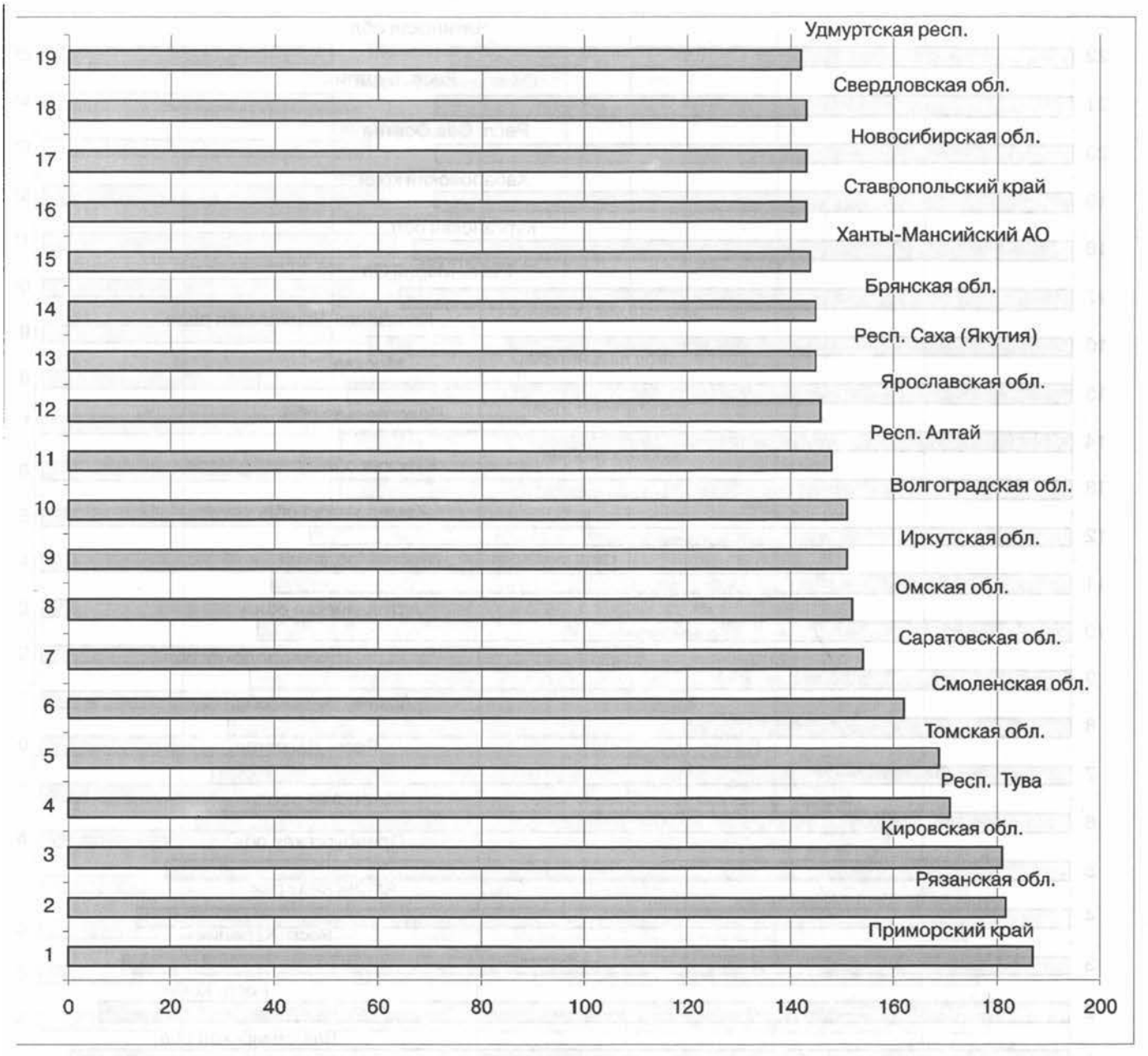

Рис. 48. 1965–1984 гг. Группа регионов 2 (от 9 до 7 исследовании в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

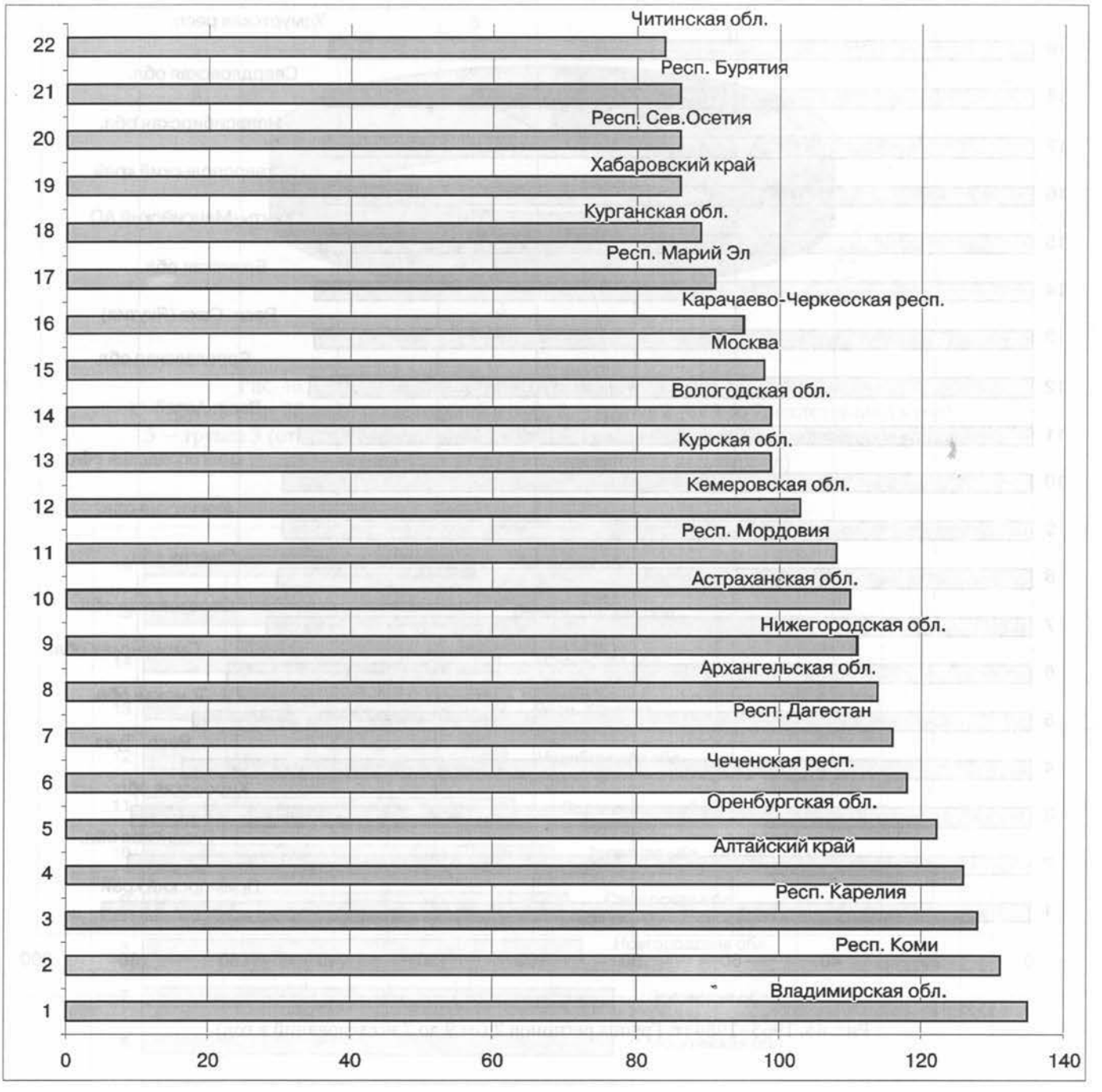

Рис. 49. 1965–1984 гг. Группа регионов 4 (от 4 до 1 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

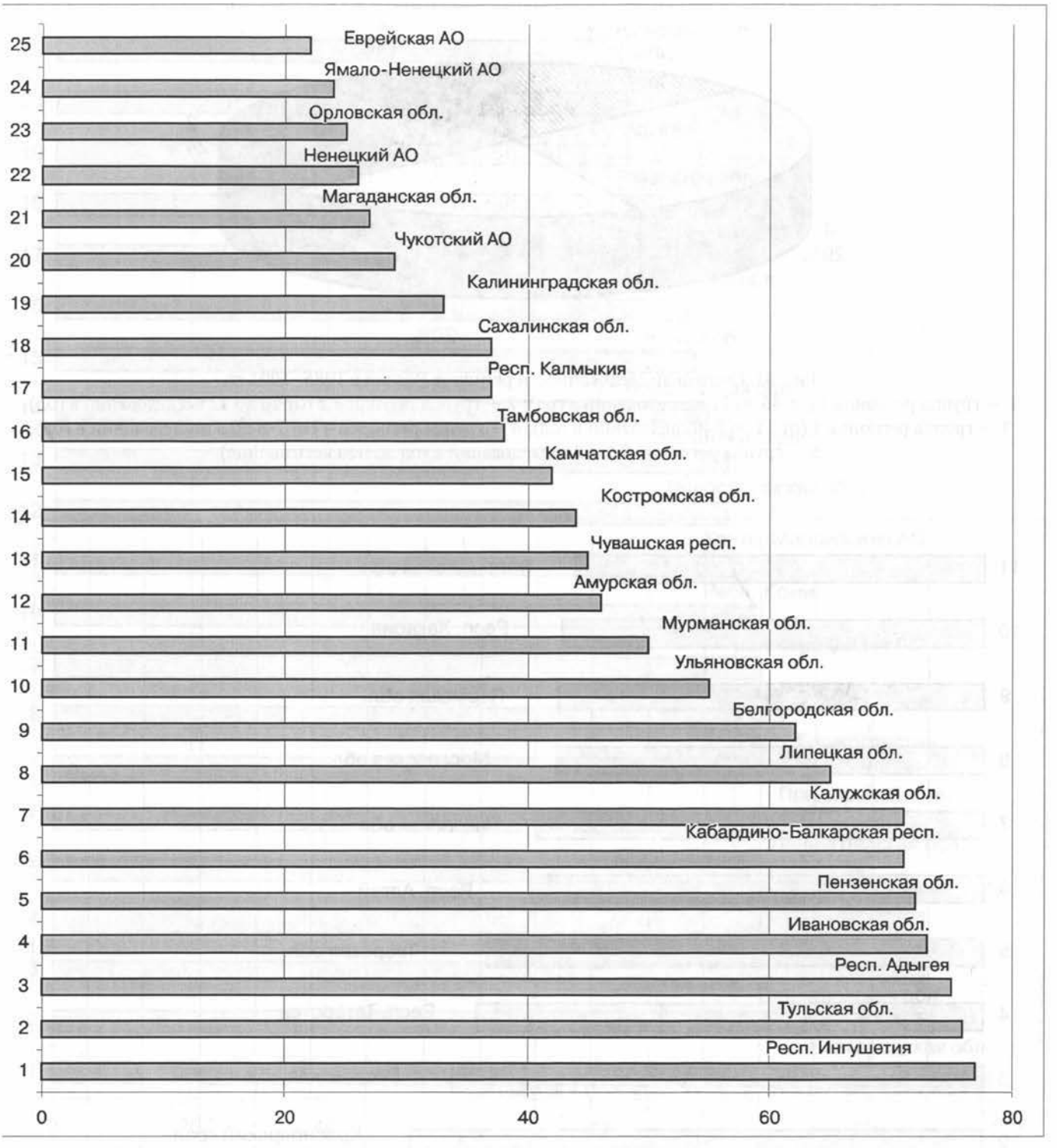

Рис. 50. 1965–1984 гг. Группа регионов 3 (от 6 до 4 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

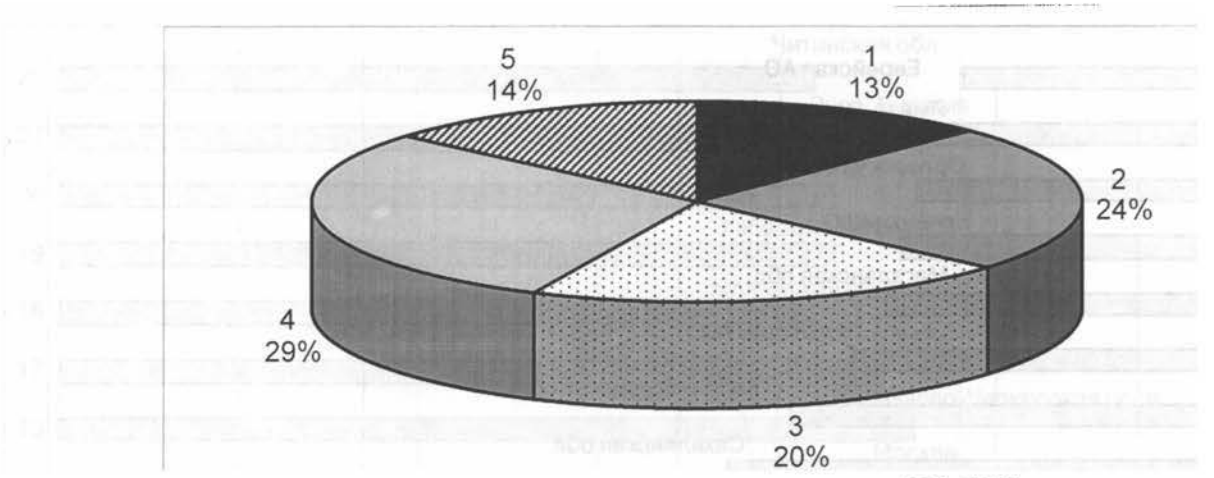

Рис. 51. Степень исследованности регионов России в 1985–1991 гг.
1 – группа регионов 1 (от 46 до 21 исследований в год); 2 – группа регионов 2 (от 20 до 12 исследований в год); 3 – группа регионов 3 (от 11 до 8 исследований в год); 4 – группа регионов 4 (от 7-8 до 3 исследований в год); 5 – группа регионов 5 (от 2 исследований в год до 3 за весь период)

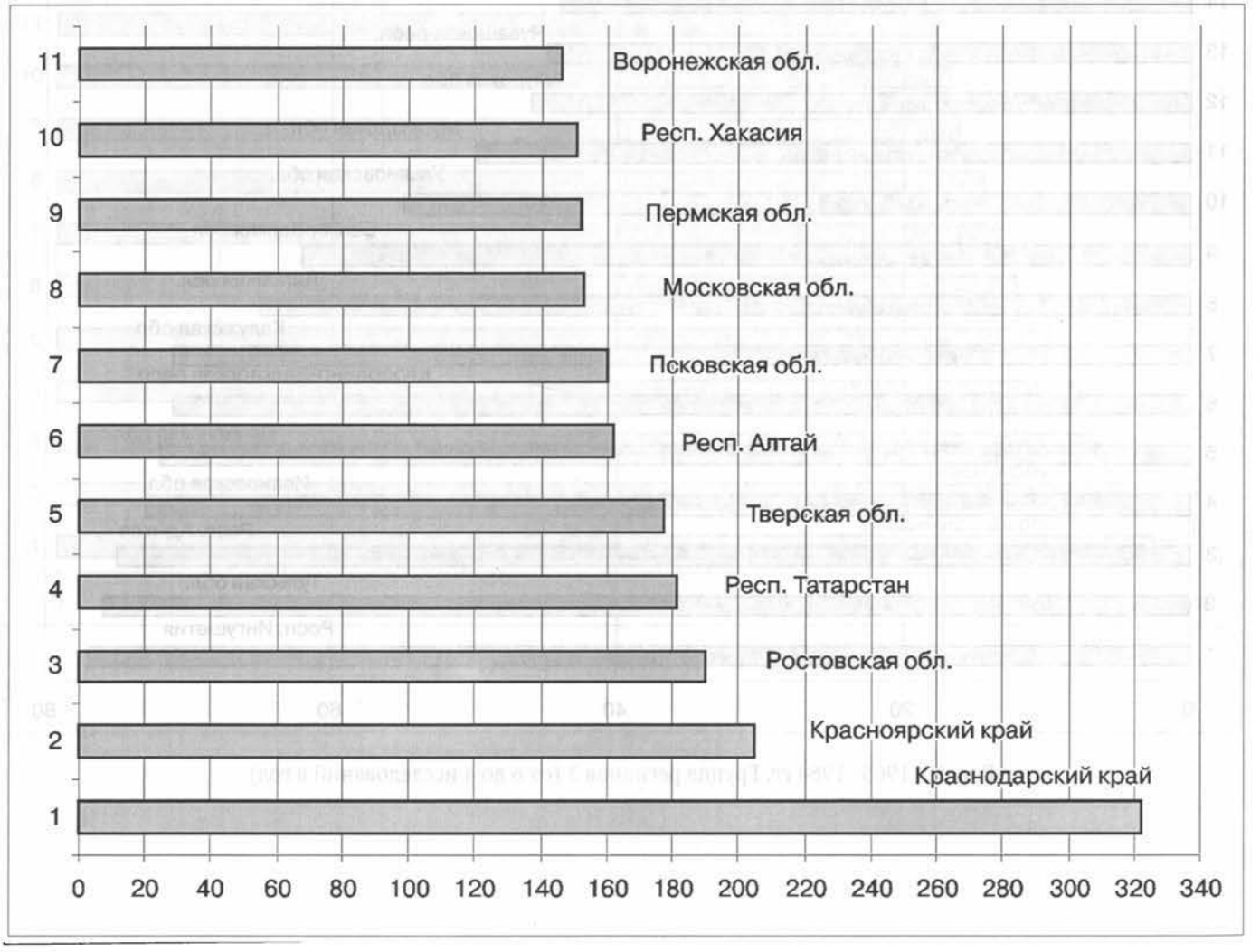

Рис. 52. 1985–1991 гг. Группа регионов 1 (от 46 до 21 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

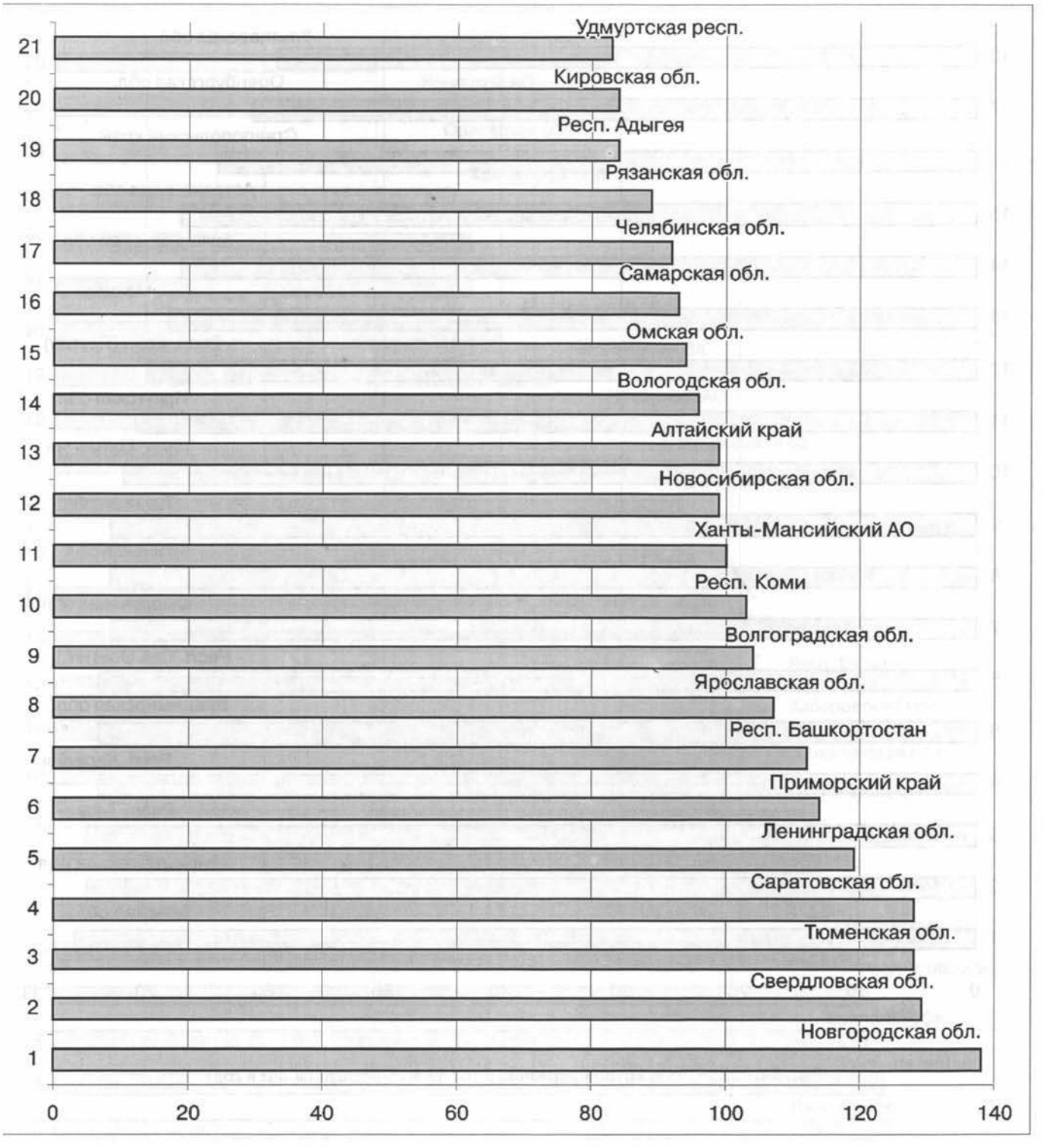

Рис. 53. 1985–1991 гг. Группа регионов 2 (от 20 до 12 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

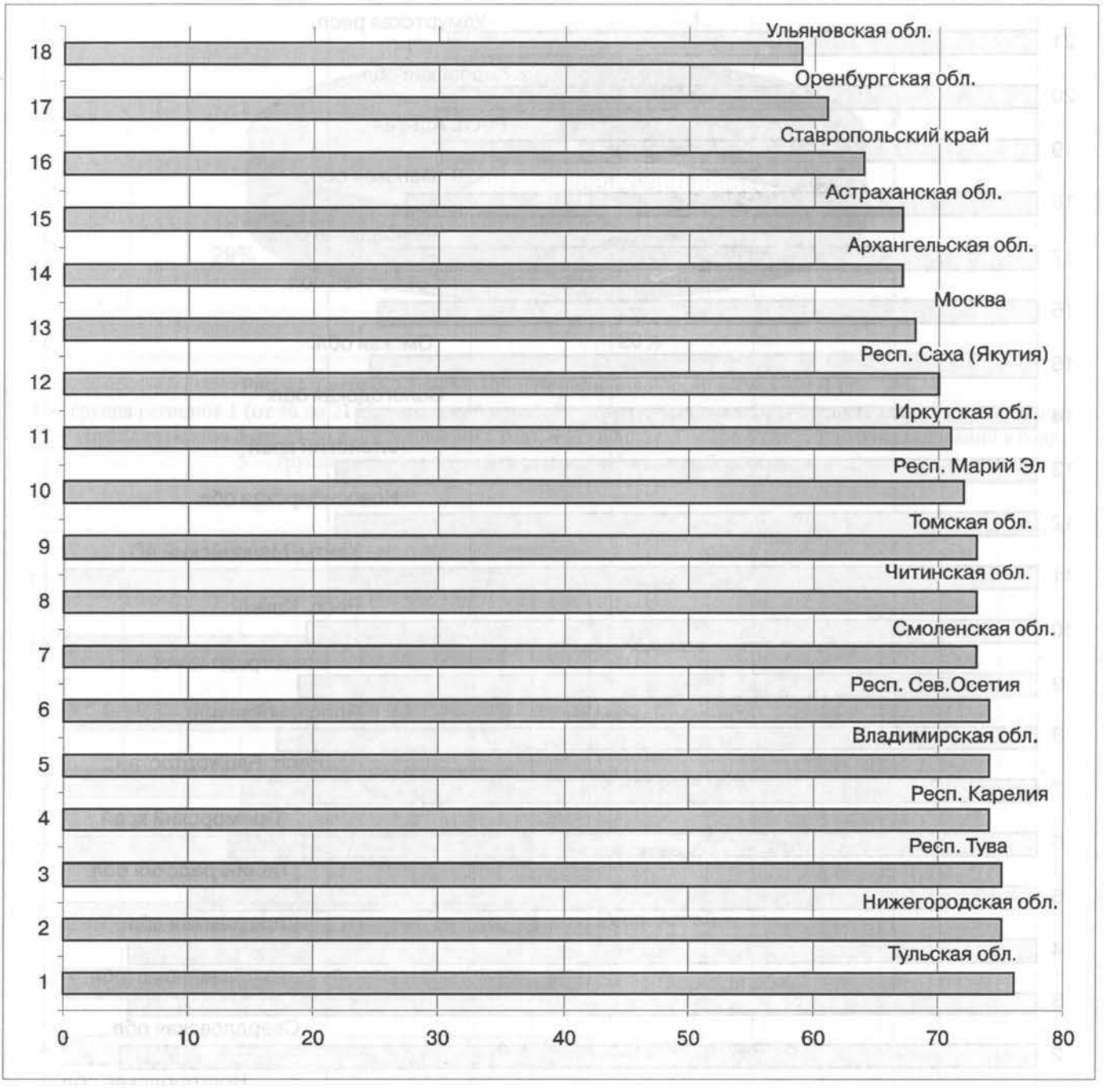

Рис. 54. 1985–1991. Группа регионов 3 (от 11 до 8 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

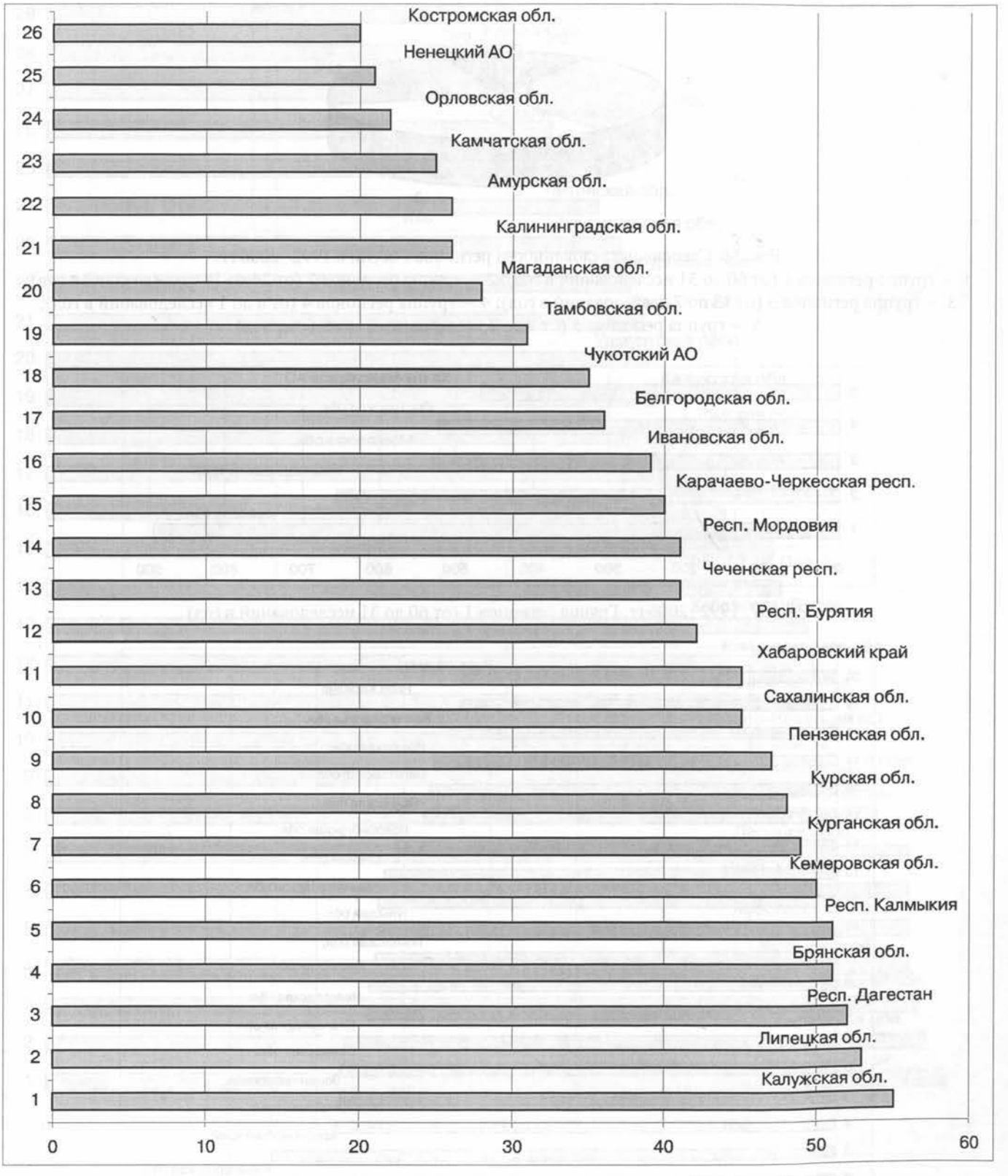

Рис. 55. 1985–1991 гг. Группа регионов 4 (от 7–8 до 3 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

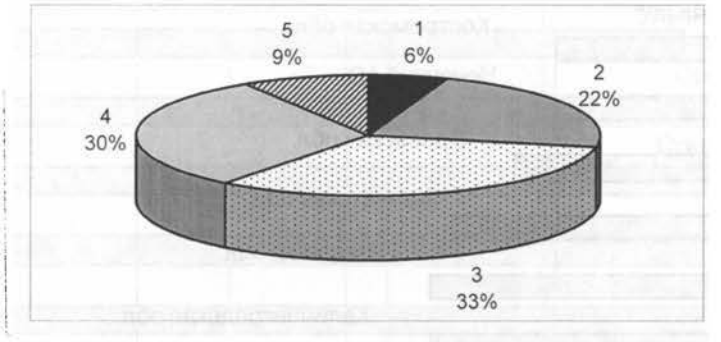

Рис. 56. Степень исследованности регионов России в 1992–2006 гг.
1 – группа регионов 1 (от 60 до 31 исследования в год); 2 – группа регионов 2 (от 24 до 14 исследований в год);
3 – группа регионов 3 (от 13 до 7 исследований в год); 4 – группа регионов 4 (от 6 до 1 исследований в год);
5 – группа регионов 5 (от 9 до 2 исследований за весь период)

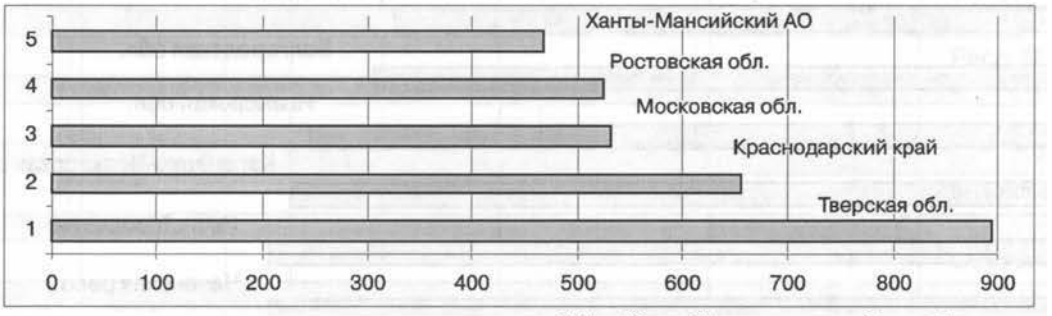

Рис. 57. 1992–2006 гг. Группа регионов 1 (от 60 до 31 исследований в год)

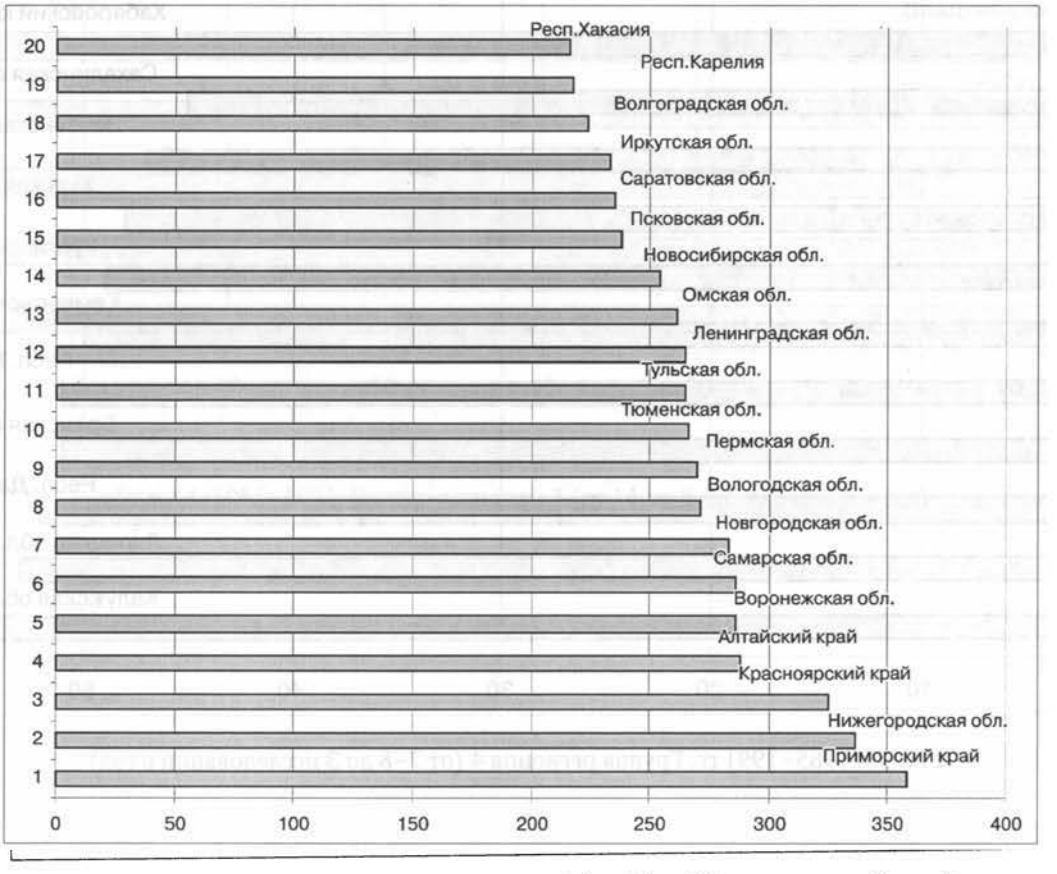

Рис. 58. 1991–2006 гг. Группа регионов 2 (от 24 до 14 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

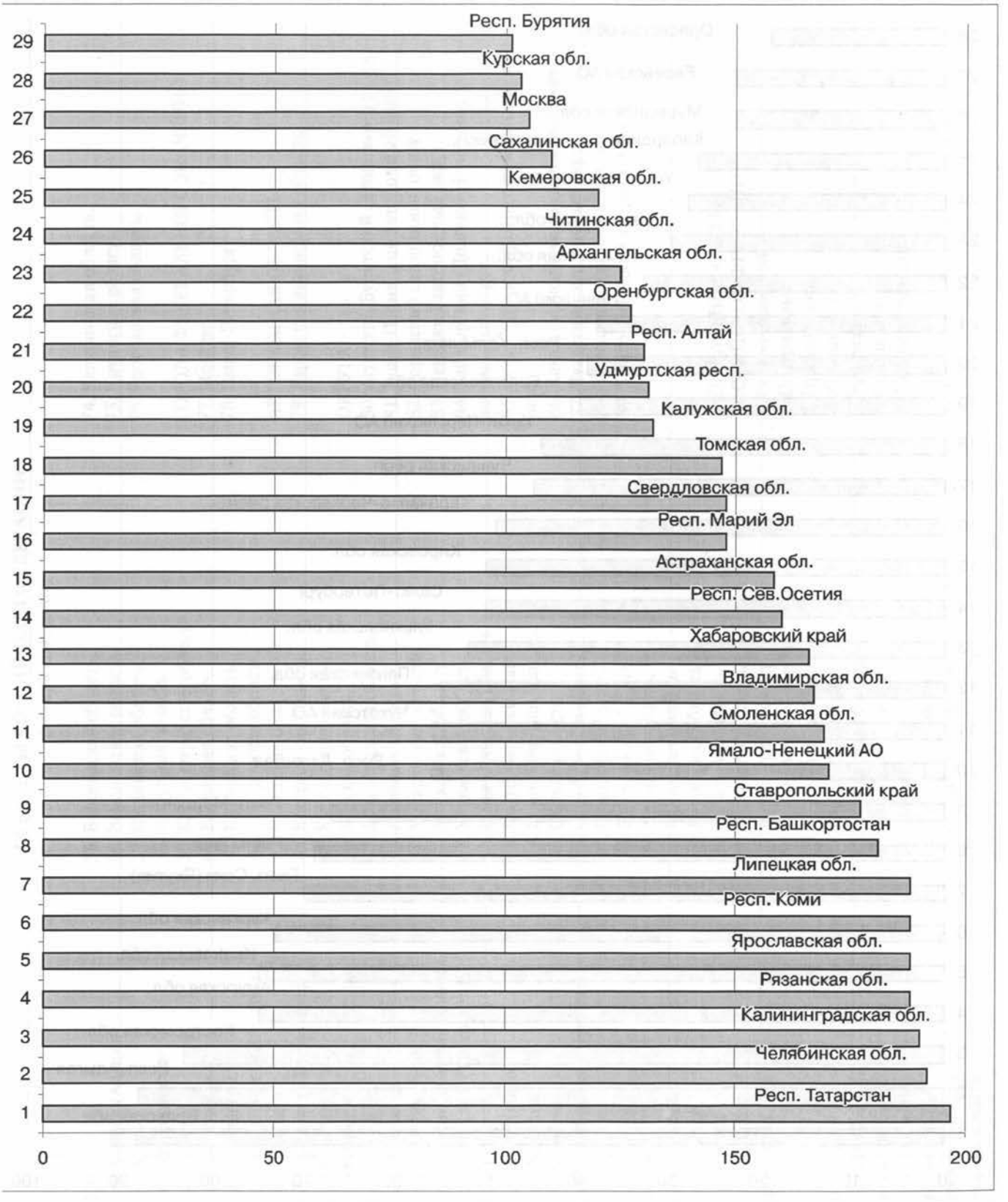

Рис. 59. 1991–2006 гг. Группа регионов 3 (от 13 до 7 исследований в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

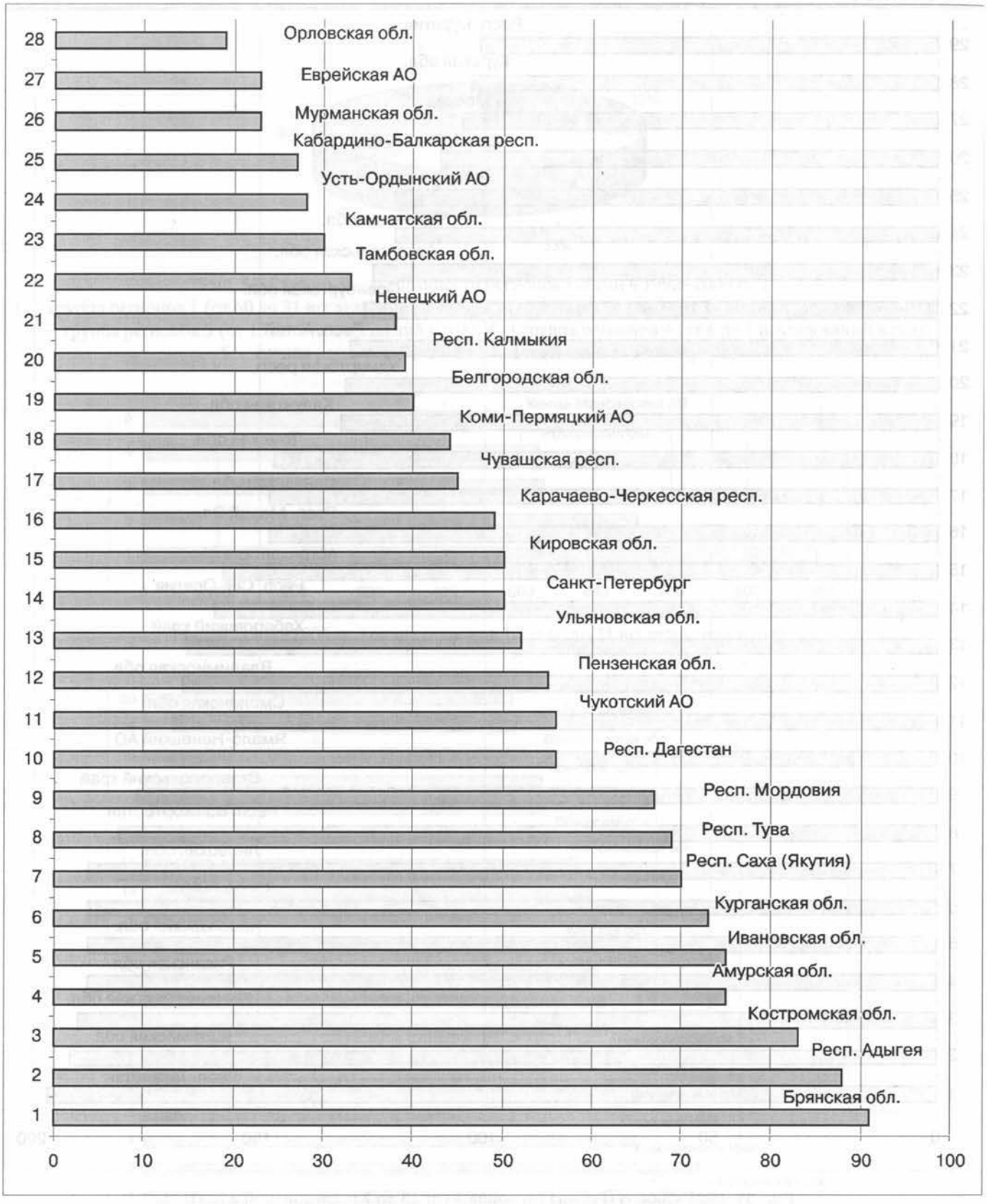

Рис. 60. 1992–2006 гг. Группа регионов 4 (от 6 до 1 исследования в год)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(номера на картах)

РЕСПУБЛИКИ
01. Республика Адыгея (Адыгея).
02. Республика Алтай.
03. Республика Башкортостан.
04. Республика Бурятия.
05. Республика Дагестан.
06. Республика Ингушетия.
07. Кабардино-Балкарская Республика.
08. Республика Калмыкия.
09. Карачаево-Черкесская Республика.
10. Республика Карелия.
11. Республика Коми.
12. Республика Марий Эл.
13. Республика Мордовия.
14. Республика Саха (Якутия).
15. Республика Северная Осетия Алания.
16. Республика Татарстан (Татарстан).
17. Республика Тува.
18. Удмуртская Республика.
19. Республика Хакасия.
20. Чеченская Республика.
21. Чувашская Республика — Чувашия.

КРАЯ
22. Алтайский край.
23. Краснодарский край.
24. Красноярский край.
25. Приморский край.
26. Ставропольский край.
27. Хабаровский край.

ОБЛАСТИ
28. Амурская область.
29. Архангельская область.
30. Астраханская область.
31. Белгородская область.
32. Брянская область.
33. Владимирская область.
34. Волгоградская область.
35. Вологодская область.
36. Воронежская область.
37. Ивановская область.
38. Иркутская область.
39. Калининградская область.
40. Калужская область.
41. Камчатская область.
42. Кемеровская область.
43. Кировская область.
44. Костромская область.
45. Курганская область.
46. Курская область.
47. Ленинградская область.
48. Липецкая область.
49. Магаданская область.
50. Московская область.
51. Мурманская область.
52. Нижегородская область.
53. Новгородская область.
54. Новосибирская область.
55. Омская область.
56. Оренбургская область.
57. Орловская область.
58. Пензенская область.
59. Пермская область.
60. Псковская область.
61. Ростовская область.
62. Рязанская область.
63. Самарская область.
64. Саратовская область.
65. Сахалинская область.
66. Свердловская область.
67. Смоленская область.
68. Тамбовская область.
69. Тверская область.
70. Томская область.
71. Тульская область.
72. Тюменская область.
73. Ульяновская область.
74. Челябинская область.
75. Читинская область.
76. Ярославская область.

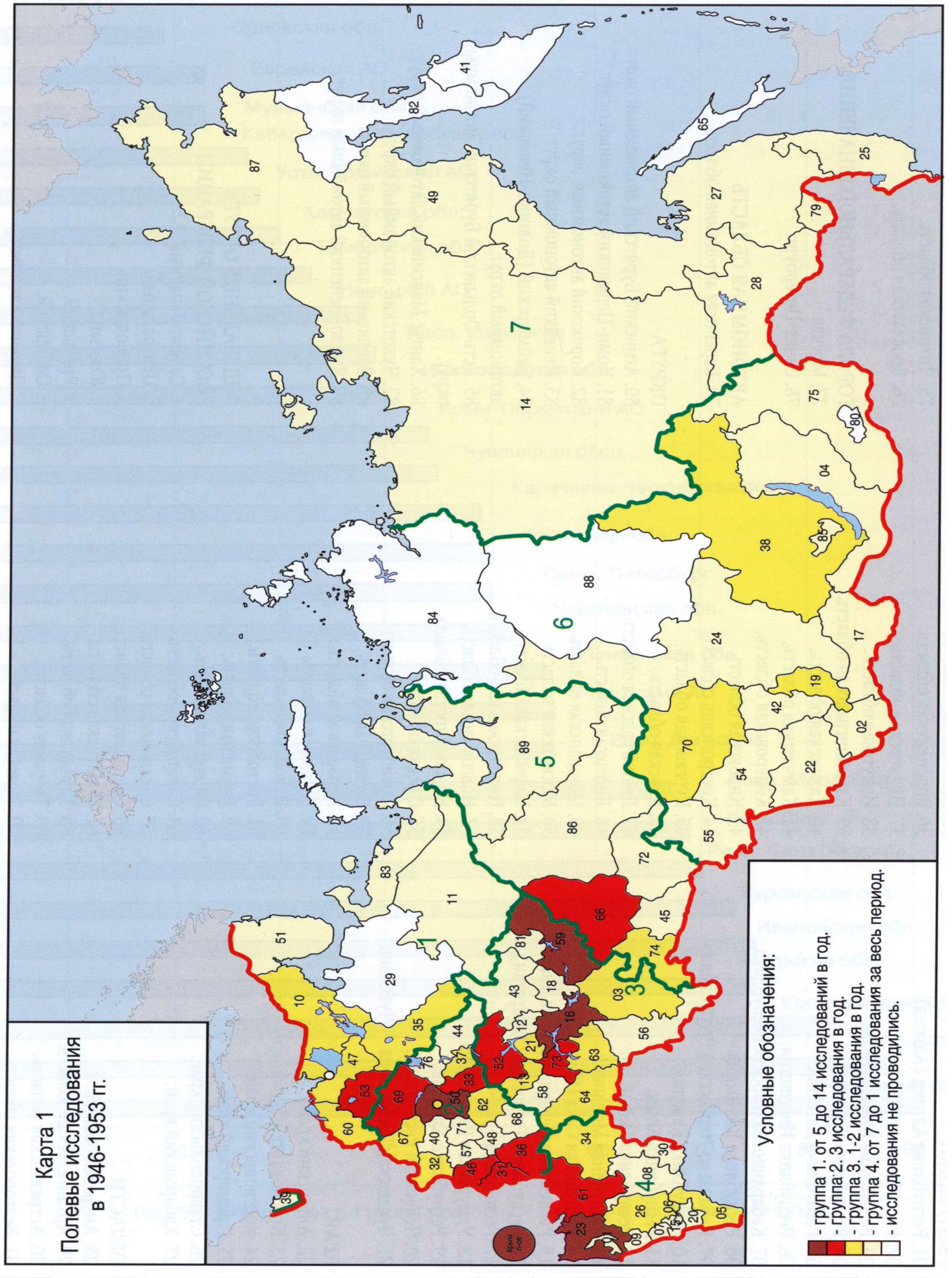
ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
77. Москва.
78. Санкт-Петербург.

АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ
79. Еврейская автономная область.

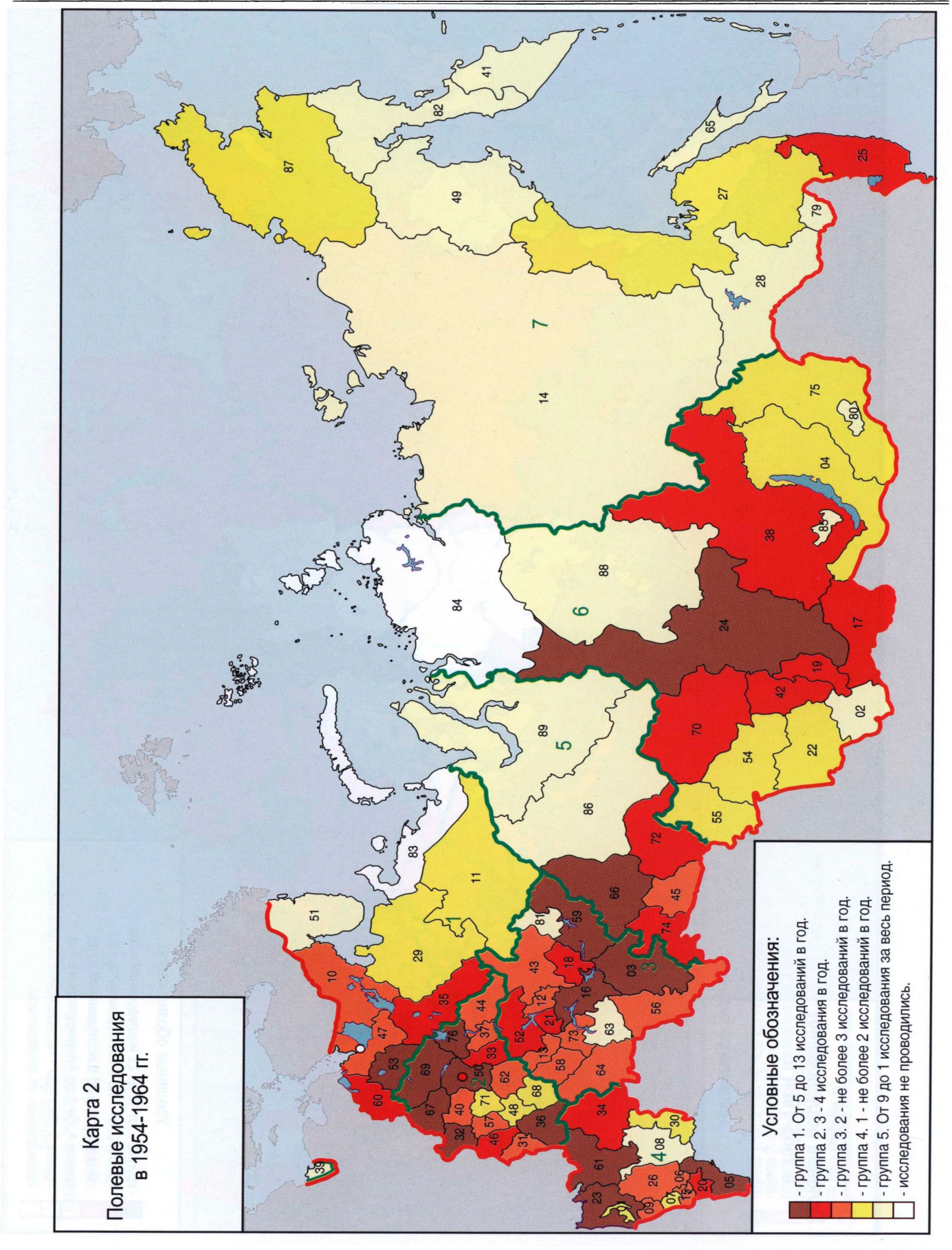
ОКРУГА
80. Агинский Бурятский автономный округ.
81. Коми-Пермяцкий автономный округ.
82. Корякский автономный округ.
83. Ненецкий автономный округ.
84. Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ.
85. Усть-Ордынский Бурятский автономный округ.
86. Ханты-Мансийский автономный округ.
87. Чукотский автономный округ.
88. Эвенкский автономный округ.
89. Ямало-Ненецкий автономный округ.

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
1. Северо-Западный.
2. Центральный.
3. Приволжский.
4. Южный.
5. Уральский.
6. Сибирский.
7. Дальневосточный.

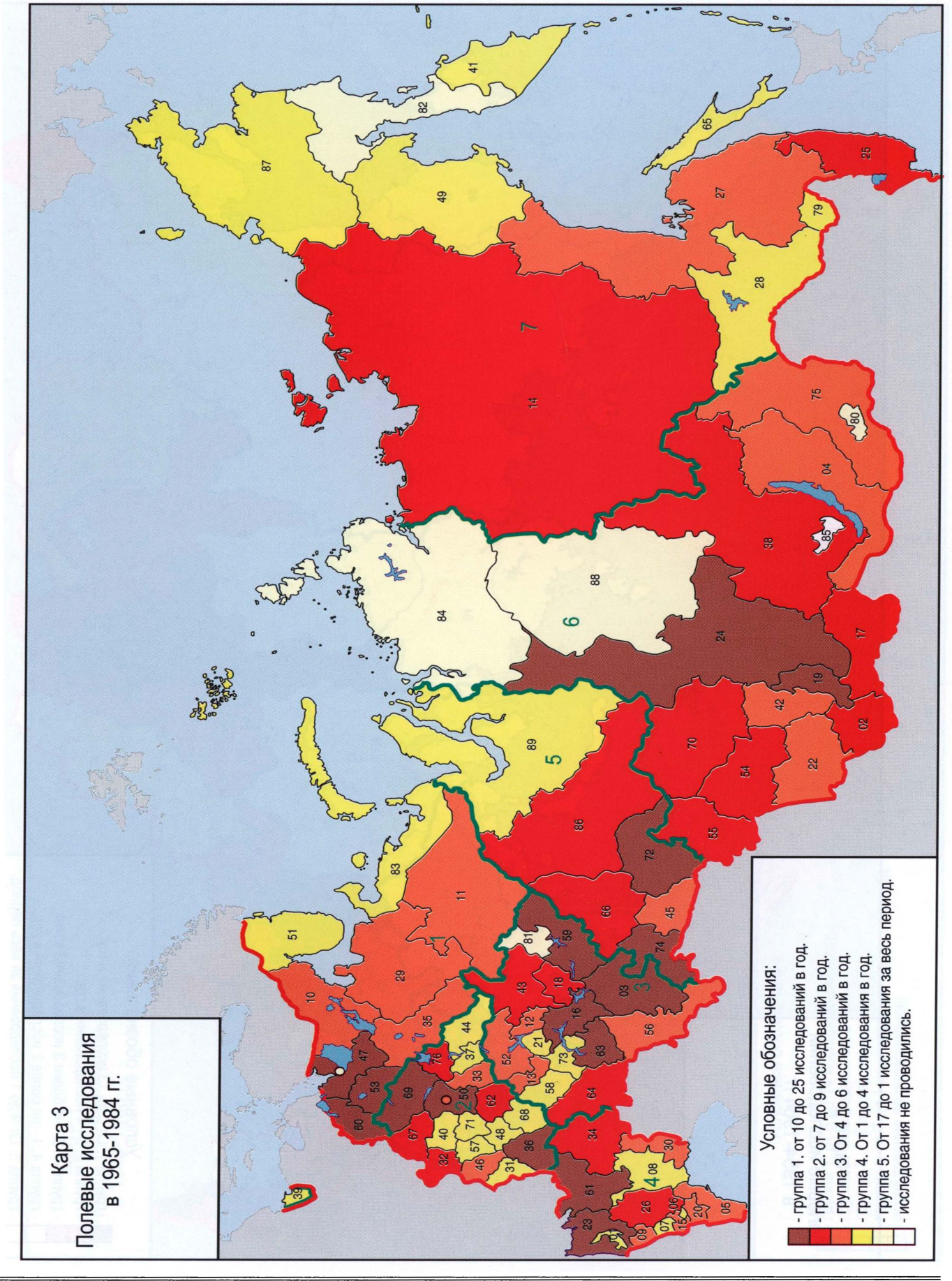
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

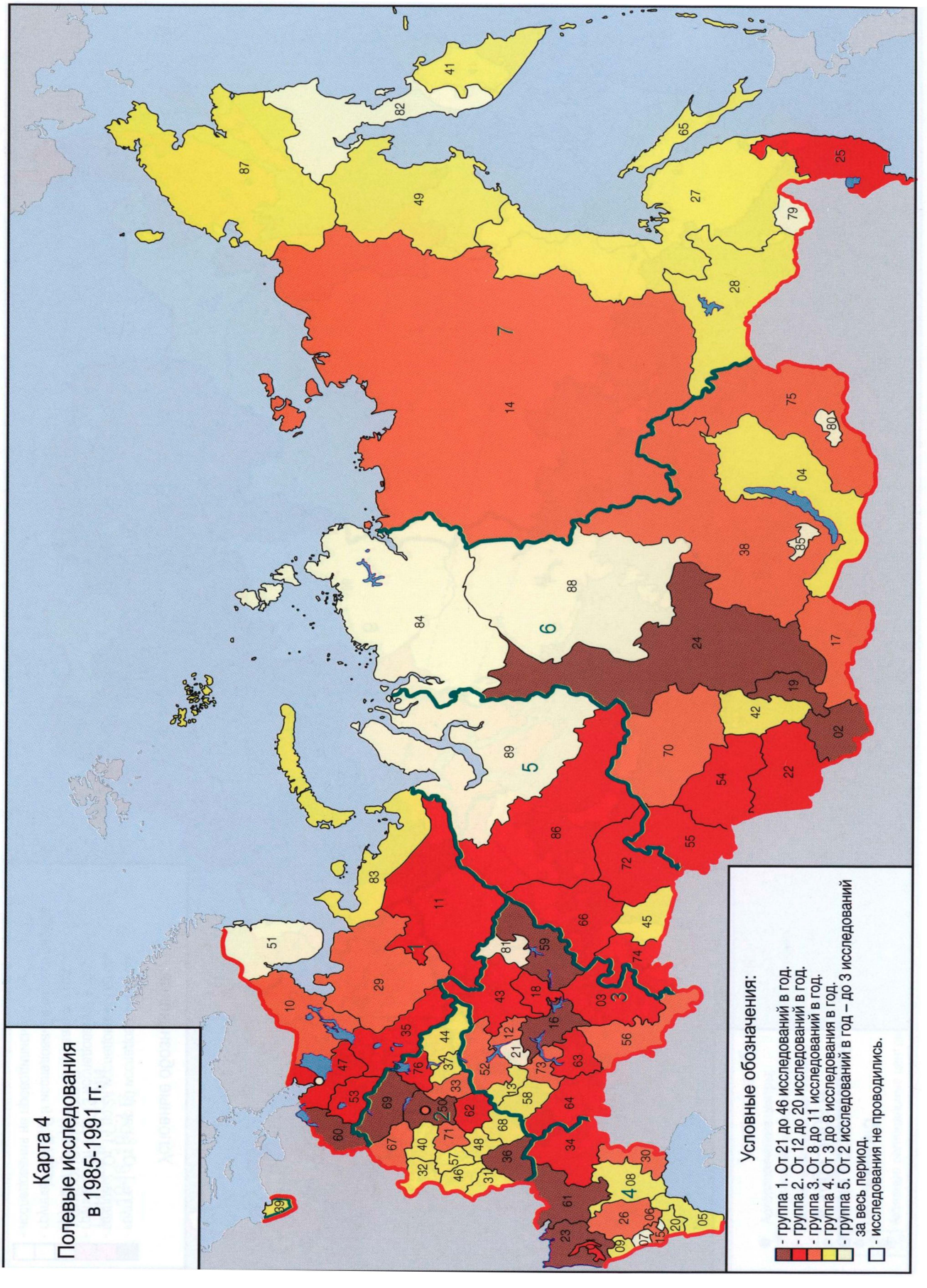
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

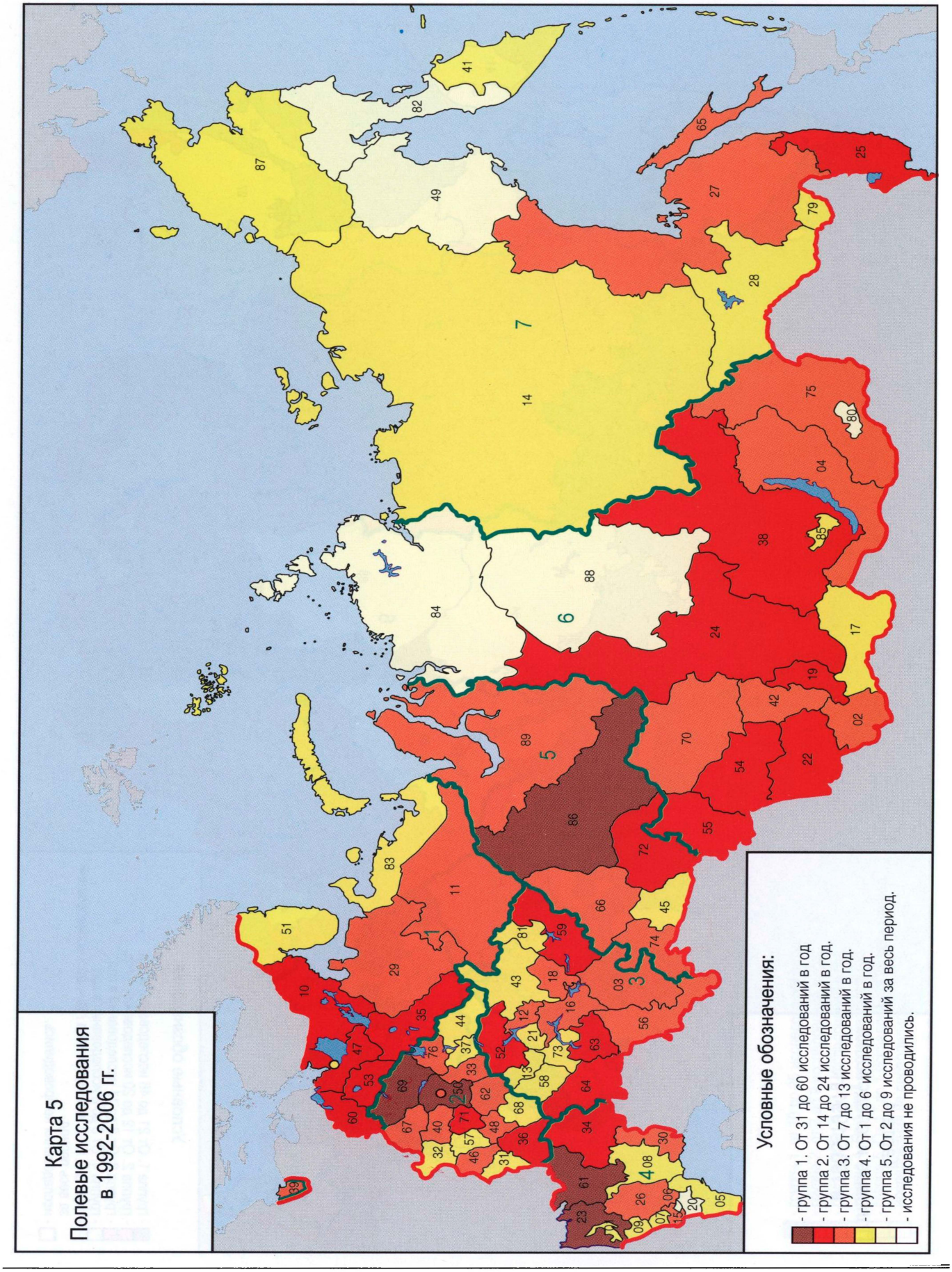
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

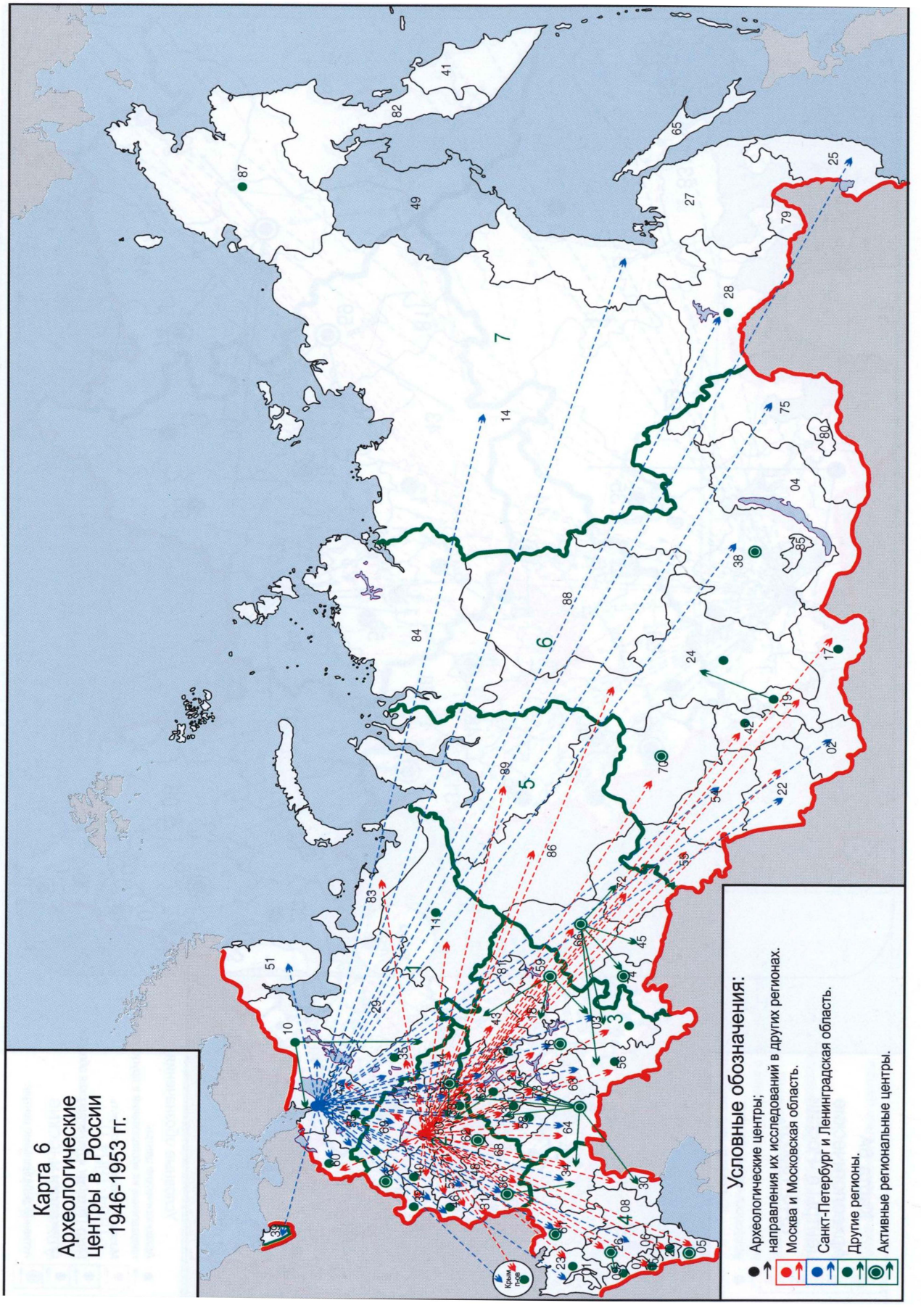
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

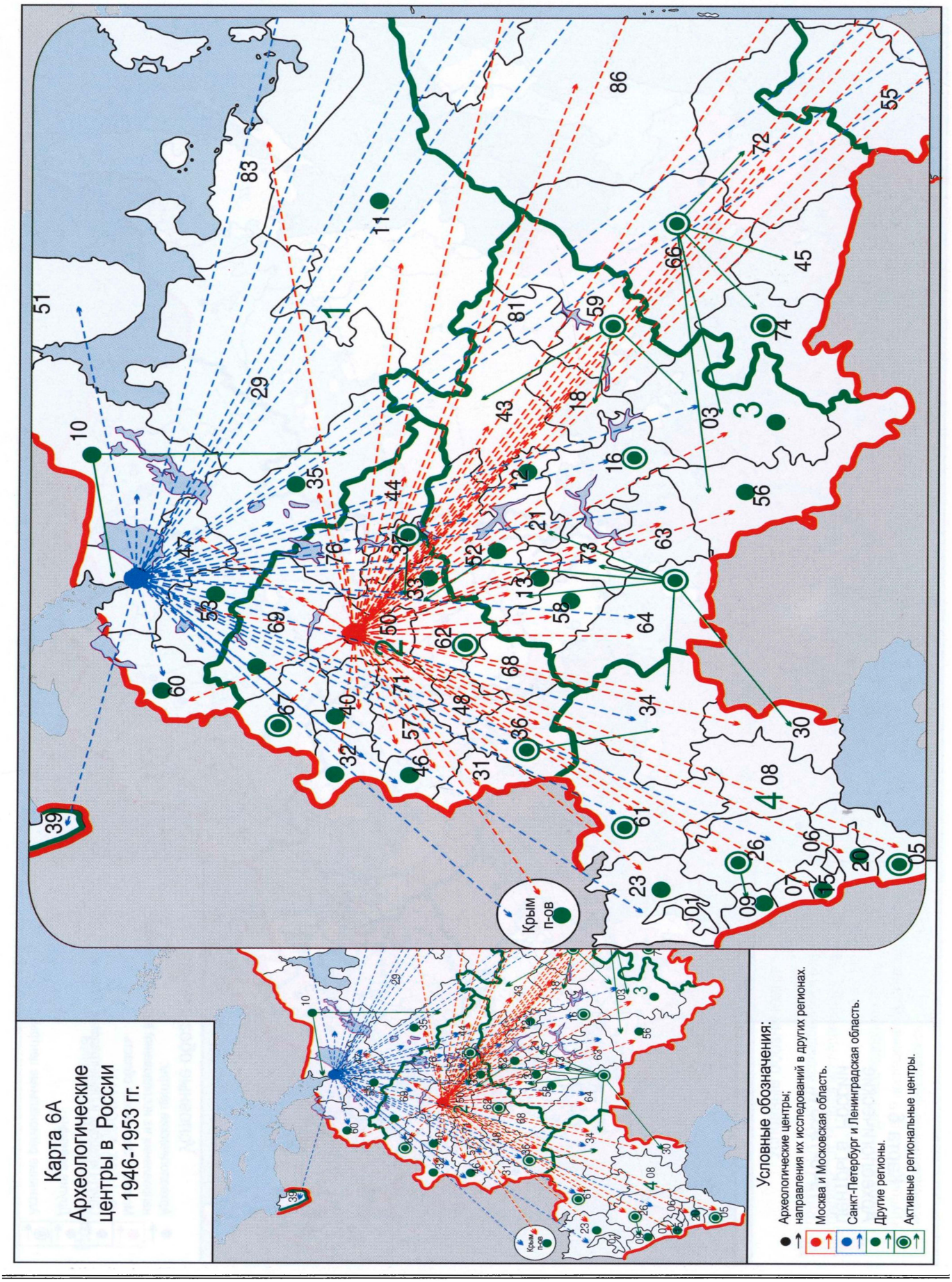
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

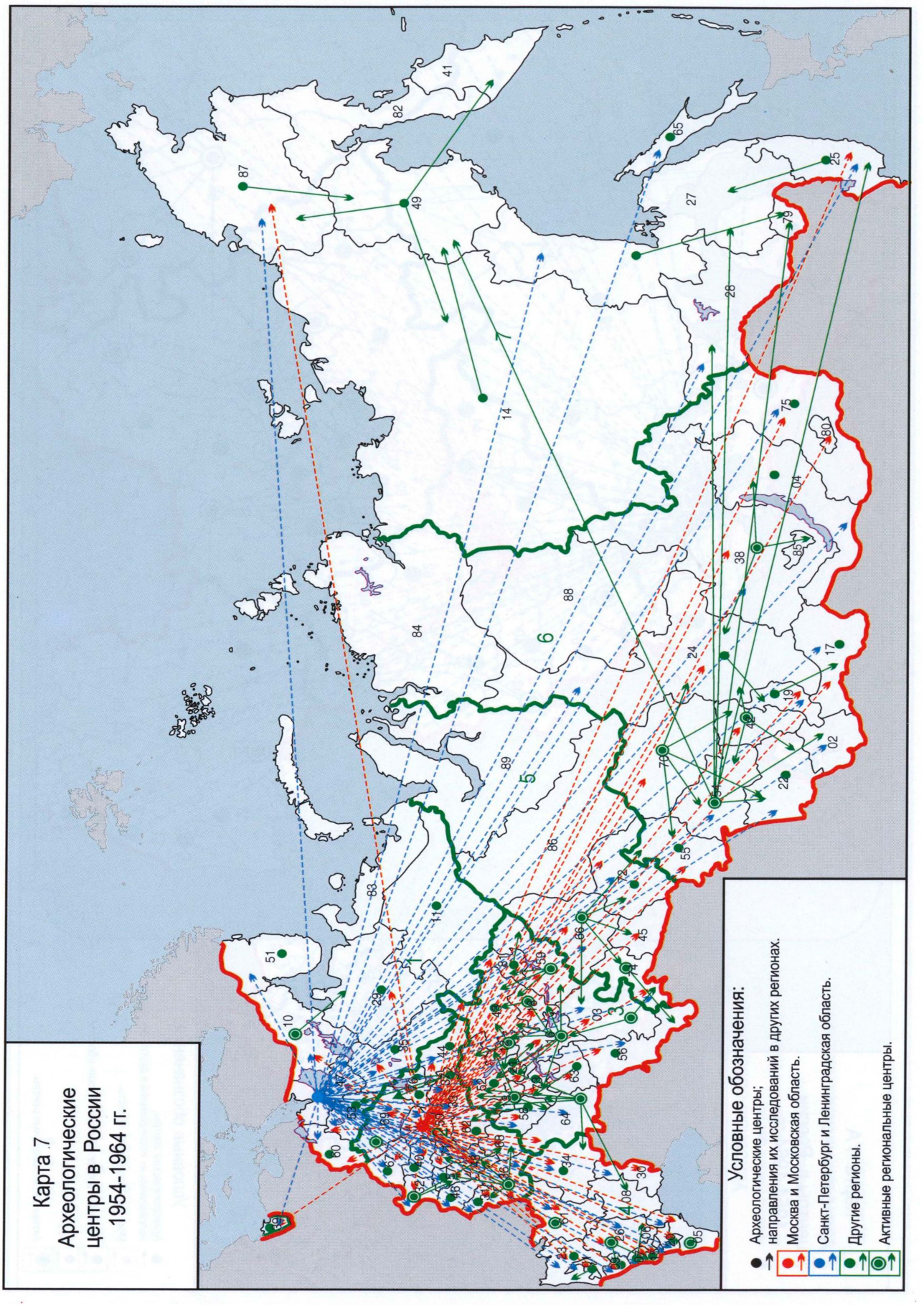
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

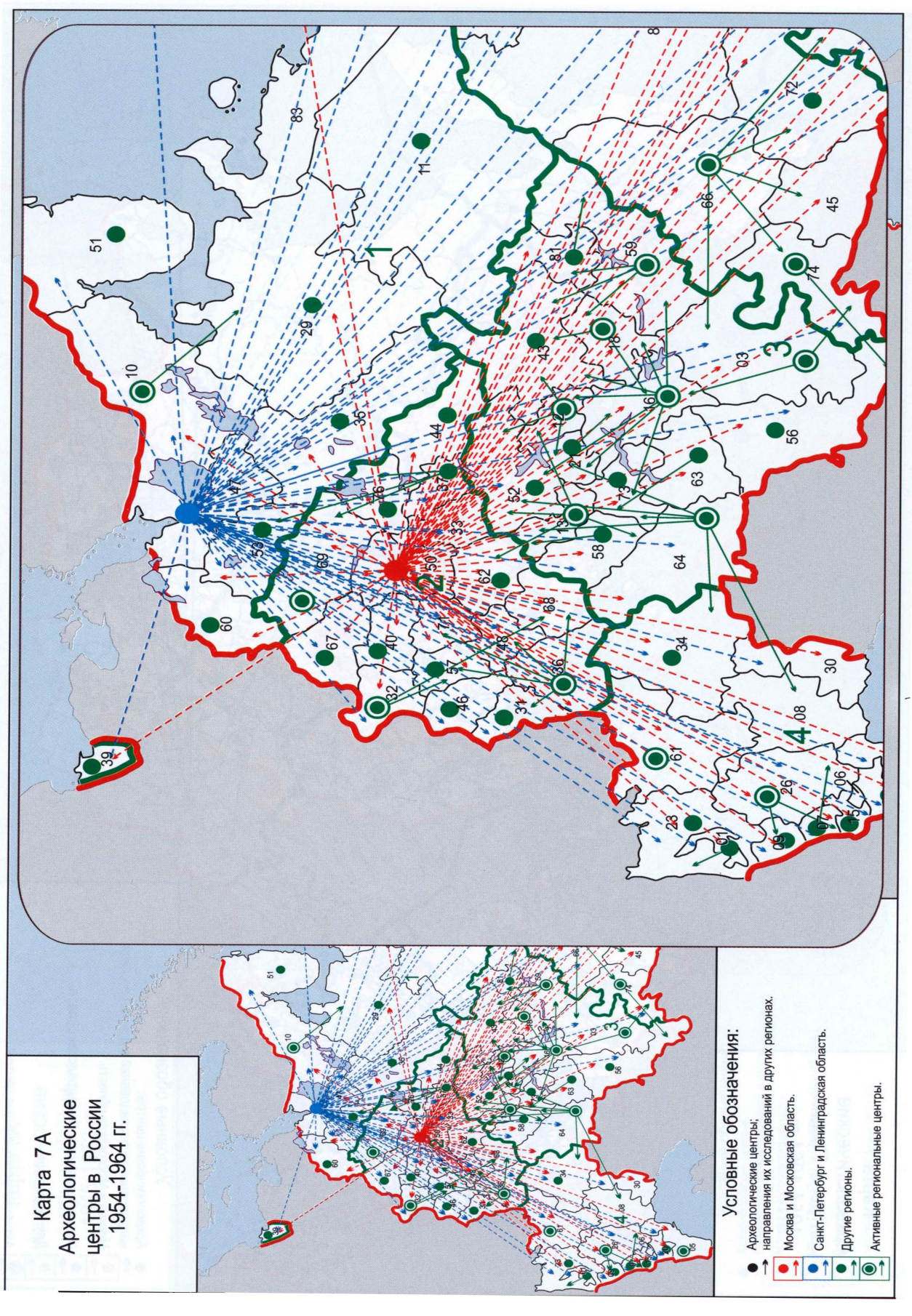
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

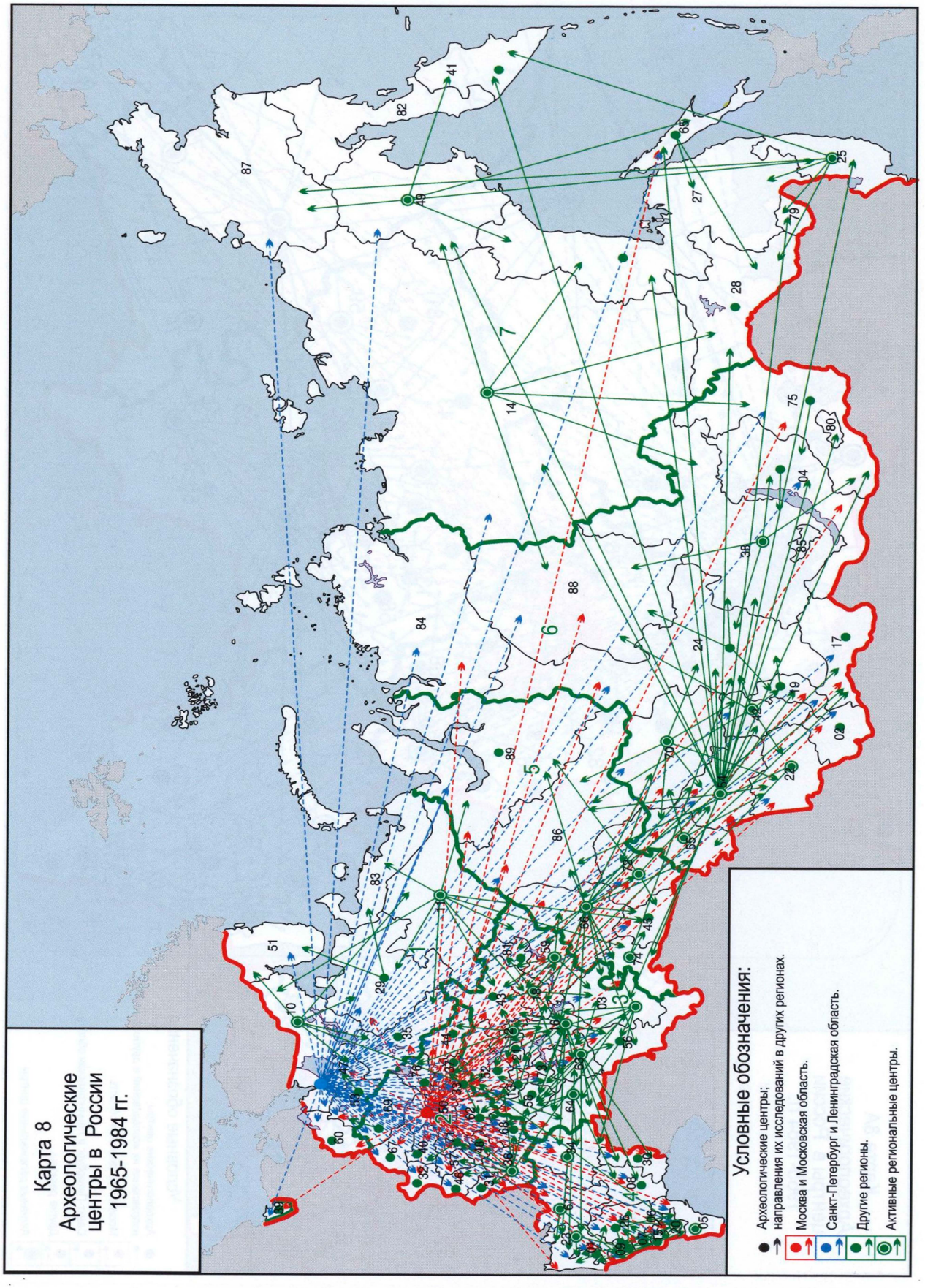
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

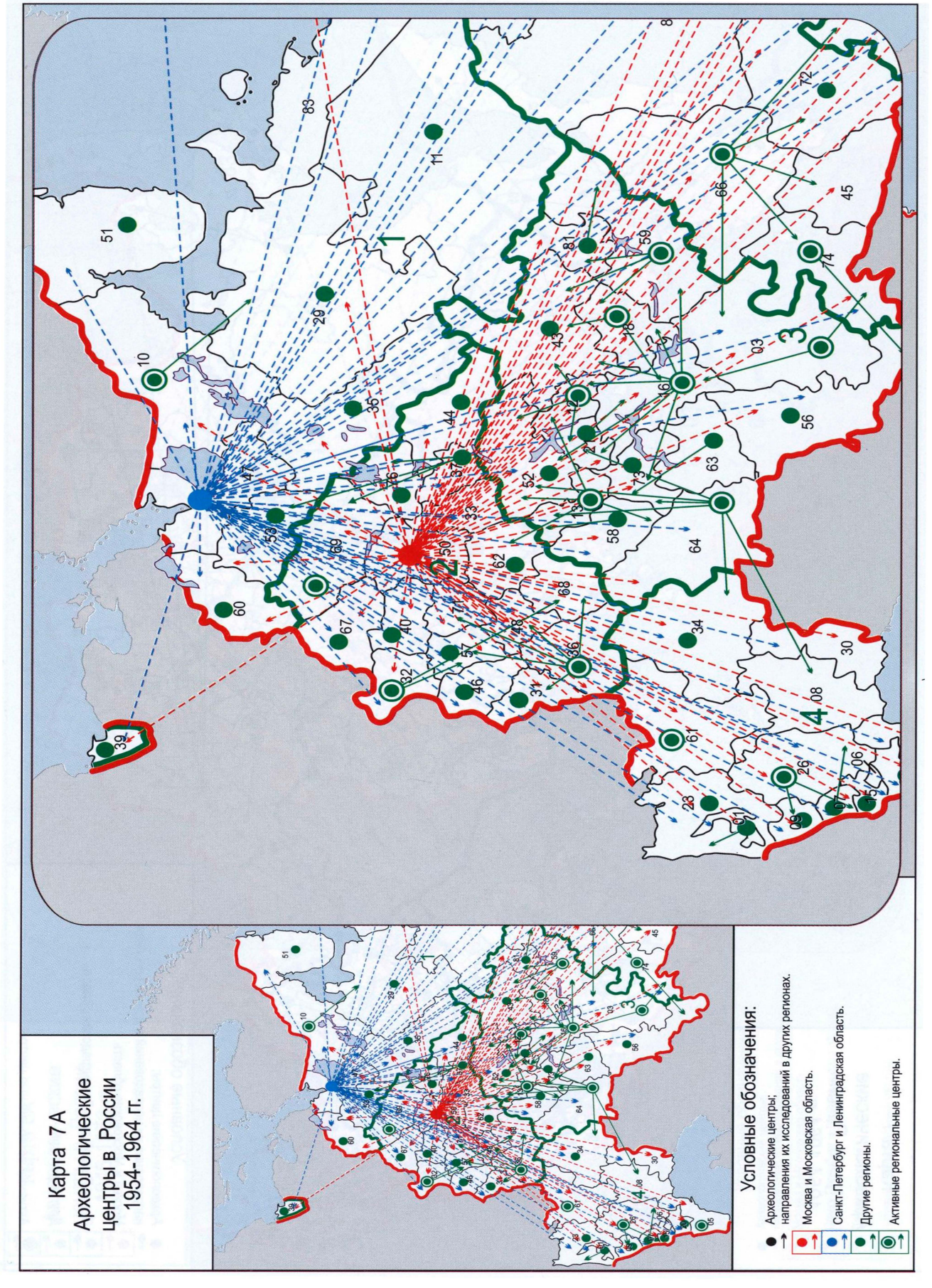
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

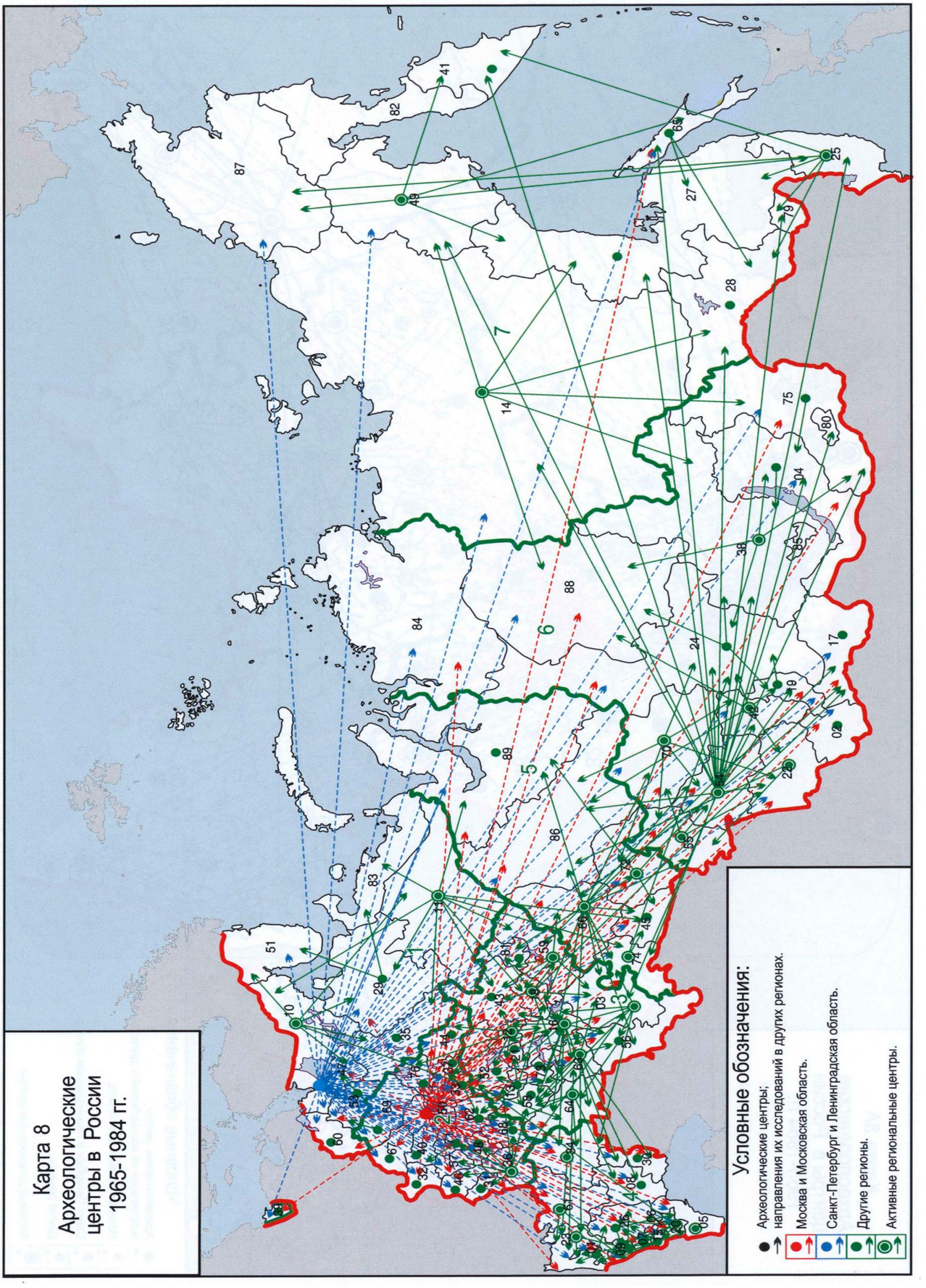
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

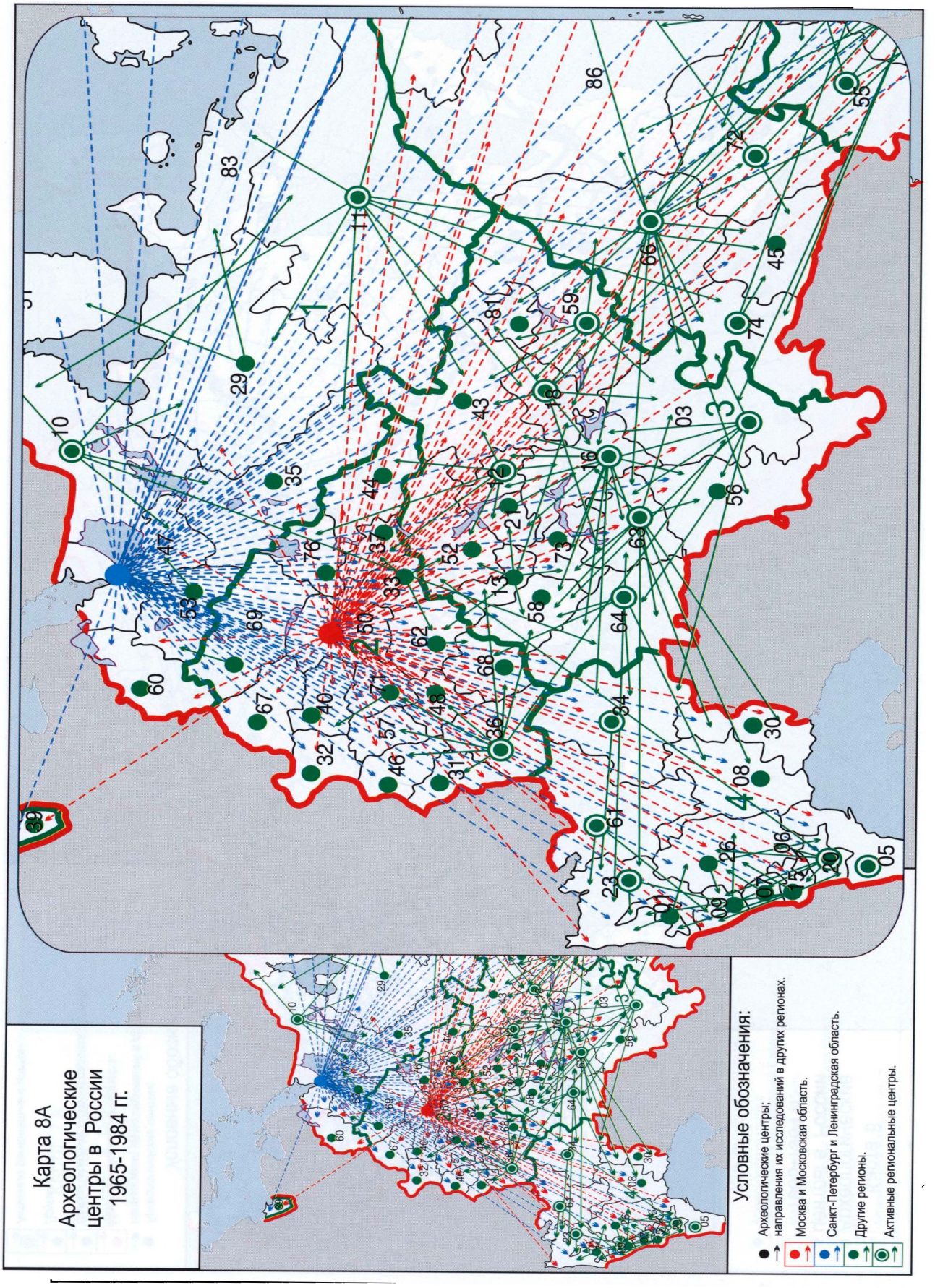
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

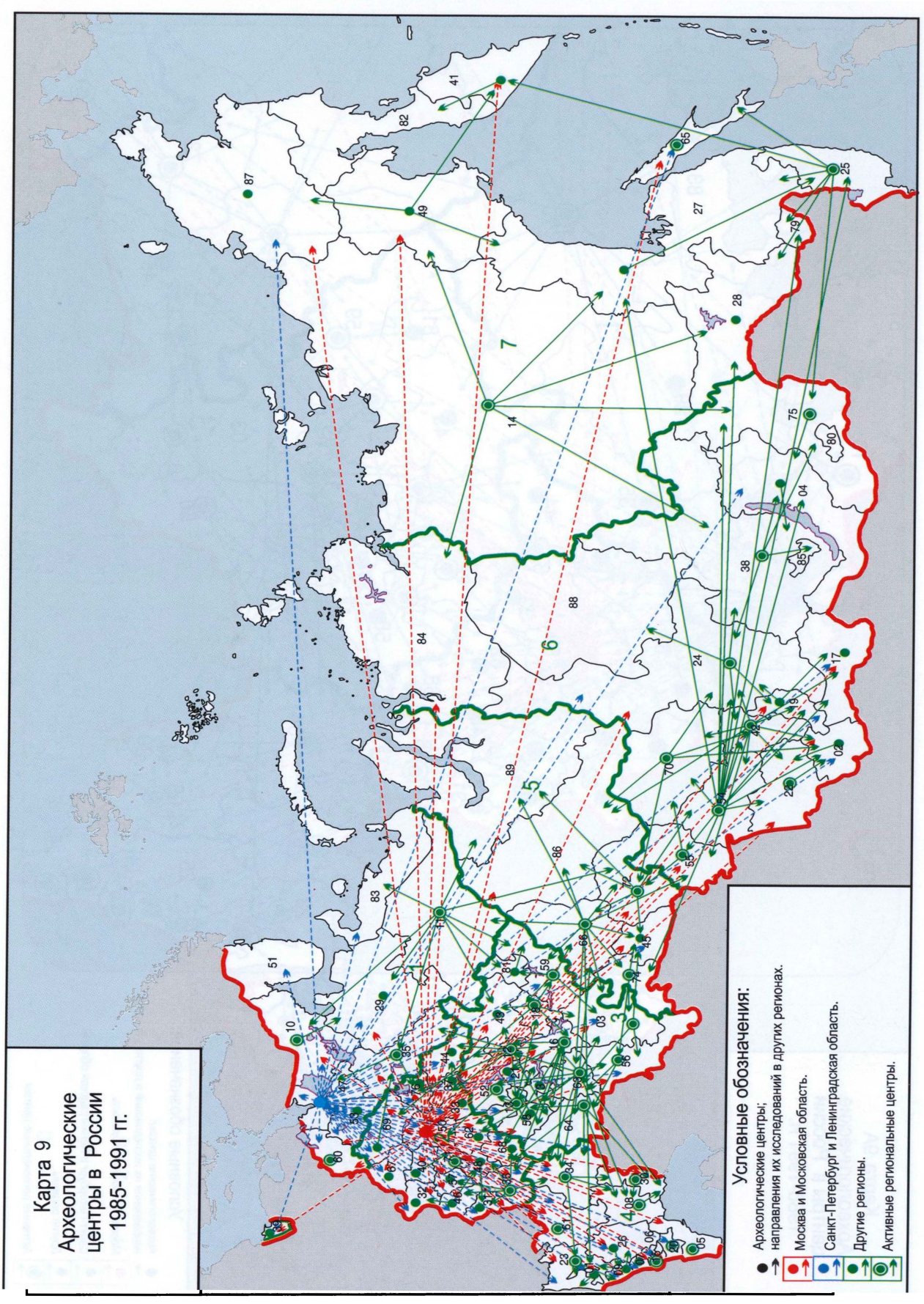
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

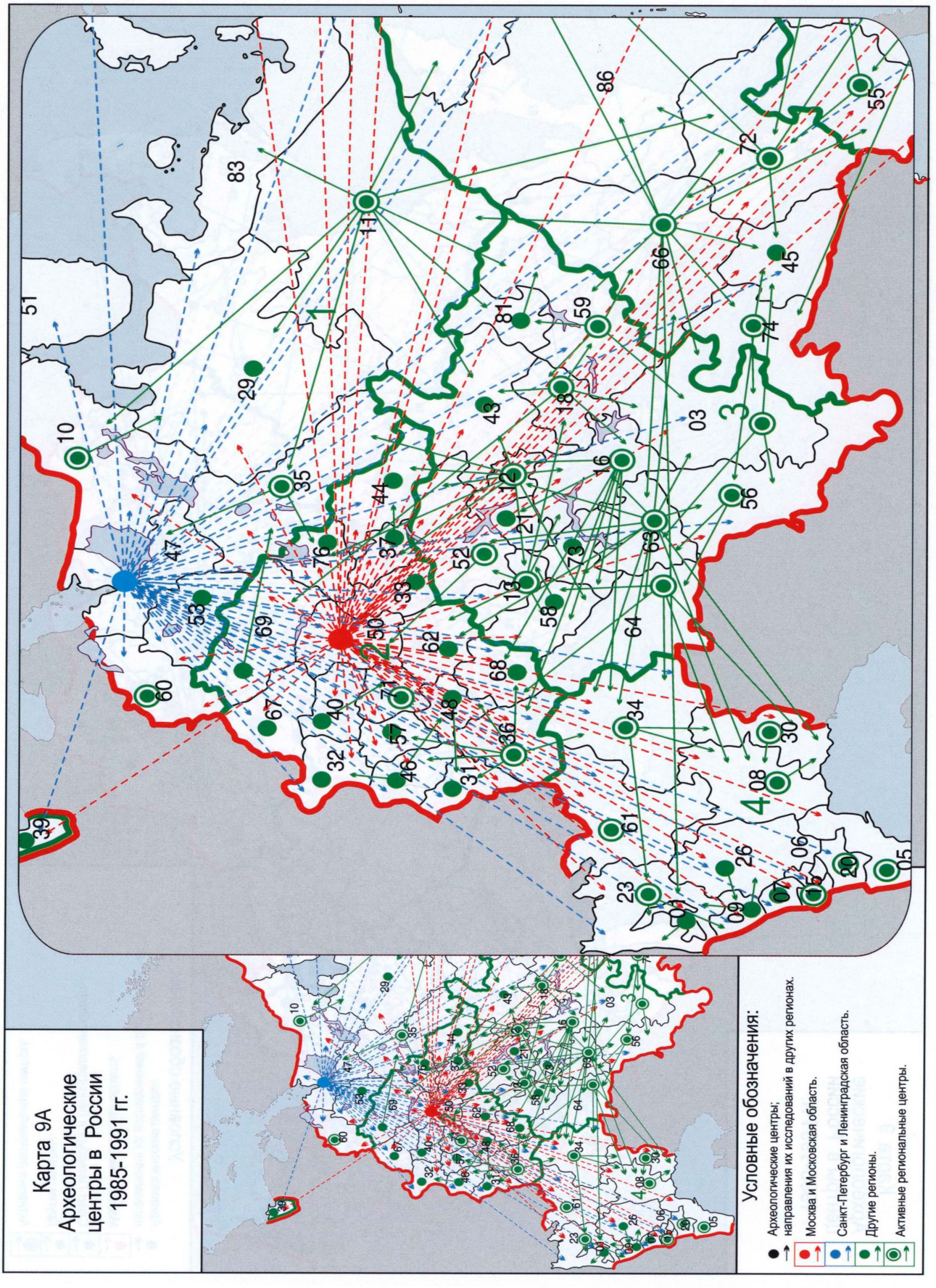
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

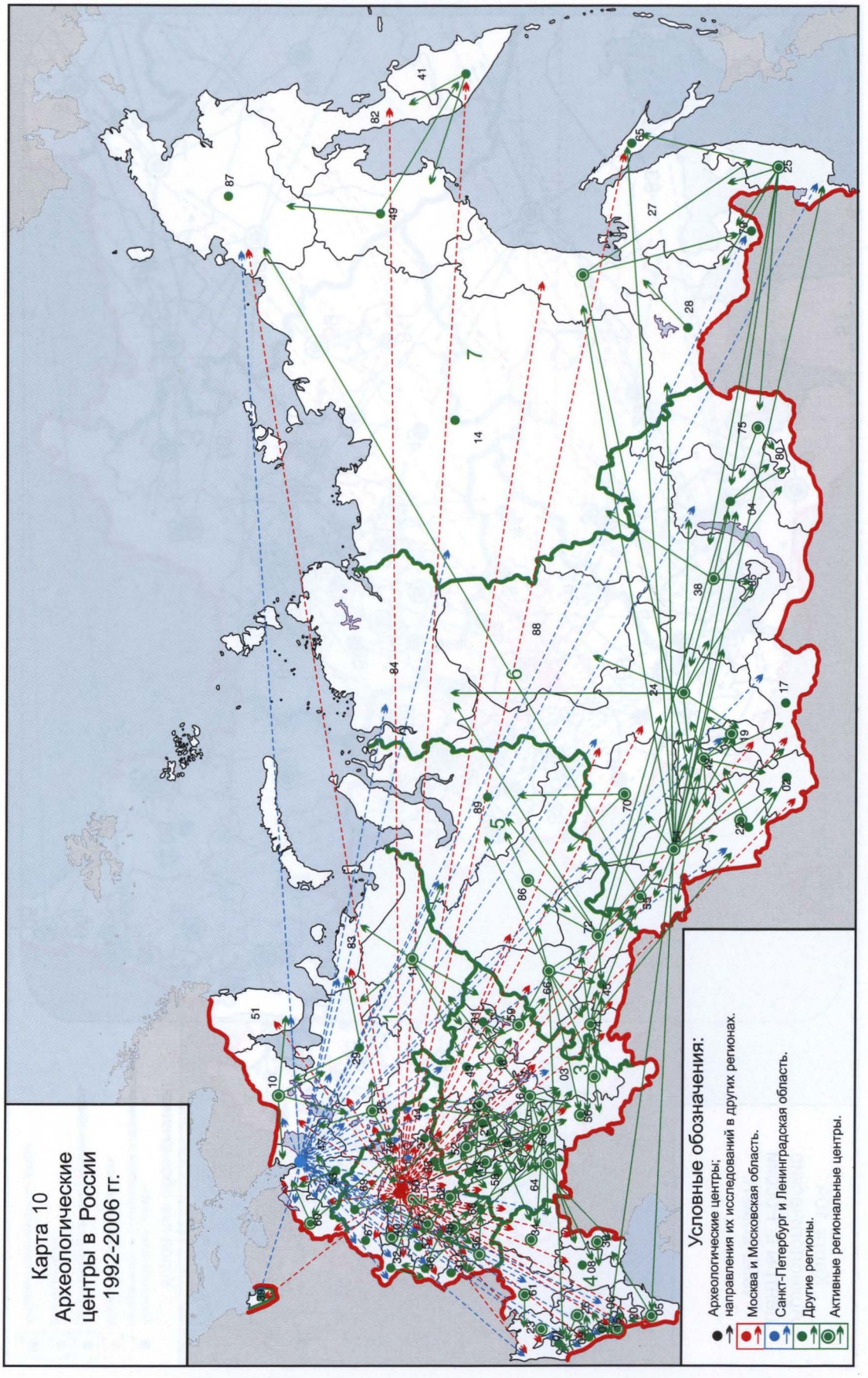
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

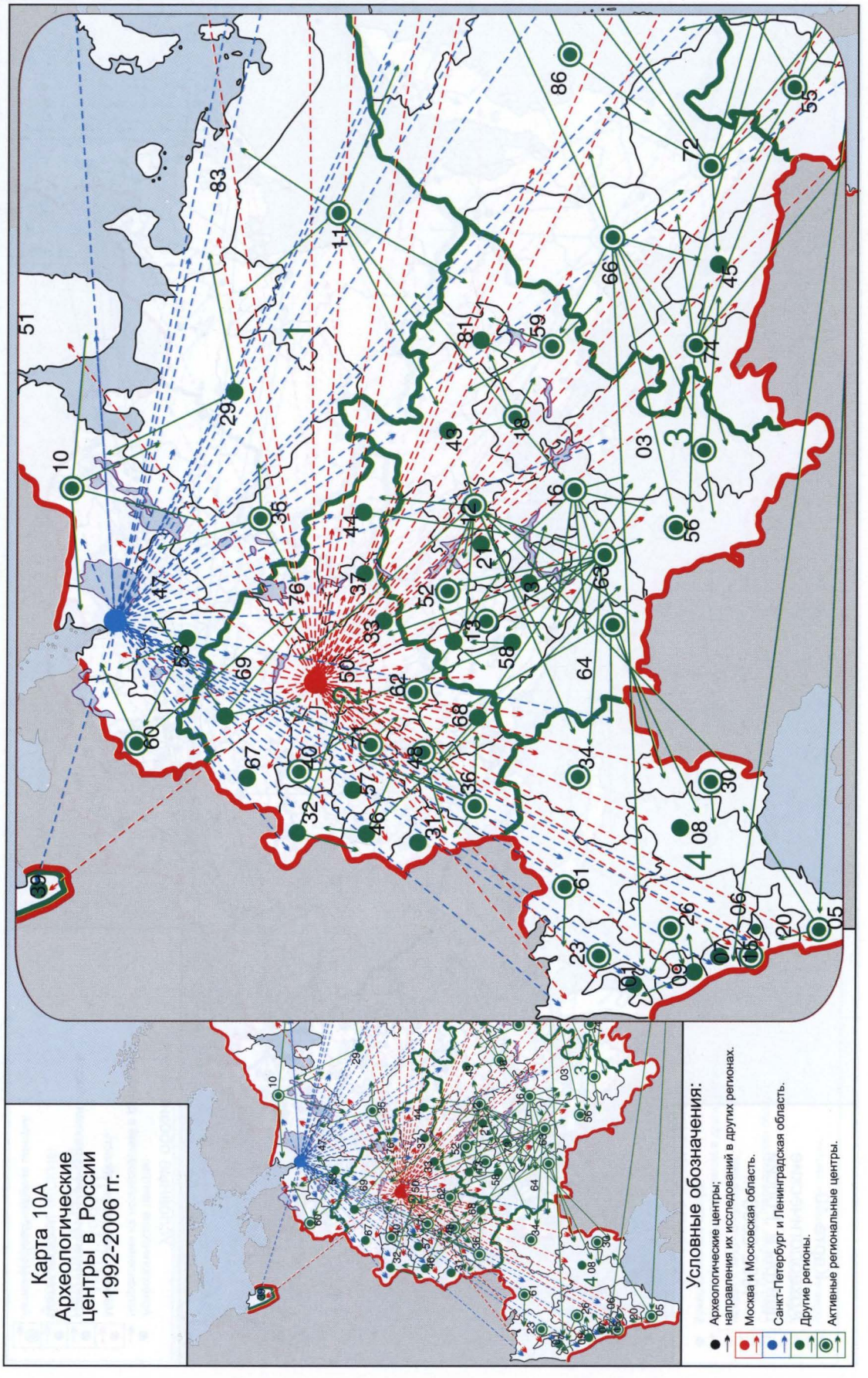
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib